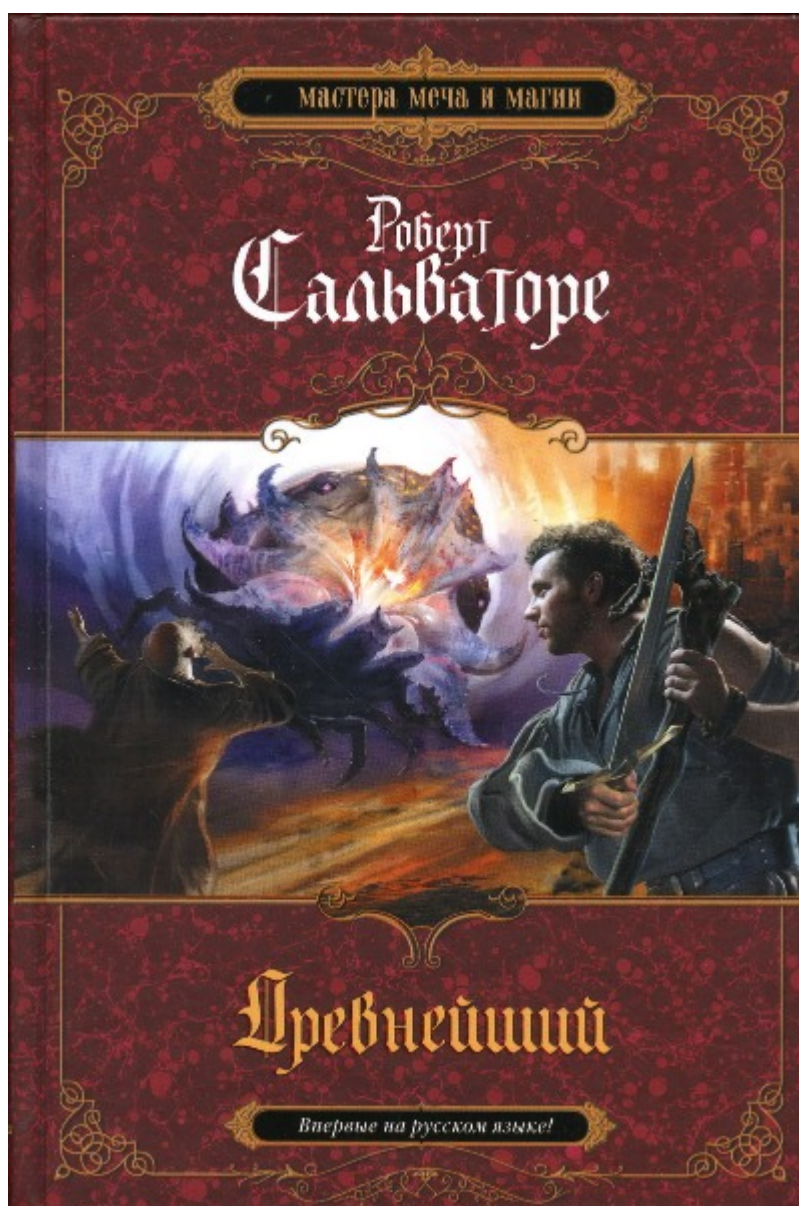

Роберт Энтони Сальваторе Древнейший

Сага о Первом Короле – 2

: Alex1979; OCR & ReadCheck: J_Blood <http://oldmaglib.com>
«Роберт Сальваторе «Древнейший»»: Эксмо, Домино; Москва, СПб; 2010
ISBN 978-5-699-44792-3

Аннотация

В этом мире все воюют против всех. Люди, гномы и тролли сходятся в отчаянных битвах. Светские владыки и религиозные фанатики не жалеют чужих жизней. Но самое страшное, поистине беспредельное зло несет старец Бедден, скармливающий своих пленников гигантскому червю, что живет в ледяных тоннелях.

Брансен Гарибонд, прозванный Разбойником за прежние лихие дела, не по своей воле вступает в единоборство с Древнейшим.

Но идет до конца.

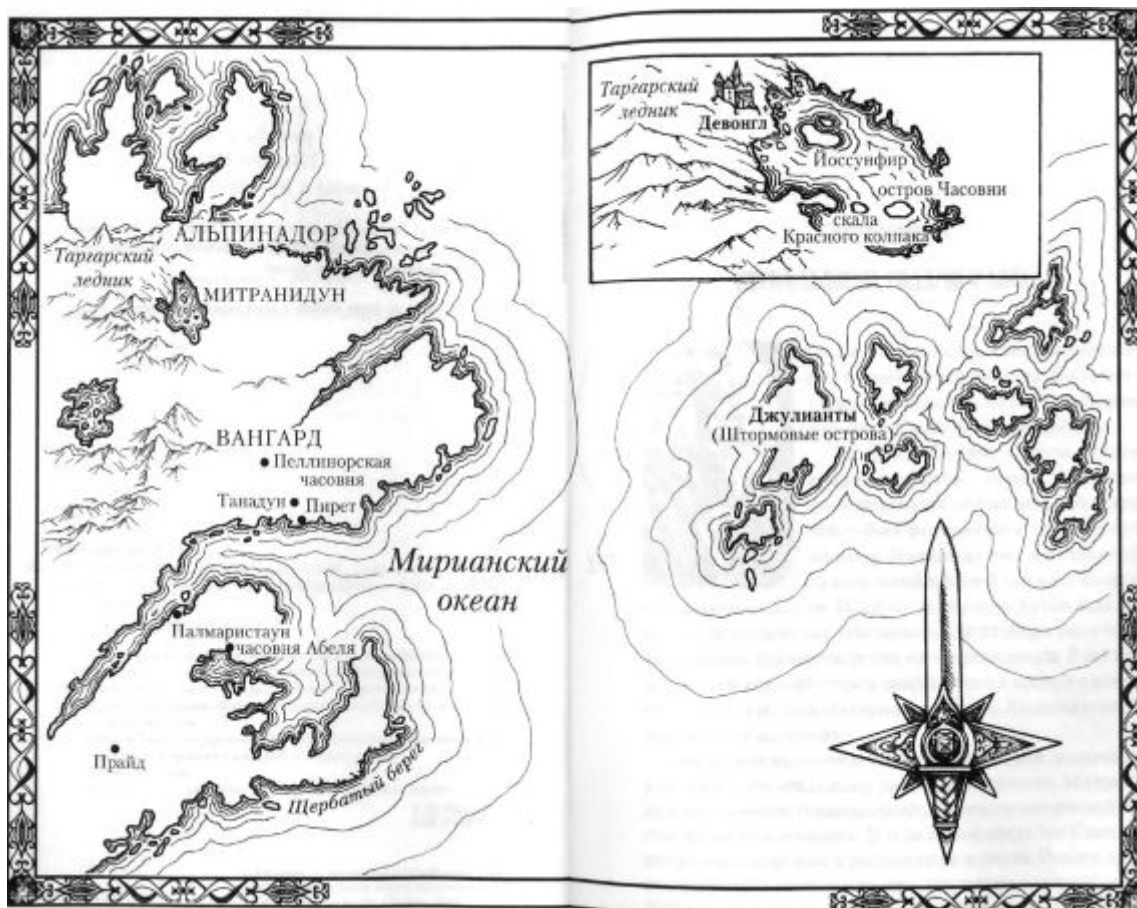
Впервые на русском языке от автора «Саги о Темном эльфе».

Роберт Сальваторе «Древнейший»

Кто я? Раньше я думал, что знаю. Ответ был столь очевиден, что я ни разу не потруился задать себе этот вопрос, по крайней мере, так прямо...

...Кто я?

Что за душа живет в моей окрепшей плоти?

Вступление НЕСКОЛЬКИМИ ГОДАМИ РАНЕЕ...

Он шел по глянцу ледника, известного под именем Колдринского. Был обут в открытые сандалии, но холод не причинял ему ни малейшего неудобства.

Звали его Бедден. Старец Бедден, вождь самхаистов — народа, проникшего в тайны магии глубже, чем любой другой, — был величайшим среди своего племени. Ни одно живое существо не обладало такой прочной связью с колдовскими силами, как он. Поэтому даже сотни футов льда под ногами не мешали ему чувствовать, как из земли бьют горячие родники. Именно ради них маг и пришел сюда. В тот миг, когда самхаистский старец приблизился к краю ледника и его взору открылись обширные просторы Альпинадора, он задрожал от волнения.

Бедден еще не успел заглянуть вниз, за край ледника, но уже понял, что его поиски увенчались успехом. Митранидун, мистическое туманное озеро, источник вселенской магии, хранитель вечности. В этом самом месте бог Самх покинул мир смертных и растворился в земле. Бедден и его последователи верили в то, что сама смерть служит Самху. Когда придет время, она призвет души людей на суровый суд этого бога, не знающего снисхождения к человеческой глупости.

Было ясное утро. Стоило Беддену бросить взгляд вниз, как у него перехватило дыхание. Справиться с собой ему удалось не сразу. В низине раскинулось озеро, укутанное теплой пеленой. Оно было огромным, около двадцати миль длиной и в половину того шириной.

Митранидун.

Старик улыбнулся этой редкостной красоте. Он отыскал самое священное место самхаистов и источник величайшей магической силы как раз вовремя — когда на юге в Вангарде вспыхнула его война с абелийцами.

— Госпожа Гвидра, вы совершили большую ошибку, выбрав себе в возлюбленные абелийца, — сказал он на прощание предводительнице Вангарда и тихо рассмеялся.

Но в его мужественном голосе не было и намека на старческое дребезжание, хотя с тех пор, как колдун появился на свет, прошло много десятилетий. Почти все люди, знавшие Беддена, точнее сказать, располагавшие хоть какой-то информацией о нем, ибо мало кто мог похвастаться личным знакомством с магом, полагали, что ему шел девятый десяток.

Старец окинул округу внимательным взором. Теперь, обнаружив местонахождение Митранидуна, он очень остро чувствовал силу озера. Митранидун оказался сильнее ледника, и его мощь пропитала вечные льды.

«Подходящее место», — заключил маг.

Двигаясь вверх по леднику, можно без труда добраться до горных перевалов, дорог, ведущих на юг, в Вангард. Выгодное расположение обеспечит надежную защиту от любых неприятельских набегов, хотя Бедден прекрасно понимал, что ни одна вражеская армия не рискнет подобраться к нему, тем более здесь, где озеро питает его своей силой.

— Митранидун!..

Старик произнес это слово с таким благоговением, словно беглого взгляда на озеро было достаточно для того, чтобы придать смысл всей жизни и шестидесяти годам служения жрецом самхаистов, но тотчас же почувствовал, что этого мало, и устремил взор в небо.

— Эй ты! — крикнул старец и махнул ворону, кружившему вдалеке.

Птица не могла не повиноваться его зову. Она развернулась, камнем упала с высоты, в последний момент расправила крылья и мягко опустилась на вытянутую руку старца.

— Я хочу заглянуть под пелену, — шепнул он, смежил веки и движением руки успокоил птицу. — Лети к расщелине Самха!

Бедден метнул пернатого помощника ввысь. Очи старца были плотно закрыты. Он в них теперь не нуждался, ибо смотрел глазами ворона. Птица послушно спланировала на несколько сот футов вниз, затем выровняла полет и устремилась через озеро. Она летела над водой на высоте человеческого роста.

Старец Бедден не пропустил ничего. Маг видел пещеры троллей, тянувшиеся вдоль берега, и многочисленные острова, некоторые — всего лишь горсть камней, торчащих из дымных вод, другие — большие и лесистые. Один из них, самый крупный и поросший

лесом, весь был усыпан хижинами, какие строят местные племена. Эти жилища не столь надежны на случай бури, как те, что Бедден видел в альпинадорской тундре. Не остались незамеченными и жители деревни, высокие и сильные, украшенные бусами из когтей и зубов. Обитая на берегах теплого озера, они могли носить гораздо меньше одежды, чем остальные альпинадорцы. Ощущение тепла, поднимавшегося с поверхности воды и ласкавшего крылья пернатого проводника, передалось и Беддену.

Итак, варвары посмели поселиться в этом священном месте. Маг решил подумать о том, как бы заручиться их поддержкой в сражениях с Гвидрой. Несколько варварских племен уже подчинились старцу, но только на время, ради коротких и бесполезных для Беддена набегов на южан. Эти северяне, альпинадорцы, очень упрямый народец, предсказуемый лишь в своей свирепости. Они так почитали свои традиции, что самхаистский маг вряд ли когда-нибудь мог получить над ними власть.

Старец Бедден усмехнулся и напомнил себе, что прежде всего нельзя спускать глаз с южных земель, то есть с Вангарда, северной части Хонсе, как и всей этой провинции. Там его последователи, верная паства, цивилизованные мужчины и женщины, веками жившие по законам самхаистов. Их вера была непоколебима, пока однажды этот выскочка Абель не надавал им ложных обещаний. В те годы Бедден был еще ребенком.

Самхаистский старец отогнал печальные мысли, но ненадолго. Когда ворон пролетал над почти голой каменной глыбой, колдун невольно вздрогнул. Растительность на скале отсутствовала, и было прекрасно видно гномов поври в красных колпаках. Вид этих существ ужасно раздосадовал старого мага.

Но самое неприятное зрелище ожидало Беддена на другом острове. Это был строящийся колодец очень знакомой конструкции. Даже сюда они добрались! Даже здесь, на берегах самхаистской святыни, осмелились появиться абелийские еретики! Похоже, неверные намерены тут остаться.

Бедден был настолько ошеломлен увиденным, что потерял связь с птицей, пошатнулся и едва не сорвался с края ледника.

— Этого нельзя допустить, — бормотал он снова и снова, лихорадочно соображая, как бы очистить Митранидун от скверны.

Мысли о вербовке варваров мгновенно улетучились. Все они нечестивцы, поэтому должны быть уничтожены.

— Их здесь не будет, — пообещал себе старец Бедден.

Можно было не сомневаться в том, что он так и сделает.

Часть первая В ТЕНИ ЦАПЛИ

Путь мне известен. А как же иначе? Я избавился от слабостей отчасти благодаря абелийскому драгоценному камню, который называют гематитом, или душевным камнем. Но своим освобождением я обязан даже не столько этому амулету, сколько воспитанию. А растила меня книга, написанная моим отцом, книга Джеста, вобравшая знания жрецов ордена Джеста Ту. Его приверженцев можно найти в южной стране, именуемой Бехрен. К нему принадлежала моя мать. Если бы недуг дал мне хоть малейшую передышку, то я бы непременно отыскал эту страну.

Маршрут понятен. Все мои надежды побороть зависимость от камня и избавиться от тени Цапли очевидным образом сосредоточились в одном месте, путь к которому лежит на юго-восток, через портовый город Этельберт-дос-Энтл, в обход горных склонов до пустынной страны Бехрен. Там мне предстоит найти Облачный Путь и жрецов Джеста Ту. Там я достиг бы совершенства в осмыслении путей Джеста. Освободиться от проклятия Цапли — моя мечта, скажу больше — единственная надежда.

Но там же обитает и мой страх — глубокий, неизбывный, парализующий своим всепроникающим ядом.

Мы покинули городок Прайд. Нас изгнали, но мы были рады этому. Конечно, из-за войны, вспыхнувшей между местными помещиками, путешествовать стало гораздо сложнее, и я свернул с дороги на Энтл в более гостеприимные земли. Но тайное облегчение, которое я при этом испытал, неприятно поразило меня.

Объясняя Кадайль и ее матери, почему мы отклонились от курса, я был красноречив, логичен, высказывал разумные опасения и в итоге сумел убедить их в том, что мы поступаем правильно. Но скрыть правду от самого себя не удалось бы никакими вескими доводами: я сошел с намеченного пути и отложил путешествие в Этельберт-дос-Энтл, потому что испугался.

Это вовсе не очередное прозрение. Меняя маршрут, я уже знал истинную причину своей нерешительности. Отряды свирепых воинов, которых землевладелец Этельберт разослал во все уголки страны, здесь ни при чем. Называя это обстоятельство в разговоре с Кадайль и Каллен очень опасным, я сознательно лгал.

Увы, это так. Вдруг окажется, что я уже взобрался на вершину своих возможностей и мне нечему научиться у Джеста Ту? Вдруг весь путь через пустыни Бехрен в страну жрецов будет проделан зря и призрак Цапли, который сводит сума своим курлыканьем, никогда не отстанет от меня больше чем на шаг?

Я не могу думать ни о чем другом, кроме своего недуга. Даже закрепив душевный камень ремешком на лбу, на линии Чи, я все равно вынужден отчаянно бороться, чтобы силой мысли контролировать Цаплю. Ежедневно я часами тренируюсь, доводя до совершенства мышечную память, чтобы в случае надобности каждый мускул сразу откликнулся на мой зов. Но стоит на мгновение потерять концентрацию, как все старания идут прахом. Я начинаю ошибаться и терплю поражение, причем не только в битве. Мое беспокойство не исчерпывается обыкновенным тщеславием или боязнью за собственную жизнь. Даже в постели с женой я испытываю страх: а вдруг она родит ребенка с изъяном, похожим на мой?

Я ни о чем не мечтаю так сильно, как об избавлении от Цапли, о нормальной жизни, о детях, которых буду растить сильными и здоровыми.

Моя главная мечта, моя надежда живет в Облачном Пути и только там.

Достаточно ли человеку одной надежды, пусть даже неосуществимой? Как лучше жить — уповая на что-то или же в полной безнадежности?

Надежда. Возможно, в ней все дело. Как для меня, так и для всех. Я часто слышу, что люди мечтают когда-нибудь перебраться в тихое место на берегу реки, озера или прямо к величественному Мирианскому океану. Многие всю жизнь говорят об этом, но так ничего и не предпринимают.

Интересно, они боятся также, как и я? Возможно, и правда лучше просто грезить, чем осуществить мечту и обнаружить, что она вовсе не так прекрасна, как казалось. Несмотря на все тревоги, я никогда не был счастливее, чем сейчас. Со мной Кадайль и ее мать Каллен, я умиротворен, люблю и любим. Теперь мой путь лежит на северо-запад, а не в Этельберт-дос-Энтл, не в Бехрен и не в Облачный Путь.

Брансен Гарибонд

Глава первая ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МЕТИЛ В КОРОЛИ

Несмотря на невысокий рост и худобу, Брансен ступал походкой уверенного в себе человека. Одет он был точно так же, как и обычный фермер: штаны, рубаха и широкополая шляпа, из-под которой торчали вихры черных волос. При ходьбе Гарибонд опирался на толстую палку. Она казалась чересчур массивной для его изящных рук, и неспроста. Посох — как, впрочем, и шляпа, но об этом речь ниже — таил в себе большой секрет своего

обладателя. В нем скрывалось легендарное оружие, самый могущественный меч на всем пространстве к северу от хребта Пояса и Пряжки. Выкованный из многослойной стали, от использования он становился только острее, ибо внешние слои металла зазубривались или стирались. Клинок украшали выгравированные цветы и виноградные листья, а рукоять из серебра и слоновой кости формой напоминала капюшон кобры.

Это был меч Джеста Ту, названный так в честь ордена мистиков-отшельников с юга страны Бехрен. Для них создание такого оружия было священнодействием, требовавшим глубокой медитации и предельной сосредоточенности. Об этом говорил каждый элемент, продуманный до мелочей, даже зубцы крестовины, выполненные в виде маленьких змей, будто готовых ужалить. Меч выковала мать Брансена, Сен Ви. Она рано умерла, но дух этой необыкновенной женщины жил в каждой детали великолепного клинка.

Рядом по булыжной дороге катилась простенькая повозка, запряженная двумя лошадьми, позади брел на привязи ослик. Красавица, сидевшая на козлах, настолько завладела вниманием Брансена, что он вздрогнул от неожиданности, когда кто-то бесцеремонно поправил ему выбившуюся из-под шляпы шелковую косынку.

Брансен машинально схватил наглеца за руку, но тут же улыбнулся, обнаружив, что это его теща, Каллен Дюворнэ.

— Ты не сводишь с нее глаз. Мне это нравится, — кивнула она в сторону дочери, напевавшей что-то с рассеянным видом.

— Я не встречал никого прекраснее, — сказал Гарибонд вполголоса, чтобы Кадаиль не услышала. — С каждым взглядом она кажется мне еще красивее.

— На меня тоже когда-то так смотрели, — просияла Каллен. — Или мне так казалось, — добавила она с ноткой грусти, и скорбная складка поселилась в уголках улыбающихся губ.

Брансен понял все без слов. Печальная история любви Каллен удивительным образом переплеталась с его жизнью.

Каллен полюбила, уже будучи замужем за другим. Двадцать лет назад в Хонсе согласия девушки на свадьбу никто не спрашивал. Измена открылась, и неверную жену ожидала неминуемая смерть. Жестокая самхаистская традиция требовала изощренной казни: Каллен бросили в холщовый мешок вместе с ядовитой змеей. Когда смертельный яд от многочисленных укусов проник в кровь несчастной, ее привязали к дорожному столбу на границе владений Прайда и оставили умирать.

Едва живую Каллен обнаружила мать Брансена. Она произнесла заклинание Джеста Ту, яд покинул тело Каллен и перешел к ней. Сен Ви тогда еще не знала, что носит под сердцем ребенка и этим отравлением несказанно вредит ему.

Так у Брансена появилась вторая тайна. Ее он прятал в косынке, которую повязывал под шляпу. Косынка удерживала на месте душевный камень, гематит, наделенный абелийскими целительными силами. Только закрепив его на лбу, Гарибонд мог владеть своим телом и нормально передвигаться. Без камня его движения становились неуклюжими и угловатыми. За это беднягу часто дразнили Цаплей.

— Ваш любимый предал вас, — заявил Брансен.

Но Каллен, не дослушав, замотала головой.

— У него не было выбора. Сознайся он или нет, его бы тоже убили.

— По крайней мере, он поступил бы благородно.

— Если не сказать — глупо.

— Разве говорить правду глупо? — возразил молодой человек.

Каллен усмехнулась.

— Тогда выбрось подальше свою шляпу и вынь меч из полена, которое ты называешь посохом!

Брансен понял намек и хмыкнул.

— Как его звали?

— Я любила его, — вздохнув, коротко ответила Каллен. — Он подарил мне

Кадайль, — добавила она, глядя на дочь.

Брансен только теперь заметил, как много сходства между его спутниками: мягкие волосы пшеничного цвета, чуть тронутые сединой у Каллен, и карие глаза одного оттенка. В этот момент они искрились у матери так же молодо, как и у дочери.

— Тогда, кто бы он ни был, я прощаю ему малодушие, — произнес молодой человек, тоже устремив взор на любимую. — Ведь он подарил Кадайль и мне.

— А твоя мать подарила ей тебя и спасла жизнь нам с Кадайль, когда девочка была еще у меня в утробе.

— И когда я был еще в утробе матери, — добавил Брансен, выразительно посмотрев на тещу.

— Прости, — вздохнула Каллен.

Зять лишь отмахнулся.

— Скажите мне честно, если бы вы знали, в кого яд превратит меня, то остановили бы Сен Ви?

Каллен не нашлась с ответом и взглянула на дочь. Кадайль ласково улыбалась Брансену.

— Я бы не стал, — заявил он. — Пусть уж буду Цаплей, но рядом с Кадайль, чем полноценным человеком, но без нее.

— Ты и так полноценный человек, — возразила женщина и потянулась, чтобы поправить зятю край косынки.

— С амулетом.

— Без амулета тоже. Брансен Гарибонд — самый лучший человек на свете.

Он рассмеялся.

— Возможно, когда-нибудь я и смогу обойтись без душевного камня. По крайней мере, так обещают таинственные Джеста Ту.

— Над чем это вы хихикаете? — донесся с повозки голос Кадайль. — Мама, ты вздумала кокетничать с моим мужем?

— Это бесполезно, — отозвалась мать.

Брансен приобнял Каллен, и так они шагали некоторое время. Он не мог не понимать, что Кадайль, прекрасная телом и душой, всего лишь плоть от плоти этой женщины, и был счастлив называть ее тещей. Все его существо негодовало при мысли о том, что самхаист Бернививгар покушался, причем дважды, на жизнь Каллен. Гарибонд, отчим Брансена, тоже пострадал от рук этого нечестивца.

Теперь Бернививгар мертв. Сражен тем самым клинком, что скрывается в деревянном посохе, тем самым человеком, который держит этот посох. Брансен был доволен.

Беседу прервал стук копыт, быстро приближавшийся сзади. С учетом времени и места это могло означать только одно.

— Цапля!.. — шепнула Каллен.

Но Брансен уже и сам понял. Он зажмурился и усилием воли порвал ставшую привычной связь с душевным камнем. Тотчас его движения потеряли плавность, ноги уподобились длинным нескладным ходулям, которые он, шагая, поочередно выбрасывал вперед. Посох из ненужного аксессуара превратился в настоящий костыль, молодой человек вцепился в него мертвой хваткой.

Он слышал, как подъехали всадники, но, в отличие от Каллен и Кадайль, не мог даже посмотреть в их сторону, опасаясь потерять равновесие и рухнуть лицом вниз.

— Люди правителя Делавала, — выдохнула Каллен.

— С дороги! — последовал грубый окрик, и всадники натянули поводья. — Оттащите колымагу на обочину и назовитесь!

— Он обращается к тебе, — прошептала Каллен Брансену.

Гарибонд неуклюже повернулся и едва не упал. Двое рослых бывалых воинов взирали на него с нескрываемым удивлением.

— Что это с тобой? — спросил один из них, дородный великан с густой седой бородой.

— Я... Я-а... — только и сумел пролепетать молодой человек.
Вместе с чарами душевного камня его покинул и дар речи.
Всадники поморщились.
Каллен решила прийти на помощь Брансену.
— Это мой сын, — объяснила она.
— Ты уверена, женщина? — Тот, что помоложе, ухмыльнулся в пышные, от уха до уха, усы.
Оба воина расхохотались над усилиями калеки.
— Да оставьте же его в покое! — заступилась Каллен. — Он был ранен в бою копьем в спину, загораживая товарища. Не насмешек достоин он, а уважения.
— Где же он обзавелся этой раной? — с подозрением спросил бородач.
— Говорю же, в спине, — отвечала Каллен.
Воин нахмурился.
— Дамочка, у меня нет времени ни на твое невежество, ни на твое притворство.
— К югу от города Прайда! — выпалила Каллен, хотя совершенно не представляла, были южнее Прайда военные действия или нет.
Этот ответ, по-видимому, удовлетворил воинов, и женщина с облегчением вздохнула. Но тут усатый здоровяк заметил Кадайль, и его серые глаза загорелись живейшим интересом.
— Вообще-то он не совсем мой сын, — замялась Каллен, обращаясь к усатому. — Он мой зять. Это все равно что сын.
— Зять? — эхом повторил солдат и вопросительно посмотрел на Кадайль. — Это твой муж?
— Да, — кивнула та. — Мой любимый муж. Мы едем в Делавал узнать, вдруг кто-нибудь из монахов сможет ему помочь.
Воины переглянулись. Младший спешился и подошел к Брансену и Каллен.
— Имя?!

Каллен хотела ответить, но воин жестом приказал ей умолкнуть.
— Брэ... Бр... Брррэн... — заикался молодой мужчина.
— Бран?
— ...сен, — закончила Каллен, но воин сердито цыкнул на нее.
— Бран? — снова спросил он.
— Бр-ранс-сен, — наконец выговорил Цапля.
— Значит, Брансен? — уточнил усатый, обходя его кругом.
— Д-да.
— Дурацкое имя, — буркнул здоровяк и слегка задел Гарибонда плечом.
Цапля пошатнулся, тщетно пытаясь опереться на палку и отчаянно размахивая свободной рукой. Это безуспешное трепыхание выглядело настолько плачевно, что воины переглянулись со смесью отвращения и жалости.
Молодой схватил Брансена в охапку и привел его в равновесие.
— Прими мои соболезнования, — сказал он Кадайль.
— Он ведь еще не умер, — возразила молодая женщина, стараясь не показать гнев.
Она очень рассердилась на невежу за то, что он толкнул Брансена.
— Вот именно, — со смешком добавил воин. — Монахи тут не помогут. Всем было бы лучше, если бы он умер еще тогда, на поле боя.
Усатый саркастически хмыкнул, подошел к повозке и сделал вид, что осматривает ее.
— Догадываюсь!.. Ты везешь его к монахам, чтобы не пришлось потом бегать по мужикам. Но если ничего не выйдет, я готов его подменить. — Он подмигнул и расплылся в похотливой улыбке.
Кадайль вспыхнула от негодования. Каллен поспешила к Брансену и схватила его за запястье, боясь, как бы он не отсек голову этому болвану.
Внезапно до них донеслись стук копыт и скрип рессор.

— А может, она у нас любительница калек? — не унимался молодой.

В ответ бородач нахмурился.

— Убери с дороги повозку, — приказал он.

— Но земля такая неровная, вся в рытвинах, — жалобно воскликнула Кадайль, заметив, что усатый направился к лошадям. — Колеса не выдержат...

— Закрой свой милый ротик! Благодарю бога за то, что нам некогда заняться с тобой более приятным делом. Именем лорда Делавала мы могли бы конфисковать лошадей вместе с телегой!

Воин окинул неодобрительным взором повозку, упряжку и старого ослика Дулли.

— Было бы что брать, — пробурчал он себе в усы, схватил одну из лошадей за поводья и резко дернул в сторону.

— Нет, прошу вас! — взмолилась Кадайль.

Но повозка уже резво катилась по узкой обочине и вскоре остановилась у ближайшего дерева.

Бородатый подъехал к Каллен и Брансену, корпусом лошади оттеснил их на противоположную кромку дороги и остановился неподалеку, придерживая за уздечку коня напарника.

— Поклонитесь принцу Иеслнику, владыке Прайда! — скомандовал он, грозно зыркнул на Каллен и встал между путешественниками и приближавшейся каретой.

Запряженный великолепными конями, сверкающий золотом экипаж промчался мимо. Брансен успел рассмотреть и узнать двоих мужчин, сидевших на козлах. Из окна кареты выглянула леди Олим, жена принца Иеслника, стервозная и избалованная особа.

Не поднимая головы, молодой человек улыбнулся. Дама вздрогнула — он показался ей знакомым. В ответ Брансен подмигнул. Леди Олим, прикрыв рот ладонью, затянутой в перчатку, тут же исчезла в глубине кареты.

Брансену стало еще смешнее, но он поспешил утаиться в землю, чтобы не привлекать внимания сурового бородача.

— Так кто это был? Принц или владыка? — спросила Каллен. — Вы называли его и так, и так.

— Принц Иеслник Делавалский, — отвечал бородатый воин, выехав на дорогу вслед за экипажем.

Его младший напарник в два прыжка пересек дорогу и вскочил в седло.

— Раз он владыка Прайда, значит, скоро станет правителем Делавала, — заметил он.

— Точно. А потом — королем всего Хонсе, можно не сомневаться, — добавил старший. — Дни Этельберта сочтены. А когда с ним будет покончено, приструнить остальных помещиков не составит труда.

— Ага, — кивнул усатый. — Мы очистили речной путь от диких северян и гоблинов. Палмаристаун присягнул владыке Делавала, и теперь ничто не мешает пустить в дело флот. К весне возьмем в кольцо Энтл, главный город Этельберта. Лишившись продовольственной и военной поддержки с юга, Этельберт долго не продержится...

Бородатый грубо оборвал болтуна, но Брансен успел понять, что речь идет о чем-то чрезвычайно важном.

Впрочем, ему эти разговоры казались пустословием. Какая разница, кто победит и что станет с Хонсе! Брансен не питал нежных чувств к помещикам и надеялся, что они рано или поздно перебьют друг друга и затянувшейся войне придет конец. Одно только позабавило молодого человека: принца Иеслника уже прочили на место покойного Прайда, убитого Гарибондом. По иронии судьбы правителем Делавала и даже королем Хонсе может стать глупец и трус. Именно таков был принц, в чем молодой человек убедился лично, когда однажды спас от кровожадных гномов поври тот самый экипаж, который только что надменно пронесся мимо. Если бы не Брансен, не Разбойник, то Иеслника вместе с женой и охранниками, один из которых получил тяжелое ранение, уже не было бы в живых.

Само собой, Брансен вознаградил себя за хлопоты, причем гораздо щедрее, чем

предложил скупой и неблагодарный принц. Но уязвленное самолюбие заставило Иеслника сохранить этот эпизод в тайне.

Кадайль взмолилась, чтобы всадники вывели повозку обратно на дорогу, но те даже не оглянулись. Когда они отъехали на приличное расстояние, Брансен закрыл глаза и восстановил связь с душевным камнем. Цапли снова как не бывало.

— Владыка Иеслник? Король Иеслник? — удивленно прошептал Брансен и тряхнул головой, как будто услышав нечто совершенно невероятное.

Для него это сочетание слов было полной бессмыслицей. Сюрпризом стала и новость о том, что знать Хонсе готова поддержать принца.

Молодой человек взял под уздцы лошадей и увел их с обочины.

— Надо было ехать прямо в Бехрен, как мы и намеревались поначалу, — сказала ему Кадайль.

— Нам не пришлось выбирать, — в который раз повторил Брансен.

Жена вздохнула и решила не спорить. Им обоим хотелось поскорее выбраться из Хонсе, сесть на корабль в порту Этельберт-дос-Энтла и, обогнув хребет Пояса и Пряжки, плыть в Бехрен. Больше всего на свете Брансен мечтал — по крайней мере, он так говорил жене и теще — отыскать Огненные горы и Облачный Путь, обитель жрецов Джеста Ту. Отец Брансена написал книгу, вобравшую многовековую мудрость этого мистического ордена, а мать, Сен Ви, к нему принадлежала. Гарибонд верил, что найдет там исцеление, что ему удастся сконцентрироваться на линии Ки-Чи-Крии, победить бушующий в нем энергетический хаос и навсегда избавиться от необходимости носить на лбу душевный камень. Гематит помогал Брансену использовать жизненную энергию себе во благо. Без камня разнонаправленные силы словно раздирали его на части, превращая в калеку по прозвищу Цапля.

Но как бы ни стремился Брансен к Джеста Ту, сейчас путь туда был заказан, по крайней мере через Этельберт-дос-Энтл — в порту ввели военное положение. Любому, кто оказался во владениях правителя Этельберта без спроса, пришлось бы выбирать между военной службой и виселицей.

Поэтому вместо юго-запада наши герои направились на юго-восток и теперь приближались к Делавалу, столице земель владыки Делавала, будущего короля Хонсе. По дороге им стало известно, что отсюда тоже можно попасть в Бехрен, хотя путь предстоял неблизкий. Сначала вверх по великой реке Мазур Делавал, недавно переименованной в честь правящей семьи, потом через южные воды Хонсейского залива и область мелких княжеств, известную как Нога Богомола.

Без сомнения, такой маршрут был и затратным, и небезопасным, но добираться по суше в разгар войны — безумие. Брансену оказалось проще согласиться с этим, чем признаться себе в том, что он еще не готов к судьбоносному путешествию.

Итак, троица снова двинулась в путь. Дорога вела на запад, но менее чем через милю повернула, и взорам путников открылся знаменитый город. Окруженный южными холмами, он раскинулся в низине, по которой струились три бурливых ручья. Соединившись, они образовывали глубокий водоем, где располагался северный городской причал. Здесь брала начало река Мазур Делавал, чьи быстрые потоки спешили влиться в беспокойные воды северного залива.

Сама столица выглядела именно так, как представляли Брансен, Кадайль и Каллен: бесконечные ряды каменных и деревянных домов, многие в два, а то и в три этажа. Большую часть города, включая центр, окружала каменная стена. За ней возвышался замок. Громадный и величественный, он господствовал над всем пейзажем. Ничего подобного Гарибонду и двум его спутницам видеть не приходилось. Три башни, соединенные между собой, простирались к небесам настолько высоко, что стремление владыки Делавала царствовать надо всем Хонсе сразу переставало казаться абсурдным.

К концу дня они добрались до окраины города. Поплутав узкими улицами, по обеим сторонам которых лепились лавки и магазины самого разного толка, путники вышли на

просторную рыночную площадь, расположенную прямо за городской стеной. По дороге им попалось несколько пожилых крестьянок, делавших последние покупки перед закрытием рынка.

Кадайль слезла с козел и теперь шла рядом с мужем и матерью, ведя под уздцы упряжку.

— Испорченные продукты, — тихо сказала Каллен спутникам. — Откуда им быть, как не из замка, с кухонной помойки?!

— Все то же, что и в Прайде, — согласилась Кадайль. — Верхушка забирает себе все самое лучшее, а нам достаются отбросы.

— Все, кроме того, что мы сами им никогда не отдадим, — хитро улыбнулась Каллен.

— И того, что один разбойник в черном отобрал у них, — добавил Брансен, и все трое засмеялись.

Кадайль вдруг замолчала, пораженная внезапной мыслью, и внимательно посмотрела на мужа. Тот ответил ей непонимающим взглядом.

— Ты ведь не думаешь... — начала она.

— Иногда думаю.

— Да нет же! Я надеюсь, ты не думаешь, что ему можно появиться здесь, — продолжала жена. — Я имею в виду Разбойника. Пока мы в Делавале, ты должен носить маску Цапли.

— Какая уж тут маска, — вздохнул Брансен, доставая гематит из-под косынки и быстро пряча в карман.

Из линии Ки-Чи-Крии по телу тут же побежали волны боли и судорог.

— Я так-к-кой и есть.

Кадайль вздрогнула, услышав его прерывистую речь.

Брансен заметил это.

— Вижу, Цапля тебе отвратителен, — произнес он довольно гладко, чем немало удивил ее.

Указав взглядом на карман, Брансен дал понять, что держит там душевный камень в кулаке. Амулет теперь не касался лба в точке Чи, но продолжал действовать, хотя и слабее.

Кадайль нахмурилась, и молодой человек поспешил возобновить свои угловатые движения.

— Даже не пытайся ничего украсть в этом городе. С владыкой Делавалом такие шутки не пройдут, — прошептала она.

Брансен промолчал, не желая сознаваться, что именно о краже сейчас и думал.

В город их не пропустили. Ворота были открыты только для повозок и лошадей, принадлежащих городской знати или богатым купцам, платившим немалую мзду за право провести внутрь коня, осла или телегу. Однако стража была столь любезна, что указала путешественникам дорогу к ближайшей конюшне, заверив их в том, что хозяин — уважаемый человек.

По правде сказать, его репутация не слишком волновала наших героев. В повозке почти не было ценностей, не считая шелкового одеяния Брансена и небольшого свертка, который они собирались взять с собой. Ослик Дулли был старым другом, но бесполезной скотиной, а лошадей они все равно намеревались продать. Бедные животные уже намучились на разбитых дорогах.

Ениум, хозяин конюшни, оказался высок и тощ. Густой загар на его лице оттеняла черная щетина.

— Обоих надо подковать заново, — сообщил он, осмотрев кобыл. — Много прошли.

— Слишком много, — ответила Каллен.

— Везем его к монахам, — объяснила Кадайль, заметив взгляд, которым конюх окинул Брансена. — Это его на войне так ранили.

— Ничем они не помогут, — расхохотался Ениум и замахал руками. — Разве что золотишком заплатите, причем щедро.

Каллен и Кадайль грустно переглянулись. Услышанное не стало для них новостью. Кое-что в Хонсе было неизменным.

— У нас почти не осталось денег. Мы надеялись, вы купите лошадей и повозку, — сказала Каллен.

— Купить? Этих развалин?

— Так ведь пройдено сколько...

— И то правда, — согласился Ениум. — А что с ослом?

— Его мы оставим. Нам предстоит еще долгий путь, — пояснила Каллен.

Убедившись, что переговоры идут успешно, Брансен с Кадайль отошли подальше. Вскоре к ним присоединилась Каллен, позвякивая кошельком с серебряными и даже одной золотой монетой.

— Он согласен бесплатно приютить Дулли, пока мы в Делавале, — довольно улыбнулась она. — Хорошо торговались.

— Более чем, — кивнула Кадайль.

Она закинула дорожный мешок на плечо и только собралась позвать спутников на прогулку в город, пока не село солнце, как за городскими стенами раздался рев труб. Послышались радостные возгласы, к воротам со всех сторон потекли шумные толпы крестьян.

Каллен и Кадайль подхватили Брансена под руки и тоже поспешили в город, чтобы не попасть в давку. К счастью, ворота были невдалеке. Молоденький стражник лихо подмигнул Кадайль и пропустил всех троих. За городской стеной было такое же столпотворение. На главной площади собралось несколько тысяч человек, все кричали, прыгали, махали красными лоскутами.

— Что происходит? — спросила Кадайль у какой-то женщины.

Та посмотрела на нее как на сумасшедшую.

— Мы только что приехали, поэтому не знаем, что за праздник у вас.

— Владыка прибыл, — ответила женщина.

— То есть король, ты хотела сказать, — поправила ее другая.

— Владыка Делавал, король Делавал, милостью Абея и Древнейших никакой разницы, — откликнулась первая.

Брансен не переставал удивляться, с какой легкостью крестьяне смешивают святыни обеих главных религий, чтобы никого не обидеть. Ведь только после смерти станет ясно, какая из них истинная.

— Он приехал с супругой и со всей свитой, — продолжала первая. — Сегодня храброго принца Иеслника провозгласят владыкой земель Прайда. Столько добродетелей в этом человеке! И красив, и отважен! Представляете, он убил сотню воинов Этельберта.

Кадайль закивала и поспешила отвернуться, чтобы ее понимающую ухмылку увидел только Брансен. Он слишком хорошо знал фатоватого принца Иеслника, чтобы верить в эти рассказы. Но, обнаружив, что Каллен стоит одна, молодая женщина мгновенно посерьезнела и схватилась за мешок. Он стал заметно легче!.. Нетрудно было догадаться, что именно оттуда пропало.

Кадайль неловко поклонилась крестьянке, взяла мать за локоть и отвела в сторону.

— Что это он задумал? — спросила она.

— Решил, что пора с ними всеми расквитаться. — Каллен кивнула в сторону замка.

Кадайль беспомощно вздохнула. Брансен упрямец, это ей было известно. За свое упрямство он мог поплатиться жизнью.

Только скрывшись в тени под стенами самой высокой и самой охраняемой замковой башни, Брансен переоделся в черный шелковый костюм. Необычное одеяние уже несколько лет служило Разбойнику верой и правдой, но по-прежнему блестело, будто какое-то волшебство не позволяло ему испачкаться. Правый рукав блузы Брансен оторвал, сделал из него косынку, под которой носил гематит, и повязку на плечо. В косынке были прорезаны

отверстия, и, надвинутая на глаза, она служила Брансену маской. Повязка же прикрывала слишком узнаваемое родимое пятно на правом плече.

Расчет оказался верным. Почти вся охрана замка вышла в город поглазеть на шествие и церемонию помазания владыки Иеслника. Пробираясь закоулками, Брансен также заметил, что входы в замок, включая главные ворота, по-прежнему охранялись. Но зачем пользоваться дверьми, если ты почти Джеста Ту?

Итак, он нашел укромное место в тени черной стены, облачился в свой костюм и огляделся. С площади доносился шум праздника. Стражников вокруг не наблюдалось. По-видимому, те, кому было не покинуть замок, оставили свои посты и следили за событиями из нижнего двора. Но Брансен медлил. А вдруг он ошибается?

«Смелее!.. Ты же Разбойник!» — ободрил он себя и улыбнулся под черной маской.

Уверенность вернулась к нему. Брансен представил себе малахит, вызвал в памяти ощущения, которые рождаются от прикосновения к зеленому минералу, и сосредоточил энергию этого камня в точке Ки-Чи-Крии. Он знал, что с малахитом в руках сейчас воспарил бы над землей. Но даже мысли о силе камня было достаточно, чтобы тело Брансена сделалось очень легким. Держась за камни лишь одной рукой, он стал подниматься по стене.

Ловкий, как паук, Гарибонд руками и ногами цеплялся за углубления в каменной кладке. Вес тела совершенно не мешал ему, глубина выбоин и цепкость стали неважны. Не прошло и минуты, как Разбойник преодолел семьдесят пять футов и добрался до узкого окна, расположенного с обратной стороны башни. Он задержался в проеме, чтобы полюбоваться обширной панорамой южного Делавала, затем проскользнул в слабо освещенную комнату.

Башня была прямо-таки набита ценностями: картинами, гобеленами, вазами, скульптурами, посудой и прочими дорогими вещами. Никаких сомнений — здесь обитала семья правителей.

Разбойник потерял руки и принялся за работу.

— Этот затянувшийся церемониал был недостоин вас, — с такими словами, обращенными, видимо, к принцу, который остался в соседней комнате, в будуар вошла леди Олим. — Надо было вашему дяде провозгласить вас владыкой Делавала и на том успокоиться. И так понятно, что у его единственного сына нет шансов.

Из комнаты Иеслника донеслись невнятные возражения, слишком искусственные, чтобы к ним прислушиваться.

Впрочем, леди Олим и не старалась.

— Владыка города Прайда, — медленно проговорила она.

Судя по тону, титул мужа ее совершенно не радовал.

— И на кой черт мне сдалось это богом забытое место!

Леди Олим сняла с себя пышное платье и многочисленные украшения. Облачившись в тончайший пеньюар, женщина устроилась за мраморным трюмо и залюбовалась отражением напудренного лица в зеркале. Один за другим она стягивала тяжелые перстни с крупными самоцветами.

Но ожерелье на шее леди Олим затмевало собой великолепие всех колец, вместе взятых. От плеча до плеча, без промежутков, в три ряда сверкали бриллианты, изумруды и рубины. Словно замороженная, Олим гляделась в зеркало, слегка поглаживая драгоценные камни. Она была до такой степени поглощена этим занятием, что, конечно же, не заметила, как прямо за ее спиной возник силуэт в черном.

— Позвольте мне помочь вам, леди, — мягко прозвучал мужской голос, и чья-то ладонь легла на руку Олим.

Дама в ужасе подскочила и попыталась закричать, но незнакомец зажал ей рот.

— Не надо, прошу. Я не причиню вам вреда, даю слово, — пообещал Разбойник.

Он положил подбородок на плечо леди Олим, их взгляды встретились в зеркале. Она тяжело дышала и, казалось, могла в любой миг потерять сознание.

— Даю слово, — повторил гость и просительно посмотрел на свою заложницу.

Олим кивнула. Но стоило Разбойнику ее отпустить, как леди тут же заголосила.

— Ты пришел, чтобы надругаться надо мной! — кричала она не столько с испугом, сколько с надеждой.

Разбойник остолбенел. Тогда Олим резко обернулась.

— Что же ты медлишь? Делай свое дело и проваливай! Но знай: мне это не доставит никакого удовольствия!

Даже без душевного камня Брансену еще ни разу не приходилось с таким трудом подбирать слова, хотя гематит был на месте.

Олим изобразила отчаяние, откинув голову назад и прикрыв лицо рукой. Ее грудь под тонкой тканью пеньюара призывно вздымалась.

— Возьми меня, давай же! Изнасилуй со страстью дикого зверя!

— Со страстью волка в овчарне, леди? — предложил Разбойник, едва удерживаясь от смеха.

— О, все, что угодно, лишь бы не принять смерть от твоего клинка!

«Но мне нужны только драгоценности», — уже собирался ответить незванный гость, но за дверью послышались шаги.

— Прошу, ни звука, — шепнул Разбойник, поднес палец к губам и исчез в темном углу за гобеленом, словно его здесь и не бывало.

Леди Олим уставилась в пустоту и непонимающе заморгала.

В будуар вошел Иеслник.

— Ах, дорогая, такой нервный день... Мне надо снять напряжение, — проговорил принц и с воодушевлением посмотрел на жену. — О, похоже, я не одинок в своем желании! — добавил он, отметив ее легкую наготу и явное возбуждение.

Теперь пришел черед Олим бормотать и заикаться. Она то и дело бросала взгляд туда, где растворился в темноте Разбойник.

Иеслник подкрался к ней и привлек к себе, глаза его сощурились.

— Я владыка Прайда! Я владыка Прайда! — повторял он снова и снова, с каждым разом все крепче сжимая ее в объятиях.

— Мой господин, — пролепетала Олим и снова посмотрела в тот угол, где скрылся незнакомец.

На сей раз она увидела его. Разбойник стоял, прислонившись к трюмо и скрестив руки на груди. Его красивое лицо выражало откровенное веселье.

Олим застонала.

— Моя принцесса!.. — дрожал и задыхался Иеслник, тиская ее изо всех сил. — Я — владыка земель Прайда!

— Ты произнес это раз десять, — раздался у него за спиной мужской голос, и Иеслник оцепенел. — Может, повторив еще столько же, ты наконец убедишь себя в том, что достоин такого титула.

Принц обернулся.

— Ты!

— А кто же еще, — пожал плечами Разбойник.

— Но как?!

— Твое умение вести допрос оставляет желать лучшего, — заметил незванный гость. — Скажу больше, если кого-то в этой комнате и можно назвать пленником, то точно не меня.

— Не тебя? — озадаченно пробормотал Иеслник.

— Да, тебя, а не меня, — ответил Разбойник.

— Не меня?

— Тебя!

— Меня?

— Наконец-то понял, — заключил Разбойник и многозначительно добавил: — Тебя.

— Не смей его трогать! — закричала Олим и бросилась с раскинутыми в стороны руками, загораживая мужа и одновременно демонстрируя свои прелести незнакомцу. —

Возьми меня, если тебе это нужно. Надругайся надо мной!

— Олим! — воскликнул Иеслник.

— Ради вас, мой господин, я готова на все, — проблеяла она.

— Ну вот, я же говорю, овчарня, — прокомментировал Разбойник.

Иеслник уставился на него.

— Я пожертвую честью ради вас, любовь моя, — продолжала Олим, обращаясь к мужу. — Я спасу вас своими женскими чарами!

— То есть своими драгоценностями, вы хотели сказать, — поправил ее Разбойник.

Прежде чем августейшие супруги поняли, что происходит, он сорвал ожерелье с леди Олим и сгреб в мешок кольца.

— Только не это! — вскричал Иеслник.

В приступе храбрости, больше похожей на безрассудный гнев, он оттолкнул жену и угрожающе замахал кулаками. Сбоку на трюмо владыка Прайда нащупал острый нож, которым Олим сбрасывала волосы на подбородке, и, размахивая им перед собой, пошел в наступление.

Разбойник вздохнул и приготовился защищаться.

— Больше не позволю тебе делать из меня идиота, — пообещал принц.

— Боюсь, ты им был задолго до нашего знакомства, — последовал ответ.

Владыка сообразил, что его оскорбили, и в ярости бросился на незваного гостя, однако тот увернулся.

Иеслник отступил и снова атаковал, но противник опять оказался проворнее.

Разозлившись, принц попытался вонзить нож ему в голову. Незнакомец ловко пригнулся, и лезвие вхолостую просвистело выше. С той же легкостью он избежал и последующего неумелого выпада.

— Честное слово, принц Иеслник, ты только усложняешь дело, — упрекнул противника молодой человек.

Он продолжал уклоняться от ножа и ждал подходящего момента. Когда Иеслник отвел руку назад, чтобы снизу нанести удар в подбородок, Разбойник левой рукой схватил принца за предплечье, а правой стал выгибать его кисть по направлению к полу, одновременно выворачивая ее. От боли Иеслник выпустил нож. Едва успев понять, что произошло, он получил удар по лицу, затем еще один, наотмашь, и третий — для верности.

— Может, усложним задачу? — спросил Разбойник и протянул принцу нож рукояткой вперед.

Иеслник, обезумев от ярости, махал клинком направо и налево, но не оставил на теле незнакомца даже царапины. Наконец в полном отчаянии он метнул нож в противника. Каково же было его удивление, когда Разбойник с легкостью поймал оружие.

— Забирай мою жену! — завопил принц и бросился к двери.

Разбойник перекувырнулся через трюмо и преградил Иеслнику путь.

— Ты кое-что забыл. — И он подкинул нож в воздух.

Принц остановился, впился взглядом в падающее оружие и, надо отдать ему должное, поймал, но тотчас же в дюйме от лица заметил острие очень хорошо знакомого меча. Иеслник издал странный звук, весьма похожий на блеяние супруги, и выронил нож.

Незванный гость покачал головой.

— Что бы мне с вами сделать?

— О-о-о, — жалобно завывала леди Олим, прикрыла лицо рукой и очень удачно упала навзничь на огромную кровать.

Разбойник и принц в один голос вздохнули.

Шум, донесшийся снизу, возвестил о том, что церемония завершилась и обитатели замка расходятся по своим комнатам.

— Под кровать! — скомандовал Разбойник и пригрозил Иеслнику мечом.

— Чтобы ты изнасиловал мою жену у меня над головой?

Леди Олим снова застонала, бедра ее разомкнулись.

Разбойник подтолкнул принца к кровати и заставил опуститься на колени.

— Вы тоже, леди, — приказал он Олим.

— Но... — жалобно запротестовала она тоном невесты, брошенной у алтаря.

— Живо под кровать! Оба!

Подгоняемый острием меча, Иеслник заполз наконец куда требовалось.

Леди Олим пришлось взять в охапку и стащить с кровати. Она тяжело рухнула к ногам Разбойника и взглянула вверх в полном недоумении.

«Не ушиблась, но удар по самолюбию получила», — отметил про себя Брансен.

Принц схватил супругу и увлек под кровать.

— На середину! — велел Разбойник и, продолжая грозить мечом, вынудил супругов отползти от края.

Он огляделся в поисках мебели, которой можно было бы закрыть щели между полом и кроватью со всех сторон, но, увы, ничего подходящего не нашлось.

Звуки за дверью заставили незваного гостя поторопиться. Он перекатился через ложе и утвердился на полу. Взор его попеременно падал то на меч, то на тонкие ножки кровати. Потом он присмотрелся к изголовью. Перепрыгнуть его нетрудно, главное — не ошибиться с техникой прыжка. Движения должны быть четкими и быстрыми, ведь он Джеста Ту.

Молодой человек замер, держа меч перед собой, и сделал глубокий вдох. Голосов Иеслника и Олим он больше не замечал. Полностью сосредоточившись на предстоящем ударе, он крепко сжал рукоять обеими руками и медленно поднял клинок перпендикулярно полу.

Сделав шаг влево, Разбойник молниеносно отсек ножку кровати и вернулся в прежнее положение прежде, чем успел качнуться угол, лишенный опоры. Затем ударом наотмашь он отрубил другую ножку.

Кровать покосилась. Прыжок вправо, кувырок в воздухе, взмах меча — и третья ножка покатилась по полу.

Ложе завалилось набок. Иеслник и Олим закричали, поняв, что враг догадался об их намерениях и теперь им не выбраться.

Держа меч левой рукой, Разбойник подошел к кровати вплотную, резко оттолкнулся от пола, в мгновение ока перелетел через нее и ухватился правой рукой за край изголовья. Гарибонд оперся на него, вытянулся свечкой, развернулся, сгруппировавшись, несколько раз перекувырнулся в воздухе и приземлился напротив кровати. В следующую секунду он уже нагнулся и точным ударом расправился с последней ножкой. Массивное ложе всем своим весом обрушилось на принца и леди. Под толстой периной их крики стали почти не слышны.

Разбойник отступил на шаг и посмотрел на дело рук своих со смесью удивления и удовлетворения, потом заглянул в привязанный к поясу мешок, туго набитый золотом и драгоценностями, и довольно кивнул.

— Помни, я не убил тебя, хотя это не составило бы труда, — произнес он, наклонившись к самому полу и заглядывая под кровать, где кряхтел разгневанный принц. — Помни также, что я и пальцем не тронул твою жену.

Иеслник выругался и плюнул в лицо Разбойнику, но тот вдруг сам задумался над только что произнесенными словами и даже не обратил внимания на брань и плевки.

— Ты помни, что я ее не тронул, — снова посмотрел он на принца. — А дражайшая леди Олим пусть поскорее об этом забудет. Уверен, что мое бездействие злит ее гораздо больше, чем любые безобразия, которые я мог бы учинить, включая твое убийство.

— Да как ты смеешь?! — возмутился Иеслник.

— О, это нетрудно, — заверил его Разбойник, поднес два пальца ко лбу и устремился к окну.

Однако еще не стемнело, и в верхнем дворе было полным-полно стражников.

Прошло не меньше часа, прежде чем принцу Иеслнику удалось выбраться из-под тяжелой кровати. Еще через некоторое время он наконец докричался до своих слуг.

Совместными усилиями они приподняли ложе, чтобы вызволить леди Олим.

— Ты!.. — едва поднявшись, набросилась она на мужа. — Ты воображаешь себя владыкой и не можешь справиться с одним-единственным вором?

Дама была в такой ярости, что даже не пыталась прикрыть наготу, хотя в будуар на шум сбежалось довольно много народу.

— Какой же из тебя герой, когда ты прячешься от презренного человечки под женину кровать, словно трусливый заяц?

Олим замахнулась, чтобы дать принцу пощечину, но Иеслник схватил ее за руки.

— Если бы он изнасиловал тебя, ты бы так не кипятилась? — В его голосе звучал не столько вопрос, сколько обвинение.

Леди Олим застонала — впервые за этот день без притворства — и рухнула в изнеможении на то, что осталось от кровати.

Иеслник вдруг осознал, что кругом полным-полно людей, которые пялятся на его полунагую супругу.

— Вон отсюда! Вон!

Принц выгнал всех из будуара, бросил полный отвращения взгляд на леди Олим и вышел следом. Страже он приказал из-под земли достать Разбойника и без его головы не возвращаться.

Оставшись одна, Олим долго рыдала, закрыв лицо руками. В комнату прокрались сумерки, и она уже дремала, когда вдруг нежный поцелуй коснулся ее лба.

Дама подскочила и вытаращила глаза, чтобы убедиться, что это не сон.

— Прекрасная леди, — вежливо произнес Разбойник, который и не покидал будуара. — Кодекс чести не позволяет мне брать силой замужнюю женщину. Но уверяю вас, стоило огромных усилий не поддаться искушению, когда я увидел такую красоту.

Он протянул руку и нежно погладил Олим по щеке. Она откинулась на подушки и зажмурилась от удовольствия, впиваясь пальцами в плюшевые одеяла.

— Я ухожу в дикие северные земли. Думайте обо мне, — сказал Разбойник на прощание и исчез в окне так быстро, что леди Олим даже не успела проводить его взглядом.

— Нам нечего бояться, — заверил Брансен своих спутниц, когда на следующий день они в компании осла Дулли вышли из Делавала. — Я сказал леди Олим, что направляюсь на север.

— Но мы ведь и правда идем туда, — отвечала Каллен.

— Вот именно, — подтвердил Брансен с самодовольной и вместе с тем обезоруживающей улыбкой.

В то утро воины правителя Делавала по распоряжению принца Иеслника, конечно же, отправились на юг искать Разбойника. В точности так, как указала леди Олим.

Глава вторая БОГУ НА СЪЕДЕНИЕ

Низко склонившись над белой порослью и проваливаясь в нее по колено, самхаист Дантанна ступал по лужайке, поросшей мхом карибу. Из этого растения можно было приготовить сильнодействующую мазь или целебный отвар, но монах искал гораздо более ценный ингредиент: луковицы дауба. Они росли именно среди мха, причем попадались довольно редко — за день найти всего одну считалось большой удачей. Впрочем, чтобы сварить чудесный напиток, который на неделю с лишним избавил бы его от болей в суставах, большего и не требовалось.

В Альпинадоре Дантанне совершенно не нравилось. Он предпочел бы жить к югу от горного хребта, в Вангарде, — мягкий климат был монаху куда больше по душе. Но в его положении демонстрировать недовольство не приходилось, хотя самхаист постоянно напоминал себе, что надо отстаивать свои интересы. Он не так стар и изможден, чтобы оставаться в стороне, когда в мире назревают столь важные события.

Дантанна ускорил шаг, нагнулся и раздвинул белые побеги. Здесь, рядом с пышным кустом мха карибу уж точно должны расти дауба.

— Это шнурок, а не стебель, глупый мальчишка, — неожиданно раздался у него над головой хриплый голос.

Только теперь Дантанна обнаружил, что не один на поляне. Монах не мог понять, как получилось, что он ничего не заметил, пока не взглянул на говорившего. Обветренное лицо, пышные усы, остроконечная шляпа, украшенная перьями. Этому высокому, статному человеку можно было дать и сорок лет, и семьдесят. Его нестареющий облик говорил о силе и жизненном опыте, причем очень богатом. Теперь все стало ясно.

— Учитель Секуин, — пробормотал Дантанна, попятившись.

Странник ничего не ответил и продолжал пристально смотреть на самхаиста.

— Я не знал, что вы здесь, — добавил тот.

— Любишь утверждать очевидное? — наконец иронично заметил Секуин.

Дантанна глупо улыбнулся.

— Я Дантанна, самхаист. Мы как-то встречались с вами в Вангарде и там, где Абель...

— Пеллиновская часовня, — закончил Джеймстон Секуин.

Монах кивнул, стараясь не показать радости оттого, что такой великий муж его помнит.

— Я никогда не забываю лица или имени, если человек стоит того, — добавил странник.

Дантанна расцвел.

— Так как, говоришь, тебя зовут?

— Дантанна, — тут же сник самхаист.

— Путешествуешь со стариком Бедденом?

— Со старцем Бедденом, — поправил Дантанна неожиданно твердым для себя тоном.

— Далеко ты забрался от дома, парень!

— Так ведь война... — начал было Дантанна, не зная, как реагировать.

— Которую развязал твой старец Бедден, — перебил Секуин.
— Неправда! — горячо возразил монах и сам удивился своей реакции.
К войне с Вангардом он относился неоднозначно, если не сказать — с неодобрением.
— Это из-за госпожи Гвидры все началось. Она сделала неправильный выбор.
— Потому что влюбилась?
— Да, в абелийского монаха!
Джеймстон Секуин фыркнул.
— Не высока ли цена? — спросил он.

Дантанна мотнул головой не то в знак согласия, не то наоборот. Сказать же что-то он не решился, чувствуя, что любой ответ прозвучит в его устах неубедительно.

— Что ж, воюйте, раз уж вы видите в этом смысл, — продолжал Джеймстон. — А народ Вангарда пусть сам решает, какая религия ему милее, самхаистская или абелийская.

— А какую предпочитает Джеймстон Секуин? — с лукавым видом спросил Дантанна.

В ответ Джеймстон расхохотался, и самхаист понял, что сглупил.

— Это пусть они предпочитают.

Не сводя испепеляющего взгляда с монаха, Джеймстон снял заплечный мешок и вытряхнул его содержимое на землю. К ногам собеседника покатались больше дюжины отрезанных остроконечных ушей.

— Но вы уже сделали выбор за них, — возразил Дантанна, словно заипнотизированный видом зловещих трофеев Секуина.

Это были уши троллей, тех самых существ, которых завербовал старец Бедден.

— Выбрать между троллем и человеком мне будет нетрудно, парень, — ответил Джеймстон. — Как уже сказано, я в ваши дела не вмешивался и не буду, но своему старцу передай, что я против того, чтобы ледниковые тролли убивали мирных жителей во имя Самха или кого бы то ни было другого.

— Но наша борьба...

— Она меня не касается и не волнует, — закончил за Дантанну странник. — Но если я увижу тролля, то убью его и не стану спрашивать, кому он служит.

Он презрительно усмехнулся и пошел прочь с поляны.

— Учитель Секуин, — окликнул его Дантанна. — Если мы снова встретимся, вы вспомните мое имя?

— Я уже забыл его, — ответил Джеймстон, не оборачиваясь.

Старец Бедден стоял на самой кромке Колдринского ледника и с высокого уступа вглядывался в южные дали. Мысленный взор его устремился сквозь морозную тундру Альпинадора к густым лесам Вангарда. Ему виделись жестокие битвы. Люди Хонсе дрались с гоблинами, ледниковыми троллями, дюжими альпинадорскими варварами. Так его армия наказывала хонсейцев за все более милостивое отношение к еретикам блаженного Абея.

Они надолго запомнят этот урок. Старец Бедден улыбнулся. Зубы, удивительно белые для человека его лет, сверкнули из-под пышных черных усов, переходивших в окладистую бороду. Ее жесткие пряди были склеены пометом, перевязаны красными и черными лентами и торчали в разные стороны, обрамляя суровое лицо самхаиста колючим полукругом.

Пришло известие о падении Пеллиновской часовни. Разъяренные хонсейцы принесли ей больше вреда, чем полчища старца Беддена. Несколько монахов, оставшихся в живых, они отправили сюда, на север, чтобы принести в жертву старцу Д'но, червеобразному богу этих студеных земель.

Бедден перевел взгляд на облака пара, поднимавшиеся над тем местом, где горячие воды озера Митранидун касались отвесного склона ледника. Туман казался гуще обычного. Это могло означать, что бог Д'но доволен новостью. А может, он предчувствует скорую трапезу и трепещет от предвкушения?

Воображение дорисовало старцу Беддену то, что скрывалось за клубами пара: священное озеро и расщелину Самха. Такова была награда, которую получили от

Древнейших их потомки за титанический труд на этой земле.

Внезапный оглушительный грохот заставил самхаиста обернуться. Футы в пятидесяти к северу от того места, где он стоял, в разломе ледника работали два великана — ростом пять с половиной ярдов, плечи шириной с размах крыльев большого орла. Они вскидывали высоко над головой увесистые молоты и со всего маху одновременно обрушивали их на большой деревянный костыль, который с каждым ударом уходил все глубже в ледяную толщу. Как только верхушка клина оказывалась вровень со льдом, старец Бедден освящал его, опаливал магическим огнем и специальными заклинаниями готовил к соединению с новым костылем, забивавшимся следом.

Чуть правее и несколько выше, где разлом увеличивался, на перекладине болтались несколько ледниковых троллей, подвешенных за ноги на тонких веревках. К их связанным рукам был привешен груз, отчего существа позой напоминали ныряльщиков. Из перерезанных запястий капала кровь и стекала струйками в ущелье. Там на ветру она превращалась в мельчайшую пыль, которая оседала на поверхности льда. Кровь троллей никогда не замерзала и потому, покрывая лед тонким слоем, не давала ему таять. Это упрощало задачу великанов. Старец Бедден заметил, что кое-кто из троллей уже умер и красная струйка под ними стала высыхать. Но стоит ли волноваться, если этих жалких созданий вокруг так же много, как зайцев по весне в Вангарде?

Взор самхаиста скользнул правее, туда, где красовался великолепный ледяной мост — магическое творение старца. Он возвышался над самым широким местом ущелья и был построен с таким расчетом, что позволял увеличить разлом до запланированных размеров. Еще правее, на фоне темных отвесных скал, подступавших к леднику с востока, виднелся замок из прозрачного льда, словно хрустальный, с изящными витыми шпилями и толстыми стенами, с замысловатыми лабиринтами, прекрасными и полезными в то же время. Бедден не мог не улыбнуться, глядя на него. Это был Девонгл, его дом, его шедевр.

Но улыбка растаяла, едва старец повернулся в сторону работавших великанов и заметил приближавшегося человека, облаченного в светло-зеленую самхаистскую рясу. Она была гораздо скромнее, чем мантия самого Беддена, которую украшали клыки и когти хищников, а искусно вытканые узоры из желтых и зеленых листьев смотрелись так естественно, что казалось, стоит старцу войти в заросли кустарника, как он попросту исчезнет. Наряд верховного самхаиста довершал повязанный узлом на талии широкий красный кушак, обтрепанные концы которого свисали до самой земли. Больше никто из его собратьев не имел права носить этот священный пояс. Теперь, будто желая напомнить себе о высокой чести, Бедден положил руку на узел кушака и стал дожидаться Дантанну, один вид которого вызывал у него раздражение.

Скорчив недовольную мину, Дантанна обошел великанов на почтительном расстоянии, перепрыгнул через расщелину, хотя уже в десяти футах от вбитого костыля она превращалась в узкую трещину, и решительной походкой направился к старцу Беддену. На последних ярдах монах отвесил несколько поклонов, впрочем, не столь подобострастных, как хотелось бы его господину.

— Наверное, ты уже слышал о судьбе Пеллинорской часовни? — обратился к нему старец Бедден.

— Сожжена дотла и погребена под собственными руинами, — отрывисто проговорил Дантанна, словно каждое произнесенное слово причиняло ему боль.

— Абелийские еретики вновь потерпели поражение. Разве ты не рад?

— В битве погибли не только абелийцы.

Старец Бедден пожал плечами, будто это не имело никакого значения. Впрочем, ради великого замысла Самха он и правда не считался с подобными жертвами.

— Убиты гоблинами, троллями и варварскими наемниками, — добавил Дантанна.

— Таков порядок вещей, — равнодушно отозвался старец.

— Это мы сделали его таковым! Когда-то бок о бок с хонсейцами из Вангарда мы сражались против той самой армии, которую натравили на них теперь.

— Тогда они знали свое место, — ответил Бедден.

Дантанна вздрогнул и притих. Повисла напряженная тишина. К югу от залива Короны война шла повсеместно. Помещик против помещика, Этельберт Энтлийский против могущественного Делавала. Что мог возразить монах, когда было очевидно, что настоящим победителем в этой борьбе станет абелийская церковь, а не кто-то из светских властителей. Ведь абелийцы с их волшебными самоцветами, способными как исцелять, так и разрушать, пришли ко двору каждому владыке. У самхаистов тоже, конечно, была своя магия, но по количеству полезных фокусов она не могла сравниться с абелийской.

— Они надеются на помощь с юга, — Дантанна наконец решился прервать тягостное молчание. — Народ Вангарда рассчитывает, что их хонсейские братья дадут войне обратный ход.

— Обратный ход от нас и от Древнейших. Но это вопрос времени, ты же понимаешь, — заметил старец Бедден.

Дантанна ничего не ответил, лишь лицо его приняло упрямое выражение.

— У абелийцев в запасе много эффектных трюков, — пояснил старец. — Они удобны и даже полезны в битвах. Но эти фокусники даже представления не имеют о масштабах наших приготовлений. Помещиков и крестьян — всех ждет смерть. Чем тогда глупые мальчишки, следующие заветам болвана Абея, смогут утешить смертельно раненных воинов?

— Благодаря им смертельно раненных будет меньше.

— Кого это волнует? Умереть суждено всем.

— Тогда, может быть, наша роль состоит в том, чтобы действовать совместно с абел... — Дантанна не договорил.

Слова застряли у него в горле, глаза от страха округлились, когда он взглянул на Беддена. Никогда еще старец не выглядел таким грозным. На его лице застыла гримаса опасности и смерти. Дантанне показалось, что самхаист растет, становится все выше и насмехается над его беспомощностью.

Но иллюзия длилась недолго. Старец Бедден успокоился и лишь зло улыбнулся.

— Признайся, ты ведь мечтаешь об этом? — поинтересовался он. — Тебе бы хотелось мирно уживаться с абелийцами? — уточнил Бедден, заметив вопросительный взгляд собеседника.

Дантанна замотал головой и стал озиаться, словно в поисках убежища.

— До каких пор ты собирался скрывать от меня свою верность госпоже Гвидре? — наконец спросил старец напрямик.

— Не понимаю, о чем вы.

— Не держи меня за дурака, — рявкнул самхаист. — Кто, как не ты, был наставником Гвидры перед тем, как она стала якшаться с абелийцами?

— Но, господин, абелийцы пришли в Вангард давным-давно, еще до моего знакомства с леди Гвидрой. Владыка Гендрон приблизил их к себе незадолго до смерти. Гвидра тогда была еще девочкой.

— И никакие волшебные побрякушки не помогли этим шутам в рясах предотвратить его преждевременную кончину, — усмехнулся Бедден.

Дантанна содрогнулся. До него не раз доходили слухи, что «несчастный случай», отнявший у народа Вангарда обожаемого владыку Гендрона, был делом рук самхаистов.

— Тогда юная и впечатлительная девушка Гвидра взяла бразды правления Вангардом в свои руки, — продолжал старец.

— Да нет же, — возразил было Дантанна, но тут же замолк под гневным взглядом старца Беддена.

— Со смертью владыки ты стал ее советником, должен был ограждать Гвидру от абелийского влияния. В этом заключалась твоя миссия, если угодно. Скажи мне, Дантанна, справился ли ты?

— Это дело оказалось сложным, — Дантанна покачал головой.

— Оно окончилось успехом или провалом?

— Ни тем ни другим, старец. Госпожа Гвидра с самого начала старалась придерживаться золотой середины. Для нее я такое же доверенное лицо, как и...

— Монахи из Пеллиновской часовни?

— Да, но...

— В особенности один из них, — заметил Бедден.

Дантанна тяжело вздохнул — возразить было нечего. Действительно, леди Гвидра полюбила абелийского монаха, и орден блаженного Абея, конечно же, палец о палец не ударил, чтобы помешать этой связи. Зачем, если она приносила явную выгоду?

Пеллиновская часовня располагалась на окраине столицы Вангарда, самого влиятельного города к северу от залива Короны. В подчинении у леди Гвидры находилась армия целой хонсейской провинции. Чем прочнее становились отношения между наследницей лорда Гендрона и ее возлюбленным, тем больше могущества обретали абелийцы во всем Вангарде. Дантанна не мог ничего с этим поделать и пришел к мысли, что самым правильным для него и для самхаистов будет отойти на вторые роли. Только так они смогли бы сохранить хоть какое-то влияние на вздорную и своенравную правительницу Вангарда.

Пришлось импровизировать, брать ответственность на себя, рисковать. Дантанна был уверен, что именно благодаря ему орден занимал надлежащее место при дворе. Но потом на Вангард обрушились орды наемников с севера — по приказу старца Беддена.

— Твое лицо как открытая книга, глупец! — произнес маг. — Так, значит, это правда.

— Да, госпожа Гвидра спит с абелийцем, — признался Дантанна.

— И ты допустил такое!

Монах не мог согласиться с обвинением.

— Именно. Их отношения развивались на твоих глазах, и ты их не пресек.

— У любви свои законы, старец. Разумеется, я пытался повлиять на Гвидру, но сердцу не прикажешь, и...

— Ты мог убить этого абелийца.

От таких слов у Дантанны перехватило дыхание.

— Неужели ты не понимал важности происходящего?

— Конечно, понимал, учитель.

— Тогда почему же ты до сих пор не сделал того, что велит долг? Почему порочная связь длится столько месяцев? И почему этот нечестивец все еще топчет землю?

— Ты предлагаешь мне убить человека?

— Разве ты не был обучен волшебному искусству отравления? Или думаешь, что тебя учили этому просто так, ради твоего удовольствия? — допытывался Бедден.

Монах беспомощно качал головой, подбородок его трясся.

— Неужто ты не в состоянии покончить с одним-единственным юнцом в рясе?

— Я не убийца, — прошептал Дантанна.

— Убийца! Ха! — фыркнул старец Бедден и, подойдя к краю ледника, посмотрел вниз, на туманную поверхность озера, от которой его отделяла тысяча с лишним футов. — Каким скверным словом ты называешь благородное деяние. Сколько жизней мог бы спасти жрец Дантанна, если бы собрался с духом и выполнил свой долг! Да понимаешь ли ты, болван, что, не соблазни абелийский еретик леди Гвидру, кровопролития можно было бы если не избежать вовсе, то уж точно уменьшить количество жертв?

— Мы могли и не развязывать войну, — отважился возразить Дантанна.

— Неужели? — гневно отозвался старец, оборачиваясь. — И преподнести на блюде абелийским отщепенцам души тысяч вангардцев?

— Мы не должны решать за них...

— Замолчи! — оборвал его старец Бедден и устремил взор на юг. — Ты провалил задание, от которого зависело столько жизней, упустил единственный шанс обойтись без многолетних распри и убийств. Страдания, смерть, реки крови — все это на твоей совести, потому что тебе не хватило мужества нанести всего один удар.

— Ты не можешь говорить это всерьез, — выдавил Дантанна.

— Впрочем, мне следует поблагодарить тебя, — неумолимо продолжал Бедден, будто не слыша. — Древнейшие пожелали увидеть в моем вешем колодце сцены битвы в Пеллиноской часовне. Крики, плач — это было великолепно, право слово.

— Как ты можешь так говорить? — преодолевая страх, чуть слышно проговорил Дантанна.

— Мужчины, плачущие как младенцы! Женщины, осознавшие свою ересь и рыдающие в предчувствии, что поплатятся за грехи собственными детьми! Что может быть прекраснее торжества справедливости! — со смешком воскликнул старец Бедден. — А знаешь, каков самый главный трофей Пеллинора? — спросил он, резко обернувшись и дико глядя на онемевшего монаха. — Пленники! Сотни пленников, связанных друг с другом, в это самое время вереницей направляются сюда.

Дантанна поглядел на великанов, неторопливо забивавших очередной клин, на перекладину с ледниковыми троллями, на капельки их крови, покрывавшие лед. Только теперь он заметил еще одно сооружение, стоявшее рядом с перекладной. Это была площадка, оборудованная лебедкой и длинной веревкой. Очевидно, именно таким способом планировалось отправлять будущих жертв в самую глубь ущелья, где их ждал священный белый червь. Самодовольная улыбка, с которой смотрел на монаха старец Бедден, когда тот вновь повернулся к нему, рассеяла последние сомнения.

— Пленники пойдут на съедение Д'но, а его неистовый жар ускорит Раскол. — Старец придумал высокопарное название предприятию, развернувшемуся на леднике. — Д'но будет рыть ходы во льдах, а мы — кормить его. Он станет сильнее, проворнее и вскоре доберется до скал, окружающих Колдрин. Тогда наши усилия объединятся с земной магией Древнейших. — Бедден помолчал и ободряюще взглянул на Дантанну. — Пожалуй, я позволю тебе преподнести Д'но несколько блюд, — добавил он и снова отвернулся, чтобы скрыть от перепуганного собеседника издевательскую усмешку.

— Преподнести? — заикаясь, переспросил Дантанна. — Ты убьешь их,пустишь на корм ради осуществления собственных честолюбивых планов?

— Убийство!.. — Старец Бедден стоял спиной к монаху и снисходительно посмеивался. — Не злоупотребляй такими словами. Эти люди сами подписали себе смертный приговор, когда примкнули к еретикам, и нашим — твоим! — долгом будет наказать их по заслугам. Быть может, стоит научить тебя ловчее обращаться с ножом, который ты получил в награду? Тогда в будущем, когда придет время применить его по назначению во имя наших святынь, ты больше нас не подведешь.

Говоря это, старец Бедден призвал на помощь магию, чтобы заострить все свои чувства, и прекрасно слышал, как Дантанна подкрался к нему сзади. Когда же молодой жрец с криком толкнул его, Бедден не сопротивлялся. Он раскинул руки в стороны, сорвался с края ледника и стремительно полетел навстречу туману.

У Дантанны перехватило дыхание, из груди вырвался возглас раскаяния. Он обрек на верную гибель великого учителя, одного из Древнейших самхаистской религии.

Восклицания достигли слуха Беддена. Жалкое отчаяние молодого простофили безмерно забавляло его. Широко улыбаясь, маг закрыл глаза и отдался во власть ветра, ласкавшего его тело и с шумом трепавшего одежды. Ощущение полной свободы от телесных оков придавало ему огромную магическую силу.

Обхватив голову руками и задыхаясь от рыданий, Дантанна отступил от края и потому не сразу заметил превращение, произошедшее со старцем Бедденом. Маг принял свой древнейший облик. Его руки обратились в перепончатые крылья, глаза стали желтыми, а зрачок — вертикальным, лицо вытянулось в длинную клыкастую морду, голову увенчали шипообразные рога.

Пронзительный крик дракона вселил ужас в души всех, кто находился на леднике. Даже один из полумертвых троллей в смятении открыл глаза. Дантанне стало нечем дышать, когда он увидел, как вынырнувший из тумана крылатый монстр молниеносно взлетел на

теплых восходящих потоках, поднимавшихся с волшебного озера Митранидун. Монах бросился наутек, однако ноги не слушались. Он поскользнулся, пытался встать, но леденящий душу звук сковал его члены. Секунды обратились в минуты, каждый шаг давался с огромным трудом, но был тщетным, ибо Дантанна лишь беспомощно скользил по льду.

Вдруг он почувствовал сильнейший удар в спину и рухнул бы ничком, если бы огромная когтистая лапа крепко не схватила его. Монах кричал и извивался, увлекаемый все выше. Ярдах в трех от земли когти вдруг разжались, и он упал, больно ударившись о лед.

Не прошло и секунды, как дракон вновь подхватил несчастного и на сей раз швырнул его с еще большей высоты. Дантанна взвыл. Нога под ним подвернулась, сухожилия лопнули, кости сломались. Он попытался сесть, чтобы рассмотреть рану, но опять был схвачен чудовищем.

Снова падение, страшный хруст. Крик застрял в горле. Дантанна пытался ползти, но раздробленные конечности ему не подчинялись. Не в состоянии понять, что происходит, он лишь неуклюже дергался. Его воспаленный мозг ожидал новой атаки, но ее не последовало, и монах окунулся в холодное и мрачное забытие.

Через некоторое время внезапная острая боль в искаленном теле привела Дантанну в сознание. Он обнаружил себя подвешенным за щиколотки на той самой веревке, которую заметил на новой площадке, возведенной над расщелиной. Руки монаха были надежно связаны за спиной.

— Ты провалился, — донеслось до него как будто издалека.

Дантанна повернул голову и увидел старца Беддена, стоявшего на краю площадки всего в полутора футах над ним. В ногах у мага лежал мешок, из которого вывалилось несколько ушей троллей.

— Очень жаль. Я думал, что воспитал тебя, надеялся, что мне удалось вложить в тебя твердость и разум, — произнес старец и подал сигнал кому-то позади себя.

Веревка медленно опускалась в ущелье. Монах заметался, корчась от боли и отчаянно моля о пощаде, но равнодушный взгляд старца Беддена не оставлял надежды. Даже нестерпимая боль в изломанных ногах не могла пробиться в душе Дантанны сквозь стену кромешного ужаса. Он выкрикивал слова раскаяния, но старый и жестокий самхаист затянул древнюю песню в честь великого Д'но, белого бога-червя.

Дантанна постарался успокоиться, слегка изогнулся и рассмотрел веревку, которая стягивала его щиколотки. Руки были связаны ею же. Тогда он попытался дотянуться до узла. Уж лучше разбиться насмерть, чем пойти на корм червю!

Но палач был не новичок, и Дантанне никак не удавалось подобраться к веревке или высвободить руки. В тускнеющем свете было видно, что ущелье буквально испещрено бесчисленными ходами. Лед сверкал влажным блеском. Расплавленный огромным гельминтом, но покрытый кровью троллей, он не мог полностью растаять. Сеть туннелей. Царство Д'но.

Откуда-то из морозных глубин, с севера, раздался гортанный рокот, рык гигантского чудовища. Дантанна почувствовал прикосновение мокрого льда. Совсем рядом журчала струйка воды. Он неистово заголосил, сию же минуту выдернуть руки из пут — чудом это удалось. Преодолевая боль, пронизывавшую все его существо, монах перевернулся и сел.

— Ползи, ну же, — лихорадочно повторял он, отчаянно пытаясь развязать узел на лодыжках, но руки онемели от холода, и веревка постоянно выскальзывала из пальцев.

Дантанна выругался и еще неистовее принялся за работу. Рокот послышался совсем рядом. Прямо из-за спины.

Сердце монаха упало. Звук перешел в шипение, стало очень жарко. Дантанна обернулся навстречу своей гибели в тот самый момент, когда Д'но набросился на него.

Старец Бедден со своей площадки не мог видеть зловещего пиршества. Слышались лишь крики, ужасные, ласкавшие слух. Затем веревка дернулась пару раз, и все стихло.

Маг подал знак стоявшим позади троллям. Те принялись вращать лебедку с рвением

существ, рискующих оказаться на месте бедного Дантанны, если навлекут на себя гнев могущественного хозяина. Когда веревка оказалась целиком на поверхности, старец хмыкнул при виде остатка голени, все еще болтавшегося на ее конце. Кожа обуглилась от дыхания Д'но.

С невозмутимым видом Бедден отвязал конечность и швырнул ее обратно в ущелье. Следом отправились и уши троллей, которые самхаист, морщась от мысли о предательстве Дантанны, смахнул ногой.

— Приятного аппетита, Древнейший, — произнес он.

Глава третья КАМНИ, КРУГОМ ОДНИ КАМНИ

— Камни, камни!.. Да сколько же их здесь! — бурчал атлетического вида юноша, стоя посреди канавы, где в бурой грязи то и дело попадались серые булыжники, и вытирая со лба капли пота.

Парень был высок, шесть с половиной футов, за годы странствий изрядно потерял в весе, но никак нельзя было назвать его худым и тем более — тощим. Мускулистое тело выглядело стройным и подтянутым. Копна светлых волос говорила о его вангардском происхождении, а всклокоченная бородка вызывала неодобрение старшей братии, но, коль скоро никто не располагал бритвой, запрет на ношение бород пришлось отменить. В канаве осталось не так много камней. Большая часть уже была поднята на поверхность и укатилась вниз по склону к подножию стены, которую чинили монахи.

Белокурый атлет подхватил очередной валун, водрузил его на плечо и хотел перебросить через край ямы, но не рассчитал, и глыба покатилась обратно. В два прыжка юноша догнал ее и подставил ногу прежде, чем камень успел набрать ускорение.

— Передохни, брат Кормик, — посоветовал ему напарник, монах средних лет с большой лысиной. — День такой жаркий.

Кормик глубоко вздохнул и, подобрав полы плотного шерстяного одеяния, снял его через голову. Теперь единственную одежду юноши составляла просторная набедренная повязка.

— Брат Кормик! — с укоризной воскликнул Джавно.

Так звали второго монаха.

— Чертовы камни! — возмутился молодой человек, сверкая зелеными глазами и не выказывая никакого желания облачиться вновь. — С тех пор как оказались на этом проклятом острове, мы только и делаем, что таскаем их.

— Проклятом? — Джавно покачал головой с выражением глубокого разочарования. — Разве ты забыл, брат, что мы посланы на север, в морозный Альпинадор, чтобы заложить церковь во славу блаженного Абея? Ты это называешь проклятием? — Он указал рукой влево, где за перевалом виднелась небольшая каменная часовня.

Монахи возвели ее на самом высоком месте острова. Квадратное строение было небольшим, от силы десять ярдов в ширину, но на фоне пейзажа оно смотрелось достойно.

Кормик подбоченился и рассмеялся, ибо напарник был прав. Три с лишним года назад, покидая Пеллинонскую часовню в Вангарде, они были полны надежд и великих помыслов. Им предстояло отправиться в суровый скалистый Альпинадор, нести слово блаженного Абея варварам-язычникам, обитавшим здесь. Сколько душ они собирались спасти магией самоцветов, истиной и красотой своего послания!

Но их встретили гневной бранью. В каждом слове чужеземцев гордые и сильные северяне слышали оскорбление. Скорее выживая, чем проповедуя, несколько монахов со слугами много недель плутали по морозному безмолвию, пока вконец не заблудились. Вскоре они наверняка умерли бы от голода и холода, если бы не вышли сюда, на просторное, вечно укрытое теплым паром озеро с россыпью разновеликих островов. Отец де Гильб, предводитель экспедиции, провозгласил это чудом и решил, что именно здесь им суждено выполнить миссию и возвести храм.

«Именно здесь, — размышлял Кормик. — На голой скале посреди воды».

— Ох уж эти мне камни, — проворчал он и вновь наклонился за валуном, чтобы на сей раз перебросить его через край канавы.

— Озеро просто кишит рыбой. А какая вода! Ты ее пробовал? — спросил Джавно томным голосом. — Тебе следовало бы благодарить эти теплые источники, брат, за то, что они спасли нас от альпинадорской зимы.

— Наша миссия не только в том, чтобы не умереть здесь.

Джавно пустился в разглагольствования о том, что есть долг абелийского монаха, о неизбежных жертвах и о будущей награде, которая ожидает их после того, как они сбросят оковы земного существования. Он пересыпал речь пространными цитатами из книг, но Кормик не вслушивался. У него была собственная молитва от отчаяния, неожиданная, но верная отдушина. С ее помощью он надеялся понять что-то самое важное на этом запутанном пути под названием жизнь.

Она выпорхнула из лодки с той же грацией, с какой та мягко причалила. Каждое движение плавностью напоминало волны, ласкающие берег. В ту ночь Шейла, по-альпинадорски — луна, была полной, и в этом загадочном свете силуэт Милкейлы казался призрачным. На ней почти не было облачения. Все на Митранидуне одевались так, кроме монахов, носивших тяжелые шерстяные робы.

Кормику стало неловко в его платье, которое совершенно не соответствовало мягкой, теплой, слегка туманной погоде.

Милкейла шла ему навстречу. Ее рука коснулась бедра, и короткая юбка соскользнула вниз. Не останавливаясь, девушка сняла через голову лиф. Без тени стыда или смущения она предстала перед ним прекрасная и нагая, облаченная лишь в ожерелье из ракушек, когтей и зубов и такие же браслеты на руке и ноге. Большое перо было вплетено в ее волосы.

В эту ночь Кормик впервые увидел ее обнаженной, но подлинно близка Милкейла стала ему еще раньше, на встрече между шаманами племени Ян Оссум и несколькими братьями с острова Часовни. Именно тогда он понял, что нашел свою вторую половину, родственную душу, оправдание своему существованию, столь же открытое сердите. Она тоже поняла это. Жалкой игрой показалось ему тогда то, как подтрунивали, как рисовались друг перед другом шаманы и монахи. Стараясь доказать собственную правоту, те и другие всего лишь жонглировали удобными аргументами. Ни один из них не произвел впечатления на Кормика или Милкейлу. И только то, что они прочли в глазах друг друга, было истинно.

Теперь она направлялась к нему без тени смущения и неуверенности. Все то, что открылось ему с тех пор, как она вышла из лодки, бледнело в сравнении с тем, что он уже знал о ней. Он смотрел ей в глаза и видел в них стремление и доверие, зародившееся между ними.

Он возился со своим платьем. Ему хотелось бы двигаться столь же изящно, как Милкейла, но желание, внезапно захлестнувшее его, не позволяло мешкать.

Они упали на песчаную отмель и в полном молчании предались любви под луной и звездами.

Оба чувствовали, что две их религии, соединившись, смогут открыть что-то более важное, чем каждая в отдельности, какую-то совершенную истину. Физическое слияние казалось им самой прекрасной формой этого соединения.

— Ты согласен, брат? — громко спросил Джавно.

Кормик сообразил, что вопрос звучит уже не в первый раз, и глупо уставился на старшего собрата.

— Да восторжествует блаженный Абель, когда племена этого озера вкусят нашей любви, — провозгласил Джавно.

— Их традициям сотни лет, — заметил Кормик.

— Терпение, — возразил Джавно.

Ответ был весьма предсказуемым. Кормик слышал его не раз, но то, как внезапно оборвался голос собеседника, заставило юношу взглянуть на него. Джавно напряженно смотрел в сторону пляжа.

Проследив за его взглядом, Кормик увидел поври — косолапых, криворуких, бочкообразных гномов. Их широкий плот был уже почти у самого берега. Карлики соскочили в воду и бросились в атаку, размахивая оружием.

Кормик обернулся, в несколько прыжков оказался у береговой линии, подскочил и с налету врезался в двух гномов прежде, чем они успели выйти из воды. Один повалился, другой зашатался, но устоял. Тогда Кормик быстро присел и с разворота ударил его ногой по подбородку, не дожидаясь, пока тот полностью оправится от внезапной атаки. Его темно-красный берет, знак отличия поври, которых звали еще кровавыми колпаками, отлетел в сторону, когда карлик рухнул в воду.

— Назад, пока они тебя не утопили! — вскричал Джавно, выбрасывая вперед руку, сжимавшую графит, молниеносный камень, и высвобождая его энергию.

Ярко-голубая вспышка с шипением ударила в плот, разбросала гномов в разные стороны и погасла в воде, неприятно ужалив ноги Кормику.

За спиной Джавно еще двое монахов, скрываясь за каменной грядой, выкрикивали предостережения.

Кормик изо всех сил пошлепал по мелководью к скалистому берегу, умудряясь на ходу уворачиваться от дубинок и отражать нескончаемый град ударов. Однако пара выпадов достигла цели. Из воды он выбрался с багровым рубцом на руке и кровоподтеком, от которого начал заплывать правый глаз.

— Сюда! — крикнул Джавно двум своим братьям и Кормику, которого гномы почти настигли.

Тот подбежал, схватил первый попавшийся булыжник, резко развернулся и швырнул его в ближайшего преследователя. Камень угодил карлику точно в грудь, на миг сбив ему дыхание. Но уже в следующий момент разъяренный крепыш забыл об ударе и рванул вперед, дико размахивая дубиной.

Кормик не собирался отступать. Он бросился навстречу гному и подставился под очередной удар. На секунду стало нечем дышать, но он переборол себя, улучил момент и вырвал оружие из рук изумленного карлика. Треснув его со всего маху по голове, юноша раскрутил дубину и метнул ее в следующего противника.

Рыжебородый гном попытался закрыться рукой, но не рассчитал. Дубинка врезалась ему прямо в нос, голова поври откинулась назад под действием сокрушительного удара.

— Ах ты, собака! — выругался поври, вытирая кровь с разбитой переносицы, ухмыльнулся и со злобным рычанием бросился в атаку, но вдруг растерянно остановился и рухнул на одно колено.

У Кормика не было времени ни на то, чтобы осознать, как ему повезло, ни на то, чтобы порадоваться удачному броску. Подобный выпад мог лишь на время сокрушить поври, будто сделанных из куска скалы. Поэтому, едва швырнув дубинку, он тут же обрушил новый удар

на голову очередному противнику.

Гном мертвой хваткой повис на Кормике и стал раскачивать его из стороны в сторону, пытаясь повалить наземь. Тот изо всех сил старался удержаться на ногах, осыпая ударами карлика. Из ран Кормика хлынула кровь, ему казалось, будто он бьется с камнем, а не с живым существом.

Монах не сдавался, но поври увлекал его все дальше от Джавно и собратьев к полудюжине своих товарищей, готовых напасть в любой момент. В землю вонзилась еще одна молния. Вожак гномов задергался в неистовой пляске, хлопая руками и клацая челюстью. Густая рыжая шевелюра и борода встали торчком. Он извивался и подскакивал, пытаясь сделать шаг, но в конце концов повалился на землю.

Остальные пять поври двинулись дальше, не обращая внимания на летевшие в них камни. Завязалась настоящая драка.

Кормик продолжал отчаянно работать ногами и обрушивать на гнома тумак за тумак, но упрямый противник ухитрился развернуться, подставить лицо прямо под атакующий кулак и впиться в него своими квадратными зубами.

Молодой человек вырвал руку, одновременно высвобождаясь из цепких объятий карлика. Он отскочил назад и встретил своего преследователя сперва мощной атакой слева, отчего голова свернулась набок, затем довершил дело сокрушительным ударом правой руки.

— Ну, держись! Сейчас я обдеру кожу с твоего смазливового лица! — пригрозил поври и снова бросился в наступление, однако был встречен серией из трех жалящих ударов.

Кормик отступил еще немного. Расстояние было его очевидным преимуществом. Он смотрел на своего противника, похожего на ходячий кусок скалы, и понимал, что других преимуществ у него нет.

Джавно отчаянно отбивался самодельной деревянной булавой. Ему даже удалось нанести гному мощный удар, но тот продолжал неумолимо теснить его. Как бы пригодилась сейчас монаху та булава, с которой он покинул Пеллинонскую часовню. Это было прекрасно сбалансированное, идеальное по весу зубчатое оружие. Но увы! Ее, как и все прочие металлические предметы, уничтожила коррозия.

От очередного удара, поразившего поври в плечо, наконечник булавы разлетелся вдребезги. Джавно съехался и закрылся свободной рукой как раз вовремя, чтобы заблокировать неминуемую контратаку. Когда вражеская дубинка пронеслась мимо, монах крепко вцепился гному в руки.

Большая ошибка!

Джавно понял это сразу же, как только со всего маху врезался в своего противника, который даже не качнулся. Теперь преимущество человека перед поври — длина рук — было потеряно. Гном проворно высвободился, схватил абелийца за талию и повис на нем, увлекая за собой. Оба покатались по земле.

К ним подскочил еще один карлик и принялся колотить Джавно увесистой палкой. Монах извивался от боли, тело под тяжелой коричневой рясой покрылось рубцами. Наконец ему удалось повернуться так, чтобы видеть обоих своих собратьев, которые отчаянно и храбро отбивались сразу от трех гномов, отвешивая удар за ударом. В какой-то момент поври ослабил хватку, Джавно вскочил на ноги и побежал к ним. Расчет оказался верен. Монаху удалось отвлечь на себя одного из троих карликов. Тот запустил в него топориком, заставляя отпрыгнуть назад, в направлении двух преследователей.

Джавно все еще сжимал в кулаке графит и сосредоточился на нем. Несмотря на побои и оплеухи, он не потерял концентрации и направил всю свою энергию сквозь камень. В тот же миг змееподобные молнии вспыхнули вокруг абелийца и ударили во всех направлениях.

Поври разметало по сторонам, и Джавно поспешил к друзьям. Он бросил на Кормика взгляд, полный искреннего, почти отеческого беспокойства, но тут же напомнил себе, что именно звание лучшего бойца Пеллинонской часовни позволило юноше участвовать в альпинадорской экспедиции.

«Он справится», — сказал себе Джавно и помолился.

— Ах ты!.. — выругался гном, ухмыляясь и отплеываясь. — От твоей кровушки мой берет станет еще краше!

Он замахнулся дубинкой и с ревом бросился на Кормика. Тот опередил его движение, присел и выбросил вперед ногу, чтобы в следующий момент подсесть карлика, резко ударив сзади по коленям. Поври зашатался и чуть не упал на спину.

Вскоре он понял, что это оказалось всего лишь уловкой. Кормик перекувырнулся назад, развернулся, обхватил беднягу ногами наподобие ножниц и стал раскачивать. Гном пытался устоять, но сопротивляться распростертому на земле человеку было бесполезно, и он рухнул, выронив дубинку и едва успев подставить руку, чтобы не удариться лицом о камни.

Перекатившись со спины, Кормик одним рывком вскочил и уже собирался втоптать голову поверженного карлика в камни. Он даже занес ногу над ошеломленным врагом, но засомневался.

Сзади послышался всплеск. Юноша обернулся и увидел, как тот самый гном, которого он повалил первым, в ярости выбегает из воды. Через мгновение Кормик понял, что это была не ярость, а ужас, ибо следом за поври появилось еще одно существо.

Его гладкая, голубоватая, почти прозрачная кожа мерцала в блеклом, туманном свете, взгляд черных глаз словно впивался в жертву из-под выступающих надбровных дуг. Кормик сразу же догадался, что это ледниковый тролль. Узнал его и карлик, судя по ужасу, написанному на лице!

Ростом с гномов, но гораздо легче последних, ледниковые тролли были настоящим проклятием всех островитян. Их обманчиво тонкие конечности таили в себе недюжинную силу, а зубы ранили подобно маленьким кинжалам. Там, где появлялся один тролль, неизбежно оказывались и другие. Вот и теперь Кормик убедился в этом, заведя множество длинных ушей, которые торчали тут и там по всему каменистому пляжу.

Гном, лежавший рядом с Кормиком, схватил его за лодыжку и с силой потянул вниз. Монах не сопротивлялся. Он позволил повалить себя на землю, сделал кувырок назад и снова встал на ноги.

— Тролли! Тролли! — закричал юноша и рванул к берегу. — Живее! — подгонял он карлика, бежавшего навстречу.

Тот, едва ступив на берег, вдруг откинул голову назад и, казалось, действительно заторопился. Но в следующий момент, когда он качнулся вперед, замер, затем рухнул на колени и шумно выдохнул, Кормик понял, в чем дело.

— Бикельбрин, друг! — возопил поври, лежавший у ног юноши, и вскочил.

Прервав сражение, его сородичи обернулись на крик. Стало ясно, что перед этой бедой гном и человек равны. Десятку карликов предстояло дать отпор более чем дюжине троллей, вооруженных копьями, на концах которых крепились острые зазубренные раковины. Это оружие было страшнее, чем относительно безвредные палки, которыми островитяне имели обыкновение дубасить друг друга по голове.

Два тролля приближались к Бикельбрину с одной стороны, Кормик — с другой. Перескакивая через камни, полный решимости, он слышал, как брат Джавно велел всем бежать в монастырь, понял, что трое его товарищей туда и направляются, но не мог бросить раненого поври.

Видя, что ледниковые тролли потянулись к своим копьям, Кормик сделал последний рывок. Он присел, пружиной подпрыгнул в воздух, перелетел через гнома и обрушился на тварей прежде, чем они успели достать оружие. Один отпустил древко, пытаясь защититься руками, другой оказался более упорным и уже с отвратительным плаксивым воплем занес копьё. Именно на него пришлась основная сила удара, хотя повалились оба.

Приземлился Кормик неудачно, чуть не налетев лбом на камень, но вовремя подставил руку. Волна головокружения захлестнула его, однако нельзя было оставаться в окружении этих гадких существ, которые цеплялись и кусались. Юноша откатился в сторону, но один

тролля успел вонзить зубы в его голое предплечье.

Кормик немедленно отдернул руку и, почувствовав, что дурнота отступает, со всей силы врезал твари по уродливой морде.

Второй тролль оказался не менее проворным, чем монах, и уже метил копьём ему в живот.

Кормик увернулся и выбил у врага оружие. Он перешел в атаку, но, повинувшись инстинкту, вдруг развернулся, отскочил назад и чудом избежал копья, посланного еще одним троллем.

Теперь юноша был один против тройки врагов и видел, как приближается четвертый. Вдруг слева донесся пронзительный крик. Один из троллей, словно споткнувшись, упал, сраженный ударом дубинки по голове. За ним показался разъяренный поври, стремглав бежавший к месту схватки с пустыми руками. Это он швырнул свою дубинку в тролля. Гном звал Бикельбрина, но пронесся мимо своего раненого друга, набросился на второго тролля и, подмяв его под себя, принялся осыпать пинками.

Кормик ударом ноги переломил шею поверженному троллю, и тот перестал корчиться. Эти твари, которые сами не пощадят никого, могли не рассчитывать на жалость в нынешнем сражении. Поври оставили в покое абелийских братьев и уже спускались с холма к берегу. Кормик с облегчением увидел, что Джавно опять вскинул руку.

— В монастырь! — закричал он снова, на сей раз обращаясь только к Кормику и давая понять, что братьям придется его бросить, если тот не поспешит.

Сразу за окликом последовал удар молнии, и все три тролля задержались в дикой неестественной пляске. Их тонкие конечности неистово затряслись от остаточных разрядов.

Тут подбежал четвертый тролль и набросился на Кормика с копьём. Юноша увернулся пару раз и, откинувшись назад, с трудом избежал третьего удара, который просвистел совсем рядом с головой. Тогда он взялся левой рукой за древко, правой захватил копьё у самого наконечника и стал гнуть его книзу, навалившись всем телом. Раздался треск, и копьё сломалось пополам. Кормик вырвал у тролля кусок древка и обрушился на него, не выпуская из рук второго обломка. Почувствовав, что острый край входит в тело противника, монах обнял его левой рукой и вонзил оружие еще глубже.

Обезумевшая тварь пыталась кусаться, но не могла дотянуться до Кормика. Тогда, не желая сдаваться, тролль пустил в ход еще одно свое средство защиты, длинный клиновидный подбородок, которым стал царапать голову соперника.

Оба повалились на землю. Кормик уперся коленями троллю в грудь, вытащил наружу древко копья, подбросил его, повернул зазубренной ракушкой вперед и снова набросился на врага.

Тролля выскальзывал и лягался, отбивался и изворачивался, но Кормик вонзил копьё прямо ему в грудь, для верности разворотив рану. Наконец юноша скатился с убитого противника, и взору его предстал еще один тролль, тот самый, который получил дубинкой по голове. Он стоял прямо над монахом с камнем в руке.

От удара голову словно разорвала ярко-белая вспышка. Кормик закрылся руками и даже умудрился встать. Но тролль не отставал. От бесконечных тумачев и укусов земля уходила из-под ног человека.

Юноша нашел в себе силы ровно для одного ошеломительного удара, который, по счастью, пришелся троллю в челюсть. Тварь мешком повалилась на землю.

Кормик старался выпрямиться, но его шатало из стороны в сторону. Поври и тролли — все смешались в одну беспорядочную яростную массу.

Вдруг земля молниеносно приблизилась и поглотила его. Он вспомнил о Милкейле, о своей тайной любви. Юноше было жаль, что в эту ночь он не сможет прийти к ней на свидание в их особом месте на северной отмели. Ему показалось глупым думать об этом сейчас, и было непонятно, почему образ прекрасной варварки наполнил его мысли именно в эту опасную минуту.

Потом он понял, что с этими мыслями, с ее образом на него снизошла благодать,

подарив миг успокоения в бурю. Кормик попытался произнести ее имя, но не смог.

Звуки стихли, свет погас, в последний момент приняв очертания ее тела, и юноша погрузился в холодный и пустой мрак.

Глава четвертая ОПОРА

Брансен отвернулся от Кадайль и лег на спину. Он хотел прикрыть лицо рукой, но не рассчитал движения и больно ударил себя по лбу. Ему стоило огромных усилий совладать со своей дрожащей, трясущейся кистью и спрятать под ней глаза, в которых закипали слезы обиды. Кадайль оперлась на локоть и ласково посмотрела на мужа.

Его нога подергивалась и отскакивала в сторону, ударяясь о переднюю опору их палатки так, что вход грозил обрушиться. В совершенном расстройстве молодой человек схватил лежавший неподалеку гематит.

Кадайль нежно погладила мужа по обнаженной груди, нашептывая слова утешения, но Брансен не пошевелился и не взглянул в ее сторону.

— Я люблю тебя, — сказала жена.

Наконец Брансен поборол гордое упрямство, потянулся к душевному камню и положил его рядом с собой.

— Тебе придется вечно терпеть мою... неуклюжесть.

Кадайль рассмеялась, но тут же осеклась, опасаясь, что ее веселье будет неправильно истолковано.

— Мы ведь знали, что на это потребуется время, — ответила она.

— На это потребуется вечность! — возразил Брансен. — Лучше ничего не стало! А я-то верил, что теперь освобожусь от душевного камня. Я-то надеялся...

— Всеу свое время, — перебила его Кадайль. — Я помню Цаплю, который не мог даже ходить без камня. Теперь ты можешь. Разве это не улучшение?

— Да, но это было давно, — буркнул Брансен, наконец отняв руку от лица и посмотрев на свою удивительную, все понимающую жену. — Мои успехи давали повод надеяться. А теперь их нет. Без камня я неуклюжий уродец!

— Неправда!

— Без него я даже не могу быть полноценным мужем! Я не мужчина!

Кадайль покачала головой и села. Брансен молот такой вздор, что было невозможно удержаться от смеха.

— Что? — наконец спросил он в крайнем раздражении.

— Непривычно видеть Разбойника, настолько преисполненного жалости к себе, — отвечала она.

От неожиданности и гнева Брансен онемел.

— Ты проучил владыку Делавала и дважды ограбил принца! Ты народный герой...

— Который не в состоянии заниматься любовью со своей женой!

Кадайль поцеловала его.

— У меня нет оснований быть недовольной.

— Только если у меня ко лбу прижат самоцвет. Без него я ни на что не гожусь.

— Тогда скажи спасибо, что он у тебя есть!

Брансен безучастно поглядел на нее.

— Я хочу...

— Раз хочешь — значит, получишь, — оборвала его Кадайль. — Когда придет время. Если нет, то и не надо. Нужно радоваться, что у нас есть душевный камень. Я, например, рада. Но даже если бы мы не нашли камня, если бы ты не мог любить меня так, как ты это умеешь, неужели думаешь, что это могло бы повлиять на мои чувства к тебе? Ты считаешь, я стала бы любить тебя меньше? — спросила она, нахмурившись.

Брансен усталился на нее с явным непониманием.

— Вот если бы я не могла одарить тебя супружескими ласками, неужели ты бросил бы меня ради «полноценной» женщины? — продолжала она с вызовом.

Молодой человек не мог произнести ни слова, и это невозможно было списать лишь на физический недуг.

— Конечно, не бросил бы, — уверенно заключила Кадайль. — Если бы я сомневалась в этом, то никогда не согласилась бы выйти за тебя замуж. Я люблю тебя, Брансен, — добавила она, смягчившись и погладив его грудь изящной рукой. — Мне нравится заниматься с тобой любовью всегда, есть у тебя на лбу самоцвет или нет. Прошу тебя, довольно об этом, хватит жалеть себя. Невыносимо слышать сетования из уст любимого, который готов дракона убить, чтобы защитить меня. Ты настолько превосходишь обычных мужчин, что твоя жалость к себе хуже, чем самоирония, настолько она смешна и неумна. Ты Разбойник. Ты самый прекрасный мужчина на свете, мой муж. Каждое утро я благодарю бога и Древнейших за то, что Брансен Гарибонд стал частью моей жизни.

Брансен пытался ответить, объяснить, что это он должен на коленях благодарить ее, но Кадайль приложила пальчик к его губам и нежно коснулась их своими. Затем она устроилась на нем верхом и стала осыпать поцелуями его лицо, беспрестанно нашептывая нежности.

Молодой человек подумал, что если кому-то из них и повезло по-настоящему, так это ему. Но он не стал спорить и сдался в плен очарованию и красоте своей любимой Кадайль.

— Ей это не понравится, — прошамкал сквозь два оставшихся зуба старик с тощим лицом.

Доусон Маккидж бросил на старого брюзгу недоверчивый взгляд.

— Все мертвы. — Он указал на дымящиеся руины, где всего несколько дней назад стоял процветающий город. — Кому это может понравиться, старый осел? — добавил он, повысив голос, чтобы в войске его слышали, пока не приехала дама Гвидра, которая, как говорили, должна была появиться с минуты на минуту. — Мужчины, женщины и дети Вангарда, наши братья, наши товарищи — все погибли в резне, которую учинило это проклятие рода человеческого.

— Гоблины и окаянные голубые тролли! — выкрикнул кто-то.

— А альпинадорцы им помогли, ясное дело! — вмешался третий.

Доусону оставалось только кивнуть. Вдоль северных границ Вангарда война шла уже давно, но когда был разрушен и сожжен этот город под названием Тетмол, который располагался ближе к заливу Короны, чем к местам сражений на севере, стало ясно, что теперь она подкралась сбоку.

Стук копыт прервал разговоры, и пятнадцать воинов разом повернулись навстречу приближавшейся кавалькаде. Впереди и сзади ехали лучшие стражники Пеллинорского замка, в середине — трое монахов, одетых в коричневые рясы, двое легковооруженных советников и две дамы. Обе непринужденно держались в мужском седле, предпочитая

оставить женское куртизанкам из владений к югу от залива Короны, где оно как раз вошло в моду. Все взоры устремились на одну из дам, более высокую, которая сохраняла царственную осанку, хотя в ее волосах уже пробивалась седина.

— Зря она покинула замок, — едва слышно пробормотал Доусон и потер усталые глаза, тщетно пытаясь успокоиться.

Он поймал себя на том, что нервно оглядывается по сторонам в ожидании, что откуда-нибудь из леса выскочит орда гоблинов, троллей и прочей нечисти, чтобы совершить самое важное убийство и поставить точку в этой проклятой войне.

Кортеж направился к городским стенам. Солдаты заняли оборонительные позиции, а семеро сановников рысью подъехали к Доусону и его людям.

— Госпожа Гвидра! — Доусон склонился в приветственном поклоне перед своей правительницей, своим другом.

Гвидра легко соскочила с лошади, передав поводья одному из воинов, стоявших поблизости, и некоторое время разглядывала дымящиеся развалины, обугленные тела, вздувшиеся зловонные трупы серо-зеленых гоблинов и зелено-голубых троллей, валявшиеся повсюду.

— Они достойно сражались, — осмелился заметить старый простофиля, торчавший рядом с Доусоном.

— Все погибли? — спросила Гвидра, пристально посмотрев на него.

— Мы не нашли ни одного живого, — подтвердил Доусон.

— Значит, на них напало большое войско, — заметила Гвидра. — Но как? Как удалось ему забраться так далеко на юг?

— Волшебство самхаистов, — прошептал один из монахов.

Абелийцы принялись тихонько молиться блаженному Абелю, чем не столько впечатлили, сколько раздосадовали правительницу, а заодно и Доусона.

— Это дикие земли, миледи, — ответил он. — Жителей мало, дороги почти не охраняются, а если бы и охранялись, то все равно через лес можно легко обойти часовых.

— Их наглость невыносима, — заметила Гвидра и знаком приказала Доусону следовать за собой, а приближенным, включая даже леди Дарлию, свою ближайшую подругу, — оставить их наедине.

Доусон в очередной раз не мог не восхититься тем, как его повелительнице удавалось сохранять самообладание. Та спокойная уверенность, которую она распространяла вокруг себя, поначалу удивила многих при пеллиновском дворе. Четверть века назад, когда ее отец, вдовый владыка Гендрон, неожиданно скончался, упав с лошади на охоте, Гвидра была еще юной девушкой. В этой дикой северной местности, известной как Вангард, Гендрона уважали за то, что ему удавалось удерживать разрозненные общины «в мягком кулаке». Это выражение закрепилось за Гендроном так же, как за его отцом и великим дядей, который владел всем Пеллинором.

— Этого нельзя терпеть, — сказала Гвидра, поджав губы, звенящим от напряжения голосом. — После падения Пеллиновской часовни начались волнения, а теперь, когда новости о судьбе Тетмола распространятся, народ совсем упадет духом.

— Вы опасаетесь, что он начнет сомневаться в стойкости своей правительницы? — спросил Доусон.

Гвидра тяжело вздохнула, бросила на собеседника сердитый взор, но тут же смягчилась. Доусон Маккидж был, возможно, единственным человеком во всем Вангарде, который имел право разговаривать с ней с необходимой искренностью.

— Ты помнишь тот день, когда погиб владыка Гендрон? — мрачно спросила она.

— Я был с вами, когда пришла весть.

Гвидра кивнула.

— Да, — продолжал Доусон. — Начались вздохи и сетования, почему владыка не произвел на свет сына.

— Чем тише голоса, тем лучше они слышны, — заверила его дама. — Отчасти из-за

них я так быстро решила выйти за Пейтера.

Доусона не смутили ее слова.

— Став вашим мужем, он сделался мне другом. Думаю, до него тоже доходили эти слухи. Он не мог не видеть, какую боль они причиняют обожаемой Гвидре.

— Я была тогда совсем девчонкой и, конечно, ничем не успела заслужить их доверие. Даже спустя годы, когда Пейтер умер, у них оставались справедливые сомнения на мой счет.

— Это случилось пятнадцать лет назад, госпожа, — напомнил ей Доусон. — Еще до вашего тридцатилетия. Неужели вы боитесь, что люди до сих пор сомневаются в вас?

— Мы ведем безнадежную войну.

— Это Вангард! Мы вечно воюем то с одними, то с другими. В лесах полным-полно гоблинов, побережье кишит поври, на севере тролли и эти альпинадорские варвары. Я никогда в жизни не встречал более несговорчивого народа.

— Это другое, Доусон, — ответила Гвидра тоном, более красноречивым, чем слова, ибо за ним стояла правда, отрицать которую было бесполезно.

Леди сделала своим любовником абелийского монаха. За два года орден блаженного Абея распространился по всему Вангарду, вызвав недовольство и открытый гнев опасных и могущественных самхаистов.

— Вы полюбили, — сказал Доусон.

— И повела себя как дура. Поставила сердце выше долга, и теперь вся земля расплачивается.

— Эти церкви затеяли бы войну и без вас, — возразил Доусон. — Посмотрите на юг. Там жрецы воюют руками правителей. Каждый день, говорят, по триста человек погибает.

Леди Гвидра кивнула, соглашаясь с его доводами. Действительно, в других провинциях Хонсе борьба абелийцев и самхаистов за религиозное влияние была не столь очевидна. Там она маскировалась под распри между владыками Делавалом и Этельбертом, но менее реальной и жестокой от этого не становилась.

В южных землях абелийцы явно побеждали. Их магия самоцветов, одновременно целительная и разрушительная, пришлась ко двору многим правителям, жаждущим господства. Самхаисты нашли прибежище на тихом севере, в диких землях, куда редко ступала нога абелийца и где еще реже попадались драгоценные камни. Древняя самхаистская мудрость, связанная со временами года и разными животными, служила вангардцам верой и правдой.

Но потом правительница Гвидра влюбилась в абелийского монаха.

— Будет еще много Тетмолов, — мрачно заключила она. — И много разграбленных общин.

— Умоляю, госпожа, не говорите об этом своим подданным.

Гвидра покачала головой в ответ на сухое замечание Доусона. Воин понял, что она не собирается драматизировать ситуацию и прекрасно осознает свою неспособность противостоять ордам с севера, полчищам старца Беддена.

— Мои переговоры с вождем Данамаргой прошли неудачно, — сказала она. — Его клан, скорее всего, не станет вступать в войну.

Данамарга возглавлял одно из дружественных альпинадорских племен, с которым вангардцы вели торговлю, и был частым гостем в Пеллиновском замке.

— Вот и хорошо, — отозвался Доусон. — Его воины слишком жестоки.

— А еще он не станет договариваться от нашего имени с другими племенами.

— Конечно, влияние самхаистов в Альпинадоре велико. Но вряд ли варвары объединятся с уродливыми гоблинами и скользкими троллями.

Леди Гвидра пожала плечами и устремила взор на выжженную деревню.

— Мы проигрываем, а Данамарга — прагматичный человек. Если победители решат поделить Вангард между собой, то он будет плохим вождем, коли упустит выгоду для своего клана.

— Вангард — это страна. Без нас она пуста, — возмутился Доусон. — Какая польза

альпинадорцам от голой земли? Зачем вообще эта война?

Гвидра кивнула в знак понимания. Внутренняя логика подсказывала ей, что, хотя старец Бедден и натравливает на Вангард монстров и варваров, на самом деле он не хочет изгонять вангардцев из их земель и охотиться за ними по всему заливу Короны.

— Старец Бедден и его ученики не собираются устраивать богослужения для гоблинов и троллей, равно как и для альпинадорских варваров, у которых есть свои боги, — сказал Доусон.

— Которые не слишком отличаются от самхаистских божеств, — напомнила Гвидра.

— Да, но вряд ли Данамарга или какой-нибудь другой вождь добровольно отдаст бразды правления жалким священникам Беддена.

— Значит, весь смысл войны только в том, чтобы преподать мне урок, — отозвалась Гвидра.

Доусон промолчал. Трудно было с этим не согласиться.

— Смысл в том, чтобы прогнать абелийцев обратно на юг и закрепить Вангард за самхаистами, — добавил он. — Мы все, включая правительницу Гвидру, заложники войны религий. Она не закончится, когда Бедден выдворит врага из Вангарда. Старец прекрасно знает, что Делавал и Этельберт отдались абелийцам с потрохами, и это очень его злит. Сначала он очистит Вангард, затем использует нас, чтобы через залив добраться прямо до часовни Абея. Прошу прощения, госпожа, но в такой войне я участвовать не желаю.

Его взволнованный тон не мог не вызвать озорную улыбку на лице леди Гвидры, которая так шла угловатым чертам ее лица и напоминала Доусону о том, насколько красива эта уже немолодая женщина. Прошлый год принес немало волнений, и потому теплая и ободряющая, полная достоинства, но не снисходительная и совершенно обезоруживающая улыбка вангардской правительницы редко освещала ее лицо.

То, что эта улыбка не смогла привлечь на их сторону вождя Данамаргу, говорило о многом: о власти старца Беддена и еще больше — о расстановке сил в войне.

— Что ж, дадим старцу Беддену бой, которого он желает, — произнесла Гвидра, устремив взгляд на юг. — И сами выберем место сражения.

— Армия состоит из переселенцев, — пробормотал Доусон.

— Думаю, пора хонсейцам обратить взор на гостеприимный и прекрасный север, — кивнула дама. — Доходят слухи, что Палмаристаун стал прибежищем крыс и прочего сброда. Еще поговаривают, что часовня Абея принимает беженцев. А у нас столько земли не хуже, чем в других областях залива Короны, готовой принять всех, кто ищет лучшей доли.

— Все мужчины на войне, потому и деревни пустуют, если только их не сровняли с землей, — напомнил Доусон, но Гвидра не смутилась.

— Такова жизнь, — отозвалась она. — Те, кто придет сражаться за Гвидру, будут отстаивать и свой завтрашний день. Оставшись на юге, они неминуемо попадут в армию либо Делавала, либо Этельберта. Каков бы ни был исход той войны, разве семьи этих солдат в чем-то выиграют? Ни в Палмаристауне, ни в любом другом городе ничего не изменится. Эти помещики — два сапога пара. Они воюют только за собственную выгоду, а никак не ради процветания или безопасности народа. А здесь собрались враги моей армии — гоблины и ледниковые тролли.

— И люди, — заметил Доусон.

— Варвары, — поправила Гвидра. — Какие же они собратья народу Хонсе? Нельзя так называть и тех, кто при малейшей опасности переметнулся во вражеский город.

По всей видимости, у Доусона не осталось возражений.

— На заливе штиль, корабли ждут, — Гвидра глядела на него в упор и победоносно улыбалась.

— В часовню Абея?..

— Неплохо было бы начать с нее, — заметила Гвидра. — Там знают о нашем положении и не позволят, чтобы Бедден безраздельно властвовал над Вангардом. Пусть они направят вас в города, где еще не успели побывать вербовщики Делавала.

— Если владыка Делавал прознает о том, что я краду людей у него из-под носа... — забеспокоился Доусон.

— А мы ему не скажем!

Воин беспомощно улыбнулся. Когда леди Гвидра принимала решение, переубедить ее было нелегко.

— Они отзовутся, — заверила его она. — У тебя получится их убедить.

Доусон Маккидж прекрасно знал, что стоит за этим «убедить», но, еще раз оглянувшись на останки Тетмола, от которых бросало в дрожь, не раздумывая выбрал из двух зол меньшее. Требовалось серьезное подкрепление, чтобы эта проклятая картина как можно реже представляла бы перед ним.

Он снова упал. В четвертый раз. Кадайль бросилась на помощь, но Брансен упрямо отмахнулся. Дрожа и дергаясь, он сумел сперва перевернуться на живот, затем встать на колени. Сочувственный и взволнованный взгляд, которым обменялись Кадайль и Каллен, весьма раздосадовал молодого человека, однако он не подал виду.

Они держали путь из Делавала по дороге, ведущей на северо-северо-запад, вдоль величественного водного пути, недавно переименованного в Мазур Делавал. Северо-восточный берег реки считался цивилизованным, но дорога, вернее сказать — колея, никак не соответствовала этому эпитету. В районе, не тронутом войной, всего в трех днях пути от столицы они шли по неровному, грязному месиву, которое трудно было назвать дорогой. Этот путь, испещренный узловатыми корнями больших ив, мог сбить с толку даже самого осторожного путешественника, что уж говорить о Брансене, давшем себе слово не вынимать душевный камень из кармана; для Брансена каждый шаг превращался в настоящее испытание мужества.

Встав на четвереньки, чтобы отдохнуть и перевести дыхание, Брансен боролся с желанием воспользоваться самоцветом. Молодой человек заметил перед собой красную лужицу и тут только осознал, что во время последнего падения расквасил себе нос и вдобавок разбил губу. Он стал отплевываться. Из рта полетели кровавые брызги.

Подошедшая Кадайль коснулась его спины, и Брансен напомнил себе о том, что она любит его и, конечно, беспокоится.

— Может быть, на сегодня достаточно? — тихо спросила она.

Муж попытался было возразить, но ничего не выходило.

Он сплюнул кровь, потянулся к карману и наверняка снова упал бы в грязь, если бы Кадайль не подхватила его. Она взяла его за непослушную руку и помогла закрепить самоцвет на лбу.

— Мы едва покрыли две мили, — наконец произнес Брансен настолько четко и уверенно, что сам подивился разнице.

— И еще пять надо постараться успеть пройти до захода солнца, — не сдавалась Кадайль. — Если ты повредишься, то нам не одолеть и мили.

Брансен окинул ее сердитым взглядом.

— Я понимаю, — прошептала Кадайль. — Знаю, что ты скажешь, и не стану делать вид, что у меня есть право с тобой не согласиться. Но прошу тебя, любовь моя, умерь свой пыл. Ты истязашь свое тело больше, чем оно способно выдержать. Если ты сломаешь ногу, потребуется кое-что посерьезнее душевного камня. Что тогда прикажешь делать нам с мамой?

— Не могу больше терпеть это существо по прозвищу Цапля, — ответил Брансен.

— А я могу.

Не отнимая ото лба самоцвет, молодой человек с невероятным проворством вскочил на ноги. Теперь он был Разбойником, жуликом, который мог взобраться по ненадежным камням замковой стены, бросить вызов лучшему бойцу владыки и одержать победу.

Стоило ему убрать камень, как он снова зашатался, но справился с собой и жестом велел перепуганной Кадайль не приближаться. Положив самоцвет в карман, Брансен

двинулся дальше.

Он сделал шаг, неловкий и дрожащий, покачнувшись, едва устоял на ногах, но сумел оглянуться на Кадайль, которая, как и ее мать, нахмурившись смотрела на него.

Тогда Гарибонд трясущейся рукой в очередной раз потянулся за драгоценным амулетом и вынул его вместе с черной шелковой косынкой, которой он обычно закреплял камень на лбу.

— Просто мне не хотелось заканчивать неудачей, — объяснил он, повязывая косынку и натянуто улыбаясь.

Кадайль и Каллен стало очевидно, что он уступил исключительно из уважения к ним.

— Я буду терпелив настолько, насколько смогу, — пообещал он жене.

Несмотря на расстройство, слова его были искренни.

— Я люблю тебя, — сказала Кадайль.

— И с камнем, и без камня, — добавила Каллен.

Брансен облизнул окровавленную губу, удивляясь, как ему удастся быть одновременно таким везучим и таким несчастным, как он может в одно и то же время благословлять и ненавидеть целебную магию своего самоцвета. Душевный камень избавил его от немощи, сделал полноценным человеком, если не сказать — героем. Но тот же самый амулет поработил его, поймал в ловушку.

Брансену так хотелось освободиться, но эта свобода была ему невыносима.

— Знаешь, сейчас у тебя получается лучше, чем до того, как ты нашел камень, — заметила Кадайль. — Возможно, этот путь пока тебе не дается, — указала она на разбитую колею. — Но раньше ты не мог осилить даже ровную лужайку во дворе монастыря.

— Ки-Чи-Крии, — напомнил Брансен.

— Обет Джеста Ту. Ты поборешь эту немощь, — кивнула Кадайль. — Ты уже ее поборол, — добавила она и, заметив его удивленный взгляд, пояснила: — Ты победил задолго до того, как нашел средство управлять своим телом. Другие видели в тебе Цаплю, насмехались над тобой или искренне жалели. Но ты всегда был и останешься Брансеном, с душевным камнем или без него, пользуясь им, чтобы пройти по раскуроченной дороге, или нет.

Брансен Гарибонд закрыл глаза и глубоко вздохнул, вместе с воздухом изгоняя из себя все расстройство.

— Жаль, что я не знал своего отца, — произнес он.

Женщины кивнули в знак понимания того, что он хотел сказать.

— Отец освоил Джеста Ту. Он был в Облачном Пути и переписал их книгу, ту самую, по которой меня, тогда еще мальчика, учил Гарибонд. У него нашлись бы ответы.

— Или он указал бы тебе, где их искать.

Брансен кивнул и улыбнулся, искренне и обнадеживающе.

— Гарибонд сказал, что отец отправился в часовню Абея, на север. Вот если бы удалось его найти...

— Бран Динард был хорошим человеком, — произнесла Каллен, которая шла рядом с дочерью. — Я обязана ему жизнью в той же мере, что и Сен Ви. Он знал, почему меня оставили умирать на дороге и за что искушали змеи. Ему было известно и о том, что это произошло с молчаливого согласия высшего духовенства его церкви. И все же он защищал меня от ужасных поври и прятал, рискуя жизнью. Ты очень похож на него, Брансен. В тебе есть его цельность и чувство справедливости. По сравнению с этими качествами физическая сила ничто.

— Я обрету ее, — ответил Брансен. — Это возможно, и камень — тому доказательство. Я преодолею этот недуг.

— Ничуть не сомневаюсь, — согласилась Каллен. — Я дважды благословенна, ибо меня спас сначала твой отец, а потом ты, Разбойник.

Кадайль взяла Брансена за руку.

— Ну что, пять миль? — спросила она.

— Итого за день будет семь, — отвечал молодой человек. — Завтра пройдем еще семь. Кадайль запрокинула голову и пристально взглянула упрямому мужу в глаза.
— Две без камня?
— Две с половиной, — отрезал он.
Смех Каллен заставил их обернуться. Она стояла, держа за поводья Дулли.
— И они еще смеют утверждать, будто мой спутник и есть самый большой упрямец, — заметила она, потрясая уздечкой.
Все трое расхохотались. Даже старый Дулли фыркнул и тихонько заржал.

Глава пятая МЫ БЫЛИ БЫ ПОСЛЕДНИМИ ПОДОНКАМИ

Откуда-то из темноты на него накатилося протяжное рычание, раскатистое «р», но вдруг оборвалось и стало затухать, словно волна, принявшая обратный бег. Потом рокот стал нарастать снова, наполнив Кормика заунывной вибрацией и увлекая за собой вперед.
Он инстинктивно повиновался, толком не понимая, вынесет ли этот звук его из бездны и хочется ли этого ему, запертому в крошечной пустоте.
В эту секунду Кормик не желал ничего. Он просто был и не знал, как назвать это — моментом чистого бытия или абсолютного небытия. Но раскатистое «р» влекло его вперед, словно к краю скалы. Он сделал шаг и провалился в черноту. Но стоило открыть глаза, как его ослепило белоснежное сияние. Вернулись ощущения, а с ними и сознание.
Свет оказался отражением солнца, сверкавшим в воде, вкус во рту — вкусом песка, ибо монах лежал лицом вниз. Звук был песней, которую пели поври.
С невероятным трудом Кормик повернул голову. Гномы в окровавленных беретах, положив руки друг другу на плечи, водили хоровод — несколько шагов влево, потом вправо. Они двигались с удивительной синхронностью, напевая:

Я усну в земле холодной,
Не состарившись, умру я,
Лягу в черную могилу,
Пропаду я в ней навеки
После боя, ярких вспышек
Наших огненных беретов.
Вы не лейте слезы, други,
Закопайте меня глубже,
Чтобы я не слышал шума,
Чтобы мог я спать спокойно.
Долго мать-земля носила,

Жизнь промчалась в ратных битвах,
Но засохла река жизни
И пришел мой победитель.

Я усну в земле холодной,
Не состарившись, умру я,
Закопайте меня глубже,
Чтобы мог я спать спокойно.

Кормик попытался поднять голову повыше, но не смог. Только теперь он понял, что крепко связан. Его руки были туго стянуты за спиной, жесткие стебли ползучих растений мучительно впивались в запястья. Но это было ничто в сравнении с болью, которая пронзала голову, стоило пошевелить ею. Словно горячие угли жгли ему затылок, и юноша снова зарылся лицом в песок, не в силах терпеть муку.

Он зажмурился и застонал, скрипя песком на зубах. Хотелось потрогать рану, но никак было не освободить руки.

Постепенно боль отступила, а поври все пели и кружились, отходя от берега все дальше. На сей раз Кормик не стал поднимать только голову, а медленно повернулся весь, так, что мог лучше видеть их. Он заметил, что гномы окружили кольцом определенное место, какой-то предмет. Прислушавшись к словам песни, монах понял смысл этого странного танца.

Кормик прикусил язык, чтобы нечаянным стоном не прервать печальную церемонию, которая оказалась довольно продолжительной. Наконец кольцо разомкнулось, и стала видна груда сложенных друг на друга камней. Не прерывая пения и по-прежнему держа ритм, гномы выстроились в линию, обошли кругом могилу павшего товарища и направились к берегу.

— Ага, очнулся? — спросил главный поври, когда они вернулись на пляж и стали разбредаться. — А я уж думал, весь день проспишь.

— Правильно сделал бы, — добавил другой карлик зловещим тоном. — А самым умным было бы послушать товарищей и спрятаться в их каменном доме.

— Но так даже веселее, — заметил еще один, шагнул вперед и снял свой алый берет.

В руке у него блеснул кривой зазубренный нож, уже перепачканный кровью, и Кормик понял, что обречен. Поври, прозванные кровавыми колпаками, носили свою главную ценность на голове. Береты стали для гномов чем-то вроде наградной ленты, знака почета. По какому-то волшебству, недоступному другим расам, этот головной убор, смоченный в крови поверженного врага, сиял тем ярче, чем больше побед было на счету его владельца.

Гном, вооруженный ножом, подошел к Кормику. Тот старался побороть страх и озибался в поисках собратьев, но никого не было видно.

Все монахи заперлись в каменной часовне, как заметил один из поври. Кормик не мог даже высвободить руки, чтобы защититься.

Высокая, стройная девушка стремительно бежала по едва различимой лесной тропинке, ведущей на берег. Пышные листья папоротников и низких кустарников то и дело хлестали ее по голым ногам. Была пора полуденной службы, Благословления рыболовов, провести которую надлежало Милкейле, как того требовал ее статус в племени. Она отвела последнюю ветвь, преграждавшую путь, взглянула на скалистый пляж и обнаружила, что берег пуст. Стало ясно, что церемонию придется отложить. Рыбаки, взобравшись на груду камней, все как один напряженно глядели куда-то на юго-восток.

Милкейла подошла к ним и вскоре поняла, в чем дело. По водной глади озера доносился шум сражения, треск копий, обрывки криков.

— Это с острова Часовни, — сказал один из ее соплеменников.

Девушка уже и сама догадалась об этом. Звуки долетали оттуда, где находился

маленький, покрытый скалами остров, на котором абелийские чужестранцы соорудили свой скромный монастырь.

— Видать, сейчас родная земля мила монахам как никогда, — съязвил другой рыбак, чем вызвал одобрителные смешки остальных.

Милкейла откинула с лица пышную каштановую гриву, которая отливала медью в лучах восхода и заката, и тоже стала вглядываться в даль, хотя понимала, что на таком расстоянии сквозь дымку ничего увидеть невозможно. Только в ветреную погоду, когда бесконечный туман кое-где рассеивался, с Йоссунфира — так назывался этот остров — можно было заметить монашескую обитель, да и то в виде далекого неясного пятна. Но в этот день пелена казалась сплошной, впрочем, как и почти всегда.

— Уж лучше поври, чем эти монахи, — заметил еще один рыболов, и все закивали.

Милкейла промолчала, чтобы не показать недовольства. Она не разделяла общего мнения. Более того, раньше ее клан Снегопада племени Ян Оссум и братия Абея были очень дружны. Когда эти странные южные вангардцы только появились на берегах озера, они стали помогать варварам, особенно касте шаманов, к которой принадлежала сама Милкейла. Тогда она еще была юной старательной ученицей. Но потом многие сородичи отвернулись от абелийцев — слишком уж упорствовали монахи в том, что их путь единственно правильный, что только их религия истинная, а потому все обязаны строго блюсти должный порядок и ритуалы.

Милкейла непроизвольно коснулась ожерелья, которое носила под блузой. Нитку переливающихся самоцветов разной магической силы, подаренную ей одним из младших монахов, она скрывала за более традиционным украшением из когтей, зубов и ярких перьев. Девушка виновато огляделась. Ей пришлось бы несладко, узнай кто-нибудь из рода об этой тайне, не говоря уже о том, что она встречается с тем самым монахом, занимается с ним абелийской магией, да и не только ею.

Шум битвы стал слышнее.

— Никак им задали перцу, — сказал кто-то. — Надо спустить лодки на воду. После битвы найдется чем поживиться. Может, мы даже заберемся в их каменную церковь и вышвырнем этих убогих абелийцев с озера раз и навсегда.

Раздались возгласы одобрения, хотя все прекрасно понимали несбыточность такого плана. Ни один набег не совершался без соответствующего шаманского благословения и не будучи тщательно продуман старейшинами. На это требовалось время, которого импровизированная вылазка не предполагала. Тем не менее всеобщее воодушевление напомнило Милкейле о том, что она играет с огнем, когда вместе с несколькими соратниками тайно общается с монахами-южанами. Больше всех рисковала она сама, шаманка, осмелившаяся отдаться брату Кормику.

— Хотя ладно, пускай поври все сделают за нас, — добавил тот же рыбак спустя минуту, в течение которой всем стала очевидна бессмысленность его предыдущей идеи.

Отметив, как родичи радуются победе поври над своими человеческими собратьями, Милкейла поежилась. Но что поделаешь, провозгласив преимущество свободы выбора над традициями, абелийцы переступили опасную черту. Настаивая, чтобы варвары приняли учение Абея, отказавшись от собственных многовековых верований, монахи, по сути, открыто признались в ереси. В итоге клеймо еретиков крепко пристало к ним в глазах старейшин племени и шаманов.

Милкейла вспомнила, как однажды указала абелийцам на их недопустимое поведение в отношении варварских святынь, и вздрогнула, будто снова услышала гневную отповедь брата Джавно.

«Что нам за дело, оскорбляет вас наш путь или нет? — ревел он. — Последователей блаженного Абея ждут небеса, а вам суждено гореть в адском огне!»

Милкейла не знала, что такое адский огонь, но когда Джавно заверил ее в том, что все ее племя обречено провести вечность в лапах демонов, суть его слов стала ей предельно ясна.

К счастью, не все абелийцы обладали таким крутым нравом, как этот нелюбезный монах. Кое-кто из младшей братии, особенно один человек, готов был признать, что существуют и другие объяснения и законы, достойные изучения на пути к познанию жизни. Кое-кто разделял мысли Милкейлы и ее небольшого кружка единомышленников и так же задумывался над тем, каков за пределами туманного озера мир, о котором им запрещалось помышлять.

— Да хранят тебя боги, Кормик, — чуть слышно прошептала шаманка, прижимая к груди ожерелье из волшебных самоцветов, и одними губами добавила:

— Любимый.

Свирепый гном держал зазубренное лезвие всего в дюйме от горла Кормика, когда другой поври перехватил его руку.

— Не надо, — сказал карлик, оттаскивая приятеля от пленника.

— Но я зарезу его правильно! — убеждал тот остальных. — Пускай он будет медленно умирать, а мы окропим береты в луже его крови.

— Нет, не надо его резать, — отвечал второй, преграждая путь кровожадному другу и оглядываясь на несчастного монаха.

Нос у гнома был разбит, на пышных усах запеклась кровь, и Кормик узнал своего противника, с которым дрался, пока не появились ледниковые тролли.

— Да что ты болтаешь? — не унимался тот, что был с ножом. — Я приплыл сюда окропить берет и сделаю это!

— Иди и режь троллей. Вон их сколько.

— Вот еще! Их жидкая кровушка не украсит мой берет. Тебе ли этого не знать, Маквиджик, чертов ты болван!

— Лучше тебе послушать, а то другие монахи сейчас как выйдут из своего каменного дома, а нам только этого не хватало!

Кое-кто из гномов стал возмущаться, другие согласно зашумели. Но тут поддержать Маквиджика решил еще один поври, в котором Кормик признал раненого Бикельбрина. Именно его юноша спас на берегу, бросившись наперерез ледниковым троллям.

— Да черт с ним, Прагганаг, — сказал Бикельбрин карлику, все еще сжимавшему в руке нож. — Сдается мне, это он спас мою волосатую задницу.

— Иначе бы тролли тебя прикончили, — согласился Маквиджик. — И лежал бы ты нынче под грудой камней рядом с Регуйньо.

— Ага, — кивнул один из гномов и, к ужасу Кормика, потряс кровавым сгустком, бывшим, по всей видимости, сердцем Регуйньо.

— Ну и что? Если бы не тролли, мы бы дрались с монахами, — настаивал Прагганаг, хотя выглядел он при этом уже не так воинственно и держал нож вниз острием.

На минуту Кормику показалось, что он выживет в этой передраге.

— Поглядите, как они подпалили меня! — добавил поври, выдергивая клочок из левой половины своей огненно-рыжей бороды.

Вернее сказать, рыжим осталось лишь то, что справа, тогда как слева волосы обуглились от вспышки одной из молний, которыми отбивался Джавно.

— Что же это получается?! Я лишился половины бороды ни за что? Человечью кровь, такую алую, уже связанную и готовенькую, значит, не трожь?

— Мы были бы последними подонками, если бы убили малого, который спас наши шкуры! — прорычал в ответ Маквиджик.

— И сровнял со щеками твой жирный нос! — ярился Прагганаг.

— Ага, — Маквиджик кивнул Кормику в знак уважения. — Заехал что надо!

— Да и пинок был от души, — добавил Бикельбрин.

— Тем более надо его прикончить! — рассудил Прагганаг. — И берет краше станет!

— Но ведь не ты же его завалил, так? — спросил Маквиджик. — Это тролли его отделали, и то только потому, что парень бросился в самую их гущу, спасая Бикельбрина.

Если хочешь забрать чью-то кровь, то сам должен его победить, согласен?

Прагганаг выпрямился и подозрительно посмотрел на Маквиджика и Бикельбрина. В руке, вытянутой вдоль туловища, снова блеснуло лезвие.

— Победить, говоришь? — гневно переспросил он.

Маквиджик усмехнулся, обнажив белые зубы на фоне черной как смоль пышной бороды, тоже вынул нож и в два прыжка очутился рядом с Кормиком. Резким движением перерезав путы на его запястьях, карлик подхватил своего пленника и грубо поставил его на ноги.

Беднягу Кормика захлестнула волна головокружения. Монаху казалось, что внутри его избитого черепа клокочет огненный шар. Перед глазами все расплывалось, не было сил стоять, и он упал бы, не поддержи его Маквиджик вместе с подбежавшим на помощь Бикельбрином.

— Ну, держись! — Прагганаг усмехнулся, поднял нож и стал наступать, скалясь от уха до уха.

Не успел Маквиджик преградить ему путь, как двое других гномов схватили Прагганага за руки.

— Да погоди ты, дуралей, — сказал один из них. — Жалкий монашек даже стоять не может.

— Где твоя честь? — упрекнул второй.

— Посмотри на мой берет и увидишь! — огрызнулся Прагганаг, вырываясь, но нож все же опустил.

— Так, теперь ты, — повернулся Маквиджик к пленнику и едва успел подхватить его, ибо тот снова стал падать на песок. — Сегодня новая луна, Шейлы на небе не видно. Слышишь меня, пацан? — Он слегка встряхнул Кормика, который издал отчетливый стон. — В следующее новолуние ты вернешься сюда, на пляж, и мы тоже. Ты будешь драться с Прагганагом, понял?

— Да не выйдет на бой это человеческое отродье! — запротестовал Прагганаг.

Маквиджик окинул товарища презрительным взглядом.

— Лучшего ты не заслуживаешь, — проворчал он и снова обратился к Кормику: — Приходи один, будь готов сражаться и знай, что заплатишься собственной кровью, если Прагганаг тебя побьет.

— А если победит монах? — спросил Бикельбрин, снова встряхивая Кормика, чем вызвал новый стон.

При этих словах Прагганаг фыркнул, будто услышав совершенную чушь.

— Тогда мы как-нибудь заплатим ему за хлопоты, — ответил Маквиджик.

— Ты сейчас оставляешь ему жизнь, — напомнил один из поври, стоявших позади Прагганага. — Разве этого не достаточно?

— Верно, с него хватит, — согласился другой гном.

— Нет, не хватит! — вскричал Маквиджик, загоревшийся внезапной идеей. — Сделаем интереснее. Если этот доходяга одержит верх, мы отдадим ему берет Прагганага!

— Точно! — поддержал Бикельбрин, видя, как просияли все, кроме Прагганага, конечно.

— Ах вы сукины дети! — кипятился тот.

— Никак тебе слабо выйти с тощим человечешкой один на один? — подзадоривал его Маквиджик.

— Мне?! — Возмущенный Прагганаг убежал, тряся кулаками в воздухе.

— Слыхал, парень? — снова обратился Маквиджик к Кормику, повернул к себе лицо монаха и посмотрел ему прямо в глаза. — Следующее новолуние. У тебя месяц, чтобы собраться с силами. Ты придешь драться, причем один.

Перед глазами Кормика опять все заплесало. Он едва понимал, что ему говорят, но сумел кивнуть в ответ.

Маквиджик и Бикельбрин положили юношу на песок, и его сознание унеслось далеко-

далеко.

Не посвященному в шаманские ритуалы могло бы показаться, что это танец, причем весьма красивый. Нежно напевая, Милкейла кружилась и покачивалась. Линии, прочерченные ее босыми ногами на песке, складывались в определенный орнамент. То опускаясь на пятку, то вновь поднимаясь на носок, она медленно и грациозно поворачивалась на одной ноге вокруг своей оси, другой рисуя большой круг — круг могущества.

Кисти рук были отведены влево и извивались в такт вращению. Милкейла запела громче, ввинчивая ногу в песчаную глубину, чтобы соединиться с силами земли. Тогда шаманка направила руки вверх, ладонями к небу, чувствуя, как энергия поднимается из земли вслед за ее движением. Девушка изогнула их изящной аркой, опустила перед собой и повторила те же жесты, только справа.

Милкейла всем существом чувствовала, что на этот раз энергия поднимается легче. Поэтому, когда руки вновь устремились в небо, она сменила мелодию, запела хвалу богу ветра и стала медленно вращать кистями, строго соблюдая симметрию движений. Затем служительница высших сил неторопливо опустила руки через стороны вниз, стараясь не упустить собравшийся в ладонях ветер и скользя большими пальцами вдоль бедер, до самого края короткой юбки, и ниже, по голым ногам. Вскоре шаманка без труда прижала ладони к земле.

Энергия ветра опустилась в землю и стала раздувать пламя лавы, которую Милкейла вызвала из глубин. Внутри начерченного круга земля сплошь задымилась и заклокотала. В этот момент обещания, которые девушка давала себе перед церемонией, забылись. Она сконцентрировалась мыслями на рубине из своего ожерелья и направила в землю мощную силу этого камня.

В одном месте из песка вырвалась высокая струя горячего пара. Собравшиеся вокруг соплеменники одобрительно закивали. Кое-кто подхватил ведра с уловом, заметив, что поварской круг почти готов.

Милкейла ощущала тепло под ногами и радовалась успеху, но тут услышала зов наставника Тоникуэя:

— Permid a shaman yut!

Ощущение вины затмило чувство гордости, ибо это имя означало «первый из юных шаманов», самый многообещающий жрец ее поколения. Конечно, этот титул достался ей по праву. Она была его достойна, но лишь до тех пор, пока на Митранидун не пришли монахи с юга. Поэтому в гордом оклике Тоникуэя девушке слышался укор. Ведь она осмелилась применить в священном ритуале абелийский камень, носила ожерелье из самоцветов и даже отдала сердце чужаку, а не сородичу из племени Ян Оссум.

Только когда ноги стало сильно обжигать, Милкейла, потерявшаяся в вихре мыслей, осознала, что пора выйти из поварского круга, и направилась сквозь толпу вниз, к линии прибоа.

— Ты всегда здесь, — услышала она позади голос наставника. — Это твой любимый пляж.

Девушка не обернулась, чувствуя предательский жар на щеках. Ведь именно этот берег выходил на остров Часовни. Отсюда была видна отмель, на которой она повстречалась с любимым.

— Чувствуешь магию этого места? — спросил Тоникуэй.

— Да, шаман.

— Древние боги зовут тебя сюда снова и снова, так ведь?

Милкейла зарделась еще сильнее, услышав этот двусмысленный вопрос.

— Я тоже это чувствую, первая из юных шаманов, — произнес Тоникуэй голосом, исполненным сарказма, как он любил это делать.

Милкейла была озадачена. Что он мог чувствовать? Много ли уже известно этому

мудрому и суровому старику?

Она непроизвольно посмотрела туда, где за туманом скрывался остров Часовни. В следующий момент девушка уже повернулась к наставнику, который глядел на нее с улыбкой. Именно так понимающе улыбалась сама Милкейла, заметив, что кто-нибудь из младших ребят уставился на ее ноги или грудь.

— Магическое место, — заметил Тоникуэй и удалился.

Краска стыда снова залила лицо Милкейлы. Юная шаманка посмотрела на рыбаков и их жен, которые готовили добычу в магическом круге. Вызвать его к жизни ей помогли древние боги племени Ян Оссум и сила абелийского рубина.

Глава шестая **КЛЮЧИ ОТ ДОЛГОВОЙ ТЮРЬМЫ**

Палмаристаун располагался в дельте реки, впадавшей в залив Короны. Брансену, Каллен и Кадайль показалось, что на самом деле это два отдельных поселения, а не одно. Мощная деревянная стена отгораживала ветхие лачуги, тянувшиеся вдоль доков и широкой реки, от восточной части города, застроенной более просторными и удобными домами. Внутренние кварталы тоже были обнесены прочной оградой с воротами, к которым тянулась южная дорога из Делавала. Вторые ворота находились с северо-восточной стороны и вели в глубь страны, на юг от залива.

По парапету, сооруженному по верху ограды, прохаживались часовые. Больше всего их было в западной части стены. Оттуда они наблюдали за бедными кварталами и шумными доками.

Приближаясь к южным воротам, Брансен и его спутницы обратили внимание, что с доков и впрямь доносится беспрестанный гул. По реке непрерывно курсировали паромы, порт был до отказа набит парусниками, в том числе военными кораблями лорда Делавала. Из-за этого несколько судов стояли на якоре невдалеке от переполненных причалов. Грязные рабочие группами сновали туда-сюда, таская за собой на тяжелых канатах груженные товарами полозья или толстые стволы деревьев, сплавленные по реке с запада, из области, именуемой Лесным путем.

Погонщики нещадно хлестали бедных чернорабочих по ногам. Стоя у ворот, троица, оцепенев от ужаса, наблюдала, как один из них потерял равновесие от особенно сильного удара и упал с доков. Тогда докмейстер начал бить несчастного ногами, не обращая внимания на его мольбы, а остальные просто смотрели, и никто не осмелился вступиться.

— Что, не привыкли видеть такое? — спросил один из стражников на воротах, заметив испуг на лицах наших путешественников.

Он обращался главным образом к Брансену, который в этот день путешествовал без душевного камня, а потому предстал Цаплей во всей красе. Часовой было поморщился, но взглянул на Кадайль и тут же расплылся в довольно непристойной улыбке.

— Это мой муж. — Она подошла к Гарибонду и взяла его за руку. — Ранен на войне, которая идет к югу от Делавала.

— Сражаясь за?.. — поллюбопытствовал стражник.

Еще двое часовых неподалеку наострили уши, наблюдая за разговором, и принялись разглядывать осла Дулли, точнее, туго набитые седельные сумки, переброшенные через его спину.

— За лорда Делавала, за кого же еще, — отозвалась Кадайль. — Сами-то мы из города Прайда. Наш владыка теперь вместе с Делавалом воюет против Этельберта. Ведь его наследник — родной племянник Делавала.

— Тогда добро пожаловать, — сказал первый стражник. — Уверен, абелийские монахи не смогут излечить его раны.

Брансен забормотал что-то, заикаясь и пуская слюни. Караульного передернуло от отвращения.

— Никто не помог, — объяснила Кадайль. — Хотя многие пытались. Может, здесь мы найдем помощь.

— Говорят, отец Мальскиннер сильнее всех в магии самоцветов, — сообщил один из стражников, стоявших неподалеку.

— Проходите. Удачи вам в поисках. — Первый часовой жестом пригласил всех троих войти. — И не жалейте навьюченных глупцов, работающих в доках. Это пленные воины Этельберта, — добавил он, обращаясь к Брансену.

— Теперь они рабы? — удивленно переспросила Каллен.

— Да, пока не сдохнут от натуги, — ответил стражник, мельком посмотрев на чумазных людей и, по всей видимости, совершенно не огорчаясь возможности подобного исхода. — Я потерял брата в сражении на заливе. Моя бы воля, спустился бы в порт и зарезал десяток-другой этих негодяев. Радует лишь то, что они теперь помогают владыке Делавалу покончить с Этельбертом. Каждое бревно, которое они приволокут с берега реки, каждая корзина с продовольствием или оружием, прибывшая из города Делавала, приближают конец этого энтлского пса. Когда Этельберт падет, а в этом можно не сомневаться, меня будет греть мысль, что без Палмаристауна не обошлось!

— Ах, если бы мужа не ранили так жестоко, он еще мог бы быть полезен, — проговорила Кадайль.

— Или если бы его жена любезно согласилась утешить стражников, преданных Делавалу, — заметил один из стоявших тут же часовых.

Его напарник захихикал.

Кадайль сочла благоразумным промолчать. Отказ мог быть воспринят как оскорбление, а благосклонность — как повод для дальнейших ухаживаний. Она лишь крепче сжала руку мужа и повела его в ворота. Каллен с осликом Дулли вошли следом.

Ни один из городов, в которых им довелось побывать, по темпу жизни не мог сравниться с Палмаристауном. В отличие от многих поселений, расположенных между Прайдом и Делавалом, он находился вдали от мест сражений, и потому раненые с оторванными конечностями, чей вид являл собой суровое свидетельство жестокой действительности, были здесь в диковинку. При этом Палмаристаун находился в центре военных событий, ибо служил перевалочным пунктом для воинов лорда Делавала, которые здесь пересаживались на корабли, чтобы отправиться через залив Короны в отдаленную восточную область, прозванную Ногой Богомола. В этом городе война была реальностью, но очень отдаленной, не более чем темой оживленных бесед на каждом углу и в каждой таверне, но без изувеченных тел и оторванных рук и ног.

Поэтому появление на улицах калеки Брансена сопровождалось всеобщим возбуждением и желанием выказать участие. Молва настолько опередила нашу троицу, что горожане уже издали посылали им поклоны и приветствия.

На одном из постоянных дворов они сняли комнату — инвалиду войны ее уступили без долгих торгов за полцены, — и отправились искать конюшню, куда можно было бы продать Дулли, повидавшего на своем веку столько дорог. Но слухи распространяются мгновенно, так что не успели наши герои дойти от гостиницы до почтовой станции, чтобы пристроить туда осла, как к ним, улыбаясь, подошел молодой абелийский монах.

— Здравствуйте, друзья мои, — обратился он к ним таким приветливым тоном, что Каллен и Кадайль подозрительно переглянулись.

Они не ожидали подобной услужливости и благодушия от абелийца.

— Мне сказали, этот бедный человек жестоко пострадал на службе у владыки Делавала, да приведет блаженный Абель его на царствование, — продолжал монах.

— Да, его ранили в сражении с войском Этельберта, к югу от Делавала, — отвечала Каллен, и ее голос дрогнул, выдавая растущее опасение, что обман вот-вот раскроется.

— Я брат Фатуус из часовни Дорогих Воспоминаний, — представился священник и почтительно поклонился. — Отец Мальскиннер поручил мне отыскать среди обыкновенных людей этого героя и предложить... — Не договорив, он достал из кисета четыре серых

гематита.

— Вы хотите подарить исцеление моему бедному зятю? — спросила Каллен, благодарно кивнула и взяла Брансена за руку. — Его ранение ужасно.

— Воистину, — ответил Фатуус и, отступив в сторону, наклонился, чтобы рассмотреть спину калеки. — Я могу судить лишь по тому, как он двигается, ведь самой раны еще не видел.

— Ее долго лечили, но последствия остались, — объяснила Кадаиль.

— Копье?

— Нет.

— Меч?

— Нет, — ответила Кадаиль.

Монах поморщился, подозревая что-то неладное.

— Кинжал? — предположил он снова.

— Дубина, — решила рискнуть Кадаиль. — Его с размаху огрели по спине. Так он рассказывал. С тех пор муж едва чувствует ноги и даже заикаться стал.

Абелиец кивнул и принял задумчивый вид, как будто ему что-то стало яснее.

Кадаиль заметила, как мать закусила губу, чтобы скрыть усмешку.

— Вы позволите? — спросил брат Фатуус, протягивая руку с горсткой гематитов.

— Пожалуйста, брат, — отозвалась Кадаиль, поцеловала Брансена в щеку и отошла.

Фатуус стал нараспев молиться блаженному Абелью, прося руководства и силы. Камни он сжал в руке так сильно, что побелели костяшки пальцев. Другой рукой он коснулся лба Брансена, и успокоительная сила самоцветов полилась в искалеченное тело молодого человека.

Брансен закрыл глаза и в тот же миг перестал дергаться, греясь в лучах восхитительного чувства. Сразу стало ясно, что монах был настоящим магом, сильнее всех своих братьев из Прайдской часовни. Поток целебной энергии был чист и мощен, и Брансену даже показалось, будто ко лбу привязан его собственный душевный камень. Используя навыки Джеста Ту, он всем существом впитывал это ощущение и на мгновение поверил, что брат Фатуус действительно сможет улучшить его состояние.

Но сердце подсказывало, что это невозможно.

Спустя несколько секунд Фатуус перевел дух и отнял горячую дрожащую руку ото лба калеки.

Брансен очнулся от забытья и посмотрел в глаза монаху.

— Спа-а-сибо, — произнес он и улыбнулся.

В самом деле, теперь Гарибонд стоял прямее и чувствовал себя намного лучше, хотя уже знал, что эффект продлится очень недолго.

— Сегодня вы совершили благодеяние, — сказала Фатуусу Кадаиль, выведя его из состояния транса.

Абелиец часто заморгал, глядя то на нее, то на Брансена.

— И впрямь... серьезное увечье, — наконец отозвался он.

— Многие из ваших братьев говорили то же, — согласилась Кадаиль и окинула взором мужа. — Но вы молодец, брат! Еще ни разу после ранения я не видела, чтобы он стоял так прямо, — просияв, добавила она.

Однако в следующий момент Брансен стал скрючиваться, изо рта вытекла капля слюны.

— Это ненадолго, — заметил Фатуус.

В ответ Кадаиль лишь пожала плечами и снисходительно улыбнулась.

— Вы должны привести его в часовню Дорогих Воспоминаний, — не отступал монах. — Я попрошу отца Мальскинера, чтобы он позволил устроить коллективное врачевание. Уверен, совместными усилиями мы продлим целебный эффект.

— Да, конечно, — кивнула Кадаиль.

— Завтра, перед Парвесперсом, — предложил Фатуус, имея в виду ежевечернюю

церемонию. — Днем вы нас не застанете, мы будем предлагать помощь храбрецам с доков.

— Военнопленным? — спросила Кадайль. — Да, мы видели их мучения. Их бьют как собак.

Глаза Фатууса округлились от ужаса.

— Эти отбросы Этельберта? Нет, что вы! Дорогая леди, я говорил о корсарах. — И он указал на два корабля, стоявшие на якоре посреди реки, к северу от верфей. На обоих не было флагов, по крайней мере Кадайль их не заметила.

— Корсары?

— Да, свободные люди, — объяснил монах. — Они не подчиняются ни Этельберту, ни славному лорду Делавалу. Владыка Панламарис Смелый, правитель Палмаристауна, завербовал их в объединенную армию против нечестивца Этельберта и его смуглых любимчиков.

— Подкупил, вы хотели сказать, — поправила Кадайль.

— Да, этих людей вознаградят деньгами, — ответил Фатуус. — И наше братство из часовни Дорогих Воспоминаний окажет им посильную помощь. Божественная магия излечит волдыри на их ногах и прочие болезни, привезенные из долгих странствий по морю. Это самое малое, чем мы можем содействовать прекрасному владыке Делавалу в его борьбе с южной напастью в лице лорда Этельберта.

Кадайль посмотрела на Брансена. Даже обличье Цапли не могло скрыть его язвительную усмешку. Им обоим было известно, что на юго-востоке абелийские церкви столь же преданно служат Этельберту, как здесь, на северо-западе, — Делавалу, причем в полном согласии друг с другом, несмотря на такой прагматизм.

Едва Каллен успела закрыть дверь гостиничной комнаты, как Брансен схватил гематит и закрепил его на лбу под черной шелковой маской.

— Корсары, — проговорил он твердым голосом, в котором не осталось и намека на Цаплю. — Обыкновенные наемники.

— Что это ты задумал? — спросила Каллен.

— Догадываюсь. Мой муж рассудил, что награбленное добро слишком опасно держать в седельных мешках на спине бедняги Дулли, — ответила Кадайль.

Брансен кивнул.

— Сначала я хотел раздать это богатство простому народу, но испугался, что некоторые драгоценности будет легко узнать, — пояснил он. — Никому больше не пожелаю таких страданий, какие вынесли вы в плену у владыки Прайда из-за украденного ожерелья, которое я подарил Кадайль.

— Не нужно напоминать мне об этом, — заверила его Каллен. — Разве я не просила тебя выбросить украденные деньги и украшения в реку, да и дело с концом?

— Теперь я намерен примерно так и поступить.

— Отдав сокровища пиратам, чтобы те надули лорда Делавала? — уточнила Каллен. — С каких это пор ты сдружился с Этельбертом?

— По мне так пусть они хоть поубивают друг друга, — возразил Брансен. — Но разве не заманчиво перекупить будущих союзников Делавала богатством этого дурака Иеслника?

— Столь же заманчиво, как Цапля, который становится народным героем и костью в горле у правителей? — спросила Кадайль.

Брансен, надевавший в этот момент свою черную рубаху, на секунду остолбенел и уставился на жену. Та лишь пожала плечами и одарила его ласковой улыбкой. Ее замечание, конечно, задело его, но Кадайль была единственным человеком, который заслужил право разговаривать с ним и в гораздо более резкой манере. Ее прямолинейность в отношении Цапли не могла обидеть молодого человека, ибо лишь Кадайль поддерживала его, пока не появился Разбойник, пока Брансен не обнаружил, что волшебство душевного камня может избавить его от мучительного плена физической немощи.

Он облачился в черное одеяние, привезенное матерью из Бехрена, не забыв прикрыть полоской ткани характерное родимое пятно на руке, взял свой великолепный меч и, держа

его перед глазами, стал благоговейно рассматривать затейливые виноградно-цветочные узоры на сверкающем лезвии. К северу от хребта Пояса и Пряжки второго такого клинка не было. Разве что некоторые мечи мистиков Джеста Ту могли сравниться с этим. Вид прекрасного оружия напомнил Брансену о том, что однажды ему предстоит отправиться туда, в Облачный Путь, чтобы постичь учение мастеров.

Он спрятал меч обратно в ножны, закинул его за спину, схватил седельные мешки, набитые сокровищами Йеслника, перекинул их через плечо и направился к небольшому окну. Выглянув из-за тяжелой занавеси, Гарибонд убедился в том, что солнце уже заходит.

— Капитаны каперов, наверное, на берегу, — сказала Кадайль.

— Я найду их, — пообещал Брансен, и женщины дружно кивнули.

Они не имели оснований сомневаться в человеке, который спас их от жалкого прозябания в рабстве.

Когда сумерки сгустились, он, держась за стену двухэтажной гостиницы одними руками, слез вниз с такой легкостью, что со стороны могло показаться, будто человек просто спускается по лестнице.

Но Разбойнику лестница была ни к чему.

Он не обращал внимания на гвалт кабаков, выстроившихся вдоль стены, которая разделяла два района города, рассудив, что капитаны все равно потом вернутся на борт, даже если теперь и впрямь сидят в одном из этих заведений.

Доки оказались пустынной, лишь двое рабочих лениво драили доски, не опасаясь кнута надзирателей. Не обращая на них внимания, Брансен тенью пробрался вдоль верфей к небольшому причалу, где теснились крошечные лодки. Оставаясь незамеченным, он сел в одну из них, оттолкнулся от пристани и сделал несколько гребков веслами. Течение подхватило шлюпку и понесло вдаль, как раз в сторону стоявших на якоре каперов. Недавно начался отлив, и веслами можно было просто рулить, притом бесшумно.

Брансен двигался очень медленно, не спеша, то и дело оглядываясь через плечо и сверяясь с темным силуэтом мачты, уходившей в ночное небо, и при необходимости поворачивая весла, чтобы выправить курс. Наконец он пришвартовался к каперу, привязал лодку, схватил мешки и, убедившись, что бесценный меч надежно держится в ножнах, начал взбираться на корабль.

Разбойник быстро перелез через борт и крадучись, будто призрак, двинулся вдоль палубы в поисках часовых и командного пункта. Ему еще никогда не доводилось бывать на корабле или видеть его вблизи, поэтому стоило большого труда не растеряться от новых впечатлений, тем более что это судно было настоящим произведением искусства: красивое, лощеное и при этом функциональное вплоть до каждой мелочи. Разглядывая многочисленные веревки, которые тянулись ввысь и исчезали в переплетениях оснастки, он осознал, что каждый такой канат создавался целым поколением моряков. Так, век за веком, они доводили эту конструкцию до совершенства, пройдя путь от простого одномачтового бота до замысловатого и фантастического трехмачтового корабля, каким был этот.

На корме Брансен заметил каюту и по доносившимся оттуда возгласам мгновенно догадался, что обладатель сердитого голоса, должно быть, пользуется большой властью и вполне может оказаться самим капитаном корабля.

«Или капитаншей», — заключил он, украдкой заглянув в небольшое окно сбоку от двери, выходившей прямо в его сторону.

За богато украшенным столом стояла женщина с темно-каштановыми локонами, сбегавшими до середины спины из-под туго повязанной красной косынки, и с воинственным видом потрясала свитком пергамента. Просторная белая рубаша, расстегнутая и завязанная узлом на талии, при каждом резком движении весьма нескромно распахивалась. Довершали туалет черные бриджи и высокие сапоги, на правом бедре красовался кинжал, на левом — кривая сабля. Аура опасности и внутренней силы, исходившая от этой особы, лишь усиливала ее очевидную притягательность.

Разбойник застал лишь самый конец ее взволнованной тирады. Морская разбойница

была слишком расстроена, чтобы говорить законченными фразами, но ему не составило труда уловить суть. Речь шла об условиях сделки, предложенной лордом Панламарисом, представителем владыки Делавала.

— Пять месяцев плавания! — бушевала она. — Все это время надо кормить целую команду и сотню голодных солдат в нагрузку! И это при том, что залив кишит поври! Ты видал поври, приятель? Мерзкие маленькие чудовища в красных беретах, готовые в любой момент вскрыть тебе брюхо, выпустить наружу кишки и съесть их у тебя на глазах.

Она замолчала и удивленно посмотрела на вошедшего Разбойника.

— Продолжайте, — попросил он. — Допускаю, что мой опыт общения с проклятыми поври весьма ограничен, но и его достаточно, чтобы с вами не согла...

Недослушав, женщина бросилась на Брансена и приставила саблю к его горлу.

Но гость быстрее молнии выхватил собственный меч и мягко отвел в сторону острое лезвие так, что оно воткнулось в косяк двери. Дама не отступила и схватилась за кинжал, но с удивлением обнаружила, что ножны пусты, ибо Разбойник вновь опередил ее. Помахав украденным ножом перед глазами опешившей противницы, он оттеснил ее назад уколом трофейного оружия.

— Милая леди, нам с вами нечего делить, — произнес Брансен, подбросил кинжал, поймал его за кончик и протянул женщине.

Та выдержала паузу, пристально посмотрела на незваного гостя и лишь затем выхватила у него клинок. Совершенно сбита с толку, все еще держа наготове оружие, она пыталась понять, чего ждать от незнакомца.

Разбойник не спеша убрал свой меч в ножны и этим еще более озадачил ее.

— Ты кто? — требовательно спросила дама.

— Свободный вор, — ответил он. — Во многом сродни вам, можно сказать.

— Оскорблять надумал?

— Едва ли, миледи. Я гордо несую голову, уверен, что вы тоже, как и все достойные моряки с этих прекрасных кораблей, на которых нет флагов ни Этельберта, ни Делавала.

— Вообще-то мы находимся в Палмаристауне, который поддерживает владыку Делавала.

— Неудивительно, ведь лорд Делавал щедро заплатил вам.

Она откинула назад голову и прищурилась.

— Или же вы думаете, что он в итоге победит, и предпочитаете числиться у него в союзниках, — без обиняков продолжал Разбойник. — Как бы там ни было, я приветствую вас, ибо уважаю всех, кто способен процветать в эти смутные времена. Надеюсь, вы тоже сочтете меня достойным уважения.

С этими словами он сбросил с плеча мешки к ногам капитанши. Та метнула на них быстрый взгляд и тут же вновь пристально посмотрела на странного человека в черной маске.

Он пожал плечами.

Женщина запустила кончик сабли под клапан ближайшего мешка и одним ловким движением откинула его, заодно разрезав шнурок. На пол выкатилось несколько монет, показались кое-какие драгоценности. Несмотря на все усилия, хозяйке корабля не удалось скрыть живейший интерес, мелькнувший во взгляде.

— Ну и дурак же ты, если пришел в стан врага заключать сделку и сразу же притащил плату, — заметила она.

Разбойник снова спокойно пожал плечами и улыбнулся из-под черной маски так, что его собеседнице стало ясно: ему не составит труда отстоять свои сокровища.

— В какой армии ты служишь? — спросила она.

— Я сам по себе. Мой дар не представляет угрозы, милостивая леди. Деньги и драгоценности, которые я вам принес, украдены из дворца самого владыки Делавала.

Женщина посмотрела на своего товарища, который за все время этой странной сцены ни разу не пошевелился. Впрочем, он даже не заметил взгляда, которым его капитанша

смотрела на прекрасного и загадочного незнакомца.

— Самым разумным будет спрятать сокровища до тех пор, пока вы не покинете реку или даже залив, — продолжал Разбойник. — Спорю, что Делавал разослал шпионов во все концы, чтобы найти их.

— Хочешь переложить на меня свои проблемы?

— Если вы не желаете, леди...

— Я этого не говорила.

Разбойник улыбнулся еще шире.

— Чего же ты хочешь взамен этого... подарка?

— Ничего, — последовал ответ. — Пока я хожу по земле Делавала, он и правда мне в тягость.

— Может, попросишь доставить тебя в пределы лорда Этельберта?

Разбойник задумался и уже хотел согласиться. В самом деле, обогнув хребет Пояса и Пряжки, можно было попасть в знаменитый город Джасинта, что в стране Бехрен, а оттуда прямая дорога в Облачный Путь. Но черные крылья сомнения затрепетали в его душе, в который раз давая понять, что он еще не готов к своему главному путешествию.

— Может быть, в другой раз, — отозвался он. — Мне надо еще кое-что доделать здесь, но в скором времени я все же надеюсь добраться не только до Энтла, но и дальше, до Бехрена. Если нам доведется встретиться снова, когда я закончу свои дела, то буду рассчитывать на вашу помощь в моем путешествии.

— А до тех пор? — спросила женщина, указывая глазами на открытый мешок.

— А до тех пор прошу вас поднять паруса и уйти из этих мест.

— Значит, ты и вправду агент Этельберта, — заметила она, подозрительно посмотрев на незнакомца.

— Я сам себе хозяин, — повторил Разбойник. — Честное слово. Мне нет никакого дела ни до вражды правителей, ни до их подлипал. Если завтра всю хонсейскую знать перережут во сне, то я выпью за это. Но сегодня именно владыка Делавал досаждаст мне больше всех, поэтому для меня большое удовольствие ставить ему палки в колеса, сперва опустошив его сокровищницу, а теперь...

— ...перекупив три корабля, которые он нанял, — закончила пиратка.

— Драгоценности — это предложение перемирия от такого же одиночки, как вы, и, возможно, предоплата за будущие услуги, — возразил, пожимая плечами, Разбойник. — Вы мне ничем не обязаны, я пришел как друг. Или сокровища останутся у вас, или мне придется их зарыть. Но я не хочу, чтобы они попали в руки к какому-нибудь наивному крестьянину, которого люди Делавала просто-напросто вздернут из-за них. Пусть уж лучше они хранятся здесь, в надежных руках, у людей, которым хватит ума никому их не показывать. Да, для меня это бремя, и я прошу вас избавить меня от него.

Капитанша снова взглянула на мешки и облизнула губы, представив, какие ценности должны скрываться внутри. Уже судя по тому, что виднелось на поверхности, этот день мог оказаться самым удачным днем в ее жизни. Она вздохнула, спрятала оружие и подняла глаза.

Но Разбойника в каюте уже не было.

— Что за удивительное превращение, — воскликнула Каллен, войдя на следующее утро в комнату, которую они снимали.

Было еще рано, Брансен только что проснулся и потирал глаза. Кадайль лежала рядом на маленькой кровати, зарывшись лицом в подушку и прячась от солнечных лучей.

— Не знал, что ты бывала здесь раньше, — отозвался молодой человек.

Голос его был тверд, потому что он проспал всю ночь с душевным камнем на лбу.

— Не бывала, конечно, — ответила Каллен. — Я лишь повторяю слова горожан. За последние месяцы в Палмаристауне многое изменилось. В городе не осталось ни одного самхаиста, да и в окрестностях, по отзывам, едва отыщется пяток-другой. Как быстро здешний народ забыл пути Древнейших.

— Абелийцы с их самоцветами в чести у помещиков по всему Хонсе, — заметил Брансен.

— Все-таки здесь перемены происходят гораздо быстрее, чем где бы то ни было, включая даже Делавал. Это весьма неожиданно, ведь Палмаристаун стоит на границе с дикими землями. На ту сторону реки абелийцы точно еще не забрались.

— Вероятно, и самхаистам те земли неинтересны, — рассудил зять.

— А может, они как раз сидят на том берегу и ждут своего часа.

Брансен пожал плечами, показывая, что ему все равно. Но, зная Каллен, он понимал, что за легким расстройством из-за разительных перемен стоит нечто большее. Это было странно, если вспомнить, какую ужасную роль сыграли самхаисты в ее жизни.

— Кто знает, может быть, мир станет лучше, когда служители Самха отойдут в тень, — предположил он. — Хотя это не значит, что я отдаю предпочтение абелийцам.

— Если они не будут убивать людей, то это уже что-то значит, — ответила Каллен.

Брансен улыбнулся, довольный тем, что его слова немного успокоили ее. Он понимал внутреннее смятение женщины. Ведь перемены, охватившие всю страну, и правда были глубоки, и Брансен видел, что пока мало кто смог к ним приспособиться. Конечно, если взглянуть на события отвлеченно, то они казались скорее забавными, чем тревожными. Он заключил, что просто не сможет проиграть, потому что любой исход будет лучше, чем нынешнее положение дел!

— Встреча прошла успешно? — спросила Каллен.

— Думаю, да. Эти корабли, оказывается, из Бергенбела, единственного владения к югу от залива, которое сохранило нейтралитет в войне Этельберта с Делавалом. Мне сказали, что обе стороны платят их порту за услуги наемных каперов, причем очень дорого. Каждая, по всей видимости, уверена, что взяла Бергенбел в союзники.

Каллен кивнула в знак согласия.

— В таком случае мой ночной визит к капитану флагманского корабля раздосадует Делавала больше, чем я рассчитывал, — добавил Брансен, широко улыбнувшись.

Его улыбка стала еще шире, когда в тот же день, покидая город, троича с холма наблюдала, как бергенбелские каперы поднимают паруса и уходят из Палмаристауна на север, в просторные воды залива Короны. В ближайшей кузнице, куда путники зашли продать Дулли, не желая принуждать больного осла к дальнейшему путешествию, они убедились, что в городе только об отплытии судов и говорят. При этом народ шепотом добавлял, что это дурной знак.

— Этельберт подкупил их, — объяснял кузнец, неповоротливый краснолицый гигант с черными спутанными волосами. — Поговаривают, что на самом деле они шпионили для этого пса, изучали укрепления Палмаристауна.

— Вы ждете нападения? — спросила Кадайль.

— Готовимся к нему, — ответил кузнец. — Кто знает, что взбредет в голову этому сукиному сыну Этельберту, после того как король Делавал выдавил его из Мирианского океана.

На этом они расстались. Кадайль взяла под руку Брансена в обличье Цапли, Каллен попрощалась с Дулли.

Кузница осталась позади. Путешественники вышли на открытый участок земли, где обычно останавливались приезжие караваны, но никто не осмеливался нарушить молчание.

— Все вышло так, как ты и хотел, — наконец заметила Кадайль.

— Если бы нашелся способ сообщить Делавалу о том, что каперов перекупили на деньги идиота Иеслника, я испытал бы полное удовлетворение, — ответил Брансен, сунув руку в карман и сжав в кулаке душевный камень.

— Еще не вечер, — сказала Каллен. — Что-нибудь да придумаешь.

Все трое дружно засмеялись, но вдруг Брансен резко замолчал и стал заикаться, заметив, что они приближаются к городской страже. Вскоре Цапля и две его спутницы миновали северо-восточные ворота Палмаристауна и двинулись по дороге, ведущей к

часовне Абеля, центру абелийского могущества.

В этот момент Брансена захлестнуло странное и неожиданное чувство. Внезапно поиски брата Брана Динарда, его родного отца, показались ему чем-то вполне реальным. Хотя нет, честь называться отцом Брансен решил оставить за Гарибондом. В этом свете путешествие на север представлялось прежде всего отклонением от курса, отсрочкой судьбоносного продвижения на юг. Он так заиклился на идее найти своего настоящего отца, что был готов отложить встречу с мистиками Джеста Ту и переждать с главными ответами своей жизни — точнее, боясь узнать, что таковых просто нет, — ради знакомства с человеком, который произвел его на свет.

Теперь, когда впереди был прямой и ясный путь, когда последний настоящий город остался за спиной, перспектива найти брата Динарда предстала перед ним со всей реальностью. Брансен толком не знал, к чему готовиться. Узнает ли его этот человек? Заключит ли в объятия и будет прыгать от счастья, радуясь, что сын нашел его?

«Хочу ли я этого? Не оскорбит ли это прекрасное воссоединение памяти дорогого Гарибонда? — В голове Брансена вертелись сплошные вопросы. — Как я встречу этого человека? Как встретит меня он?»

Чем больше проходило времени и чем большее расстояние отмеривал он шаткими шагами, тем сильнее терзал его главный вопрос.

«Почему? Да, почему брат Динард не вернулся ко мне?»

Каллен столько раз называла его хорошим человеком, и Брансену очень хотелось надеяться, что ответ на самый важный вопрос подтвердит это.

По улицам нижнего города спешил брат Хониг Брисболис. Он пыхтел, раздражался и, тараща глаза, требовал, чтобы все убиралось с дороги. При виде явно чем-то разгневанного трехсотфунтового толстяка мало у кого возникало желание вступить с ним в перепалку. Даже стражники на воротах верхнего города при его приближении поскорее распахнули одну из двойных дверей, чтобы не задерживать самого брата Хонига.

Однако сразу за воротами монах остановился на перекрестке. Дорога направо, на юг, вела к дворцу владыки Панламариса, налево — к площади, что перед часовней Дорогих Воспоминаний. Новости же, которые он нес, имели большую, если не сказать — принципиальную, важность как для владыки Панламариса, так и для отца Мальскиннера.

— Панламарис мог бы срочно послать военные корабли на перехват, — произнес Хониг вслух, стараясь привести мысли в порядок.

Но повернул монах все равно налево, осознав, что его первейшим долгом является служба церкви, а не помещику. Он весь покрылся испариной и задышался, однако не смел замедлить шаг.

— В чем дело, брат Хониг? — поинтересовался отец Мальскиннер, когда несколько минут спустя тот ворвался в его просторные частные апартаменты.

Хониг открыл рот, но жестокая одышка не давала ему выговорить ни слова. Он даже оперся о стол Мальскиннера, чтобы прийти в себя.

— Вы встречались с капитаном Шивейн?

Толстяк закивал, но по-прежнему не мог совладать с голосом.

— Брат Хониг?

— Они снимаются с якоря! — выговорил он наконец.

Отец Мальскиннер озадаченно уставился на гостя, затем встал из-за стола и подошел к окну, которое выходило на реку. Три капера действительно подняли паруса.

— Что это значит? — спросил он, резко повернувшись к Хонигу.

— Шивейн уходит из залива, — ответил тот.

— Но воины и припасы владыки Делавала еще даже не прибыли!

Хониг покачал головой.

— Она не станет их ждать. Эта атаманша смеялась над моими возражениями.

— Даже так?

— Ей заплатили, святой отец. Причем очень хорошо. Лучшее предложение, как она сказала.

— Этельберт? Здесь?

Хониг отрицательно замотал головой.

— Капитан Шивейн нарочно не говорила, кто это. Лишь заверила, что не Этельберт и не его посланец. Она назвала его разбойником, человеком, который принес ей гораздо больше сокровищ, чем предложил владыка Делавал.

Мальскиннер задумчиво посмотрел на Хонига.

— Третья сторона в этой войне? — Произнесенные вслух, эти слова казались еще более невероятными.

— Больше похоже на вора-одиночку, — сказал гость. — Она упомянула, что на нем была маска и черный костюм из редкой ткани.

Глаза Мальскиннера округлились.

— Еще она говорила, будто он движется словно тень и мастерски владеет клинком. У него, мол, самый великолепный меч из всех, что ей доводилось видеть. Это оружие поразит владыку или человека, мечтающего стать королем. Так она и сказала.

— Человек из Прайда, — произнес Мальскиннер, кивнув в знак своей догадки.

Он торопливо подошел к стеллажу, где хранилась вся переписка за последние месяцы, и извлек оттуда пачку писем из Прайда. Здесь же были и послания принца Иеслника Делавалского, в которых тот предупреждал о самом знаменитом и опасном преступнике по прозвищу Разбойник.

Мальскиннер испустил протяжный вздох, когда прочел три последние записки. В одной из них сообщалось, что этот отчаянный субъект убил владыку Прайда и отправился в неизвестном направлении.

Порывшись в каких-то пергаментях, настоятель часовни Дорогих Воспоминаний вытащил толстое письмо, отправленное братом Ринду от имени отца Джерака из Прайдской часовни.

— Брансен Гарибонд, — сказал он Хонигу, пробежав глазами документ. — Из города Прайда. По слухам, он как-то связан с братом Динардом и загадочной женщиной из Бехрена.

— С Динардом? — эхом повторил брат Хониг, пожимая плечами и качая головой.

— Был такой недостойный собрат, — пояснил Мальскиннер. — Он ушел в Бехрен, где попал под развратное влияние грязных варваров. Отец Джерак мудро решил отправить его в часовню Абея, чтобы спасти душу грешника.

— Да-да, — ответил Хониг. — Кажется, он был убит по дороге туда.

— Так говорили. Я не знаю, подтвердили братья из часовни Абея эти слухи или нет.

— Мы должны предупредить владыку Панламариса.

— И немедленно! — согласился отец Мальскиннер. — Пусть он известит всех об этом существе. Скажите ему, чтобы искал невысокого калеку, — добавил он, заглянув в бумагу.

— Калеку?

Мальскиннер пожал плечами и стал читать описание Брансена, где было сказано и про его неуклюжую походку, и про слюнотечение, и про заикание.

— Похоже, он скрывается под маской немощного, — сказал он.

— Прошу прощения, святой отец, — донеслось из-за приоткрытой двери.

Мальскиннер поднял голову и увидел брата Фатууса.

— Я случайно услышал...

— Заходите, брат Фатуус, — ответил отец Мальскиннер. — Мы обсуждаем проблему, возникшую в Палмаристауне. Вы видели, что каперы готовятся к отплытию?

— Вот поэтому я и здесь, святой отец. Вы что-то говорили про маску?..

Мальскиннер протянул Фатуусу письмо от брата Ринду.

— А вы отправляйтесь к владыке Панламарису, — приказал он Хонигу. — Расскажите ему все, что знаете, и попросите, чтобы он предупредил свою охрану об этом человеке-цапле.

— Я его видел, — вдруг произнес Фатуус, и оба священника повернулись к нему. Абелиец стоял разинув рот, с письмом Ринду в руках.

— Это он, Брансен. Я видел его как раз вчера. Пытался лечить душевным камнем, правда безрезультатно, и пригласил к нам сегодня вечером, перед Парвесперсом.

— Речь о существе, описанном в письме?

— Причем очень точно. Он назвался героем войны, и я решил ему помочь, как вы и учили.

Отец Мальскиннер откинулся назад, затем присел на край стола и значительно кивнул.

— Так, значит, это правда. Разбойник в Палмаристауне.

— Разбойник?

— Мошенник необыкновенных способностей. Похоже, он причинит нам немало беспокойства, — объяснил Мальскиннер. — Этот тип перекупил наемные корабли.

— Но почему пираты не сохранили это в тайне? — спросил брат Фатуус.

— Капитан Шивейн не считала нужным что-то скрывать, — вмешался Хониг. — Сегодня утром, как мы и договаривались, я пришел к ней, чтобы дать распоряжения команде. Они уже собирались. Когда я спросил, что случилось, она все мне рассказала. Дамочка была так горда собой, что не только потрясла у меня перед носом мешком с драгоценностями, но и поведала о своем неожиданном благодетеле.

— Будем надеяться, что этот Брансен, этот Разбойник, настолько спокойно себя чувствует под маской, что примет ваше предложение, брат Фатуус, и явится к нам, — сказал Мальскиннер. — Тогда мы схватим его быстро и по возможности бесшумно.

— Брат Ринду, говоря от имени отца Джерака из Прайдской часовни, изо всех сил старается подобрать добрые слова для этого жулика, — заметил Фатуус, пробежав глазами остальную часть обстоятельного письма.

— Вряд ли владыка Делавал разделяет его мнение, — ответил Мальскиннер и жестом отослал Хонига. — Или владыка Панламарис, на которого падет гнев Делавала, когда корабли Бергенбела вернутся без войска и припасов. Если этот человек еще в Палмаристауне, найдите его, а если нет, узнайте, куда он направился. Возможно, нам простят нашу неосмотрительность, если мы выдадим его владыке Панламарису, а тот, в свою очередь, — владыке Делавалу.

Конечно, Брансен в этот вечер не пришел в часовню Дорогих Воспоминаний. Но еще до завершения церемонии отцу Мальскиннеру донесли, что он в сопровождении двух женщин покинул город через северные ворота и направился к центральным плоскогорьям.

Туда, где находилась часовня Абея.

На следующее утро из тех же ворот выехал брат Фатуус. Нешадно прищипывая лошадь, он мчался во весь опор на восток, чтобы передать предупреждение отца Мальскиннера братьям из часовни Абея.

Фатуус так спешил, что даже не останавливался у редких сельских домиков, чтобы расспросить крестьян о загадочном Разбойнике.

На второй день путешествия он проскакал по переулку мимо небольшого сарая, не догадываясь о том, что оттуда за ним следят три пары глаз.

— Это же тот монах, который пытался излечить тебя самоцветами, — сказала Кадаиль.

— Торопится так, будто за ним гонятся поври, — заметила Каллен.

— Поври? А может быть, Разбойник? — предположил Брансен.

Глава седьмая НАПЕРЕКОР СКУКЕ

— Каждый день одно и то же, — ворчал Маквиджик, бесшумно опуская весло в воду. — Если бы не чертова луна, мы бы и не знали, что время проходит.

— Да, проходит, — кивнул сидевший напротив Бикельбрин. — Костями чую.

— А я — вот этим местом, — добавил Маквиджик и потрогал свой плоский широкий нос, который стал несколько шире и плосче от удара, полученного двадцать восемь дней тому назад.

Он прилепил на переносицу кусочек застывшего клейкого сока, заживляющего раны. Это снадобье давали деревья, которые росли повсюду на островах. Уже несколько дней такой компресс был ему не нужен, но как раз перед возвращением на остров Часовни гном водворил его на место в качестве напоминания Прагганагу.

— Вы что, всю дорогу балаболить собираетесь? — раздраженно спросил Прагганаг, который сидел на корме, примериваясь к топору с деревянной ручкой, одному из немногих металлических орудий, сохранившихся на озере в целости за сотню лет. — Теперь весь Митранидун будет знать, что мы плывем. А ну как за нами погонятся варварские баркасы? Это вам не комар чихнул!

— Все, у кого осталась хотя бы капля мозгов, уже спят, — ответил Бикельбрин.

— Но это не про нас, точно? — спросил Маквиджик, и остальные рассмеялись.

Только Прагганаг сердито прищурился, так что глаза почти исчезли за густыми бровями, и с негодованием посмотрел на Маквиджика.

Тот, не обращая на него внимания, снова поправил примочку на носу.

— А монах-то неплохо тебя отделал! — заметил Бикельбрин, и три других поври повернулись к Прагганагу.

— Да уж, когда я смеюсь, нос еще болит, — ответил Маквиджик.

— Это хорошо, что, кроме тебя, никому не смешно, — рявкнул Прагганаг, чем вызвал новый взрыв хохота.

Маквиджик смеялся громче всех. Поври были самой суровой расой на свете, но умели ценить эти минуты веселья, даже если самые колкие шутки были нацелены на них.

Через мгновение смех стих, и гномы вновь сосредоточились на гребле.

— Нам бы надо построить баррельбот, — спустя некоторое время предложил Маквиджик. — Вот отправимся на нем по озеру, то-то людишки затрепещут.

Баррельботом поври называли морское судно, похожее на огромный бочонок, большая часть которого располагалась ниже уровня воды. Внутри в несколько рядов стояли скамьи. Сидя на них, неустойчивые карлики крутили педали, вращая винт на корме и тем самым приводя в движение корабль. Один вид баррельбота или даже его обломков заставлял бледнеть весьма отважных капитанов. Ведь традиционным для поври способом ведения морского боя был таран.

— Ты, видать, шутишь, — отвечал Бикельбрин. — Тролли, конечно, порадуются, но война будет не на жизнь, а на смерть.

— Точно, — согласился другой поври. — Пошлешь на дно одну варварскую лодку,

скормив команду троллям, и против нас объединятся все острова. А наша скала Красного Колпака не такая уж большая.

Маквиджик значительно кивнул, показывая, что его слова нельзя воспринимать всерьез. Ему, как и всем, были прекрасно известны негласные законы островитян. Главный из них заключался в том, что ни поври, ни альпинадорцы, ни абелийцы не имели права топить своего противника. В мутных водах Митранидуна за бесконечным потоком крошечных пузырьков скрывались поистине страшные тайны. Часто в озере замечали гигантских рыб или змей, а стоило случиться кораблекрушению, как ледниковые тролли мгновенно оказывались тут как тут.

Никому не удавалось долго продержаться в воде Митранидуна, поэтому борьба между островами велась с соблюдением цивилизованных правил.

— Просто захотелось снова почувствовать педали под ногами, — примирительным тоном добавил Маквиджик.

— Это да, — согласился Бикельбрин, а за ним и еще один гном.

Только трое из шестерых, бывших на плоту, видели мир за пределами озера и на практике знали, о чем речь. Прошло больше века с тех пор, как кровавые колпаки поселились на Митранидуна. С восьмидесяти их число уменьшилось до семидесяти шести, но гномам удалось вернуть сердца почти всех своих сорока с лишним товарищей, убитых еще до принятия негласных законов в схватках с троллями и варварами.

Сердце было ключевым элементом в необычном и волшебном способе воспроизводства поври. Прибавив к нему соответствующее количество камней — многочисленные скалы из застывшей лавы прекрасно для этого подходили — и месяц древних магических ритуальных песнопений, гномы могли сотворить саму жизнь и вдохнуть ее в преемника погибшего.

Дома, на Обветренных островах, где было достаточно женщин, к Сепульхеру — так назывался ритуал — прибегали редко. Здесь же племя могло сохранять силу только благодаря ему, ибо из множества женщин осталось всего три. По какой-то загадочной причине Сепульхер почти всегда приводил к рождению мальчика, даже если сердце было женским.

Вернувшись с острова Часовни, гномы подготовили и похоронили сердце Регвенью вместе с куском скалы, и таинство началось. Как раз в этот день, прямо перед их отплытием, из Сепульхера, как стало называться и само место захоронения, послышалось первое громыхание. Появление сына Регвенью ожидалось через пять месяцев, но уже по этим звукам стало ясно, что из малыша выйдет такой драчун, что родитель мог бы гордиться.

— Я ведь с трудом помню, как это бывает по-другому, — произнес Маквиджик. — Из ста тридцати моих рождений сто пять было уже на озере.

Сидевший позади него гном, единственный, кто прибыл на Митранидун вместе Маквиджиком и Бикельбрином, задумчиво поглядел на северо-запад, в сторону высокого ледника.

— Мы с братом Хейкалнаком специально плаваем туда, чтобы почувствовать настоящую холодную воду. Вот уж не думал, что буду скучать по ледяной пучине Мирианского океана, — пожаловался он.

— Твоя правда, — согласился Бикельбрин.

— А я надеюсь, что еще вернусь туда, — сказал Маквиджик, и все, включая его печального соседа, посмотрели на него в изумлении.

— Ну не дурак ли ты, Маквиджик! — подал голос с кормы Прагганаг. — Только ступишь на берег, и кровь тут же застынет у тебя в жилах. Или ты возомнил себя ледниковым троллем? Хороша надежда, как бы поскорее сдохнуть!

— Вот-вот, — согласился сосед Маквиджика. — Мы ведь даже не знаем, в какой стороне этот чертов Мирианский океан! Одни говорят, на востоке, другие — на западе. А сколько сотен пало в экспедициях на большую землю, которую жрецы называют великолепной? Если бы не Митранидун, нам всем пришел бы конец.

— Если не от варваров и монстров, то уж точно от холода, — кивнул Бикельбрин, но

тон его заметно разнился с испуганными интонациями спутника.

Бикельбрин и Маквиджик заговорщически переглянулись. Они часто раздумывали над тем, как покинуть Митранидун, а последнее время стали в открытую заявлять, что смерть, пусть даже без Сепульхера, не намного хуже, чем скучное прозябание на туманном озере.

— Когда звезды на землю с неба взглянут, — затынул песню один из гномов.

— Двадцать воинов плечом к плечу встанут, — подхватил второй, выводя мотив торжественного военного гимна поври, в котором все заканчивалось плохо.

— О нет, только не эту песню! — вскричал еще один карлик. — Сегодняшняя ночь будет веселой, дурачье! Ведь нас ждет не война, а разминка!

— За которую Прэг поплатится лицом, — съязвил запевала.

Все опять засмеялись, кроме Прагганага, конечно, который испепеляющим взором смотрел на остальных, продолжая точить лезвие топора о брусек, но скрежет потонул в общем хохоте.

Ночь выдалась темная, и очертания острова Часовни были едва различимы в тумане. Однако гномы уверенно держали курс. Мало кто мог сравниться с поври в мастерстве мореплавания, даже когда дымка поднималась над Митранидуном так высоко, что почти полностью скрывала звезды.

— Ха, похоже, наш монашек будет драться, — заметил Бикельбрин, прервав долгое молчание, в течение которого слышался только мерный плеск весел о воду, и указывая вдаль, где за слоистой мглой виднелось одинокое пламя факела.

— Бьюсь об заклад, что он привел с собой полсотни дружков, — проворчал Прагганаг.

— Тогда поохотимся на славу, и мой берет скажет мне спасибо, — отозвался Маквиджик. — В любом случае причаливаем. Если там будет засада, то сразу же пускай в ход свой топор, Прэг, и мы быстро с ними покончим.

Кормик не слышал, как приближался плот. Ночной бриз наполнял его уши плеском волн, ударявшихся о скалистый берег. Прошло несколько часов ожидания, догорал второй факел, и монах уже давно перестал вглядываться в темную даль озера. Он сидел на песке, опершись спиной о большой камень, и смотрел в небо, которое виднелось то тут, то там сквозь серые завитки тумана. В руках юноша вертел два самоцвета, гематит и магнит, то и дело прижимая их друг к другу. Власть магнита заключалась в силе притяжения, которой Кормик часто пользовался, чтобы искать на пляже и отмелях, разбросанных вокруг острова Часовни, разные металлические предметы. Благодаря магниту он начинал чувствовать металл и уже нашел много монет, старинного оружия и инструментов. А еще этот самоцвет позволял притягивать небольшие металлические изделия к руке.

В эту ночь ничего найти не удалось, хотя Кормик особенно и не старался. Поиски были лишь предлогом, чтобы выйти из церкви, не вызывая подозрений у братии. Как только солнце село, он даже перестал делать вид, что занят с магнитом. В голове вертелся только один вопрос: вернутся поври или нет?

Но даже раздумья о предстоящем поединке улетучились, когда на небе засверкали звезды, а туман еще не успел подняться высоко и окутать их сплошной пеленой. Как часто Кормик терялся в сиянии этих небесных огней, уносясь мыслями в те времена, которые провел в Вангарде, в Пеллиновской часовне, и за заливом, в часовне Абея, главном аббатстве его церкви. Те дни были такими хорошими, наполненными страстью. Полный замыслов и воодушевления, с широко распахнутыми глазами и открытым сердцем, он с головой окунулся в жизнь часовни, ловя каждую деталь, каждое суждение, принимая на веру каждый догмат и каждое чаяние в наставлениях блаженного Абея.

«Куда подевался этот всепоглощающий огонь надежды?» — задавался вопросом Кормик.

Провожая один за другим долгие и тяжелые дни, он все чаще поддавался унынию. Любовь к острову Часовни и к озеру по имени Митранидун давно прошла. Монах не чувствовал душевного подъема, когда был закончен очередной этаж каменной церкви,

потому что знал: никто, кроме братьев и их слуг, сюда не придет. Он не заслушивался проповедями брата Джавно или отца де Гильба, даже когда они зачитывали его любимые отрывки из учений блаженного Абея. Кормик не питал отвращения ни к кому из собратьев-миссионеров. Джавно, например, ему очень нравился. Но юноша понимал, что они не смогут вернуть ему вдохновение. В глубине души он догадывался, что они исказили смысл экспедиции в Альпинадор. Их направили проповедовать, учить и обращать в свою веру язычников, но радужные надежды не оправдались. Варвары не хотели ничего слышать, и отчуждение переросло в открытую вражду. Зная соседей-островитян лучше, чем любой другой абелиец с острова Часовни, Кормик был уверен в том, что их миссия потерпела крах окончательно и бесповоротно.

Вражда только усугубится.

Души варваров спасти не удастся.

— Ах, Милкейла, ты была моей последней надеждой, — прошептал Кормик, подходя к кромке воды, чтобы выбросить ненужную гальку.

Но слова застряли у него в горле, когда сквозь неровную дымку проступили волосатые и морщинистые лица кровожадных поври.

Кормик торопливо отряхнул песок с платья.

— Так, значит, ты готов, — вместо приветствия сказал Маквиджик. — Один? — спросил он, подходя ближе, так что юноше пришлось отступить на шаг, и оглядываясь кругом.

Кормик кивнул, посмотрел на остальных прибывших и заметил позади них своего предполагаемого противника. Тот злобно усмехался, постукивая о ладонь деревянной дубинкой. На какую-то секунду юношей овладела паника, колени задрожали, а в мозгу закружилась одна мысль: «Надо бежать что есть мочи!»

— Ты один? — повторил вопрос Маквиджик, хлопнув монаха по бедру.

Инстинктивно Кормик отскочил в сторону, и гномы в момент ошетинились. Юноша ждал повторной атаки, но ее не последовало.

— Ну так как? — потребовал Маквиджик.

— Да, один, — пробормотал Кормик. — Я же дал слово.

— Положим, слова ты не давал, но и не возражал, — ответил Маквиджик. — Хотя попробовал бы ты возразить! Живо поплатился бы кровушкой.

Гномы загоготали, а Кормик нервно сглотнул.

— Что ж, раз ты счел долгом сдержать слово, это хорошо. Для человека, я имею в виду, — заметил Маквиджик.

— Значит, у тебя есть честь или совсем нет мозгов, — добавил Бикельбрин, чем вызвал очередной взрыв смеха. — Про людей мы чаще думаем второе.

Всеобщее веселье прервал Маквиджик.

— Покончим с этим. — Он кивнул Прагганагу, который тут же вышел вперед, держа наготове оружие.

Затем гном повернулся к Кормику.

— Знаешь правила?

— Нет.

— Значит, знаешь, — хмыкнул Маквиджик, и гномы снова ослабились.

Один только Прагганаг имел такой свирепый и воинственный вид, что у Кормика кровь стыла в жилах.

— Прагганаг собирается прикончить тебя, так что имей в виду: проиграешь — прощайся со своей кровушкой. Сам можешь делать с ним, что хочешь, мы не станем вмешиваться. Убей, разможи ему голову, делай что угодно. Если победишь, получишь в награду его колпак.

— Что еще за шутки! — рявкнул Прагганаг.

— Он поплатится жизнью, а тебе жалко колпака, — возразил Маквиджик.

— Да этот берет гораздо ценнее, чем его поганая жизнь!

— Значит, сначала он убьет тебя, а потом все равно заберет его себе!

— Как шакал!

Маквиджик собирался что-то ответить, но передумал, улыбнулся юноше и отошел в сторону.

Кормик, в свою очередь, хотел было уточнить, не придется ли ему в случае победы отбиваться от остальных поври, но прежде, чем он успел открыть рот, взбешенный Прагганаг с ревом бросился на него, размахивая дубинкой.

Кормик увернулся от нескольких ударов, затем пару раз перекувырнулся, отступая, ибо другим способом уйти от натиска соперника было невозможно. Наконец он вспрыгнул на небольшую грудку камней и даже успел развернуться, чтобы занять оборону, прежде чем Прагганаг, свирепо рыча, приблизился к нему.

— Ты будешь драться или бегать? — спросил гном.

В следующую секунду Кормик уже набросился на него и, рискуя попасть под удар дубинки, хлопнул по лицу сначала слева, потом справа. От неожиданности карлик оторопел, и монах молниеносно отскочил назад, запрокинув голову, чтобы дубинка не задела ее. Когда грозное оружие пронеслось мимо, он схватился за него и стал пригибать к земле, а левой рукой резко ударил поври по волосатому лицу и тут же снова подался назад, опасаясь контратаки слева.

— Три-ноль в пользу парня, — засмеялся Маквиджик.

Но Прагганаг только фыркнул, будто ничего и не почувствовал. Издав рык и неистово размахивая дубинкой, он опять пошел в наступление. Кормику оставалось лишь уклоняться и отступать.

— Хватит мельтешить! — поддразнивал его Прагганаг.

Вдруг гном рванул вперед, размахнулся и со всей силы обрушил дубинку на врага, но монах оказался слишком далеко. Более того, поври с удивлением обнаружил, что оружие выскользнуло из его рук и улетело неизвестно куда, а Кормик уже развернулся и идет прямо на него. Подпрыгнув, юноша обрушил на гнома двойной удар ногами — в голову и в грудь, — от которого тот отлетел назад и повалился на землю.

Прагганаг перевернулся на живот и попытался встать, но тут же больно получил коленом по голове, потом еще и еще. Даже когда гном впился зубами Кормику в ногу, монах сумел проворно освободиться, так что на коже остались лишь царапины.

Кормик навалился на Прагганага и стал заламывать ему руки. Обычно это гарантировало победу, потому что вся верхняя половина туловища противника становилась беспомощной, но Кормик еще ни разу не применял двойные тиски — так назывался прием — к поври.

С невероятным усилием Прагганаг поднялся на ноги. Кормик, оказавшийся на нем верхом, пытался раскачиваться и вертеться, чтобы враг потерял равновесие, но Прагганаг, будто обезумев, закружился то влево, то вправо, то опять влево, стуча тяжелыми ботинками по камням.

Кормику показалось, будто он объезжает быка. Ноги его болтались в воздухе, и, когда Прагганаг вдруг пустился бежать, с ним ничего нельзя было поделать. Юноша сполз по спине гнома немного вниз, пытаясь затормозить ногами, но тщетно. Поври со страшным ревом мчался куда-то. Внезапно на полном ходу он наклонился вперед, крепко ухватил своего назойливого седока за запястья и взвалил на себя, как мешок. Кормик разгадал его намерение в самый последний момент, когда увидел, что они несутся прямо на скалы. С безрассудством, свойственным только этому народу, Прагганаг врезался в них, буквально припечатав бедного юношу к самой большой глыбе.

На долю секунды оба замерли, напоминая раздавленный помидор, а потом свалились на песок.

«Вставай!» — приказал себе Кормик, с трудом выбираясь из-под камней и хватая ртом воздух.

Он плохо понимал, где он и кто эти гогочущие карлики в кроваво-красных беретах, но

отчетливо осознавал одно: если не подняться, то ему конец.

Не успел монах встать с колен, как на него обрушился удар дубинки. Отчасти инстинктивно, отчасти благодаря долгим часам обучения военному искусству Кормик успел защититься левой рукой. Острая боль пронзила все его тело, но тренированные мускулы послушно и четко выполняли заученные движения.

Левой рукой он схватился за нижнюю часть рукоятки дубинки, правой — прямо над местом, где ее держал противник, и вывернул оружие из рук Прагганага. Крякнув, Кормик с размаху поразил его толстым концом дубинки прямо в глаз. Голова карлика откинулась назад, он зашатался. Но абелиец не отставал, осыпая врага все новыми ударами. Прагганаг пятился, уворачиваясь и защищаясь, пока в конце концов не повалился на землю, чем вызвал ободрительные возгласы Маквиджика и остальных.

Кормик в душе праздновал победу, уверенный в том, что не даст гному подняться, пока тот не сдастся. Прагганаг перекатился со спины на плечо и резко выбросил вперед левую руку, но юноша ждал этого удара. Он лишь немного пригнулся, думая, что сможет без труда заблокировать его, и уже готовил дубинку для ответа.

Но результат атаки оказался совершенно неожиданным.

Руку Кормику словно опалило огнем. Он попятился, уронил дубинку и схватился за непонятно откуда взявшуюся рваную рану. Только когда гном вскочил на ноги и подошел к нему совсем близко, монах разглядел в его левой руке окровавленный топор.

— Но как?.. — только и смог выговорить юноша и, споткнувшись, сел на песок.

Прагганаг приближался, зловеще посмеиваясь, но Кормик уронил руки в знак того, что защищаться бесполезно. Как мог он, человек из плоти и крови, противостоять металлическому топору?

— Чур, я первый буду окроплять берет! — заявил Прагганаг товарищам, когда подошел совсем близко.

Он занес топор высоко над головой и обрушил его с такой силой, что перерубил бы юноше руку, если бы тот вздумал ею защищаться.

Кормик и в самом деле поднял руку, но не для того, чтобы заслониться. Он хотел высвободить волшебную силу магнита, который успел нащупать в своем кисете и теперь держал в вытянутой руке. Сквозь самоцвет металл топора был виден так же хорошо, как в солнечный полдень. Движимый отчаянием сильнее, чем любым другим чувством, монах послал всю свою энергию в камень, пробуждая в нем бурно нарастающую магию.

Он хотел заставить топор отклониться в сторону магнита, но вместо этого, снова повинаясь инстинкту, сделал все с точностью до наоборот. Стоило ему разжать ладонь, как заряженный самоцвет с невероятной скоростью взмыл вверх и поразил металлическое оружие.

Оглушительный грохот, от которого загудели все камни острова Часовни, отозвался в самых дальних концах Митранидуна. Удар был настолько силен, что топор соскочил с рукоятки и угодил гному прямо в уродливое лицо.

Камень отлетел далеко-далеко. Прагганаг пошатнулся, на его щеках и поперек носа показалась полоска крови. Он пытался устоять на ногах и рычал от боли, не в силах побороть оцепенение, растекавшееся по всему его дородному телу.

Поври упал на колени и не понял, как это произошло. Через миг он уже лежал на песке, даже не догадываясь об этом.

Кормик вновь схватился за свою раненую руку и, спотыкаясь, подошел к поверженному гному. Он наклонился, стянул с Прагганага берет и, взяв его за волосы, приподнял из грязи голову.

Карлики обступили место сражения. Казалось, они были весьма недовольны столь неожиданным исходом.

— Что за чертовщина здесь произошла? — нахмурился Маквиджик.

— Ты же сказал, что я знаю правила, — напомнил ему Кормик.

На какое-то мгновение Маквиджик задумался, потом повернулся к товарищам и от

души рассмеялся. Остальные гномы тоже стали ухмыляться.

Только Прагганаг не подавал признаков жизни, и Маквиджик тут же посерьезнел.

— Неужто ты его совсем убил? — спросил он.

Кормик внимательно посмотрел в лицо Прагганагу, которое превратилось в кровавое волосатое месиво, затем отпустил его, так что гном снова уткнулся носом в песок, и отошел. Двое поври подбежали к товарищу и бесцеремонно поставили его на ноги, для верности шлепнув пару раз по лицу.

— Ох, какого дьявола?.. — пробормотал наконец Прагганаг.

Из-за распухших губ его слова были едва различимы.

— Какого-какого, — отвечал Маквиджик. — Парень хорошенько отделал тебя, дубина! И выиграл.

— Я отомщу!

— А вот и нет! Ты заткнешься и сварганишь себе новый колпак! — С этими словами Маквиджик поднял с земли берет Прагганага.

Разъяренный поври отпихнул одного из гномов, поддерживавших его, и заехал бедняге кулаком прямо в глаз, когда тот попытался снова схватить его.

— Ты не посмеешь! — кричал Прагганаг вслед Маквиджику, который с беретом в руке направился к победителю.

— Тебе надрали задницу, вот и расплачивайся, как договаривались, — отозвался гном.

— Да пусть он оставит его себе, — попытался вмешаться Кормик, понятия не имевший, что делать с пропитанным кровью головным убором поври.

Но Маквиджик пропустил его замечание мимо ушей.

— Проклятье! — выругался Прагганаг, выскользнул из рук второго гнома, полным ненависти взглядом пригвоздил его к месту, затем бросился за Маквиджиком.

— Человек сдержал слово и вышел на бой, а ты что же, хуже? — спросил тот.

— Ты не отдашь ему мой колпак!

— Не нужен он мне, — снова вставил Кормик, но никто его не слушал.

Маквиджик обернулся к подошедшему Прагганагу и поднял руку с беретом высоко над головой, другой будто защищаясь.

— Отдай! — потребовал Прагганаг.

Видя, что приятель и не думает слушаться, он с размаху ударил его по лицу, но тут же поплатился за это, ибо Маквиджик молниеносно полоснул его чем-то по горлу.

Прагганаг изрыгал проклятия, но раздавалось лишь кровавое пузырящееся бульканье. В руке Маквиджика оказался тот самый топор, который соскочил с рукоятки. Гном незаметно подобрал его. Прагганаг рухнул на колени, задыхаясь и хватаясь за рассеченную шею, откуда высокой струей била кровь.

Тем временем Маквиджик невозмутимо подал берет Кормику.

— Я могу вылечить его, — вызвался монах и, нащупав в кисете самоцвет, уже хотел было броситься к умиравшему, но могучий поври преградил ему путь рукой.

— Нет, не можешь. Сейчас ты возьмешь этот чертов колпак, окунешь в его кровь, потом наденешь на голову и уберешься отсюда. С играми покончено, парень. Смотри, как бы ни пролилась новая кровь — на сей раз твоя собственная. Окропи! — потребовал Маквиджик тоном, не допускающим возражений, и сунул берет Кормику.

Через несколько кошмарных мгновений, уходя с пляжа с мокрым беретом поври в руке, юноша слышал, как Маквиджик приказал остальным вынуть у Прагганага сердце. Судя по их ответам, гномы с облегчением восприняли его слова.

К тому времени, когда Кормик достиг маленькой каменной арки, ведущей к входу в часовню, бриз донес до него звуки знакомой похоронной мелодии. Ее странную мягкую гармонию, сплетавшуюся с шумом волн, не могли уничтожить даже грубые голоса исполнителей.

Глава восьмая

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Судно с пятью альпинадорцами на борту бесшумно скользило в тумане. Тишину лишь изредка нарушали колыхание единственного паруса или всплеск воды. Оседлав высокий нос корабля, Андрузис не опасался намочить длинные ноги. В свои восемнадцать юноша был минимум на десять лет младше остальных членов команды, к примеру трех кормчих средних лет, не говоря уже о самом старшем, шамане Тоникуэе. Его совершенно лысый череп, обтянутый бледной кожей и испещренный множеством коричневых пятен, производил такое впечатление, будто Тоникуэй уже умер, но встал из могилы. Несколько оставшихся во рту пожелтевших зубов торчали под разными углами, а тонкие усы больше были похожи на тень.

Один из моряков устроился на корме и управлял рулем и парусом. Еще двое сидели посредине, сразу перед Тоникуэем, держа весла на коленях, готовые грести в любой момент, если штурман отдаст команду.

За судном тянулись длинные лески с множеством крючков. Улов пока что был скуден: в ведрах, стоявших между Андрузисом и гребцами, плескались всего две небольшие серебристые форели.

— Слишком тихий день, — сказал рулевой по имени Канрак.

Лицо этого несуразного, еще совсем не старого человека, которому не было и тридцати, сморщилось настолько, что казалось, будто кто-то составил его из отдельных лоскутов кожи, накладывая один поверх другого. Если добавить к этому густую черную бороду, которая росла там, где ей вздумается, то можно понять, почему Андрузис считал поджарого и нескладного Канрака самым уродливым из всех людей, которых ему довелось видеть.

Сам Андрузис был его полной противоположностью. Высокий и широкоплечий, с прекрасной кожей и золотистыми волосами, он притягивал заинтересованные взгляды почти всех женщин Йоссунфира. Кроме того, за силу и богатырское телосложение Андрузиса считали одним из лучших воинов племени. Юноша знал, что именно поэтому Тоникуэй и решил брать его в такие долгие рыболовные плаванья, как это.

— Сегодня озеро спокойно, но не слишком, — ответил Тоникуэй. — Митранидун — это благословение и в шторм, и в штиль.

Он отвечал Канраку, но Андрузис понял, что слова противного старика шамана обращены к нему. Тоникуэй прекрасно знал о дружбе юноши с Милкейлой и с тех пор, как она осмелилась заговорить об экспедиции к берегам Митранидуна, был до глубины души возмущен ее дерзким предложением. Ни для кого не было секретом, что старейшины племени решили во что бы то ни стало поссорить заговорщиков. Некоторые, как Тоникуэй, открыто хвастались своей мудростью. Этим утром, когда команда садилась на корабль, он прошептал Андрузису, что ему, мол, предстоит узнать правду из более достоверных источников, чем блуждающие мечты несчастной девушки, не нашедшей любовь среди равных себе.

Молодой человек ничего не сказал шаману в ответ на нелепый выпад в адрес

Милкейлы. Это тяготило его, но враждовать с Тоникуэем парню тоже не хотелось. На Йоссунфире о подобном противостоянии не могло быть и речи!

Ян Оссум, народ Андрузиса, ничем не отличался от других альпинадорских племен. Наибольший вес и уважение у них имели старейшины, а на самой вершине иерархии находились старшие шаманы и Пеннервайк, сам великий вождь племени Ян Оссум.

— Андрузис, друг мой, ты полагаешь, мы зря тратим время здесь? — неожиданно обратился к юноше Тоникуэй.

Тот обернулся, чтобы взглянуть на самодовольного шамана, и заметил испытующие взоры четырех пар глаз.

— Время, проведенное на Митранидуне, не бывает потрачено зря, учитель, — покорно ответил он и отвернулся.

— Прекрасно сказано! — похвалил Тоникуэй. — А сам-то ты в это веришь? — добавил он торжественным и зловещим тоном.

Милкейла чувствовала, как бурлит лава глубоко под ногами, но в этот день вызывать ее было не нужно. Магическую связь с землей девушка использовала лишь для того, чтобы напомнить себе о собственных возможностях, которые так высоко оценивали ее друзья и наставники. Сейчас ей как никогда требовалась уверенность в себе, ибо она видела, как Андрузис утром сажился в лодку вместе с Тоникуэем. Зачем шаман затеял эту поездку по Митранидуну, было очевидно.

Лишь горстка друзей поддерживала Милкейлу в мечтах покинуть озеро, которые родились три года назад, вместе с появлением на озере абелийских монахов. До тех пор никто из них даже не догадывался о том, что за пределами Митранидуна есть мир, населенный людьми.

Конечно, это была прежде всего праздная болтовня, подростковая неугомонность. Но Милкейла придавала ей больше смысла, она хотела увидеть большой мир! Отношения с Кормиком только усилили это желание. Ведь здесь, на Митранидуне, у них не могло быть общего будущего. Ни старейшины, ни тем более Тоникуэй не допустили бы брака между ней и чужеземным монахом.

Уже более года шесть единомышленников не заговаривали о своем плане, задвинув мысли о нем подальше, как вдруг пару месяцев назад Милкейла удивила всех, снова вспомнив про него.

Свою ошибку юная шаманка осознала почти сразу. Надо было подождать до совершеннолетия, когда все они станут полноправными членами племени Ян Оссум и юношеские мечты уступят место более серьезным обязанностям. На деле получилось, что кое-кто из шестерки, скорее всего, Пеннедар, поспешил доложить новости старшим, и теперь они во главе с Тоникуэем бросали в ее сторону недоброжелательные взгляды. Она запомнила полный негодования взор, которым старый шаман окинул ее сегодня утром, перед тем как позвать с собой Андрузиса на рыбалку.

— Андрузис, — произнесла девушка вслух.

Звук собственного голоса вывел ее из сосредоточения. Энергетическая связь с землей порвалась. Конечно, Тоникуэй выбрал его потому, что юноша был единственным, кто проявил интерес к ее предложению отправиться в большой мир, лежащий за пределами озера.

Милкейла глубоко вздохнула и непроизвольно посмотрела на юго-восток, в направлении окутанного пеленой острова Часовни, затем снова обратилась к горячим источникам, питавшим озеро. В поисках дополнительной силы она коснулась рукой ожерелья из самоцветов. Ей хотелось во что бы то ни стало постичь секрет магических камней, найти способ объединить их энергию со своей собственной. Может быть, тогда она нашла бы ответы на те вопросы, которые Тоникуэй не преминет бросить ей в лицо.

Сила самоцветов щекотала, но Милкейле не удавалось слиться с ней воедино, подобно тому, как срослись в одно их с Кормиком души. Несколько минут напряжения, и вот она

почувствовала, что энергия шаманской магии течет сквозь ее плоть, требуя выхода и грозя поглотить девушку, если ее не выпустить наружу. В этот кульминационный момент Милкейла коснулась камней... Ничего.

Внезапно энергия земли нашла выход. В долю секунды вокруг шаманки вспыхнуло пламя. Несколько листьев скукожились и хрустнули, вверх поднялись струйки дыма.

Милкейла, задыхаясь, стояла внутри огненного круга, истощенная физически и эмоционально. Она огляделась и покачала головой, ибо ничего особенного в этот раз не произошло. Девушка вспомнила о Кормике, об обещаниях, которыми они обменялись, поднесла к губам ожерелье и поцеловала его. В глубине души она знала, что религии земли и самоцветов не так уж различны, и верила, как и Кормик, что ответы на главные вопросы надо искать в их объединении.

Только бы им это удалось.

Милкейла повернулась к озеру, туда, где исчезли в тумане Тоникуэй и Андрузис, и почувствовала, как внутри все переворачивается от сомнений и страха.

Андрузис снова поглядел на шамана и уже начал отвечать, но прикусил язык, видя, что на понимание рассчитывать не придется. Тоникуэй намеренно толкал его на рассуждения, которые потом мог бы использовать против компании молодых заговорщиков. Если бы сейчас Андрузис ответил правильно, то Милкейле, без сомнения, дали бы почувствовать все последствия его слов, а если нет, то для Тоникуэя это было бы очередным доказательством того, что молодежь племени Ян Оссум пошла наперекор традициям, которые дарили процветание стольким поколениям. Поэтому юноша промолчал.

— Проверь лески, — приказал Тоникуэй, глядя на него немигающими глазами.

— На них ничего нет, — отозвался с кормы Канрак, но шаман продолжал в упор смотреть на Андрузиса.

— Тогда вытащи их, — сказал он. — Посмотрим, нельзя ли потратить время с большей пользой.

Андрузис некоторое время наблюдал за Тоникуэем, но сморщенный старик так и не моргнул. Вдруг он вообще никогда этого не делал? Может, шаман, умерев, так и будет лежать всю вечность в холодной земле с открытыми глазами?

Наконец молодой человек стал пробираться мимо плескавшейся форели и двух гребцов. Проходя мимо Тоникуэя, он специально уставился на корму, чувствуя на каждом шагу, как шаман буравит его глазами.

Штурман тихонько засмеялся, но все на Йоссунфире знали, что Канрак дурак. Поэтому Андрузис не обратил на это внимания и начал методично вытаскивать одну леску за другой.

Но прежде чем он успел закончить, Тоникуэй жестом приказал гребцам опустить весла в воду.

— Полповорота направо, — скомандовал он Канраку.

Тот кивнул и уже взялся за руль, но потом с любопытством посмотрел на шамана.

— Полповорота направо?

— Именно так.

— Но Йоссунфир в другой стороне.

— Думаешь, я настолько глуп, что не знаю этого?

— Нет, учитель, но... — Канрак замолчал и облизнул губы. — Полповорота направо, — повторил он и повернул руль, создав неудобство Андрузису, который вытаскивал длинную лесу по правую сторону от него.

Юноша обогнул руль, пристально глядя на очевидно встревоженного Канрака.

— Полповорота направо, держи прямо и расправь парус, — продолжал Тоникуэй. — А вы двое гребите как следует.

— Мы не настолько далеко от берега, — осмелился возразить Канрак, но шаман даже бровью не повел.

Тогда штурман вопросительно посмотрел на Андрузиса. Молодой человек, не слишком

знакомый с географией Митранидуна, лишь пожал плечами и продолжал свое занятие. Пару раз он угрюмо покосился на Тоникуэя, но тот стоял к нему спиной, не обращая на юношу никакого внимания.

У Андрузиса отпали всякие сомнения в том, что это не рыбалка. На сегодняшний улов шаману наплевать. Единственной целью плавания был он, Андрузис, и заговор его друзей, которые так хотели покинуть это удушливое озеро.

Если самого юношу поворот судна скорее удивил, то остальных членов команды откровенно обеспокоил. Канрак, сидевший рядом с Андрузисом, беспрестанно облизывал губы и не отпускал руль, нетерпеливо ожидая, когда Тоникуэй прикажет снова изменить курс.

Однако шаман молчал и не шевелился. Судно продолжало скользить сквозь дымку. Предупреждение Канрака о том, что они совсем недалеко от берега, все еще звучало в ушах Андрузиса.

Впереди, по левому борту, в воде показался темный кусок скалы, словно предостережение незваным гостям.

— Святой Тоникуэй... — начал было Канрак, но шаман перебил его:

— Андрузис, на нос!

— Но лески... — попытался возразить юноша.

— Оставь их, иди на нос и проверь глубину.

Пробираясь мимо старого шамана и гребцов, Андрузис споткнулся о ведро. Вода вместе с форелью разлилась по дну. Он нагнулся за рыбой, но неодобрительный взгляд Тоникуэя заставил его все бросить и снова направиться на нос корабля.

Перегнувшись через борт и почти касаясь лицом воды, молодой человек пытался найти угол, под которым глубина будет лучше всего видна. К своему облегчению, он обнаружил, что дна не видно, но заметил слева еще одну скалу, выступавшую на несколько футов над поверхностью.

Андрузис выпрямился, чтобы сообщить об этом Тоникуэю, и увидел, что шаман с выражением озадаченности на лице указывает прямо по курсу движения судна.

Обернувшись, он все понял. Всего в каких-то пятидесяти шагах виднелся темный, крутой, зловещий берег, покрытый острыми осколками лавы. На небольшом расстоянии от дымящейся воды черные полосы перемежались с участками льда и снега. В этом абсолютном контрасте мрачного и светлого все казалось парню окаменелым. Кое-где торчали крючковатые остовы деревьев, но они вряд ли могли служить признаком жизни, скорее уж — предостережением для всех живых существ.

Рваный туман то и дело застилал картину от взора Андрузиса, но юноша все же разглядел на фоне этого пустынного пейзажа ряд пещер. Он понял, что это за место, и резко повернулся к Тоникуэю, готовый обрушить на него град обвинений.

— Вот она, цель ваших мечтаний, — произнес шаман. — Вот обещание дурочки Милкейлы. Смотри хорошенько на это запустение.

— Одно это место ни о чем не говорит, — буркнул Андрузис.

— Тролли совсем близко, — едва слышно заметил гребец, сидевший слева от Тоникуэя, и вынул весло из воды.

Его напарник сделал то же самое. Оба рыбака уставились на шамана, всем своим видом показывая, что ждут приказа, который позволит им убраться из этого опасного места.

— Одно из многих, — парировал Тоникуэй, не обращая внимания на гребцов. — Чтобы расстаться с жизнью, вполне достаточно и его. Вам даже не придется ничего искать, чтобы угодить в могилу, глупцы. Мы совсем не похожи на наших родственников с материка. Мы разучились выживать, наша кровь утратила густоту, на берегах благословенного Митранидуна она стала совсем жидкой. Предупреждаю, перед лицом этой неизбежности наше терпение...

Неожиданный всплеск, донесшийся с севера, прервал напыщенную речь Тоникуэя.

— Ледниковый тролль, — предупредил Канрак, сжав руль так сильно, что побелели

костяшки пальцев.

Гребцы напряженно посмотрели на шамана.

Раздался еще один всплеск. Андрузис оглянулся через плечо и заметил какое-то движение у пещер.

— Теперь ты понимаешь, юнец? — спросил Тоникуэй, едва сдерживаясь. — Думаешь, это игра, развлечение?

— Святой Тоникуэй, нам надо уносить ноги, — посмел заметить Канрак.

Шаман резко повернулся, с негодованием посмотрел на рулевого и даже замахнулся, будто хотел его ударить.

В тот же момент гребцы, не дождавшись приказа, опустили весла в воду и стали разворачивать судно даже без помощи Канрака.

Тот принялся помогать им рулем, не обращая внимания на сердитый взгляд Тоникуэя. Снова послышался всплеск, затем еще и еще один. Уже некогда было думать об этикете или о том, кто кому подчиняется. Пришла пора спасать жизнь.

Даже упрямый шаман, кажется, наконец-то понял это, потому что не стал ругать команду.

— Хорошенько запомни сегодняшний урок, — заявил он юноше и пригрозил ему длинным костлявым пальцем.

Стоило Канраку завершить разворот, как квадратный парус безжизненно повис. Штурман схватился за веревки. Двое его товарищей так проворно и слаженно работали веслами, что легкое судно стало уходить все дальше от берега в глубь спасительного тумана. Вскоре команда облегченно вздохнула.

Внезапно оба гребца дернулись. Одного чуть не выбросило за борт, но потом он упал обратно в лодку, руки его были пусты. Второй некоторое время боролся, держа свое весло так крепко, что наполовину вытащил из воды тролля, вцепившегося в него с другой стороны. Моряк вскрикнул, но, к чести своей, не отпустил драгоценное и жизненно необходимое весло!

Увы, все усилия оказались бесполезны. В следующую секунду еще один тролль, выскочив из воды, словно рыба за насекомым, схватил альпинадорца за воротник и увлек его за борт вместе с веслом, прежде чем кто-нибудь успел помешать ему.

Андрузис уже был готов броситься на выручку, но заметил другого тролля, который вспрыгнул на нос корабля. Он резко развернулся и ударил бледно-голубое существо прямо в челюсть. Не успев понять, что произошло, тролль скувырнулся обратно в воду и через мгновение исчез в глубине. Андрузис знал, что вскоре он снова вынырнет и подскочит еще выше.

Но ждать было нельзя. На корме кипела борьба. Тролли один за другим запрыгивали на корабль.

Канрак и его товарищ защищали Тоникуэя, который, вытянув вперед руки и закрыв глаза, исполнял старинное песнопение во славу варварских богов. Их жестоко теснили три тролля, но люди отважно отбивались от когтистых лап. Гребец дрался маленьким ножом, а Канрак — багром, который успел схватить перед нападением.

Андрузис поспешил им на помощь. По пути он подхватил ведро с водой и запустил его в ближайшего тролля. Тот отшатнулся назад, но парень быстро его настиг и ударом левой руки отправил за борт. Мерзкая тварь вцепилась обеими лапами в руку Андрузису, однако не смогла удержаться и, падая, содрала своими острыми когтями кожу.

Юноша схватился за кровоточащее предплечье, но в следующий момент его атаковал очередной тролль, и кулак Андрузиса встретился с его дубинкой. Суставы затрещали от страшного удара. Альпинадорец взвыл и отдернул руку, но не отступил и врезался плечом в противника, прежде чем тот смог еще раз замахнуться своим оружием.

Они упали на палубу и покатались. Андрузис старался подмять под себя тщедушного врага и освободить из цепких лап тролля левую руку.

Тоникуэй изо всех сил пытался отвлечься от переполоха, царившего вокруг него, и сосредоточиться на заклинаниях. Взывая к древним богам своего народа, к Дромиру, богу северного ветра, шаман собрал дарованную энергию в руках, поднял их над головой и стал плавно вращать. Внезапный крик Канрака, пораженного копьем в плечо, заставил старика открыть глаза. Тоникуэй увидел, что еще одна тварь, выпрыгнув из воды, летит прямо на него. Тогда он направил руки в сторону врага, освобождая собранный ветер.

Было похоже, будто на тролля накинули лассо, настолько резко он изменил направление движения и неуклюже шлепнулся в воду. Тоникуэй тут же забыл о нем и снова сосредоточился на парусе. Его руки закружились проворнее, чем в первый раз. Полотнище наполнилось закливаемым порывом ветра и стремительно понесло судно к середине озера.

Тоникуэй повторял заклинание снова и снова, пока не упал, сбитый с ног троллем, вскочившим ему на спину. Гадкое существо вцепилось шаману в лицо и не давало ему подняться.

Наконец Андрузис изловчился и вlepил тролля по морде. Тот сильно ударился затылком о деревянную палубу и, в полном ошеломлении, перестал извиваться. Тогда юноша оперся о сломанную руку, приподнялся, отвел назад здоровую и, вложив в удар весь свой вес, обрушился на противника.

Длинный и скрюченный нос тролля расплющился, череп хрустнул.

Убедившись, что с врагом покончено, Андрузис откатился от его трупa и упрямо поднялся на ноги, стараясь ничем не задеть искалеченные руки.

Канрак лежал на палубе. Над ним стоял тролль и грубым копьем наносил ему все новые раны. Бедный штурман извивался и оборонялся, его руки были раскромсаны. Столько крови Андрузис не видел никогда. Он даже не представлял себе, что в таком тощем человеке ее может быть так много.

Молодой человек немного отошел от шока и снова ринулся в битву, пнув на ходу тролля, оседлавшего Тоникуэя. По дороге, пробираясь под парусом, он споткнулся, но через мгновение уже напал на тварь с копьем.

Андрузис забыл о самой серьезной своей ране и тыльной стороной правой руки ударил по древку копья — и тут же волна агонии захлестнула его. Враг мгновенно перехватил инициативу и вонзил оружие в правое бедро юноши.

Боль опалила огнем всю ногу сверху донизу, но Андрузис понимал, что обречет себя на смерть, если поддастся ей. Он навалился на тролля, прижал его к палубе, уперся в грудь коленом и в остервенении принялся осыпать ударами. Но тварь не оставалась в долгу и даже пыталась укусьить человека.

Тогда Андрузису пришлось несколько раз ударить ее лбом по зубастой пасти. Расцарапав лицо об острые зубы тролля, юноша все же выбил из него дух.

Вопль Тоникуэя заставил его повернуться. Андрузис увидел, как тот самый тролль, которого он пнул, набросился на парус и стал рвать его когтистыми лапами. Шаман бежал следом за ним, как оказалось, слишком быстро. Не в состоянии остановиться, он врезался в тролля. Оба пролетели сквозь полотно, разорвав его пополам, упали на палубу и покатались. Но проворное существо тут же вскочило на ноги и прыгнуло за борт, прихватив с собой часть паруса!

Андрузис и Тоникуэй в ужасе переглянулись и одновременно устремились за ним, однако крик гребца, которого тащили два тролля, заставил их повернуться к носу судна.

Тоникуэй возобновил пассы, призывая магические силы, как вдруг покачнулся, согнулся пополам и ухватился за копье, поразившее его в живот.

Андрузис, шатаясь, двинулся было дальше, но осознал, что не успеет прийти на выручку товарищу. Он стоял и задыхался от бессилия, наблюдая, как тролли вместе со своей добычей перекатились через нос корабля и исчезли под водой.

С кормы донесся очередной всплеск. Андрузис обернулся и увидел, как убегает последний живой тролль. Потом юноша нагнулся над Тоникуэем и взглянул на копье, торчавшее из его живота, не зная, как помочь шаману.

Вдруг лодку дернуло, и он упал на колени. С тревогой посмотрев за корму, Андрузис заметил, что на леске, которую он не успел смотать, за судном тащится гребец, очевидно, зацепившийся за крючки. Молодой человек взял леску и стал подтягивать беднягу ближе, но еще раньше, чем тот достиг борта, понял, что уже поздно. Он схватил товарища за рубаху и наполовину вытащил из воды. Голова гребца откинулась назад, и Андрузис заглянул в широко открытые безжизненные глаза.

Юношу охватил ужас. Борясь с подступившей тошнотой, он попытался затащить труп в лодку, но внезапно ослабел, отпустил свою ношу, в изнеможении упал на палубу и уставился в небо. Рядом жалобно стонал Канрак. Посередине судна, около мачты и обрывков паруса рычал и кряхтел Тоникуэй.

Андрузис почувствовал, как сознание покидает его. Пытаясь бороться с забытием, он приподнял голову и посмотрел на тело, свесившееся через борт. Парень попробовал дотянуться до него, но не смог. Его голова неминуемо клонилась обратно к палубе.

Юноша вновь устремил взор в небо, но увидел лишь черноту.

Часть вторая **ДОЛГИЙ ПУТЬ В ДРУГУЮ СТОРОНУ**

То ли непрерывная угроза жизни научила меня постоянно прислушиваться к себе, то ли сказались навыки Джеста Ту, но, какова бы ни была причина, я чувствую, что гораздо лучше обычного человека способен улавливать тончайшие знаки, исходящие откуда-то из подсознания. Сколь многое открывается нам не через рассудок!

С какой легкостью, например, я шагаю по дороге из Палмаристауна, будь то в обличье Разбойника или Цапли, чувствуя, что могу подпрыгнуть хоть на сотню футов от земли! Передо мной расстилается прямой путь к часовне Абея. Я полон оптимизма. Надежда увидеть отца, Брана Динарда, пронизывает все мое существо.

Сознание же далеко от радостных мыслей. Напротив, я вижу в этом предприятии лишь досадное промедление и ругаю себя за него. Мой главный путь лежит на юго-восток, а я намеренно двигаюсь в другую сторону.

Однако легкость и радостное возбуждение, царящие в душе, сильнее чувства вины. Дело не только в том, что мне удалось отложить на время встречу лицом к лицу со страхами всей своей жизни, конечно нет! Просто я инстинктивно чувствую, что путь к верховной обители ордена блаженного Абея является очень важным этапом моего главного жизненного пути. Еще я задаюсь вопросом, не будет ли горячее стремление найти человека, который произвел меня на свет, предательством по отношению к Гарибонду, моему дорогому отчиму и воспитателю, без упрёка сносившему мое уродство и любившему меня всем сердцем.

Чего я вообще жду от Брана Динарда, который так и не возвратился к Сен Ви и своему сыну, хотя минуло уже более двадцати лет со дня его отъезда из города Прайда?

Всякий раз, как думаю об этом, мысли приходят в совершенный сумбур. Да и как я могу определить свое отношение к Брану Динарду, пока не встретился с ним? Ответов на мучающие меня вопросы я тоже не найду, пока он сам мне их не даст. Уверен, много воды утечет, прежде чем я смогу понять, в какой мере обязан Гарибонду.

Вот уж действительно самый сложный вопрос из всех! Правда, сокрытая под завесой вины, самой непроницаемой из всех возможных, кажется уже не столь несомненной. Гарибонда я любил и люблю всей душой, не колеблясь, бросился бы в огонь, чтобы спасти его! Я готов на все, лишь бы его вернуть.

Могу ли я сказать то же о своем отце, когда меня с ним связывают только надежды, основанные на предубеждениях? Хотя есть еще кое-что. Это книга

Джеста, им сочиненная или, по крайней мере, переписанная. Содержание ее таково, что мало кто сумел понять ее смысл и мог бы верно передать его тончайшие нюансы. Возможно, именно эта книга и стала причиной моего внутреннего конфликта, вызвала противоречивые чувства, обуревающие меня.

Я отчаянно желаю повстречаться с человеком, создавшим это восхитительное произведение, которое помогло мне одолеть презренную беспомощность, ибо отклик, который нашли его слова в моем сердце, гораздо сильнее родственных связей. С этой точки зрения мое путешествие как нельзя кстати.

Да и могло ли быть иначе? Автора чудесной книги Джеста я мечтал отыскать не меньше, чем самих мистиков Джеста Ту, для которых ее уроки стали основой жизни. К тому же этот путь сулит даже меньше опасностей, чем дорога в Бехрен. Так что, каков бы ни был исход встречи с Браном Динардом, Облачный Путь все равно остается главной целью. Ведь там живет моя надежда.

Со спокойной ли душой отправляюсь я в этот путь? Все страхи, связанные с этим человеком, не имеют отношения к нашему с ним родству, поэтому с этой стороны я не жду разочарований. Неважно также, какие принципы исповедует теперь Бран Динард и сможет ли он способствовать моему выздоровлению. Он уже дал мне так много, что я больше не держу на него зла.

Или все-таки держу? Вдруг обида на отца за то, что он не захотел или не смог вернуться ко мне и матери, засела в сердце глубже, чем мне кажется? Что ж, с покорным вздохом я вынужден заключить, что единственный плюс нынешнего путешествия состоит в том, что у меня есть повод отсрочить другое, куда более пугающее, — в Облачный Путь.

Брансен Гарибонд

Глава девятая ТРУД ВЕДЕТ К ОСВОБОЖДЕНИЮ

Доусон Маккидж стоял на носу своего двухмачтового парусника «Мечтательница» и не уставал любоваться величественной панорамой океанского побережья. Прямо по курсу высился огромный серо-коричневый скалистый утес, на самой вершине которого, словно вырастая прямо из камня, стояла часовня Абеля, сердце молодой, но влиятельной религии.

Именно здесь блаженный Абель впервые продемонстрировал могущество дарованных богом самоцветов. Именно в этом месте, согласно преданию, бог научил его делать постоянными волшебные свойства камней, найденных на далеком острове посреди южных вод Мирианского океана, куда его забросило кораблекрушение. Вдали от людей, совсем один, Абель уже не надеялся выжить, а о возвращении в Хонсе можно было и не мечтать.

Но вдруг с небес посыпались самоцветы, дары бога. Молодой пророк в совершенстве

постиг их магию, научился разбираться в чудодейственных силах.

Сказывали, что с помощью этих камней Абель преодолел сотни миль по океану и что невиданные возможности магии самоцветов помогли ему изменить мир.

Доусон не считал себя абелийцем. Вангард, процветающий край фермеров и охотников, где он вырос, долгое время находился под властью самхаистов, и старые обычаи все еще жили в душе воина. Все же вид часовни Абеля, которая при свете дня казалась еще величественнее, каждый раз несказанно воодушевлял его.

Среди скал притаилась пристань. От нее вверх, прямо к часовне, вели туннели, которые прокладывал, как утверждает легенда, сам Абель, используя целое множество мощных самоцветов.

— Приветствуем флаг дамы Гвидры! — донеслось с доков, едва «Мечтательница» миновала скалистый пролив и вошла в бухту.

Доусон заметил двух монахов, которые приветствовали мореплавателей. В одном из них он узнал брата Пинауэра и замахал ему в ответ с сердечностью и дружелюбием, красноречиво напоминая о том, сколь близкими стали отношения между Гвидрой и абелийцами.

Увы, именно они привели к нынешней войне. Вспомнив о том, с какой жестокостью сражались против Вангарда самхаисты, его бывшие духовные предводители, и какую мерзость вроде гоблинов и ледниковых троллей они завербовали в пехоту, Доусон не сумел сдержать гримасу негодования. Он и представить себе не мог, чтобы мудрые священники, подчас столь же суровые, как их обычаи, могли предать свой народ, прибегнув к помощи этих гнусных тварей.

— Оружие, металл, продовольствие? — спросил брат Пинауэр, когда судно Маккиджа причалило к самой длинной из трех верфей и матросы приступили к швартовке. — Что и говорить, в это смутное время вам будет непросто раздобыть все это.

— Так, значит, война между владыками Этельбертом и Делавалом все еще идет? — поинтересовался Доусон, ловко спрыгнув на деревянный настил рядом с абелийцами.

— Слово «разгорается» более уместно, — отозвался Пинауэр. — Владыка Делавал вообразил, что у него есть преимущество, и усилил всю линию фронта, стремясь прижать Этельберта к морю.

— Но маневр не удался, — продолжил второй монах. — У Этельберта в запасе остались кое-какие уловки.

— И союзники из Бехрена, — добавил брат Пинауэр.

— Владыка Хонсе призывает дикарей из пустыни? — удивленно переспросил Доусон. Маккидж, почувствовав к Этельберту то же презрение, какое он испытывал к вангардским самхаистам.

— В отчаянии люди идут на крайние меры, — заметил брат Пинауэр, и два его собеседника согласно закивали.

— Я привез полный трюм карибу, — сказал Доусон.

Речь шла о белом мхе, который в районе Вангарда вырастал по колено и использовался среди прочего в качестве повязки на открытые раны. Само собой, в войну именно так его чаще всего и применяли, хотя из высушенного карибу можно было заварить лечебный чай. Нередко мох продавали по заоблачным ценам зажиточным торговцам в качестве красивого и практичного кровельного или облицовочного материала для их затейливых домов. Вангард мог бы предложить Хонсе много полезных товаров, но в нынешнее время самым востребованным был мох карибу.

— Владыки хорошо заплатят за него, — заверил Маккиджа брат Пинауэр.

— Тогда пусть рассчитываются с часовней Абеля, — ответил Доусон. — У меня нет времени везти свое добро на юго-восток или на юго-запад. Я должен сразу же вернуться в Вангард, если только не придется делать крюк до Палмаристауна.

— Конечно, у нас есть кое-какие товары и немного денег... — замялся брат Пинауэр.

— Немного? Ходят слухи, что ваша церковь богатеет день ото дня на пожертвованиях

враждующих правителей.

— Слухи, слухи, — отозвался брат Пинауэр с преувеличенным вздохом, но потом лучезарно улыбнулся, и Доусон ответил ему столь же широкой улыбкой.

— Прошу за мной, — пригласил абелиец.

Они двинулись с пристани в направлении ворот, ведущих к извилистым туннелям, по которым поднялись на вершину утеса, к главному собору.

Едва ступив на внутренний двор аббатства, Маккидж понял, что слухи о растущем благосостоянии абелийцев сильно приуменьшали реальное положение дел. Часовня Абеля в два с лишним раза превосходила свои прошлогодние размеры. У основания внешней стены трудились толпы рабочих, удлиняя и утолщая и без того внушительную конструкцию и возводя все новые каменные казармы, дома для священников и прочие здания. Часовня Абеля превратилась в настоящий город за крепостными стенами, и Доусон понял, что в этом превращении есть определенный смысл. Когда-то на этом холме, чуть выше небольшого города Везергарда, стоял скромный приход, но настали опасные времена, и церковь превратилась в крепость, готовую дать приют народу осажденной области.

Маккидж взглянул на главный собор, который стоял в лесах. На каждом уровне буквально роились люди в коричневых рясах с инструментами и строительными материалами в руках. Доусон не заметил среди них ни одного мирянина. Работать на этом сооружении первостепенной важности разрешалось лишь абелийской братии.

— Отец Артоливан будет рад приветствовать вас, — заверил брат Пинауэр своего гостя, подталкивая его к входу в собор. — Будет лучше, если я вас ему представлю.

Доусон оглянулся на усердного монаха. Пинауэр был как минимум на пятнадцать лет младше его, с гладкой бледной кожей и глазами, уже уставшими от бесконечных часов, проведенных за чтением пергаментов. Судя по всему, он редко покидал часовню Абеля, лишь иногда спускался на пристань или работал в монастыре. Маккидж даже пожалел, что у него нет времени на то, чтобы выкрасть молодого человека у скучных собратьев и подбить его на хорошую попойку в компании доступных женщин.

— Скажите добрейшему настоятелю, что прибыли с ценностью, которую хотите обменять, ибо Вангарду нужны... — Абелиец не договорил.

Казалось, бедный брат Пинауэр вот-вот упадет, так сильно он наклонился в сторону Маккиджа, который лишь усмехнулся, поддразнивая молодого человека.

Через некоторое время Доусон уже стоял перед отцом Артоливаном, старинным другом леди Гвидры. Именно он благословил ее союз с братом Аландрайсом.

— Я пришел на всех парусах, — произнес гость. — И сегодня же отправляюсь обратно.

— Торопись, как и всегда, — ответил пожилой настоятель, комкая слова, будто выпил лишнего.

Но причиной тому был возраст. Атроливан выглядел на все свои восемьдесят лет. Кожа на лице обвисла, глаза, окаймленные темными кругами, ввалились. Он все еще мог сидеть прямо, но Доусон видел, что это ему дается с великим трудом.

Однако взгляд старика оставался острым и пристальным. Рассказывали, что Атроливан обучался у людей, получивших знания непосредственно от блаженного Абеля и однажды, будучи еще ребенком, даже видел самого легендарного пророка. Он был последним из поколения абелийцев, напрямую связанных с отцом их церкви и событиями того волшебного и вдохновляющего времени. Заменить его было непросто.

— Боюсь, так уж теперь повелось, — продолжал священник. — Ни у кого нет времени на передышку. Терпеливое раздумье осталось в утраченном прошлом.

— Война заставляет торопиться, святой отец, — ответил Доусон.

— А у тебя что за срочность?

— У меня целый трюм мха карибу и нет времени торговаться.

— Да, мне уже сообщили. Тебе нужны деньги. Что ж, называй свою цену.

— Деньги мне нужны с определенной целью, — пояснил Доусон, чем вызван любопытство старого священника, который наклонил голову набок. — На подкуп. Я и сам

привез солидную сумму.

— Тебе нужны люди?

Маккидж кивнул.

— Для сбора урожая? Для лесозаготовок? Женщины? Рабочие?

— Все, — ответил Доусон. — Вангард жестоко страдает под натиском самхаистов, — объяснил он и, заметив складку сомнения на лице Атроливана, быстро соврал:

— Хотя леди Гвидре до победы рукой подать.

— Мы все под жестоким натиском, друг мой, — сказал абелиец. — Война бушует во всем Хонсе.

— Однако в часовне Абеля полным-полно рабочих, молодых мужчин, явно избежавших войны.

— Многие из них пленники, вышедшие из борьбы, сохранив честь, — объяснил отец Атроливан.

— Из обеих армий, конечно, — добавил Доусон.

Атроливан кивнул и улыбнулся. У Этельберта с Делавалом не было ни времени, ни ресурсов на содержание попавших в плен воинов. Поэтому, не желая разгневать народные массы быстрыми казнями, тем более что многие пленники имели связи по обе стороны конфликта, правители учредили клятву благородной капитуляции, которая обязывала человека, давшего ее, не возвращаться в войско. Поклявшихся пленников отправляли сюда, к абелийцам, чтобы снискать их расположение. Правда, опасаясь, как бы благородная капитуляция не стала чересчур популярной, оба лорда потребовали нагрузить своих чернорабочих по максимуму и не платить им ничего.

Глядя на хитро улыбавшегося настоятеля, Доусон понял, что в этой войне все же есть победитель. Самому же Маккиджу стало невесело при мысли о судьбе Тетмола и о том, насколько отличается от этой войны борьба леди Гвидры на севере. Этельберт и Делавал, строя из себя владык Хонсе, сохраняли жизнь вражеским воинам, попавшим в плен. В Вангарде об этом можно было и не мечтать.

— Что-то я не слышал о том, что самхаисты в Вангарде на грани поражения, — лукаво заметил старый абелиец. — Скорее наоборот.

— Они вынуждены вербовать гоблинов и троллей, — ответил Доусон. — Да, нам очень трудно. И все же победа близка

— Странная интерпретация. Не вижу логики в этих трех фразах.

— Они не выстоят, — объяснил Доусон. — Если леди Гвидра ответит на их последние набеги решительным ударом, то войска смешанной армии, которую собрали наши враги самхаисты, обратятся друг против друга. Мы уже наблюдали такое в некоторых областях. Леди Гвидра уверена, что внезапный и...

Отец Атроливан жестом приказал гостю замолчать.

— Эти подробности меня утомили, — заявил он. — Здесь ты получишь только деньги, учитывая нынешний спрос на мох карибу.

— Обе армии щедро заплатят за него, — заметил Доусон.

Атроливан даже не пытался спорить.

— Что делать с деньгами, решай сам, — продолжал священник. — Здешние рабочие несвободны, но их и правда многовато. Так что если кто-то из них захочет отплыть с тобой в Вангард, то мы... нет, вы с братом Пинауэром договоритесь об отпускной цене.

Доусон усмехнулся и кивнул, надеясь как можно скорее до предела заполнить трюм людьми.

— А, ну как же! Проходил он тут с процессией, — радостно воскликнула пожилая женщина, по виду совсем старуха. — Что это было за зрелище! Пышнее я за всю жизнь не видала.

Кадайль вежливо кивнула, и крестьянка, видя, что ее слушают, пустилась в пространное повествование о том, какой пышный праздник был в их скромной деревушке

Винтерсторм в честь приезда брата Брана Динарда.

Целый час, пока длилась история, Брансен и Каллен стояли, прислонившись к стене маленькой хижины. Каллен уже давно отвлеклась от пустопорожней болтовни одинокой женщины, которая так радовалась неожиданному вниманию, что готова была рассказать про что угодно, лишь бы быть интересной. Брансен же, несмотря на скептический настрой, продолжал слушать.

— Вот, и с тех пор мы его не видели, — заключила крестьянка, растягивая слова так, что даже замечтавшаяся Каллен удивленно посмотрела на нее. — Ушел, да так больше и не появлялся.

— Он направился в часовню Абея? — уточнила Кадайль.

Женщина пожала плечами, но, заметив, что расстроила этим собеседницу, тут же энергично закивала.

— Кушать-то будете? — спросила она. — А то у меня овсянка есть и тушеный ягненок. Всего неделю назад зарезали, еще черви не поточили.

Кадайль повернулась к своим спутникам, но их лица и позы выражали полное безразличие.

— Да, неплохо бы подкрепиться перед дорогой, — ответила она.

Услышав это, крестьянка улыбнулась беззубой улыбкой и поспешила в погреб за едой.

— Не видела она никакого Брана Динарда, — сказала Каллен, как только хозяйка вышла.

— Как знать. Не стоит недооценивать воспоминания деревенских жителей, — предупредил Брансен.

— Воображение, ты хотел сказать, — поправила его Каллен. — Их жизнь — сплошная скука, год за годом. А тут приходим мы, задаем вопросы, и тоски как не бывало.

— Да ведь война же бушует всего в нескольких днях пути, — напомнил Брансен.

— Значит, они хотят отвлечься от нее, — отозвалась Каллен.

Брансен посмотрел на Кадайль, ища поддержки, но та лишь пожала плечами в ответ, ибо ободрить его было нечем. Палмаристаун остался далеко позади, дорога проходила через множество хуторов, подобных Винтерсторму, — горстка домиков и иногда одна-две мелочные лавки. До часовни Абея оставалось меньше половины пути. Брансен надеялся, что здешнее население уж точно должно что-то знать о Бране Динарде, но, увы, все истории были похожи одна на другую. Некоторые крестьяне, как эта женщина, ткали целые ковры из словесных узоров, но пользы от подобных рассказов было ничуть не больше. Нашим путникам пришлось признать, что они так ничего и не узнали о путешествии Брана Динарда, состоявшемся двадцать лет назад.

Но Брансен не терял надежды, рассудив, что результаты его поисков вполне закономерны. Если ему суждено отыскать ответы на свои вопросы, то он наверняка найдет их в самой часовне Абея, а не в ходе часовой беседы с очередной селянкой, когда уже в первые минуты ясно, что в ее истории воспоминаний не больше одной десятой, а остальное — поэтическая вольность. Хотя гостеприимство, с которым встречали путешественников в каждой деревне, очень скрашивало им дорогу.

— Скорей бы добраться до часовни Абея, — сказал Брансен теще.

— Уже скоро, — улыбнулась Каллен и мягко погладила его по плечу.

— Трое, — недовольно буркнул Доусон, обращаясь к Пинауэру. — Здесь они обыкновенные рабы, а все пытаются что-то выгадать!

— Могло бы набраться и больше, — отвечал монах. — Но они уже знают, что такое война, многим даже знаком холод клинка. Здесь им тяжело, зато есть уверенность в том, что они переживут войну. А вы снова зовете их на поле боя.

— Я предлагаю им свободу!

— Здесь каждому известно, что Вангард в состоянии войны, — усмехнулся брат Пинауэр.

— Они получают землю и положение в обществе. Путь, который я предлагаю, приведет их к свободе.

— Если не в пасть гоблина. Говорят, эти твари поедают пленников и убитых врагов.

Доусон беспомощно вздохнул.

— Значит, трое? — уточнил брат Пинауэр неожиданно обнадеживающим тоном. — Это на три больше, чем было. Будьте покойны, отец Атроливан не отпустит вас с таким скудным барышом.

— Он снарядит монахов?

— Нет, конечно. У нас каждый на счету, — ответил Пинауэр. — Сейчас никак не получится. А вот самоцветы для братьев из Пеллинорской часовни...

— Она пала, — сообщил Доусон.

— Это временно, мы убеждены. Судя по последним вестям с севера, орден там возрождается с новой силой и решимостью. Многие из наших пеллинорских собратьев выжили. Мы поддержим их и вас — как самоцветами, так и другими поставками. Я уже обсудил это с отцом Атроливаном, и он дал мне полную гарантию.

— Дама Гвидра будет благодарна за эту поддержку, — кивнул Маккидж. — Но я бы хотел привезти целый трюм воинов. А их у меня только трое, да и те запросили больше, чем я планировал заплатить. Чтобы оправдать поездку сюда, мне нужно как минимум пятьдесят человек, даже с учетом вашего щедрого предложения, брат. Кроме людей, нам ничего не надо.

— Терпение, — улыбнулся брат Пинауэр. — По всему Хонсе вспыхивают сражения. Каждую неделю к нам прибывают все новые работники. Что, если я поговорю с братом Шиннигордом, который ими заведует, и попрошу его смелее орудовать кнутом? Глядишь, и ваше предложение покажется им чуть более соблазнительным.

— Было бы замечательно, — с поклоном ответил Доусон.

Брат Пинауэр пожал плечами в знак того, что это сушая мелочь.

— У нас и в самом деле многовато рабочих, — сказал он. — Они прибывают бесконечным потоком. Возможно, мне удастся убедить отца Атроливана заключить с владыками Этельбертом и Делавалом соглашение, по которому избыток людей отправлялся бы морем прямо к даме Гвидре.

— Вот это действительно помогло бы Вангарду, брат, — поспешил ответить Доусон, едва не задохнувшись от радости.

Он очень хотел обсудить это предложение с Пинауэром, но шум за дверью заставил их обернуться. В часовню в сопровождении двух местных монахов вошел молодой абелиец.

— Брат Фатуус из Палмаристауна, — представил его Доусону брат Пинауэр. — Скачал весь день со срочными вестями для отца Атроливана.

— Вы считаете, мне будет полезно их знать?

Пинауэр пожал плечами и вышел, пообещав вскоре вернуться, а Доусон снова отправился уговаривать рабочих.

— Трое, — бормотал он себе под нос, пересекая внутренний двор и содрогаясь при мысли о том, какой разнос устроит ему леди Гвидра, если он вернется с таким жалким подкреплением.

Глава десятая ПЛАТА ТЮРЕМЩИКУ

— Быстрее! — подгонял Джавно двух товарищей, сидевших на веслах маленькой лодки, одной из немногих, оставшихся от «флота» острова Часовни.

— Мы хотим догнать привидение? — осмелился спросить один монах.

— Говорю же, я видел его, — упорствовал Джавно. — Он плыл по течению, в тумане.

— Неужели? А может, затаился? — предположил гребец.

— Его мачта была срублена, — объяснил Джавно. — Да вот же он! — вскричал монах в следующий момент, указывая на силуэт корабля, едва заметный сквозь серую дымку.

Теперь его увидели и остальные. Никем не управляемый, с порванным парусом, он неуклюже раскачивался на волнах.

— Какая удача для острова Часовни! — воскликнул Джавно.

Он обернулся к товарищам и улыбнулся от уха до уха, представив, как будет доволен отец де Гильб и остальные монахи, вынужденные строить лодки вместо того, чтобы возводить церковь. Но улыбка испарилась с лица Джавно, стоило ему снова взглянуть на корабль.

Он хотел поторопить гребцов, но вместо команды слышалось лишь нечленораздельное бульканье. Тогда монах жестом велел им поторопиться, и лодка абелийцев резво подплыла к кораблю.

Настал их черед ахнуть.

На палубе, сплошь пропитанной кровью, лежали три альпинадорца, тоже все в крови — по-видимому, в своей собственной. Когда лодка ударилась о борт корабля, никто из них даже не пошевелился, и монахи поняли, что варвары, должно быть, почти мертвы.

— Наверное, они слишком близко подошли к ледниковым троллям, — сказал один из гребцов. — Северо-западный берег совсем рядом.

Он встал, схватился обеими руками за борт корабля и стал прижимать его к лодке, работая живым шлюпочным якорем. Второй гребец помог Джавно перелезть на корабль.

— Живой, — констатировал монах, склонившись над ближайшим альпинадорцем, рослым светловолосым атлетом.

Он порылся в кармане, извлек оттуда душевный камень и начал молиться.

Второй абелиец тоже перебрался через борт и направился к остальным раненым.

— Эти оба тоже живы, — объявил он почти сразу. — Но вряд ли продержатся долго!

Джавно прервал лечение молодого человека и занялся по очереди двумя другими варварами, отдавая каждому понемногу целебной энергии, чтобы поддержать жизнь или хотя бы остановить кровотечение. Ему даже не пришлось отдавать распоряжений товарищам. Они привязали альпинадорское судно к своей лодке, сели на весла и на полном ходу отбуксировали его к острову Часовни.

Звук голосов мало-помалу привел Андрузиса в сознание.

— Мы не животные, — донеслось до него непонятно откуда ворчание Тоникуэя.

— Да мы и не считаем вас таковыми, — прозвучал другой голос, принадлежавший,

судя по акценту, южанину, для которого эрчук, основной язык Альпинадора, был неродным.

Андрузис услышал скрежет не то костей, не то цепей.

— Это простая предосторожность, — объяснил южанин.

Молодой варвар открыл глаза, но из-за сильной головной боли не сразу смог различать окружающие предметы. Наконец он увидел стоявшего перед ним монаха. В небольшом помещении, похожем на темницу, тускло горели факелы, отбрасывая на стены причудливые тени. Здесь пахло дымом. Он лежал на жесткой сырой земле. Нижняя часть туловища и ноги были укрыты одеялом. Андрузис попытался перевернуться на спину, чтобы лучше рассмотреть монаха и Тоникуэя, но тело пронзила такая острая боль, что он снова лег на бок.

— Я прикован цепью, как собака! — прорычал Тоникуэй.

— Это единственный способ обеспечить нашу и вашу безопасность, — ответил монах, в котором Андрузис теперь узнал брата Джавно.

Когда же рядом с Джавно он разглядел еще одного человека, Кормика, в душе несчастного варвара затеплилась надежда.

Кормик освободит его, ведь он — тайный друг.

— Отдыхайте и лечитесь, — посоветовал Джавно. — А мы тем временем проведем переговоры с вашим племенем, чтобы вернуть вас домой как можно скорее.

— Немедленно! — потребовал Тоникуэй. — Вы не имеете права...

— Не найди я вас посреди озера, вы были бы уже мертвы вместе с вашими соплеменниками, — отрезал Джавно. — Ведь я мог бы оставить вас там на растерзание троллям, не так ли?

Андрузис не мог видеть Тоникуэя, но живо представил себе его ярость.

— Я не жду благодарности, но требую повиновения, — продолжал абелиец. — Вы, все трое, все еще нуждаетесь в лечении камнями.

— Не смей приближаться с ними ко мне! — вскричал Тоникуэй.

— Без них вы бы умерли.

— Уж лучше смерть!

— Как угодно, — согласился Джавно, отступил на шаг и улыбнулся недоброй улыбкой, которая казалась еще более зловещей из-за дрожащих красных отблесков.

— К ним тоже, — не унимался шаман.

— Тогда тот, кого вы называете Канраком, погибнет, — предупредил Джавно.

— Пусть, если на то воля богов, — ничуть не смутившись, отвечал Тоникуэй.

Андрузису захотелось повернуться и ударить самодовольного шамана. А Джавно лишь тихонько засмеялся.

— Если вы снимете с меня кандалы, я смогу помочь ему, — сказал Тоникуэй.

— Но мы не станем этого делать, — последовал ответ.

Услышав, каким непреклонным тоном были произнесены последние слова, Андрузис даже поперхнулся. В знак того, что разговор окончен, Джавно отвернулся и, пригнувшись, вышел через низкую дверь, увлекая за собой Кормика.

— Да будет крепок наш род, — начал читать Тоникуэй молитву племени Снегопада. — И пройдем наш путь без колебаний.

Из дальнего угла до Андрузиса донесся тихий ответ, больше похожий на всхлипывание. Ради удовольствия старого шамана юноша тоже мог бы подхватить молитву, но боялся вместо нее сказать то, что Тоникуэю совсем не понравится.

Отца де Гильба нельзя было уличить ни в скромности, ни в застенчивости. Ответственная проповедническая миссия в северных землях давалась ему нелегко, особенно когда ее печальная участь, если не сказать — провал, стала очевидна. Но Камбелиан де Гильб обладал сильным характером. Именно это свойство вкупе с внушительной наружностью помогло ему получить сан епископа и сыграло решающую роль при выборе руководителя экспедиции, а вовсе не его труды по религиозной философии Абея. Выглядел же отец де Гильб и впрямь замечательно — ростом почти семь футов и весом не меньше

трехсот сорока фунтов. Это несмотря на скудный стол из рыбы и растений, на который вынуждены были перейти абелийцы на Митранидуне. Монахи любили говорить: «Пусть наш святой отец и не поет как ангел, зато рычит как дракон».

Как раз таким рыком, сотрясшим все здание часовни, де Гильб потребовал к себе в кабинет Джавно и Кормика, споривших между собой.

Когда они вошли, он поднялся из-за стола и плотно закрыл дверь.

— Ваши сомнения сеют тревогу и страх в душах собратьев, — произнес он, грозно нависая над монахами всем своим могучим торсом.

Эта поза внушала трепет многим весьма не робким мужам.

— При всем моем уважении, святой отец, о сомнениях речи не идет, — начал Джавно. — Брат Кормик не прав. Его нужно наставить на путь истинный.

Отец де Гильб перевел тяжелый взгляд на младшего монаха.

— Я возражаю, — ответил Кормик, стараясь унять дрожь в голосе.

— Против чего?

— У него слишком мягкое сердце для столь важной и ясной цели, какая стоит перед нами, — объяснял Джавно, но де Гильб, не сводя испытующего взгляда с Кормика, знаком велел ему замолчать.

— Их держат в грязи и сырости, — выпалил юноша, с трудом маскируя гнев под просительной интонацией.

— Да, наш остров сырой и грязный, брат, — заметил отец де Гильб.

— Что может быть негостеприимнее подземелья!

— Это самое безопасное место.

Кормик вздохнул и потупился.

— Ему хотелось бы переселить наших гостей на их отремонтированный корабль, — сказал Джавно. — А потом отправить восвояси.

— Но мы не имеем права держать их... — начал было возражать Кормик.

— Мы спасли их! — оборвал его Джавно.

Оба посмотрели на отца де Гильба, но тот и не думал вмешиваться. Своим молчанием епископ словно поддерживал Джавно в его негодовании.

— Только благодаря божьей помощи и мудрости блаженного Абея, даровавшего нам самоцветы, эти три язычника еще живы. И в этом наша заслуга, наш неустанный труд с той самой минуты, как я прицепил их разбитый корабль к нашей лодке.

— Благородное деяние, достойное церкви блаженного Абея, — согласился Кормик, но Джавно посмотрел на него с негодованием.

— Брат совсем забыл, зачем мы здесь и в чем наша миссия, безрассудно сблизился с соседями-варварами, — обратился он к отцу де Гильбу. — И с поври, — добавил монах после паузы, бросив на Кормика уничтожающий взгляд.

Молодой человек встрепенулся.

— Надень его, брат, — потребовал Джавно.

Кормик покосился на отца де Гильба, и гримаса гнева на его лице сменилась страхом.

— Ну же, — подначивал старший абелиец. — Всем давно известно, что ты с ним не расстaeшься и надеваешь, когда уверен в том, что тебя никто не видит.

Видя, что заступничества от настоятеля ждать бесполезно, Кормик опустил дрожащую руку в небольшой мешочек, который носил сзади на поясе, и вынул оттуда берет поври. Отец де Гильб жестом велел подчиниться требованию Джавно, и юноше пришлось надеть кровавый колпак на голову, немного набекрень, так, чтобы околыш свисал вправо.

Де Гильб издал смешок, в котором слышалась скорее жалость, нежели веселье.

— С какой же целью ты носишь сей убор, добытый непонятно откуда? — поинтересовался Джавно.

— В нем есть какая-то магия, — ответил Кормик.

Абелийцы уставились на него со смесью удивления и ужаса.

— Когда он на мне, я ощущаю необычайную выносливость, — постарался объяснить

монах. — С его помощью я хочу узнать, что позволяет поври выдерживать даже самые сильные удары.

— То есть ты носишь его для того, чтобы понять наших врагов? — уточнил отец де Гильб.

Кормик уже готов был согласиться, но почувствовал, что никак не может называть поври врагами после того, как они столь честно и благородно с ним обошлись.

— Я ношу его, чтобы лучше понимать наших соседей, — поправил он.

— Что ж, тогда носи на здоровье, — заявил настоятель, по-видимому, удовлетворенный таким ответом, и Кормик облегченно вздохнул. — Но пеняй на себя, если я увижу тебя без него.

Джавно захихикал. Тут только юноша понял, что великодушное разрешение отца де Гильба было не чем иным, как наказанием, прекрасной возможностью изолировать его от остальных монахов острова Часовни, заклеив в их глазах.

— А что касается варваров, то они обязаны нам жизнью, — продолжал настоятель. — Разве ты не согласен, брат Кормик?

Молодой человек судорожно искал способ уйти от прямого ответа, но не находил.

— Да, — нехотя согласился он наконец.

— И спасены волшебством, которое даровал нам блаженный Абель?

— Да, святой отец.

— В таком случае они должны нам не только за наше великодушие.

Кормик озадаченно посмотрел на де Гильба.

— Должны не конкретно брату Джавно — впрочем, и ему тоже в какой-то степени, — а блаженному Абелю и богу, — объяснил епископ. — Это что-то вроде платы тюремщикам, хотя какие мы тюремщики? Мы простые стражи.

Кормику не понравилась логика отца де Гильба, но он был не в том положении, чтобы спорить.

— Да, святой отец, — ответил юноша.

— Стало быть, милость, о которой ты просишь, не в нашей компетенции, — рассудил настоятель. — Только бог может ее даровать. К счастью, в учениях блаженного Абеля сказано, кто достоин милости, а кто нет. Сейчас эти трое — заложники высшей власти, которой должны подчиниться. Лишь на этом условии бог наделил нас волшебной силой, исцелившей их смертельные раны, которые, напомню, им нанесли не мы.

— Вот только размера платы они не знали, — тихо возразил Кормик.

— Потому что были не в том состоянии, чтобы добиваться соглашения, — парировал отец де Гильб. — Да и какие могут быть переговоры? Мы посланы в Альпинадор, чтобы нести людям огонь божий. Никому из смертных, кроме самого блаженного Абеля, не довелось узреть его так ясно, как этим трем язычникам, за которых ты просишь.

— Но...

— Истина открылась им, брат Кормик. Если они отказываются ее видеть, то пусть остаются во тьме, — провозгласил отец де Гильб тоном, не терпящим возражений. — Во всех смыслах.

Кормик чувствовал, что Джавно, стоявшего рядом, просто распирает от самодовольства.

— Обращаться с ними будем хорошо, — сказал ему епископ.

— Разумеется, святой отец, — закивал Джавно.

— Но ради нашей безопасности они должны оставаться там же.

— Надолго? — осмелился спросить Кормик.

— Пока у них не откроются глаза или пока их не призовут праотцы, чтобы указать на то, какими глупцами они были при жизни. Итак, решено?

— Да, отец де Гильб, — отозвался юноша, снова потупив взор.

Настоятель жестом отпустил монахов, и Кормик машинально потянулся к берету.

— Не снимай! — свирепо окрикнул его отец де Гильб. Монах от неожиданности

попятился. — Носи его всегда и не забывай зачем, — потребовал настоятель и, опять заметив непонимание в глазах юноши, сурово пояснил: — С какой целью мы здесь.

Кормик поклонился и зашагал к выходу, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Джавно, шедший рядом, по-дружески, ободряюще потрепал его по плечу, хоть и сиял довольной улыбкой.

Узловатые пальцы старца Беддена коснулись в темноте ледяной стены — она была влажная. Это означало, что его грандиозный план, который мог бы показаться постороннему наблюдателю невероятно сложным, а на самом деле прекрасный в своей простоте, дает плоды. Старец торжествовал.

Все было так, как он задумал. Великаны, забивая огромные клинья, прокладывали путь для Д'но. Священный жар гигантского белого червя растапливал лед, образуя в морозной толще все новые туннели, а кровь троллей не давала им снова зарости. Скоро Митранидун избавится от абелийской заразы.

Старец Бедден заметил череп, лежавший поблизости, и остановился, чтобы рассмотреть его. Нижняя половина была откушена, а большая часть кожи ободрана, но и этого оказалось достаточно, чтобы узнать останки.

Он поднял череп и заглянул Дантанне в глазницы.

— Что теперь скажешь, дружище? — спросил старец, усмехаясь. — Получил ты бессмертие, обещанное абелийцами? Оценили Древнейшие твою терпимость к новомодной ереси? — Лицо Беддена исказила злая гримаса. — Был ли ты готов к смерти, глупец Дантанна?

С этими словами старец просунул палец внутрь черепа и вонзил его в остатки мозга, кишящего личинками мух.

— Многие века мы ограждали людей от глупости, — декламировал старец Бедден, словно оратор с трибуны. — Мы предостерегали их, учили выживать, сеять и жать, лечить болезни. Но главное — слышишь? — главное в том, что мы готовили их к мраку вечности. Люди должны знать законы Древнейших, чтобы не быть беспомощными, когда за ними придет смерть. Они должны осознавать свое ничтожество по сравнению с богами, чтобы принять темную участь вечных слуг. Но тут появляются ученики ничтожного Абеля и проповедуют о милостивом, добром и всепрощающем боге! — вскричал старец, так вцепившись в череп, что оттуда выскользнул кусочек мозга и упал на ледяной пол. — Они соблазняют цветными камушками и разглагольствуют о бесконечной мудрости и мудрой бесконечности. Но все их пустые обещания и радужные фантазии нужны лишь для того, чтобы завлечь и обмануть. Ведь так, Дантанна? Скажи, приветствовал тебя негодяй Абель, когда зубы старца Д'но отрывали твою глупую голову от брэнного тела?

Словно в ответ, за спиной послышался грохот. Бедден медленно положил череп на землю и обернулся.

Позади, встав на дыбы, клал огромными жвалами белый червь, монстр, похожий на гигантскую многоножку. Его спина источала нестерпимый жар, способный вмиг растопить человеческую плоть. Под головой виднелись небольшие клиновидные отростки, помогавшие удерживать равновесие.

Старец засмеялся при мысли, что именно это зрелище было последним в жизни Дантанна.

— Бог льдов, презирующий холод, — приветствовал он червя и низко поклонился.

Д'но издал шелкающий звук, что-то среднее между шипением и рычанием, и принялся мерно раскачиваться взад-вперед. Тогда старец Бедден начал петь самую древнюю самхаистскую песню. На его месте не выжил бы никто, но колдун знал секреты. Тембр, ритм и интонация — все воплощало вековые знания о мире, о великих животных и о Д'но в особенности.

Постепенно белый червь отступал, затем перевернулся и исчез в одном из боковых туннелей.

Старец Бедден кивнул, еще раз убедившись в собственных возможностях и истинности своей веры, и снова поднял череп.

— А блаженного Абея уже сожрали бы, — со смехом заметил он и отшвырнул череп Дантанны прочь.

Заслышав невдалеке плеск весел, Кормик инстинктивно напрягся. Песчаную отмель, на которой он сейчас находился, уединенное место к северо-востоку от острова Часовни, юноша обнаружил вскоре после того, как монахи обосновались на Митранидуне.

Он стал прислушиваться, пытаясь определить, с какой стороны доносится звук.

«Неужели это собраты решили проследить за мной? Если так, то пусть они сперва увидят мой берет, примут за поври и убьют. Тогда мне не придется объяснять отцу де Гильбу, что я здесь делал», — размышлял юноша.

Плеск раздался снова, уже совсем близко, но едва слышно, и Кормик понял, что это не монахи. Нет, только варвары, рожденные и выросшие на Митранидуне, умели так бесшумно передвигаться по волнам. Поэтому он ничуть не удивился, когда через несколько секунд из причалившего баркаса выпорхнула Милкейла.

Не говоря ни слова, девушка подошла к нему и крепко обняла.

— Как же я соскучилась, — прошептала она.

Кормик уловил в ее голосе тревожные и грустные нотки и понял, что ей нужна поддержка. Он поцеловал Милкейлу и заключил в тесные объятия.

— Что это? Неужели берет поври? — спросила она и, откинувшись назад, внимательно посмотрела на монаха.

Милкейла была высокого роста, но все же на целую голову ниже Кормика.

— Долгая, запутанная история.

— Тогда не будем тратить время на нее, — застенчиво улыбнулась девушка. — Я не ожидала твоего сигнала, но очень обрадовалась, когда увидела свет сквозь туман.

— В этом берете есть что-то волшебное, — пояснил Кормик. — Когда я его надеваю, то чувствую себя... крепче, что ли. И сильнее. Как будто могу устоять под сокрушительным ударом.

— Может быть, поэтому поври такие непробиваемые.

— И еще потому, что у них характер в точности как у баранов.

Милкейла улыбнулась и закивала, радуясь удачному сравнению. Она всю жизнь прожила на Митранидуне и сама не раз участвовала в столкновениях со свирепыми гномами.

— Пропали трое твоих соплеменников, — неожиданно произнес Кормик, заставив ее вмиг посерьезнеть.

Девушка отступила на шаг, продолжая держать его за руки.

— Пятеро, — поправила она. — Но как ты узнал?

— У нас только трое, — сообщил Кормик. — Среди них Андрузис, — добавил он в ответ на ее нетерпеливое движение.

— Вы сражались?

— Нет, мы наткнулись на их разоренный корабль. На них напали тролли. Брат Джавно считает, что они рыбачили слишком близко к северо-западному берегу, где полно пещер.

— А двое других?

— Они неразговорчивы, — покачал головой Кормик. — Один из них шаман, судя по одежде высокопоставленный...

— Тоникуэй, — перебила Милкейла.

— Упрямец, — заметил Кормик.

— Ты даже себе не представляешь какой! Значит, все трое живы?

— Их лечат в подвале острова Часовни.

— В подвале? — переспросила девушка, и ее лицо приняло странное выражение.

Кормик не мог разгадать, что оно означает, но было ясно, что ничего хорошего.

Он беспомощно пожал плечами.

— Брат Джавно обнаружил их посреди озера. Если бы он не отбуксировал корабль к острову Часовни, то они все погибли бы.

— Или мои родичи нашли бы их, — немного резко отозвалась Милкейла.

— Даже в этом случае они бы не выжили, — Кормик тут же пожалел о своих словах, заметив, как нахмурилась девушка. — Твои соплеменники были при смерти, — бормотал он, видя, что разговор принимает непростой оборот. — Несколько монахов часами колдовали над ними без устали. Их раны было просто ужасны.

— Уж конечно, не под силу выдуманным богам племени Ян Оссум, — сухо ответила Милкейла.

— Я не имел в виду...

— Можешь не объяснять, — пожала плечами девушка.

Кормик глубоко вздохнул.

— Я не пытаюсь принизить твоих богов. Мне и в голову никогда такое не приходило! — заверил он Милкейлу. — Но в самоцветах действительно есть магия. Например, душевный камень обладает самой большой целительной силой на свете. Даже владыки Хонсе это признают.

Он попытался привлечь девушку к себе, но тщетно.

— У моего народа свои хитрости, — ответила она. — Наши шаманы совсем не похожи на шутов, распеваящих бессмысленные песни в честь ложных богов.

— Я не имел в виду...

— Можешь не объяснять, — хмуро повторила Милкейла. — Не зря на озере говорят, что монахи видят только два пути: свой и неправильный.

— Но ты же не думаешь так обо мне.

— Не думаю или не думала?

Несколько мгновений они напряженно смотрели друг на друга.

— А разве нельзя сказать то же самое обо всех, кто живет на Митранидуне? О поври? О Йоссунфире? О племени Пьерджик или Танандар, да и о любом другом варварском клане? Альпинадорцы, похоже, даже между собой ни о чем не могут договориться!

Если эта тирада и произвела впечатление на Милкейлу, то она не подала виду.

— Когда освободят Андрузиса и остальных? — спросила она и, заметив, что Кормик тяжело сглотнул, все поняла. — В таком случае я обязана сообщить вождям, что они на острове Часовни.

— Ты не можешь, — запротестовал юноша, чувствуя, как им овладевает паника. — Я сказал тебе только потому...

— Не проси меня сохранить это в секрете. Каждый день мои родичи отправляются на поиски пропавших в самые опасные уголки озера. Разве я имею право молчать?

— Не надо было говорить тебе.

— Это верно! Не на таких условиях! Я не смогу делать вид, что ничего не знаю, когда мои товарищи подвергаются опасности. Ты не можешь просить меня сидеть сложа руки, когда мой друг — твой друг! — томится в абелийской тюрьме.

— Ты должна мне верить. Я попытаюсь их вызволить — пообещал Кормик. — Вот только лечение закончится.

— Лечение, которое наверняка разрывает сердце Тоникуэю.

— Ну, теперь, когда ему полегчало, он никого к себе не подпустит, — заметил юноша. — Им всем и правда уже лучше. Их хорошо кормят. Я буду настаивать на освобождении.

Милкейла немного смягчилась, даже позволила взять себя за руки, давая Кормику понять, что в нем она не сомневается, но, дослушав его слова, покачала головой.

— Нет, все-таки я не смогу обманывать вождей. Я не стану объяснять, откуда мне это известно, но скажу, что наши пропавшие сородичи находятся на острове Часовни. Не требуй от меня большего.

— Их корабль стоит на нашем берегу, — произнес Кормик упавшим голосом. —

Скажи, что заметила его издалека.

— Имей в виду, за ними придут, — пригрозила девушка.

— Молю бога, чтобы нам удалось договориться, — ответил Кормик. — Может быть, остров Часовни и Йоссунфир наконец придут к взаимопониманию.

Но Милкейла лишь качала головой.

— Ни о чем вы не договоритесь, — уверенно заявила она. — Мои люди придут в полном вооружении и потребуют освобождения пленников. Или вы их выдадите, или будет война.

— А как поступишь ты? — сумел наконец спросить юноша после пары невнятных реплик.

Девушка отступила на шаг и некоторое время молча смотрела на него в лунном свете, обуреваемая противоречивыми чувствами. Затем она сняла через голову ожерелье из самоцветов, которое тайно носила под традиционным шаманским украшением, и протянула его изумленному Кормику.

— Ян Оссум — мое племя. В случае войны я буду сражаться на стороне Йоссунфира. Было бы неправильно использовать ваши камни против вас же. Я не могу поступить так вероломно.

— Ты считаешь меня вероломным?

— Я из народа Ян Оссум, а ты абелиец, — вымученно улыбнулась Милкейла. — Мы оба пытаемся вырваться за границы, predetermined нашим наследием, и теперь я в немилости у Тоникуэя, а ты — у отца де Гильба. Но отрицать собственную суть бессмысленно, даже если мы боимся признаться себе в этом. Мой народ придет за своими пропавшими сородичами, а твои братья не захотят просто так их возвращать. Наступит самый ужасный момент, когда наши надежды разобьются о реальность.

Кормик стоял на песке, сторбившись, с безвольно повисшими руками, не сводя глаз со своей любимой, и улыбался ей кроткой, почти извиняющейся улыбкой. Ему нечего было противопоставить простой и ясной логике этой необыкновенной язычницы. Он не знал, что делать, не решался подойти к ней, снова обнять, поцеловать и заверить, что все будет хорошо. Юноша не мог двинуться с места. Силы оставили его, и даже берет поври не помогал.

Милкейла направилась к своей лодке. С каждым шагом улыбка таяла на ее лице. Столкнув суденышко на воду, девушка запрыгнула внутрь с грацией, присущей только ее племени.

В следующий момент туман уже окутал ее, и Кормик остался один. Еще никогда в жизни он не ощущал это так остро.

Глава одиннадцатая ДВЕ ПТАШКИ

— Но ведь это ложь, — заметил брат Пинауэр, когда Доусон уже направлялся легким шагом к выходу из приемной отца Атроливана.

Доусон, окрыленный было исходом разговора, встал как вкопанный напротив монаха и хотел что-то ответить, но Атроливан опередил его.

— Это хитрость ради всеобщего блага, — поправил он.

— Неподобающая хитрость, — ответил брат Пинауэр. — Мы знаем об участии брата Динарда.

— Разве? — спросил Атроливан.

Пинауэр облизнул губы и мельком посмотрел на Маккиджа.

— По крайней мере, мы точно знаем, что басня Доусона ничем не подкреплена, святой отец.

— Вангард — большая и дикая страна, — сказал старый абелиец.

— Мы хотим повлиять на положение дел способом, который не выдерживает никакой критики. Распространять такой слух — настоящее...

— Благоразумие, — закончил за него отец Атроливан. — Представьте, мой юный друг, что будет, если не воспользоваться этой басней, как вы ее назвали. Многие ли похвалят вас за правдивость?

Некоторое время Пинауэр смотрел попеременно то на своего духовного руководителя, то на Доусона, затем лишь вздохнул в ответ.

Доусон Маккидж благодарно кивнул отцу Атроливану и вышел.

— Ступайте за ним, — приказал священник Пинауэру. — Оформите разрешение абелийской церкви на легенду.

На лице брата Пинауэра отразилось смятение, но он промолчал, вежливо поклонился и поспешно вышел вслед за Доусоном.

Из Везергарда, расположенного на северных склонах утесов, которые защищали его от холодных ветров, бушевавших над заливом, открывался великолепный вид на часовню Абеля. На фоне стального неба она выглядела торжественно и вместе с тем очень изящно.

Едва войдя в город, Брансен и поддерживавшие его по бокам Каллен и Кадайль некоторое время не могли оторвать взгляд от знаменитого монастыря. Сегодня, как и на протяжении большей части путешествия, особенно в населенных районах, Брансен шел в обличье Цапли.

— Говорят, это творение самого бога, — шепнула спутникам Каллен с трепетом в голосе.

Да и могло ли быть иначе? Хонсейские странствующие певцы не раз называли часовню Абеля самым прекрасным зданием на земле, превосходящим даже великолепный дворец владыки Делавала.

Брансен коснулся душевного камня, который носил в мешочке на поясе. Он научился делать это практически незаметно, и перемену в его состоянии, которая происходила следом, тоже никто вокруг не мог заподозрить.

— Мы отлично знаем, что абелийцы слишком часто прислушиваются к сплетням, — напомнил он. — Как можно сравнивать часовню Абеля с Облачным Путем Джеста Ту?

— Скоро узнаем, любовь моя, — тихонько сказала Кадайль, легким толчком напоминая ему, что вокруг люди.

Каждый раз, когда Кадайль гладила его по руке и говорила «любовь моя», это означало, что пора становиться Цаплей, и Брансен послушно отпустил самоцвет. Малейшее подозрение в симуляции, и он немедленно окажется на переднем краю проклятой войны. Любой из владык будет рад новому пушечному мясу, способному удовлетворить его королевские амбиции.

Спутницы помогли Брансену войти в трактир, старое, полуразвалившееся здание, до того обветшалое, что при малейшем дожде или снеге на полу появлялись лужи. Зато общий зал хорошо протапливался благодаря огромному камину. Над высокой грудой беспорядочно

набросанных поленьев за чугунной решеткой поднимались три длинных языка пламени. То соединяясь между собой, то отскакивая в разные стороны, они напоминали танцоров, разыгрывающих трагедию любовного треугольника.

Посетители трактира, сидевшие то тут, то там за маленькими столами, выглядели гораздо прозаичнее. Пожилые мужчины и женщины разного возраста как по команде устались на вошедшего Брансена. В их взглядах угадывалась смесь злости и подозрения. Лишь заметив его шаткую походку и слюну, текущую из уголка рта, многие понимающе кивнули. Кто-то с негодованием покачал головой. В Везергарде почти не осталось молодых мужчин. Пожалуй, каждый в этом зале потерял кого-то из ближайших родичей в бесконечной войне Этельберта с Делавалом.

— Ранен на юге, — объяснила Кадайль группе пожилых женщин, которые, поджав губы и ахая в один голос, наблюдали, как Брансен пытается сесть за стол.

— Бедная девочка!.. Лучше бы его убило на месте, — посочувствовала одна из женщин.

Кадайль едва кивнула в ответ на этот неуместный комментарий, который слышала уже не раз. Ее внимание привлек человек, сидевший в дальнем углу зала, закинув ноги в потрепанных сапогах прямо на стол и рассеянно водя пальцем по толстому краю кружки с медовухой, которую держал в руках. Было странно, что он, по виду и возрасту вполне годный к военной службе, находится здесь.

Мужчина не сводил глаз с Кадайль и Брансена, и молодая женщина заволновалась. Она села за стол рядом с мужем, спиной к незнакомцу, пытаясь объяснить его пристальное внимание к ним обычной реакцией на уродство Цапли, и взглянула на мать. Но Каллен смотрела мимо нее.

Прежде чем Кадайль успела обернуться, сильная рука опустилась ей на плечо.

— Разрешите угостить вас? — приветливо начал незнакомец, подойдя к свободному стулу и как бы спрашивая позволения сесть.

Кадайль вопросительно поглядела на мать, и та кивнула.

— Да, присоединяйтесь к нам.

— Судя по всему, вы пришли издалека, — сказал мужчина, тяжело опускаясь на стул и косясь на Брансена.

Затем он сделал знак подавальщице.

— Мужу нельзя пить, — тихо сказала Кадайль.

— Ноги начнут заплетаться? — пошутил мужчина. — Простите, добрая леди, — добавил он не слишком убедительно, заметив ее сердитый взгляд, затем привстал, поклонился Брансену и спросил с подозрением: — Ранен на войне?

— Да, на юге, — отвечала Кадайль.

— Сочувствую. В городах так много калек. Без руки, без ноги или мозга до того разрушены, что они едва могут говорить. Дурное это дело, война.

— Только вас, похоже, она не коснулась, — заметила Каллен с другого конца стола, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Я из Вангарда, это на север от залива, — ответил мужчина, примирительно рассмеялся, затем встал и коснулся околыша шляпы, — Доусон Маккидж к вашим услугам, дамы и вы, сэр. Здесь в краткой — слишком краткой! — командировке. Скажу вам по секрету, нам тоже войны хватает.

— Вы дезертир? — спросила Кадайль.

— Нет, как можно! — засмеялся еще громче Доусон. — Я приплыл в часовню Абея под флагом дамы Гвидры, за припасами, понимаете? Взять хотя бы абелийские самоцветы — очень полезная штука! Нам предстоит покорить земли, которые по размерам могут сравниться с целым Хонсе.

— Тогда братия поможет вам.

— Естественно! — ответил вангардец. — В наших краях тоже есть абелийцы. Все до одного — замечательные люди. Хотя я не сомневаюсь, что они бы к нам не приехали, если

бы их не сослали.

Кадайль вежливо улыбнулась его словам.

— Я вижу это так. Если кто-то в церкви отклоняется от курса, то его тут же отправляют на север, — продолжал хитрый Доусон. — Только не поймите меня неправильно. Мы очень рады им!

— Конечно, — ответила Кадайль, переглянувшись с матерью.

— А что вас привело в часовню Абея? — спросил Маккидж. — Хотите помочь мужу магией самоцветов?

Молодая женщина кивнула.

— Возможно, вам повезет, и монахи найдут для вас время. А потом, если они справятся, ваш муж, скорее всего, снова окажется в повозке, везущей очередную партию новобранцев на юг.

— Ему не страшны никакие сражения, — ответила Кадайль и крепко пожала Брансену руку.

— Не сомневаюсь, — кивнул Доусон. — Так, значит, вы издалека?

— Из Прайда... — начала Каллен.

— С его южных окраин, — быстро поправила ее Кадайль. — Шли почти от самого Энтла.

— Какой же долгий и трудный путь вы проделали, да еще и с инвалидом на руках! — воскликнул удивленный Доусон.

Подошла подавальщица и принесла две кружки светлого эля.

— Ну что, вам еще не надоел наш Доусон? — спросила она в точности так, как научил ее накануне сам Маккидж. — Настоящий северный мужлан, — добавила женщина, дружески похлопав его по плечу и давая понять, что шутит.

Доусон намеренно договорился об этой маленькой инсценировке, зная, что она поможет усыпить бдительность его новых знакомых.

— Не бойтесь, он абсолютно безвреден, — шепнула подавальщица на ухо Кадайль. — Простой повеса. Наверняка ему ваша мама понравилась. Или это сестра? Такая хорошенькая! Да, вы от него так скоро не отделаетесь!

Кадайль невольно прыснула и, почувствовав себя свободнее, пригубила пива.

— Ты выдаешь меня с потрохами, Тони Денстен! — укоризненно заметил Доусон вслед хихикавшей женщине, которая уже поспешила восвояси.

Когда он снова повернулся к Кадайль, та смотрела на него с милой улыбкой.

— Долго вы здесь пробудете? — спросил он ее.

Дочь и мать обменялись неуверенными взглядами.

— Если вам нужна помощь монахов, то, конечно, придется подождать, — сказал Доусон. — Сейчас в часовне вовсю идут приготовления к встрече новых братьев, которые должны приехать со дня на день. Вряд ли вам удастся отловить отца Атроливана или брата Пинауэра раньше чем через неделю.

— Вы с ними знакомы? — в один голос спросили Каллен и Кадайль.

— Разумеется, — подтвердил Доусон. — Я же говорил, что часовня Абея в большой дружбе с дамой Гвидрой. Абелейцы — люди дальновидные. Они понимают, что такое Вангард.

— К тому же там живут их собратья, как вы сказали, — добавила Кадайль.

— Да, за двадцать с лишним лет многие к нам перебрались.

Кадайль быстро взглянула на Брансена. Не будь Доусону уже известна истинная причина их приезда в часовню Абея, он ничего не заподозрил бы в этом вполне естественном движении.

— Значит, вы здесь в надежде на магию самоцветов, — резюмировал вангардец. — Разумный поступок. В любое другое время к вам отнеслись бы со всем сочувствием.

— Что вы имеете в виду? — нахмурилась Кадайль.

— Видите ли, монахи перегружены, — объяснил Доусон. — Им постоянно приходится

исцелять все новых и новых раненых, поступающих с фронта. Хотя, думаю, раз у вас есть прошение, вас примут. Вы ведь сражались под знаменами Делавала? — обратился он к Брансену. — Военачальник должен был снабдить вас соответствующим письмом в часовню Абея. Чем выше его звание, тем больше у вас шансов. С прошением, подписанным самим владыкой Делавалом, вы мигом очутились бы в больничной палате часовни.

— Прощение? — переспросила Кадайль, качая головой.

— Обязательно! Письмо от владыки или его военачальников с просьбой отнестись к раненому с особым вниманием. Без него вам никогда не добраться до руководителей часовни Абея, а они — самые могущественные маги, которые вовсе не... — Вдруг Доусон замолк и сочувственно посмотрел на Кадайль, затем на Брансена. — Так у вас его нет?

Испуганная дочь обменялась взглядом с матерью, которая выглядела не менее удивленной и расстроенной.

— Ничего, — поспешил успокоить их Доусон. — Может, у вас есть друг или родственник среди монахов? Нужно что-то такое, что выделило бы его. Ваш муж отличился в бою?

Кадайль недоверчиво уставилась на него.

— Что я говорю! — вскричал Доусон. — Милая леди, простите меня. Конечно же, он был храбр. Я имел в виду... В общем, нужны доказательства. Если не прошение, то хотя бы почетная грамота.

Кадайль снова покачала головой.

— Тогда, может быть, у вас есть родственник-абелиец? — спросил Доусон. — Прошу вас, подумайте хорошенько. Друг, знакомый хотя бы? Кто-нибудь, кто может составить вам протекцию?

— Мы здесь не только ради исцеления, — подала голос Каллен.

Кадайль и Доусон, удивленные в равной степени, повернулись к ней.

— Есть один человек. Он мог бы замолвить за нас словечко.

— Монах?

— Из Прайдской часовни, — кивнула Каллен. — Говорят, много лет назад он перебрался в часовню Абея. Вот и мы пришли сюда в надежде, что он поможет бедному мужу моей дочери.

— Дочери? — воскликнул изумленный Доусон. — Я был уверен, что вы сестры!

Несмотря на очевидную лесть, Каллен просияла.

— Что ж, — продолжал Маккидж. — Если этот монах здесь, то вы проделали свой путь не зря. Как его зовут? Я знаю всех в часовне.

— Брат Динард. Бран Динард, — ответила Кадайль и снова быстро переглянулась с матерью.

Доусон нахмурился и откинулся на спинку стула с такой миной, будто это имя было ему знакомо.

— Вы знаете его?

— Нет, — ответил вангардец. — Но я знаю кое-что о нем.

— Он сейчас в часовне Абея? — спросила Каллен.

Поворачиваясь в ее сторону, Доусон мельком взглянул на Брансена и отметил, что тот явно заинтересовался, даже немного подался вперед.

— Нет. Уже десять с лишним лет, как этот человек уехал, — отозвался воин.

Краем глаза он заметил, что интерес на лице молодого человека сменился разочарованием.

Кадайль тоже выглядела расстроенной.

— Он живет в Вангарде, — добавил Доусон.

Женщины затаили дыхание, а Брансен так резко качнулся в его сторону, что чуть не упал со стула.

— Да-да, на север по заливу Короны. Служит даме Гвидре и ее народу.

— Так он жив? — едва слышно спросила Кадайль.

— Насколько мне известно, да, — ответил Доусон. — Вы хотите поехать в Вангард?

Обе его собеседницы были настолько ошарашены, что ничего не ответили.

— Конечно, пешком вам туда не добраться, — заметил Маккидж. — Дорога займет месяц, да еще и через дикие территории. Нет, единственный путь в Вангард — по морю.

— А откуда? Из Палмаристауна? — спросила Кадайль.

— И сколько надо заплатить? — осведомилась Каллен.

— Да, оттуда иногда ходят суда, но насчет цены ничего не знаю, — тепло улыбнулся Доусон. — Пассажирские точно до Вангарда не довезут, а вот торговые могут. Например, моя «Мечтательница». Я возьму вас на борт, если останется свободная каюта.

— Какова плата? — снова уточнила Кадайль.

— За вас троих? Платой будет приятная компания и рассказы о юге. Судя по всему, у вас в запасе много интересных историй.

— Если для нас найдется место, — напомнила Каллен.

— Найдется, хоть монахи и попросили меня перевезти изрядное число военнопленных, — ответил Доусон. — Нет, они совсем не опасны, — добавил он, заметив тревожное выражение на милом лице Кадайль. — Несчастные сражались на стороне одного из правителей, потом были ранены или попали в плен. По условиям благородной капитуляции их направили на работы в часовню Абея, так как они не вправе возвращаться на фронт. Жестокость войны принесла монахам слишком много работников. Все же, надеюсь, моя «Мечтательница» сможет вместить еще троих пассажиров.

Путники переглянулись, и Каллен решила выразить общее мнение:

— Вы очень добры. Мы с радостью примем ваше великодушное предложение. Когда вы отплываете?

— Завтра, — отозвался Доусон. — Я приберегу для вас три места. Уверен, Вангард вам понравится. У нас много лесов, а для военных эмигрантов с юга дама Гвидра построила целые города. Вам всем будут рады, особенно двум таким прекрасным леди.

Маккидж встал из-за стола, направился к подавальнице и вручил ей серебряную монету.

— Мне пора идти, — объяснил он.

— Попутного ветра и спокойного моря!

Вангардец поклонился в ответ и вышел. Некоторое время Каллен и Кадайль сидели неподвижно, пытаясь осмыслить произошедшее.

— Возможно ли? — тихо обратился к ним Брансен, коснувшись гематита. — Отец жив?

Даже волшебный камень был не в состоянии унять дрожь в его теле.

— Надеюсь, вы подтвердили им мои слова? — спросил Доусон Маккидж брата Пинауэра, увидев, как Кадайль, Каллен и человек по прозвищу Разбойник направляются через двор часовни Абея к туннелям, ведущим на пристань, где их ждала «Мечтательница».

— Да, как и приказал отец Атроливан, — подтвердил монах.

— Не одобряете? — усмехнулся Доусон, глядя на него в упор.

— Я всегда гордился тем, что говорю правду.

Вангардец устремил взор на залив.

— В нынешних обстоятельствах так будет лучше для всех. Если бы Разбойник не сел на корабль, отцу Атроливану пришлось бы его арестовать и повесить. Так что вы, дорогой брат, спасаете человеку жизнь. Разве это не стоит маленькой лжи?

— Если он преступник, я не вправе мешать правосудию.

— Преступник, правосудие, — повторил Доусон. — Станные слова для теперешнего времени, когда люди убивают своих соотечественников из-за алчности правителей. Вы не согласны?

Брат Пинауэр вздохнул и тоже стал смотреть на море.

— Для отца Атроливана и для вас всех это наилучшее решение, — продолжал

Маккидж. — Кто знает, сколько людей могло бы погибнуть в противном случае. О доблести Разбойника ходят легенды. Если они хотя бы наполовину правдивы, то в распоряжении дамы Гвидры появится отличный воин.

— Представляете, что будет, когда Разбойник, приехав в Вангард, узнает, что его обманули? — спросил Пинауэр, выразительно взглянув на Доусона. — Нет никакой гарантии, что он станет служить даме Гвидре.

— Станет, — улыбнулся воин. — Ведь он едет не один. В чужой, непонятной стороне они, все трое, почувствуют себя одинокими и уязвимыми. Это будет ему чем-то вроде наказания за преступления, в которых его обвиняют, а мы выступим в роли тюремщиков. Вот как я это вижу.

— Пусть будет так. — И Пинауэр снова уставился на темные воды залива.

Доусон последовал его примеру.

— Еще как станет, — пробормотал он.

Глава двенадцатая ЛЕДЯНОЙ ТРОН ВЛАСТИ

Тинниккиккик заметил, что жутковатое чувство, которое по мере приближения к этому месту мало-помалу охватывало его отряд — сотню ледниковых троллей, — закралось в душу и ему. Холод тут был ни при чем. Нет, тролли, которые плавали в студеной воде тающих ледников и бегали босиком по снегу даже в разгар альпинадорской зимы, холода не боялись. Теплые воды озера, омывавшие подножие ледника, досаждали им больше, чем небывалый мороз, царивший здесь, на его гребне.

Жуть навевало само это место. За свои пятьдесят лет Тинниккиккик повидал много сооружений из льда, но ни одно из них даже отдаленно не напоминало Девонгл — так назывался этот дворец. Вереница затейливо переплетавшихся просторных и прозрачных коридоров, одни из которых поднимались вверх, другие уходили вниз, широкие винтовые лестницы, обвивавшие сравнительно небольшие боковые башни и придававшие им величественный вид, — это было самое грандиозное творение человека из всех, какое приходилось видеть Тинниккиккику или его соплеменникам.

Способ, каким был возведен дворец, только усиливал впечатление от его размеров и великолепия. Здесь не стучал ледоруб, не визжали пилы. Ничьи сильные руки, будь то руки людей или великанов, не поднимали на вершину огромные ледяные блоки для постройки толстых стен. Девонгл магическим образом вырос прямо из ледника.

И хотя нигде не горели факелы, внутри было невероятно светло. Глубокое синее сияние как будто шло из самого льда, отчего дворец казался еще холоднее и пустынее.

Древняя магия земли создала и освещала это место. Она же заставила Тинниккиккика привести сюда свой народ. Он чувствовал себя в ее власти, испытывал ужас при мысли, что им кто-то управляет, но ослушаться был не в состоянии. Тогда тролль попытался убедить

себя в том, что идет на зов вопреки опасениям, по собственной храбрости. Самый бесстрашный в племени, он многократно доказывал свое первенство в сражениях, за что и заслужил статус вождя, который у троллей не наследовался.

В строю послышалось бормотание и шарканье ног. Ряды смешались, и Тинниккиккик понял, что нарастающая тревога угрожает вылиться в неповиновение. Он остановился и выпрямился во весь рост. Вождь был выше остальных. Большинство его сородичей не дотягивало и до пяти футов.

Тинниккиккик обвел троллей пристальным взглядом, словно пресекая любые мысли о бегстве, и жестом приказал выровнять строй.

— Куда мы идем, вождь? — робко спросил стоявший рядом тролль.

Его звенящий голос эхом отражался от глухих холодных стен дворца, загадочным образом становясь все громче, пока вдруг не перешел в протяжный свистящий шепот. Тинниккиккик и остальные отскочили в разные стороны, пытаясь понять, что происходит. Наконец вождь в полном замешательстве с размаху ударил наглеца, посмеявшегося задать вопрос.

Как ни странно, удар эхо не повторило, зато раздался звук шагов. Казалось, он сопровождал троллей уже давно, но только сейчас они его заметили. Уверенные и неторопливые шаги как будто приближались непонятно откуда. Воины инстинктивно сгрудились и тихонько поглядывали налитыми кровью глазами на Тинниккиккика, своего вождя.

Зная это, тролль стоял так прямо, как мог, и не вздрогнул, когда наконец увидел спускавшегося по изогнутому пандусу старца Беддена. Маг предстал перед ними в своей неизменной светло-зеленой мантии. Концы длинной бороды покрывал помет. На его ногах были обычные открытые сандалии, хотя шаги звучали так гулко, как будто он обул тяжелые сапоги.

Старец ступал медленно, но в секунды преодолел огромное расстояние и предусмотрительно остановился перед троллями на некотором возвышении. И так почти на полтора фута превосходя ростом Тинниккиккика, самого высокого из них, старец Бедден выглядел теперь точь-в-точь как воспитатель, наблюдающий за выводком непослушных ребятишек.

Он обратился к предводителю троллей на их языке, которым владел в совершенстве, конечно же, прежде всего благодаря волшебству, а не практике:

— Вы идете ко мне очень медленно. Я зову вас слишком давно.

— Путь не близок, — возразил упрямый Тинниккиккик.

— Долго идете.

— Всего двадцать солнц.

— Двадцать солнц, — повторил старец Бедден и сокрушенно покачал головой. — За это время я привожу свою армию к большой воде.

— Без сражений.

— Со сражениями. Двадцать солнц? Я зову вас. Вы должны быть здесь через пять! — воскликнул Бедден.

Он находил невыносимым язык троллей с их скудной системой времен. Хотя, если подумать, это было объяснимо. Тролли вряд ли могли осмыслить суть мимолетного времени. Они никогда не начнут думать дальше, чем на шаг вперед.

— Нет, долгий путь, — настаивал вождь.

Старец почувствовал, что эта уродливая маленькая тварь с каждым словом набирается наглости. Это надо было пресечь.

— Слишком медленно, — отчетливо произнес самхаист.

— Нет, долгий путь, — ответил тролль.

Старец Бедден немного откинулся назад, закатил глаза и пробормотал что-то непонятное.

Тинниккиккик не мог разобрать его слов.

— Что?.. — начал было он, но не договорил и провалился под лед, внезапно растаявший под ним.

Тролли отскочили от полыньи, и Тинниккиккик с головой ушел под воду, откуда, конечно, с легкостью выбрался бы, если бы поверхность моментально не замерзла снова.

Падая, он успел выбросить вверх лапу и теперь висел на самом длинном ее пальце, кончик которого вмерз в лед. Тролль был обречен на вечный плен по волшебству старца Беддена.

Остальные попятились и возбужденно загалдели, скорее перепуганные, чем разозленные.

— Слишком долго, — сказал им старец Бедден и, не дождавшись реакции, повторил это громче.

Тролли поспешили согласно закивать, трясая заостренными ушами и стуча желтыми зубами.

Бедден выстроил их перед собой. Надо было выбрать нового главаря и поскорее отправить весь отряд в Вангард. До начала зимы он хотел напасть еще на один город, причем армия должна была состоять исключительно из троллей — чтобы дать понять даме Гвидре и ее абелийским клоунам, что и в холодные месяцы ей не будет покоя.

До тех пор, пока в Вангарде не останется ни одного абелийца и пока он снова не призовет самхаистов.

Это было так же просто, как тролль, замороженный в лед.

— Одежа вся висит, — ворчал Бикельбрин, трясая плечами и демонстрируя товарищам, насколько велико ему стало тяжелое, подбитое мехом пальто. — Совсем отощал на этом треклятом озере.

— Одна рыба да ягоды, — согласился другой гном, молодой и мускулистый карлик по имени Раггирс. — Терпеть не могу.

— Ничего другого и не знаем, — кивнул Пергвик.

Они с Раггирсом родились от сердец двух братьев и по традиции тоже считались братьями.

— Скоро вы будете обедаться хорошим сочным мясом, — подбодрил их Маквиджик. — Хватит с меня этого чертова озера! Хватит!

— А ведь ты хотел отправиться в путь пораньше. Сейчас-то уже дело к осени, — заметил Бикельбрин и задрожал для убедительности.

Кроме того, он хотел лишний раз напомнить всем четверым, что для теперешнего сезона они плохо экипированы. У Маквиджика и Бикельбрина остались пальто еще со времен той экспедиции, которая и привела их на Митранидун. Для двух товарищей одежду пришлось стащить. Но, несмотря на огромные старания сохранить вещи в целости, ткань все равно вытерлась, а мех повылез. Теперь сквозь дыры задувал пронизывающий ветер, хотя гномы двигались на юго-восток, а теплое озеро еще не потерялось из виду.

Поври обмотали ступни несколькими слоями тряпья, но это не помогало. Пальцы на ногах онемели, несмотря на то что еще только начинало темнеть.

— Огонь бы нужен, — рассудил Маквиджик.

Гном вздохнул и огляделся, но не заметил почти ничего, что могло бы послужить топливом. Вокруг было полно зелени, однако пригодных для растопки деревьев и кустов не наблюдалось, и четверка занялась поиском сушняка. Только когда настала темная, безлунная ночь, Маквиджику удалось наконец разжечь костер. Понимая, что это ненадолго, гномы обложили его камнями, чтобы те нагрелись. Вскоре скудное топливо действительно выгорело, и пламя потухло. Тогда они устроились вокруг камней, потеснее прижались друг к другу, и это было не так уж плохо.

Вскоре послышался вой.

— Волки, — объяснил Маквиджик двум молодым поври, никогда не встречавшим этих зверей.

— Они заметили наш костер, — добавил Бикельбрин.

Пергвик и Раггирс тревожно переглянулись, что не ускользнуло от внимания их старших товарищей.

Маквиджик приказал сложить из горячих камней пирамиду и лечь вокруг нее так, чтобы каждый смотрел в своем направлении.

Вой приближался, то тут, то там в ночи мелькали темные силуэты. Чьи-то желтые глаза смотрели на них из темноты. Хищники были уже совсем рядом.

— Ни с места! — скомандовал предводитель, видя, что молодежь готова броситься наутек.

— У нас есть чем защититься? — напрямую спросил друга Бикельбрин.

— Я взял себе топор Прэга, а уж им-то смогу раскроить волку череп, — ответил Маквиджик.

Вдруг Пергвик и Раггирс одновременно вскочили. Пергвик попятился, споткнулся о груды камней и упал прямо на брата. Маквиджик уже собрался наброситься на них с руганью, но тут увидел причину их испуга. Всего в ярде от гномов, оскалив зубы и сверкая глазами, стоял огромный волк.

Маквиджик вышел вперед, прикрикнул на зверя и угрожающе замахал руками.

Волк щелкнул зубами и резко зарычал, заставив Маквиджика отпрянуть и повалиться на своих товарищей. Те закричали, увидев, что серая тварь приближается.

Неожиданно зверь получил камнем в бок, взвизгнул и убежал прочь.

— Я не умею драться с волками! — возмутился Пергвик.

— Мы заметили, — съязвил Бикельбрин. Это он запустил камнем в волка.

— Но Маквиджик тоже упал! — заявил Пергвик.

— Он застал меня врасплох. — Маквиджик отряхнулся, как будто это могло избавить его от недавнего позора. — Сто лет не дрался с ними!

— А навык со временем теряется, — заметил Бикельбрин и подхватил очередной камень. — Волк не мог уйти далеко.

Словно в подтверждение его слов, вой стал еще громче.

Последующие часы четверка провела в постоянном напряжении. Гномы вскакивали при каждом шорохе, но голодные звери больше не подходили так близко, хотя, судя по вою и рычанию, кружили невдалеке.

Поври устали и замерзли. Камни остыли прежде, чем ночь перевалила за половину, а западный ветер перестал приносить с озера теплый воздух.

Мало-помалу все погрузились в сон, но уже через час после того, как Пергвик, заснувший последним, сомкнул глаза, яркие лучи восхода подняли гномов на ноги. Даже Бикельбрин, проспавший больше всех, не заметил, как минули эти три часа.

Карлики выжидательно смотрели на Маквиджика, зачинщика их побега с Митранидуна. Нынче он выглядел уже совсем не таким уверенным и решительным, как накануне утром, когда они садились в лодку, чтобы навсегда покинуть родной остров.

— Ну и что мы будем делать? — спросил Бикельбрин.

— Сколько, ты говорил, дней понадобится, чтобы выйти к Мирианскому океану? — вклинился Пергвик, чем заслужил гневный взор Бикельбрина.

Но Маквиджик, как ни странно, не обратил на вопрос никакого внимания.

— Помнится, он сказал — месяц или два, — отвечал Раггирс.

— А ночи будут все длиннее и холоднее, ведь так?

— По-разному, — отозвался Бикельбрин.

— Но в целом так, — настаивал Пергвик, и Бикельбрин вынужден был с ним согласиться.

— Я думаю, дольше, чем один-два месяца, — заметил Раггирс.

— Ты-то что об этом знаешь? — огрызнулся Бикельбрин. — Ты никогда не ходил.

— Я знаю, что у меня болят пальцы ног, да и у тебя тоже, — заявил молодой гном. — Это значит, что мы будем идти медленнее, дольше. Я не...

— Мы возвращаемся, — неожиданно для всех скомандовал Маквиджик. — Надо подготовиться получше, — обратился он к Бикельбрину, глядя на него в полном расстройстве и сокрушенно качая головой. — У нас нет ни оружия, ни одежды, вообще ничего. В таком виде волки нас живьем съедят либо сдерут мясо с наших окоченелых трупов.

— Да и на озере не так уж плохо, — вставил Раггирс, но его замечание пропустили мимо ушей.

— Мне, как и любому поври, охота вдохнуть мирианского воздуха, — продолжал Маквиджик. — Но, боюсь, мы погибнем задолго до того, как доберемся туда.

— Еще бы знать, где это, — буркнул Пергвик.

Маквиджик был так подавлен, а Бикельбрин так удивлен неожиданным поворотом, что ни тот ни другой не стали даже отвечать на слова, которые еще вчера привели бы их в бешенство.

Четверка собрала пожитки и двинулась обратно на север. Довольно быстро отыскав в сумерках свою лодку, гномы вернулись на остров поври. Никто ни о чем их не спрашивал, никто не ругал. Лишь некоторые соплеменники, бывшие в курсе их предприятия, высокомерно усмехались.

Маквиджик переживал эту неудачу несколько недель.

Глава тринадцатая ПОСЛЕДСТВИЯ

Острая боль исказила лицо брата Джавно. К счастью, в последний миг он успел увернуться, и варварское копьё попало ему лишь в руку, оставив в ней глубокую продольную рану. Это напоминание о его тленности оказалось столь бесцеремонным, что Джавно прямо посреди сражения несколько ужасных мгновений чувствовал дыхание смерти.

Однако монах не уронил большой камень, который с трудом тащил вверх по ступенькам главной башни. Поднявшись в верхнюю комнату, он ринулся по небольшому мосту к парапету внешней стены, вдоль которой сновали другие братья, выкрикивая команды и уворачиваясь от непрекращающегося града камней и копий, долетавших снизу.

Сбоку от моста двое монахов отчаянно пытались откинуть прочь варварскую приставную лестницу, вершина которой виднелась над стеной. Джавно поспешил туда так быстро, как позволяла его ноша, затем притаился у основания стены возле лестничных стоек, водрузил камень на плечо и швырнул его вниз.

Валун полетел вдоль лестничных перекладин. Снизу донеслись предупреждающие оклики, затем раздался крик боли, прервавшийся звуком падения. Джавно выглянул посмотреть, что произошло.

От увиденного ему стало дурно, но монах, стиснув зубы, взял себя в руки, как и накануне, когда его ранило. На земле, корчась от боли, лежал варвар. Его ноги были

сломаны, спина, судя по всему, тоже. Вероятно, когда Джавно бросил камень, он уже подбирался к вершине лестницы. Упав с семи ярдов, бедняга жестоко покалечился.

Еще более страшным оружием оказался сам брошенный камень. Мужчина, карабкавшийся первым, от него увернулся, но женщине, которая взбиралась следом, он попал прямо в голову. Она тоже лежала на земле, но уже неподвижно. Основание лестницы было перепачкано ее мозгами, выпавшими из раскроенного черепа.

Джавно нервно сглотнул. Он только что совершил свое первое убийство, к тому же лишил жизни женщину, хотя прекрасно знал, что местные дикарки дерутся не хуже любого мужчины из его родных краев. Эта смерть была явно не последней, судя по тому, какой яростной и решительной была атака альпинадорцев.

— Поднимайте! Живее! — приказал Джавно двум монахам, заметив, что инцидент с камнем ненадолго распугал врагов.

Он взялся за верхнюю перекладину лестницы. Товарищи, вдохновленные его смелостью, схватили ее с боков и потащили вверх.

Варвары снова кинулись к стене. Самый высокий из них подпрыгнул, ухватился за нижнюю перекладину лестницы, и дело наверху застопорилось.

На помощь подоспел монах с крюком в руке. Он и Джавно приладили его к третьей сверху перекладине. Веревка, привязанная к крюку, спускалась во внутренний двор, где стоял крепкий коленчатый вал, с помощью которого братья поднимали на холм большие валуны. Несколько человек, находившихся во дворе, принялись за работу. Лестница возмущенно закричала и затрещала, но начала подниматься вверх. Еще один варвар повис на своем товарище, но не мог ничего поделать. Используя стену в качестве точки опоры, монахам удалось поднять нижний конец лестницы ярда на три. Два упрямых альпинадорца по-прежнему висели на нем. Другие дикари бегали вниз и пытались поймать их за ноги.

В какой-то момент настало равновесие. Лестница замерла в горизонтальном положении. Три перекладины оказались по внутреннюю сторону стены, остальные — снаружи. В следующую секунду раздался треск, и варвары повалились на землю.

— Пора! — закричал монах, стоявший справа от Джавно.

Воспользовавшись сумятицей, царившей снаружи, они вскочили и запустили в упавших варваров целый град камней. Альпинадорцы бросились врассыпную. Не успели они оправиться, как из окна нижнего этажа ударила молния. Конечно, это была работа отца де Гильба.

Разряд лишил осаждающих последних сил. Они поспешили убраться из-под стен часовни, но даже под таким страшным огнем все равно унесли с поля боя павших товарищей — женщину, которую убил Джавно, и мужчину, павшего от удара молнии.

Брат Джавно без сил опустился на пол и прислонился к прохладному каменному парапету. Сегодня они победили, но он понимал, что этот день был лишь первым из целой череды подобных. Монахи не могли сражаться за пределами часовни, а варвары не собирались уходить, не добившись своего. Размеры армии, которая высадилась на остров Часовни, подтвердили его худшие опасения. Общее дело объединило разрозненные варварские племена Митранидуна. Еще несколько часов назад это было невозможно себе представить.

Монахи и их слуги значительно уступали противнику числом. Кроме того, каждый камень, каждое копьё, брошенное сегодня абелийцами, означало, что на следующую битву остается на одно меньше.

— Отец де Гильб зовет вас, — сообщил выглянувший из-за двери монах.

Джавно кивнул и устало поднялся на ноги. Оглянувшись назад, он увидел, что варвары ставят большие палатки на пляже возле нескольких десятков кораблей, принесших их сюда.

Со стены над главными воротами в часовню Кормик смотрел на пятна крови, оставшиеся после битвы. Отсюда можно было без труда разглядеть осколки черепа и волосы несчастной, которой угодил в голову камень. Один из братьев сказал ему, что это была

женщина.

Кто знает, может быть, прядь волос, трепетавшая на легком ветру, принадлежала Милкейле?

Кормик боролся с желанием броситься вниз. Вдруг он потерял ее навсегда? Вдруг она лежит сейчас на пляже с разбитой головой? Конечно же, она была здесь, вместе со своим народом, полная решимости освободить из плена трех своих товарищей.

Юноша всем сердцем, всей душой чувствовал, что отец де Гильб не прав. Проповедовать слово блаженного Абея — прекрасно, но не так, не под угрозой заточения в подземелье. Даже если пленники согласятся отречься от своей веры и последуют заветам Абея, даже если они искренне пойдут на это, то выгода для церкви окажется невелика и уж точно не будет стоить этой битвы.

Кормик облокотился о каменное ограждение, положил голову на руку и беспомощно уставился на прядь волос, молясь о том, чтобы она оказалась не с головы Милкейлы. Но даже если его молитвам суждено было сбыться, оставалась горечь от того, что сегодня здесь погибла раньше срока молодая и сильная женщина, полная гордости и убежденная в своей вере не меньше Джавно. За что?

— Брат Кормик! — раздался голос Джавно.

Юноша обернулся, стараясь стереть с лица отпечаток внутреннего смятения.

— Бой окончен, — объявил Джавно, выглядывая из двери, ведущей в главную башню, которую от внешней стены отделяло около шести ярдов. — Скорее принесите воды. Надо промыть раны.

— Вас еще не лечили? — участливо спросил Кормик, увидев рану на руке собрата.

— Я пойду к отцу де Гильбу, — ответил Джавно, тронутый искренней заботой юноши. — Он воспользуется душевным камнем.

— Идите же, — поторопил его Кормик.

Джавно кивнул и исчез за дверью.

«Хороший человек», — сказал себе молодой монах.

Он сердился на товарища за альпинадорских узников, за то, что это привело к сегодняшней осаде и к битве, в которой погибли люди, но знал, что у Джавно доброе сердце.

Но потом его мысли смешались.

«Как может хороший человек способствовать такому глупому и бессмысленному кровопролитию?» Кормик поморщился.

Поднявшись на ноги, он заметил во внутреннем дворе, окружавшем главную башню, какое-то движение. Его собратья суетились вокруг башенных стен, заделывая места, поврежденные в ходе сражения, и исправляя дефекты строительства, до которых до сих пор не доходили руки. Кормик не одобрял того, во что вылилась их миссия, но не мог не восхищаться трудолюбием абелейцев, построивших такую часовню. Тридцатифутовая главная башня была самым высоким строением на озере. Крепостная стена, быстро сооруженная монахами два года назад, когда начались схватки с соседями, возвышалась на шесть с половиной ярдов над землей. Высота центральных ворот составляла четыре ярда. Из верхних этажей круглой главной башни на стены были переброшены мосты, что позволяло братьям оперативно подносить боеприпасы туда, где они заканчивались.

Сегодняшнее сражение явилось настоящим испытанием для крепости. Никогда еще враг не был столь многочисленным, а осада — столь яростной. Кормик подумал, что цитадель с блеском выдержала проверку.

Юноша спустился на землю и вошел в небольшую квадратную пристройку слева от сторожевой башни, затем открыл люк в полу и начал спускаться по естественному туннелю, который монахи расширили и снабдили ступенями, вырезав их в скользком камне. Из ответвления, ведущего в подземелье, доносилось громкое демонстративное пение шамана, от которого Кормик поморщился.

«Они знают о сражении и о том, что их народ пришел за ними», — подумал он.

Кормик снял факел со стены, торопливо миновал следующий коридор, спустился еще

ниже и оказался у массивной двери, закрытой на три железных засова. Прежде чем войти, он открыл два маленьких окошка, расположенных в двери, в одно из них просунул факел, а в другое заглянул сам. Пещера располагалась на уровне озера и была заполнена водой. Свет факела отразился от водной поверхности и озарил изнутри обширное пространство.

Кормик выполнил эту предосторожность скорее по привычке, чем по необходимости, поскольку монахи оборудовали вход в пещеру решеткой, которая пропускала рыбу, но надежно защищала от ледниковых троллей.

Стоило юноше открыть дверь, как его обдало влажным теплым воздухом и запахом рыбы. Накануне, готовясь к предстоящей осаде, братья рыбачили здесь, чистили улов прямо у самой воды и бросали отходы в озеро, чтобы приманить крабов.

Кормик надеялся, что тяжелый запах заставит его забыть об ужасах сражения, свидетелем которого он только что был. Ему очень хотелось остаться в этом убежище хоть ненадолго!

Но в ушах юноши все еще стояли крики, запах рыбы не мог вытеснить запах смерти. Кормик наполнил водой несколько кожаных мешков и двинулся обратно.

— Они придут снова, — сказал отец де Гильб брату Джавно. — А потом еще и еще. Что за упрямый народец!

— Скорее глупый, — ответил Джавно. — Наши стены неприступны!

— Я ценю вашу уверенность, брат, но мы оба понимаем, что в следующий раз враг выберет более изощренную тактику. Даже после этой переделки у нас несколько раненых, в том числе и вы.

— Это просто царапина, — возразил Джавно и показал рану де Гильбу.

Тот взял в руку гематит, коснулся пальцами увечья и стал молиться блаженному Абелю.

Тело Джавно наполнилось теплом, приятным, как руки любовницы. Нежась в объятиях волшебства, он дивился тому, как эти дураки варвары не понимают прелести учения Абеля. Как они смеют отворачиваться от мощи и доброты, которые способны дарить столь прекрасную магию, как эта? Как кто-либо смеет отвергать эту пользу, целительные силы, обещание вечной жизни?

Джавно закрыл глаза и отдался во власть целебного тепла. Он еще мог как-то понять сомнения самхаистов, ибо объятия Абеля отбирали у них их тираническую власть. Но почему так сопротивляются альпинадорцы, вдохновляемые своими шаманами? У блаженного Абеля есть все, что нужно обычным варварам, так зачем же они постоянно отталкивают монахов? Дикари, сидящие в подземелье, скорее умрут, чем примут абелийскую веру! И дело тут вовсе не в том, что один из них — высокопоставленный шаман. Двое других просто упрямы и не желали уступать. Но почему?

— Что вас беспокоит, брат? — поинтересовался отец де Гильб, выводя Джавно из забытья.

Монах открыл глаза и сообразил, что лечение давно окончено, а он до сих пор стоит, вытянув руку перед собой.

Джавно выпрямился, откашлялся и ответил:

— Я же говорил, что это всего лишь царапина.

— И все же? — настаивал де Гильб. — Сражение оставило неприятный осадок у вас в душе?

— Нет. То есть да, святой отец, — запинаясь, произнес Джавно. — Я не понимаю, почему варвары так яростно осаждают наши укрепления. Их соплеменники живы только благодаря нашим трудам и самоцветам, это глупо отрицать. Взамен мы просим лишь признать источник целительной силы, которую они испытали на себе.

Некоторое время отец де Гильб молча смотрел на собеседника, затем спросил:

— Вы слышали о сражении на Икорном поясе?

Джавно удивленно кивнул в ответ на нелепый вопрос. Какой же абелиец не знает этого

проклятого названия? Имя Икорного пояса носила улица в столице Делавала, на которой первые абелийские монахи, приплывшие в город через устье реки, основали часовню. Тогда она была размером всего с двухэтажный дом. Там они и начали проповедовать слово блаженного Абеля.

— А что вы знаете об Икорном поясе, брат?

— Народ Делавала очень хорошо принял странствующих монахов, — ответил Джавно. — Их навыки быстро прижились по вкусу жителям улицы. Всего за несколько дней по соседству собралось множество любопытных.

— Многообещающее начало, притом на заре существования нашей религии, не правда ли?

— Конечно!

— Чересчур многообещающее, — заметил отец де Гильб. — Блаженный Абель направил священников в самый крупный город Хонсе вскоре после того, как туда пришли вести о постройке часовни Абеля. Если мне не изменяет память, владыка Делавал, дед нынешнего правителя, встретил их с распростертыми объятиями. Фактически он был их первым пациентом, испытав на себе магию самоцветов, ибо страдал не очень серьезной, но изнурительной болезнью. С разрешения владыки братья принялись проповедовать и лечить людей. Народ почувствовал силу камней и потянулся к блаженному Абелю.

— Но это разгневало самхаистов, — добавил Джавно.

Отец де Гильб мрачно кивнул и пояснил:

— Под угрозой оказался сам владыка Делавал. Тогда он отправил городские войска на расправу с нашими братьями, и Икорный пояс превратился в крепость внутри города.

— Каждый абелиец знает эту историю.

— А известно ли вам, что настоятель часовни на Икорном поясе заключил с владыкой сделку, которая позволила бы братьям покинуть город в целостности и сохранности?

— Впервые слышу, — отозвался Джавно.

— Эта информация не для всех. Обычно рассказывают, что самхаисты подговорили городскую чернь отправиться на улицу абелийцев. Братья не желали использовать магию самоцветов против своего народа, проиграли осаду и были убиты.

— Да, все десятеро.

— Нет, брат, все происходило совсем не так. Монахи пошли на сделку с владыкой Делавалом и уже собирались уходить из города, как он явился к ним и заявил, что условия изменились. Правитель обещал прекратить преследования, если они отрекутся от блаженного Абеля и примут веру самхаистов.

Брат Джавно в ужасе посмотрел на отца де Гильба, осознав страшную цену, которую пришлось заплатить их предшественникам.

— Значит, они не согласились, и тогда воины владыки Делавала убили их? — спросил он, облизнув пересохшие губы.

— Да, братья отказались. Не желая губить людей с именем блаженного Абеля на устах, они хотели лишиться владыку Делавала и самхаистов — особенно их! — возможности торжествовать победу, поэтому убили себя, все десятеро. Вслед за ними совершили самоубийство сто их последователей из крестьян. Но они погибли не зря, брат Джавно. Их бесконечная преданность вере потрясла владыку Делавала. Не прошло и пяти лет, как в город приехала новая миссия от блаженного Абеля. На сей раз владыка призвал их самолично. Он пообещал им неприкосновенность со своей стороны, гарантировал и защиту от самхаистов.

Джавно пытался осмыслить услышанное.

— Они предпочли убить себя, чем отречься от блаженного Абеля, — пояснил отец де Гильб. — Мы называем их героями. Варвары в нашем подземелье поступают точно так же, и мы считаем их глупцами.

— Простите, святой отец... — начал Джавно, но де Гильб продолжал говорить:

— Те трое, что сидят внизу, не слишком-то отличаются от наших братьев из Икорного

пояса, хотя, конечно, заблуждаются в своей вере. Не стоит обвинять их в упрямстве, брат. Будь мы на их месте, я потребовал бы от себя и от вас не меньшей преданности. Смерть над нами не властна — таков завет блаженного Абея. Наши... гости, без сомнения, руководствуются подобными же принципами, как и те, кто так самоотверженно атакует стены часовни. Есть много причин принять смерть. Какие-то из них уважительные, какие-то нет. Вера, на мой взгляд, стоит того, чтобы расстаться с жизнью. Варвары считают так же. Поэтому они будут приходить под наши стены снова и снова. Я уважаю их за самоотверженность и буду чтить, даже убивая.

— Конечно, святой отец, — смиренно ответил Джавно, уставившись в пол.

— Здесь не Икорный пояс, — торжественно заявил де Гильб. — Мы, орден блаженного Абея, стали сильнее. Вера наша окрепла. Мы удержим эти стены, сколько бы врагов под ними ни полегло. Божий завет, изреченный в тридцатом году, не ограничивает нас в средствах защиты, в отличие от наших несчастных собратьев из Икорного пояса.

— Что вы имеете в виду?

— Вы видели мою сегодняшнюю молнию?

— Да.

— В следующий раз мы обернем варварские камни и стрелы против них самих. От нашего магического огня содрогнется весь Митранидун! — пообещал отец де Гильб. — Если мы убьем десяток, два, сотню, так тому и быть. Остров Часовни не падет под ударами неверных. Мы будем стоять до последнего, и пусть эти люди сгниют в нашем подземелье, как гниют трупы их сородичей под нашими стенами, но мы не уступим. Никакой пощады, брат! Они не заслужили нашей милости. В отличие от несчастных собратьев из часовни на Икорном поясе, мы не сдадимся. Мы — воины Абея, и горе нашим врагам!

За дверью кабинета отца де Гильба, прислонившись к каменной стене и схватившись руками за голову, стоял брат Кормик. Он слышал воодушевленную речь Джавно, ободряющие возгласы остальных. Эти аплодисменты, это ужасное превозношение абелийцев над всеми остальными людьми заставляли его сердце обливаться кровью.

Он вспомнил Милкейлу, увидел ее бездыханной, лежащей на камнях. Кормик бросил ведро с водой прямо перед дверью и опрометью побежал в свою крошечную комнату. Он молился, просил наставления и надеялся, что во время следующей битвы его грудь пронзит варварское копье.

Глава четырнадцатая ВЫБИРАТЬ НЕ ПРИДЕТСЯ

Подгоняемая западными ветрами, столь типичными для позднего лета, «Мечтательница» быстро и без происшествий пересекла залив и теперь входила в доки Пирета, старейшего вангардского поселения. Каллен, Кадайль и Брансен стояли на носу корабля и наблюдали, как он причаливает к длинной верфи.

— Мы найдем его, — прошептал Брансен, одной рукой касаясь гематита, другой сжимая ладонь Кадайль.

Жена ответила ему ободряющим пожатием.

— И ты наконец-то обрешь давно заслуженный душевный покой, — сказала зятю Каллен.

— Надо успеть сойти прежде всей остальной толпы, — решила Кадайль.

— Прошу прощения, добрые леди и вы, господин, но капитан Маккидж желает видеть вас, — раздался позади них голос.

Это был юнга «Мечтательницы», прозванный хамоватыми матросами Навозником. Все трое, даже Брансен, который сам удивился своей ловкости, обернулись.

— Разве он не должен быть на мостике и руководить швартовкой? — спросила Каллен.

— Это умеет любой матрос, — пожал плечами Навозник. — Капитан в своей каюте. Он попросил меня передать, что ждет вас там.

— Тогда пойдем, — предложила родным Кадайль, разведя руками. — Хотя какая разница, встретимся мы с ним здесь или на берегу.

Юнга отвел их в капитанскую каюту, расположенную в кормовой части верхней палубы, под перекидным мостиком. Доусон уже ждал их. На столе стояла откупоренная бутылка рома и четыре железные кружки.

— Море благоволит нам, — произнес он вместо приветствия, когда дверь за юнгой закрылась. — О таком плавании можно было только мечтать.

Он жестом пригласил гостей сесть на три стула, стоявшие возле стола. Кадайль заметила странную ухмылку, с которой капитан наблюдал за тем, как женщины помогали Брансену занять свое место. Эта загадочная мина показалась ей совершенно неуместной.

— Я надеялся, вы согласитесь выпить со мной, — пояснил Доусон, когда они уселись.

Он долил рома себе, наполнил кружки Каллен и Кадайль и некоторое время держал бутылку над посудиною Брансена.

— Лучше не надо, — попросила Каллен.

Доусон поставил бутылку на стол, снова сел в кресло, поднял кружку и предложил:

— За хороших друзей!

— За успешные поиски брата Динарда, — добавила Кадайль, присоединяясь к тосту.

— Да, точно, — кивнул Доусон, отхлебнув рома. — Сам-то я не в курсе, где он, но в Пеллиноурской часовне должны знать.

— Это далеко? — спросила Каллен. — Если да, то надо найти повозку для Брансена.

— Две недели пути. Одну из них мы пройдем все вместе. Доставим вас троих в Танадун. Это небольшой город всего в нескольких милях в глубь страны. Там пустует множество совсем новых домов! Мы планируем разместить там семьи прибывших воинов, так что кое с кем из попутчиков вы станете соседями. Все получают в собственность крепкий дом и большой надел земли, — пообещал вангардец. — Да, у нас леса для строительства домов гораздо больше, чем народа, готового в них жить! — добавил он со смешком. — Надеюсь, вы полюбите эти места так же, как я. Жить здесь непросто, но, без сомнения, это стоит того. Вангард рад приветствовать таких замечательных людей, как вы. — Доусон снова поднял свою кружку, но на сей раз его никто не поддержал.

— Вряд ли моему мужу это будет под силу, — засомневалась Кадайль.

— Будьте покойны, — заверил ее Доусон и снова так же странно усмехнулся. — Я постараюсь поторопиться с поисками, чтобы успеть отправить вас и, возможно, брата Динарда обратно до зимних снегопадов.

— Вот было бы хорошо, — ответила Кадайль, но тут же получила толчок локтем в бок от матери.

— Не будь такой неблагодарной, — укоризненно заметила та.

— Когда ты почти у цели, волей-неволей становишься нетерпеливым, — улыбнулся Доусон. — Последние шаги самые отчаянные, так ведь говорят?

В тот же день кортеж, состоящий из ста с небольшим человек, включая команду капитана Маккиджа и пиретский гарнизон, двинулся по дороге, скорее похожей на утопанную колею, в новый город Танадун.

Поселение и впрямь оказалось новым! Обнесенное деревянным частоколом, оно встретило гостей, вошедших через юго-западные ворота, запахом свежеспиленного леса. Внутри выстроились в ряд чистые, опрятные, одинаковые дома. В некоторых уже поселились семьи из других районов Вангарда, но большинство жилищ еще пустовало.

— Как и обещано, — провозгласил Доусон, когда все оказались в городе. — Даже те из вас, кто пришел без родственников, могут получить в собственность дом, один на двоих. Сейчас мы здесь на одну ночь, но знайте, вам есть куда вернуться, когда долг перед дамой Гвидрой будет исполнен.

К удивлению Кадайль, никто из ее угрюмых спутников не выразил одобрения. В большинстве своем пленники владыки Делавала, некоторые — Этельберта, они совсем не были рады тому, что находятся здесь.

Вскоре наша троица нашла маленький дом у северо-восточного угла, в тени стены, куда они решили вселиться. Мебели в нем почти не было, но соломы хватило, чтобы соорудить довольно удобные спальные места. Воины Доусона принесли кое-какую еду, бочонки с водой и даже грубую карту местности с указанием дороги к ближайшему ручью.

— Не так уж плохо, — объявила Каллен, когда они тем же вечером сидели вокруг единственной свечи и ужинали сладким пирогом. — И дом, и еда, и прием. Хороший и щедрый человек этот Доусон Маккидж.

— Что-то уж слишком хороший, — заметила Кадайль, но Каллен лишь засмеялась в ответ на ее подозрения и отмахнулась.

На следующее утро мужчины, призванные на службу к даме Гвидре, отправились на войну, оставив в городе десятка два жен с детьми. Вместе с теми, кто уже жил в Танадуне, и горсткой часовых, охранявших стену, после отъезда Доусона здесь оставалось около семидесяти человек — меньше четверти от того числа жителей, на которое городок был рассчитан.

— Я скоро вернусь с новостями о Бране Динарде, — пообещал Маккидж Брансену, подъехав к нему на маленьком гнедом жеребце.

Вежливо коснувшись шляпы, он попрощался с женщинами. Воин держался с Каллен уже куда более уверенно и смело, отчего Кадайль удивленно захлопала глазами, глядя на мать. Затем Доусон легким галопом ускакал в начало строя и исчез за теми же воротами, в которые они вошли накануне днем.

— Ненавижу ждать, — прошептал Брансен.

— Он вернется, как только сможет, — заверила его Каллен.

— Откуда ты знаешь? — спросила Кадайль, удивленная на сей раз очень уж уверенным тоном матери.

— Он хороший человек, — ответила Каллен и поспешила скрыться от расспросов в новом доме.

— Кажется, ей начинает нравиться в Вангарде, — сухо заметил Брансен.

— Цапле здесь придется непросто, — ответила Кадайль, заставив его совсем погрузнеть.

— Этой птице везде нелегко, — отозвался юноша, повернувшись к ней и стараясь говорить тихо, чтобы не изобличить себя, но был так взволнован, что это давалось ему с трудом.

— Я знаю, — сказала Кадайль. — Но чем дальше мы от Этельберта с Делавалом, тем лучше.

— Надо было отправиться в Бехрен, а не ехать на север, — посетовал Брансен и отвернулся, снова приняв облик Цапли, поскольку рядом прошла пара обитателей городка.

— Мы ищем ответы и потому едем туда, куда влекут нас вопросы, — сказала Кадайль. — Сейчас они привели нас в Вангард. Возможно, мы не так далеки от Бехрена, как тебе кажется. Доусон несколько раз бывал там, в городе, который он называл Джасинта. Дорога занимает целый сезон, но он раньше туда плавал и обещал отправиться еще.

Брансен, казалось, немного успокоился. Кадайль помогла ему войти в дом, где им предстояло повести несколько тревожных дней, ожидая возвращения Доусона с обещанными новостями.

В конце следующей недели он под звуки фанфар появился перед их домом, вызвав изрядную суматоху. Его сопровождали двадцать с небольшим всадников. В основном это были опытные воины-вангардцы, которых выдавала манера держаться в седле и обращаться с оружием. В остальных Брансен, Кадайль и Каллен узнали своих попутчиков с корабля.

— Как я рад видеть вас этим прекрасным утром, — поприветствовал Доусон троицу, когда те вышли ему навстречу, но спешиваться не стал.

Его спутники, вооруженные и облаченные в латы, выстроились по бокам и тоже остались в седлах.

Брансен попытался что-то сказать, но тут же зашатался и упал бы, не подхвати его в

последний момент Каллен и Кадайль. Они замечательно отрепетировали эту сцену.

— Не нужно этого делать, — заметил Доусон.

— По-вашему, мы должны были позволить ему упасть ничком? — удивилась Каллен.

— Я имел в виду, не нужно притворяться, — пояснил Маккидж, и все трое взглянули на него с недоумением. — Вам, Брансен Гарибонд. Ваша маска калеки никого здесь не обманет.

Брансен заикался и пускал слюни. Это не было притворством, потому что он отпустил гематит.

— Не смейте насмехаться над моим мужем! — возмутилась Кадайль.

— Вашим мужем? Разбойником?

— Я не понимаю, о чем вы. — Молодая женщина подхватила пошатнувшегося Брансена, затем решительно шагнула к Доусону. — Вы приехали, чтобы издеваться над нами? Или можете сообщить что-то о брате Бране Динарде?

— Он мертв.

Кадайль на миг оторопела, а Брансен застонал, будто его ударили в живот.

— Мне очень жаль, честное слово, — несмотря на странное поведение, Доусон казался искренним. — Бран Динард был убит двадцать с лишним лет назад по дороге в часовню Абея. Он так до нее и не добрался. Братья думают, что на него напали поври. Это вполне вероятно. Между владыками тогда царил относительный мир, а гномов в этой стране всегда было полным-полно.

— Мертв? — пробормотал Брансен.

Он думал о книге Джеста, о своем спасении. Ему казалось нелепостью, что человек, написавший столь великий труд, мог так глупо умереть посреди дороги.

«Человек, написавший эту книгу», — повторил про себя Брансен и понял, что назвал так своего отца.

Все чувства куда-то исчезли, будто он разучился испытывать их. В эту минуту откровения все потеряло для него смысл. Он не хотел верить Доусону, но даже не знал, потому ли, что тот человек написал книгу Джеста, или потому, что погибший был его отцом.

Его отец мертв! Брансен ожидал большего потрясения, чем испытал. Слишком уж долго не было никаких новостей. Он никогда не знал этого человека и не смог бы его найти.

— Кто вам сказал? — спросила Кадайль, заикаясь почти так же, как муж.

Это заставило Брансена взять себя в руки.

— Монахи в часовне Абея.

— Вы лгали нам! — упрекнула его Кадайль, а Каллен, стоявшая рядом, в ужасе вскрикнула.

— Лгал, сознаюсь, но ради вас же, — спокойно ответил Доусон. — Хватит уже шататься и пускать слюну, молодой человек! Неужели вы и впрямь думали, что сможете спокойно бродить по стране в таком узнаваемом облике? Да в каждой хонсейской часовне знают, что надо остерегаться человека-Цапли, который убил владыку Прайда и посеял смятение в тамошних землях.

— Это неправда! — запротестовала Кадайль.

— Милая леди, я вам не судья, — отвечал Доусон и слез с лошади, чем вызвал неодобрение некоторых из своих грозных охранников. — Монахи из часовни Абея не желают быть орудием правосудия, но у них не было бы выбора, если бы я не предложил им это взаимовыгодное решение.

— Лжец!

— И только поэтому ваш муж еще жив!

— Довольно! — вмешался Брансен, поразив всех неожиданной твердостью голоса.

Повисло молчание, которое прервал Доусон.

— Приветствую вас, Разбойник! Ваша известность опережает вас. — Он поклонился.

Брансен угрюмо посмотрел на него.

— Если бы я тогда промолчал и оставил вас в часовне Абея, то монахи уже заковали

бы вас в кандалы и передали ближайшему приспешнику владыки Делавала. Им не хотелось так поступать, но они были бы вынуждены. Думаю, вы это понимаете.

Брансен стоял молча.

— Вас обогнал брат Фатуус из часовни Дорогих Воспоминаний, что в Палмаристауне, — продолжал Доусон. — Он приехал и рассказал о Цапле, о Разбойнике. Так что вас ждали уже тогда, когда вы только подходили к Везергарду. Ради вас и пользы моей правительницы я предложил решение, которое к тому же освободило бы братьев от печальной обязанности.

— И отправили меня сюда воевать под знаменами вашей дамы Гвидры, — напомнил Брансен.

— Мы отчаянно нуждаемся в сильных воинах, — глупо пожал плечами Доусон. — А ваша известность, как я уже сказал, опережает вас. Нынешний прайдский наместник всем растрезвонил о том, как мастерски вы владеете мечом. Говорят, вы уникам.

— Мне нечего делать на вашей войне, — ответил Брансен, и Кадайль крепко сжала его руку.

— Боюсь, выбирать не придется, — сказал Доусон. — Ни вам, ни двум вашим прекрасным спутницам деваться некуда.

— Вы угрожаете им? — зарычал Брансен, и воины напряженно привстали в стременах.

— Наша война не похожа на бессмысленную резню, творящуюся на юге, — продолжал Доусон. — Мы воюем за доброе дело с гоблинами, ледниковыми троллями и прочими злобными тварями, с варварскими язычниками, которые ночью пробираются в наши дома и убивают во сне наших детей. Мы сражаемся против самхаистов. Я слышал, что и вы не питаете любви к ним.

— Как много вы, однако, слышали!

— Это правда, — ответил Доусон и снова поклонился, превратив насмешку в комплимент. — Я сожалею о своей лжи и смиренно прошу прощения. Но не солги я тогда, вы бы уже давно были мертвы, а ваша прекрасная жена осталась бы вдовой. Мне по-прежнему неприятно, что пришлось так поступить, но теперь это уже неважно. Дело сделано.

— Тогда просто отпустите нас, — предложил Брансен.

— Куда?

— Подальше отсюда.

— Поплывете обратно через залив? Или побежите на запад, через дикие леса, где полно монстров и голодных диких кошек, а медведи толще, чем деревья? Будьте благоразумны. У вас нет выбора.

— Мы найдем корабль, который доставит нас на юг Хонсе или даже в Бехрен.

— До конца зимы кораблей не будет.

— Тогда мы подождем...

— Довольно! — оборвал его Доусон, резко посерьезнев, и вскочил в седло. — Довольно, Разбойник. Вас поймали. На юге вы уже признаны виновным и приговорены к смерти. Я предлагаю альтернативу. Вы можете войти в число воинов дамы Гвидры, многие из которых прибыли в Пирет вместе с вами, и биться за доброе дело. Мы в отчаянном положении, поэтому не думайте, будто я прошу вас об услуге.

— То есть?

— Если откажетесь, то лишитесь жизни, — пояснил вангардец и, заметив, как глаза Брансена сузились, а плечи расправились, добавил:

— Равно как и ваши спутницы.

Если бы Маккидж поднял на дыбы своего коня и заставил его ударить Брансена копытами по лицу, то вряд ли это подействовало бы сильнее, чем только что сказанные слова.

— Да как ты смеешь?! — вскричал молодой человек, но Доусон отъехал назад, в то время как охрана стала теснить Брансена и женщин.

— Прощайтесь с ними, Разбойник, — настаивал Маккидж. — Мы уезжаем

немедленно. Вы должны будете исправно служить нам в течение зимней кампании, и если мы дадим отпор самхаистам, то вы вернетесь. Все преступления будут прощены. Я сам отвезу вас на «Мечтательнице» куда угодно, — пообещал он и, развернув лошадь, посмотрел в упор на взбешенного Брансена. — Это лучшее, что вам могут предложить, Разбойник. По распоряжению самой дамы Гвидры я имею законное право хоть сейчас отдать приказ воинам убить вас. Так что собирайте вещи и прощайтесь. Сегодня ночью нам предстоит долгий путь, а завтра придется пройти еще больше.

Брансен ощутил внутри такую же пустоту, как тогда, когда узнал о казни Гарибонда.

В голове молодого человека вертелась единственная мысль: «Шанс упущен».

Он не понимал, как быть дальше и что делать. Царившая в душе сумятица порождала чувство вины, которое лишь усугубляло ее. Брансену казалось, что его засасывает куда-то вниз.

«Как ловко Доусон Маккидж обвел нас вокруг пальца! Отряд воинов за порогом, наше положение безнадежно. Этот хитрец заманил нас в идеальную ловушку», — думал Брансен, сидя в маленьком доме, спиной прислонившись к двери, с гематитом на лбу под черной шелковой косынкой.

— Можно сбежать через заднее окно и перелезть за стену, — предложила Кадайль, повязывая мужу на руку повязку, которая теперь, когда его разоблачили, была не более чем украшением. — Мы скроемся в густом лесу прежде, чем Доусон и его люди обнаружат наше отсутствие.

— И куда пойдем? Нет, — Брансен решительно покачал головой, — этому лесу нет конца. Даже если допустить, что ты сможешь идти, подумай о матери. Она уже немолода.

— Тогда иди один, — настаивала Кадайль. — Прошу тебя, Брансен. Какой из тебя наемник? Разве ты будешь получать удовольствие, убивая альпинадорцев, которые ничего плохого тебе не сделали?

— Выбирать не придется, — ответил молодой человек, повторяя слова Доусона.

— Беги!

— И оставить вас на милость леди Гвидры? Ты же слышала, что сказал Доусон.

— Он нас не обидит.

— Еще как обидит, миледи, — отозвался Маккидж, заглянув внутрь. — Это прискорбно, но верно.

Брансен зло посмотрел на вангардца и инстинктивно схватился за свой великолепный меч. Но Доусон был прав. Если бы не он, монахи уже убили бы Разбойника, опасаясь гнева владыки Делавала.

— Вы не понимаете, в каком мы положении, — продолжал воин, входя в дом. — Нас прижали к заливу. Самхаисты и их монстры вырезают наш народ целыми деревнями. Мужчин, женщин, детей — всех! Даже скотину не щадят. Поймите, я вовсе не горжусь тем, что обманул вас, но, если что, свою угрозу выполняю, можете не сомневаться, — сказал Доусон и в упор посмотрел на Брансена. — А теперь пора, — объявил он и исчез в дверном проеме.

Кадайль, а затем и Каллен, ошарашенные произошедшим, в отчаянии бросились на шею Брансену. Их плечи сотрясались от рыданий. Молодой человек тихонько отстранился, чтобы устоять на ногах, поцеловал жену в щеку и вытер ее слезы, хотя на их место тут же набежали другие.

— Я вернусь, — пообещал он. — Не сомневайся.

С этими словами Брансен вышел вслед за Доусоном.

Глава пятнадцатая ЭХО ИКОРНОГО ПОЯСА

— Не отвлекаться! Иначе не выживете. — Брат Джавно старался перекрыть шум битвы, снова разгоревшейся под крепкими стенами часовни.

Снизу летели копья, наспех выструганные из палок, в ответ на варваров градом сыпались камни. Слышался постоянный стук деревянных молотов о каменную кладку — это варвары безрассудно пытались пробить неприступную стену, вызывая насмешки монахов.

Два молодых абелийца переглянулись с очевидным беспокойством, и это было понятно. Им сейчас предстояло оказаться в самом центре вражеского войска!

— Брат Фальдо, ваша задача в том, чтобы удержать силу серпентинита, — повторил Джавно. — Любой ценой! Даже если вам в грудь воткнут копьё, не позволяйте его магии рассеяться!

Фальдо надел на плечо большой, но удивительно легкий щит и послушно кивнул. Второй доброволец, брат Муркрис, взял напарника за руку, и они вместе нехотя подошли к секретной двери в той стене, у которой шла самая горячая схватка. Муркрис подставил Джавно ладонь. Тот кивком приказал брату Фальдо установить серпентинитовую защиту и вложил в руку подающего надежды собрата рубин, камень огня.

Через мгновение обоих монахов охватило бело-голубое сияние.

— Идите в самую гущу, — шепнул Джавно.

По его сигналу двое других братьев быстро распахнули дверь. Джавно вытолкнул перепуганную парочку наружу, заскочил обратно и без сил оперся о стену, понимая, что они не продержатся долго.

Действительно, не успели монахи и шагу ступить от двери, как их уже заметили. Фальдо благоразумно заслонился щитом и сосредоточился на серпентините. В щит попало сначала одно копьё, затем другое, но он сумел сохранить магическое прикрытие. Варварское оружие из многослойного дерева, обтянутое кожей, не могло пробить хитроумный волшебный кокон.

Но альпинадорцы отважно наступали и в какой-то момент протаранили Фальдо так сильно, что тот ударился плечом о свой щит, пошатнулся и едва не упал. Абелиец кое-как удержал серпентинитовую защиту, но руку напарника выпустил как раз в ту секунду, когда Муркрис с помощью рубина создал огромную шаровую молнию.

Связь с Фальдо порвалась. Муркрис остался без защиты от созданного им самим огненного шара и полыхнул вместе с несчастными варварами.

Отовсюду раздались крики, стоны, кругом гудело пламя. Растерявшийся и потрясенный брат Фальдо, не зная, что делать, сквозь дым попытался назад к двери. Кто-то ударил его по спине, но монах успел забежать внутрь. Джавно и другие товарищи заперли за ним дверь.

— Я держал защиту, — сквозь рыдания пытался объяснить молодой абелиец, внезапно осознав, что смерть друга Муркриса на его совести.

Не успев договорить, он упал. Оказалось, что в спину Фальдо ударило копьё, пробившее почку.

— Отнесите его к отцу де Гильбу, — крикнул Джавно двум другим монахам и

устремился вверх по лестнице, ведущей к парапетам.

Там он обнаружил, что собратья почему-то перестали швырять камни в противника, перегнулся через стену и все понял.

Альпинадорцы убегали, а на земле, прямо под Джавно, лежали не меньше семи человек. Было невозможно понять, мужчины это или женщины. Одни не двигались, другие корчились в предсмертной агонии. Одежда пригорела к их пузырящейся коже. Муркриса он узнал по платью, которое все еще тлело. Повинуясь инстинкту, монах чуть было не бросился ему на выручку, но в следующий момент понял, что молодой и подающий надежды абелиец уже мертв.

Джавно тяжело вздохнул и с камнем на сердце направился в покои отца де Гильба, молясь о том, чтобы выжил хотя бы брат Фальдо.

Проходя мимо группы монахов, с ужасом смотревших вниз, он остановился.

— Выйдите через секретную дверь и проверьте, нельзя ли спасти кого-нибудь из врагов. Поторопитесь и возвращайтесь немедленно, если заметите, что приближаются варвары.

Это распоряжение казалось Джавно сущим пустяком, без трудностей и особых последствий, кроме спасения от смерти одного-двух обожженных врагов. Но как он был не прав! Стоило монахам подойти к умирающим, как варвары ринулись обратно с такой яростью, которой Джавно и представить себе не мог. Братья благополучно вернулись, даже прихватили с собой одного тяжело раненного альпинадорца, но им пришлось запереть дверь на засов и потребовать поддержки с парапетов.

Варвары так беззаветно, с такой энергией бросались на стену, что, казалось, готовы были разбиться о нее. Никакой каменный дождь не мог отпугнуть их.

— Подоприте дверь! — скомандовал Джавно, и монахи в количестве не меньшем, чем те, кто стоял на стене и пытался отразить атаку, поспешили завалить вход камнями.

Из трех стычек эта была самой странной. Со стороны варваров погибла еще горстка людей, несколько были тяжело ранены, тогда как ни один монах серьезно не пострадал.

Но Джавно последняя битва расстроила больше всего. В глубине души он понял, что враги острова Часовни готовы погибнуть все до единого, лишь бы освободить своих сородичей. Такой дикой преданности он никогда не встречал.

Кормик испытывал те же переживания. Он с ужасом наблюдал и шаровую молнию, и возвращение варваров, и их самоотверженную вторую атаку.

— Нам не победить, — не раз повторял он во время и после второй схватки, но только теперь в полной мере осознал, что может означать такая вот победа.

Вскоре Кормик увидел, как брат Джавно зашел в кабинет к отцу де Гильбу. Юноша решил последовать за ним и умолять их положить конец этому безумству. Но ноги ему не повиновались — не было сил на новые словесные баталии со старшими братьями.

В кабинете отца де Гильба перед настоятелем и старшим братом выстроились в ряд три монаха.

Джавно подошел к ним и выслушивал последние новости.

— Они отказываются от еды, — смущенно сказал молодой абелиец в ответ на его вопрос.

Кормик, который стоял третьим, вздрагивал от каждого слова. Это было правдой. Андрузис и остальные пленники поклялись не брать в рот ни кусочка. Шаман провозгласил, что они скорее умрут, чем подчинятся воле проклятых захватчиков.

— Так заставьте их, — произнес Джавно таким сердитым тоном, что монах невольно отпрянул.

— Мы пытались, — пробормотал он. — Держали их и насильно пихали еду им в рот. Но они почти все выплюнули.

— Значит, что-то все же съели, — заключил Джавно. — Это хорошо. Возможно, их тела переживут такое упрямство.

— Возможно, — чуть слышно повторил Кормик.

— Когда мы пришли на следующий день, везде были следы рвоты, — продолжал монах.

Джавно обернулся на отца де Гильба и издал вздох отвращения.

— Свяжите их покрепче, — распорядился он и снова взглянул на молодого абелийца. — Чтобы они не могли засунуть пальцы себе в рот.

— Да, брат, — ответил монах, потупившись.

— Четвертого поместили к ним? — спросил отец де Гильб про варвара, пострадавшего от шаровой молнии брата Муркриса.

Благодаря магии самоцветов он выжил, хотя огонь оставил на нем навсегда ужасные шрамы.

— Еще нет, святой отец, — ответил монах. — Брат Мнач опасается, что в грязи раны загноятся.

— Так подложите под него одеяло, — вмешался Джавно, и отец де Гильб кивком выразил свое согласие.

— Он быстро поправляется и будет готов отправиться в темницу через... — попытался объяснить молодой монах, но Джавно перебил его:

— Либо он поправится в подземелье, либо вовсе не выживет. Я не желаю, чтобы опасный враг разгуливал среди нас, когда его народ нападет снова. Или вы хотите, чтобы он вскочил со своей койки и убил брата Мнача, отвлекшегося на лечение одного из нас?

— Пленник связан.

— Сейчас же отведите его в подземелье, брат. Идите!

Секунду молодой абелиец колебался, затем торопливо развернулся и вышел вон.

— Нам выпало нелегкое бремя, — произнес отец де Гильб. — Но будьте крепки в своей вере. Помните, что нашему брату Мначу удалось за ночь спасти жизни того обгоревшего альпинадорца и брата Фальдо.

— Брат Фальдо еще не пришел в сознание, — уточнил Джавно. — И брат Мнач не уверен в том, что он выздоровеет.

— Все будет хорошо, — Де Гильб уверенно улыбнулся и жестом велел Джавно слушать дальше.

Следующий монах отчитался о работах по укреплению стен и сбору камней, которые предстояло кидать в варваров.

— Дикарям не пробить наши укрепления, — с уверенностью подытожил он.

Это забавное утверждение, произнесенное скорее для формы, нежели в качестве истинной оценки, по-видимому, удовлетворило старших собратьев.

Джавно потрепал монаха по плечу и подошел к Кормику.

— Водоснабжение в полном порядке, — отрапортовал юноша прежде, чем к нему успели обратиться, и словно спрашивая Джавно, зачем его позвали на это собрание. В конце концов, единственной обязанностью Кормика была поставка воды и рыбы.

— А что с рыбой?

— В озере ее полно. Она заплывает в нашу тайную пещеру за кормом, так что поймать ее несложно.

— Утройте улов, — неожиданно вмешался отец де Гильб.

— Что, святой отец? — не понял Кормик.

— Увеличьте минимум в три раза, — пояснил настоятель. — Наши враги не отступят, но, уверен, скоро им надоест гибнуть, бросаясь на стены часовни. Они постараются найти другой способ навредить нам. Если дикари поймут, что в нашем распоряжении неисчерпаемый источник продовольствия, то постараются лишить нас его. Нельзя этого допустить.

— Да, святой отец, — ответил Кормик.

— Спускаясь в пещеру, вы заглядываете к нашим гостям? — поинтересовался де Гильб.

Кормик уклончиво пожал плечами.

— Это вовсе не запрещается, — заверил его настоятель.

— Иногда, — признался юноша.

— То, что было сказано здесь, правда?

— Они не станут есть, — подтвердил Кормик и понял, что не может молчать. — Эти люди ослабнут, но не подчинятся, святой отец. Не откажутся от своей веры и не примут нашей даже ценой жизни...

— Икорный пояс, — перебил его де Гильб, обращаясь к Джавно, и тот кивнул.

При этом сравнении Кормик поморщился. Если отец де Гильб видит аналогию, то почему настаивает на том, чтобы альпинадорцы оставались в плену? Разве он не понимает, что другого исхода, кроме их смерти или бесконечных страданий, не будет?

Кормик уже готов был бросить эти вопросы им в лицо, но внезапно дверь распахнулась, и в кабинет вбежал тот монах, которому поручили перевести обожженного альпинадорца в темницу.

— К нам гонец! — крикнул он, едва переведя дух. — У главных ворот. Он прибыл из стана врага.

— Привести его сюда? — спросил настоятеля Джавно.

— Нет, — решил де Гильб, чуток подумав. — Иначе он увидит наши внутренние укрепления. Лучше поприветствуем его со стены.

Он немедленно вышел вместе с Джавно. Остальные, включая Кормика, рассудили, что приказа оставаться на месте не было, и последовали за ними.

Кормик взобрался на парапет над воротами в часовню и сразу понял, что перед ними вождь варваров с Йоссунфира. По-видимому, он был шаманом, так как носил такие же ожерелья, как у Милкейлы, только больше. Его свободное одеяние, расшитое раковинами и прочими мелкими украшениями, гремело при каждом шаге. Наконец, ему было явно за шестьдесят лет, что говорило о высоком положении в племени. Милкейла рассказала Кормику об альпинадорцах достаточно, чтобы он это усвоил.

— Я Тейдру, — объявил человек сильным и звучным голосом.

Юноша затаил дыхание, услышав знакомое имя и сообразив, что видит перед собой верховного главу народа Милкейлы.

— Вы явились сюда без приглашения, Тейдру, — довольно непочтительно ответил отец де Гильб.

Оттого что он плохо владел альпинадорским наречием, ответ прозвучал еще более грубо.

— У вас трое моих людей, — не смутившись, продолжал Тейдру.

— Четверо, — поправил де Гильб, чем немного раздосадовал собеседника. — Все они живы лишь благодаря святым дарам блаженного Абея, нашим трудам и целительной силе.

— Лучше бы им умереть, — сказал вождь, и Кормик краем глаза заметил, как де Гильб усмехнулся.

— Покиньте этот остров, — громко потребовал епископ.

— Верните нам наших братьев, и мы уйдем.

— Они живы только нашими стараниями. На них снизошли благодать и любовь Абея.

— Мои соплеменники приняли вашу веру? — спросил Тейдру таким тоном, который говорил, что он не поверил настоятелю ни на секунду.

— Они начинают видеть истину в слове блаженного Абея, — уклончиво ответил де Гильб.

Для Кормика это утверждение прозвучало как насмешка, потому что епископ никогда не признался бы в том, что сам он не готов узреть истину в чем-нибудь, кроме слова Абея. Этот священнослужитель требовал терпимости от окружающих, будучи сам абсолютно нетерпимым.

— Приведите их! — потребовал Тейдру, но де Гильб лишь скрестил руки на груди.

— Вы не в том положении, чтобы рдаться, — напомнил он варвару, глядя на него

сверху вниз. — Вы трижды нападали на нас и каждый раз были отражены. Так будет и впредь. Ваши люди погибнут у наших стен, а мы останемся. Вам не победить, Тейдру.

— Мы не уйдем, — ответил шаман, несколько не смутившись. — Мы будем атаковать вас снова и снова и заберем наших братьев.

— Или же поляжете все до одного под стенами нашей крепости!

Реплика не произвела того эффекта, на который, очевидно, рассчитывал де Гильб.

Тейдру распрямил плечи и гордо поднял подбородок.

— Да, мы погибнем, если потребуется, — ответил он недрогнувшим голосом. — Но не уйдем. Мы будем драться до тех пор, пока не освободим наших соплеменников.

Кормик облизнул губы и с трудом перевел взор с непреклонного альпинадорца на отца де Гильба.

— Мы убьем вас всех, — пообещал абелиец.

— Что ж, мы умрем с радостью, — ответил Тейдру, развернулся и медленно пошел прочь.

Отец де Гильб и Джавно немного помедлили, прежде чем вернуться в кабинет настоятеля.

— Они не могут нас победить, вот и хотят заключить сделку, — предположил один молодой монах из группы, стоявшей неподалеку от Кормика. — Но скоро сдадутся и уедут восвояси.

— Не уедут, — вмешался юноша, и все повернулись к нему. — Они будут биться до последнего.

— Дикари вовсе не так безрассудны, — возразил монах.

— Они преданы своей вере, — ответил Кормик и направился к туннелям, ведущим к воде.

На сей раз, проходя мимо темницы, он внимательно осмотрел ее и пленников.

Прошло четыре напряженных дня, в течение которых братья стали шепотом поговаривать, что варвары от атак перешли к осаде.

Причина передышки выяснилась довольно скоро: альпинадорцы готовились, тренировались и размышляли. Это стало очевидно, когда пара абелийцев попыталась повторить вылазку Фальдо и Муркриса. Варвары, штурмовавшие стену, отбежали подальше, в то время как другая группа осыпала монахов градом камней и копий, заставив их ползти обратно к стене.

Враги бросились им вдогонку. Братья сосредоточились, удержали серпентинитовую защиту и готовились ответить великолепной шаровой молнией.

Каково же было их удивление, когда ближайшие альпинадорцы, очевидно, ждавшие взрыва, проворно свернули в сторону и снова показались уже в плащах, пропитанных водой! Всего двое получили легкие ожоги, а вот бедным монахам не поздоровилось.

Джавно, Кормик и другие защитники часовни, наблюдавшие за происходящим со стены, велели им немедленно возвращаться. Братья побежали, но их настигли вражеские копья. Монахи ответили со стен разрядами молний и градом камней. Несколько варваров упали, тяжело раненные. Абелийцы тоже уже не могли подняться.

Атакующие ринулись к лежавшим на земле монахам, чтобы взять их в плен и обменять на своих сородичей. Но заградительный огонь со стены был так силен, что подобраться к ним оказалось невозможно, и тогда альпинадорцы обрушили на беззащитную пару новые копья.

С противоположной стороны крепости, перед западной стеной собралась вторая группа варваров. Зная, что почти все монахи помогают своим друзьям в другом конце часовни, они с воплями бросились в атаку.

— Вперед! — приказал Джавно Кормику и еще нескольким братьям.

Они прыгнули со стены и помчались на выручку монахам, отражавшим внезапное нападение на западном парапете. В землю ударило несколько молний. Кормик понял, что

непосредственная угроза уничтожена, но битва и не думала стихать.

Он помедлил, постоянно содрогаясь от ужасных криков, дождался, пока остальные пробегут вперед, оглянулся на брата Джавно и на сражение, кипевшее у восточной стены. Затем юноша зашел в пристройку у сторожевой башни, снял со стены факел, открыл люк в полу и спустился в туннель.

Мало-помалу звуки битвы стали стихать, но толщины люка было недостаточно, чтобы избавить бедного Кормика от душевных страданий. Размышляя, удастся ли осуществить задуманное, он лишь чуть более уверенно зашагал к темнице, где сидели четыре несчастных варвара. Усталые, голодные, один чуть не сгорел заживо... Смогут ли они хотя бы встать, когда он освободит их?

— Ваши снова здесь, — сказал он. — Они погибают под стенами крепости.

Андрузис повернулся к монаху. Выражения его лица Кормик понять не мог. То ли молодой варвар чувствовал себя преданным, то ли злился, то ли был смущен.

— Вы хотите, чтобы мы отказались от своей веры, — произнес шаман очень слабым, надтреснутым голосом. — Но мы лучше умрем.

— Я знаю.

Этот короткий ответ заставил варваров взглянуть на абелийца с любопытством. В душе Кормика проснулась надежда. Он закрепил факел в канделябре и направился к деревянной стене.

— Рискнем посерьезнее, — добавил он, ослабляя веревки на руках Андрузиса.

— Ты просто боишься, что мой народ возьмет ваше жалкое убежище, — усмехнулся Тоникуэй. — И от отчаяния решил увести нас в другое место!

— Твой народ не попадет за эти стены. Ни в этот раз, ни когда-либо потом, — проговорил Кормик, резко обернувшись к пока еще связанному шаману. — Если мы не остановим это кровопролитие, они полягут все до единого еще на подступах.

— Ты сомневаешься в силе...

— Замолчи, — потребовал Кормик. — Погибли уже двадцать твоих родичей. Кто-то умирает прямо сейчас. Им не победить, но они и не отступят. Их преданность тебе похвальна и глупа.

— Что от нас требуется? — вмешался Андрузис.

Кормик порадовался, ибо шаман уже снова собирался что-то возразить, а времени на препирательства не было. Обойдя заграждение, он разрезал путы всем троим, Тоникуэю — в последнюю очередь. Пока варвары снимали с себя веревки и вылезали из кучи грязи и испражнений, Кормик снял со стены факел.

— Идите за мной как можно быстрее, — велел он.

— А если мы не пойдем?

Монах обернулся и тяжело вздохнул.

— Сегодня все кончится. Я покажу вам путь отсюда или... — Он пригрозил ножом. — Дело кончится так или иначе.

— Почему мы должны тебе верить? — упрямылся шаман.

— А у нас есть выбор? — спросил Андрузис и жестом попросил Кормика вести их.

К облегчению монаха, все двинулись следом. Обожженного товарища Андрузис даже взял на руки. Тут Кормик задумался: а смогут ли они бежать, как он запланировал?

Миновав туннель, они вошли в дверь и оказались в той самой пещере, куда заходили воды озера.

— Надеюсь, все вы хорошо плаваете, — произнес Кормик и положил факел на землю.

Он уже начал стягивать с себя одежду, как вдруг остановился.

— Нет, не могу.

— Мы не вернемся, — предупредил Андрузис, с беспокойством глядя на абелийца.

Кормик покачал головой, давая понять, что он не это имел в виду.

— Мне нельзя нырять, чтобы открыть решетку, как я изначально планировал, — объяснил он. — Если собратья заметят, что у меня мокрые волосы, они догадаются о моей

причастности.

— Какую решетку? — уточнил Андрузис.

— Там простая сетка, закрепленная не слишком надежно, — ответил Кормик, указывая в северо-западный угол подводного бассейна. — За ней короткий туннель, и вы на свободе.

Некоторое время Андрузис пристально смотрел на монаха, затем аккуратно положил на землю раненого, поручив его четвертому пленнику, Канраку, и зашел в темную воду. Когда она была ему по пояс, юноша нырнул.

— Ты так боишься моего народа, — заметил Тоникуэй, презрительно глядя на Кормика и криво ухмыляясь.

Юноша фыркнул и покачал головой, не отрывая взора от места, где исчез Андрузис.

— Если это неправда, то почему? — настаивал шаман.

— Потому что этого ждет от меня мой бог, — отвечал Кормик.

Раздался всплеск, и из воды, хватая ртом воздух, вынырнул Андрузис.

— Путь свободен, — объявил он. — Там и правда плыть недолго, а потом сразу озеро.

— А как быть с ним? — спросил Кормик с искренним беспокойством, указывая на обожженного пленника, который был почти без сознания.

— Я возьму его, — пообещал Андрузис, затем подошел к монаху и положил руки ему на плечи. — Ты хороший человек, — сказал он просто.

Как раз это и нужно было услышать юноше, чтобы убедиться в правильности своих действий. Он мог жестоко поплатиться за свое неповиновение, но какое бы суровое наказание ни назначил отец де Гильб, оно не шло бы ни в какое сравнение с душевными муками, которые испытывал бы Кормик, если бы ничего не предпринял.

Через некоторое время он уже вышел из боковой комнаты. Сражение было в самом разгаре, и юноша надеялся, что шум и беспорядок, царившие вокруг, обеспечили ему необходимое прикрытие.

Он включился в битву и горячо молился о том, чтобы она оказалась последней.

Глава шестнадцатая КОМПРОМИСС

Его называли разными именами. Казалось, везде, где хоть раз блеснул его великолепный клинок, сразу же рождалось новое, например Танцующий меч, Коршун и всякие эпитеты в превосходной степени. Какое бы из них ни прозвучало, все понимали, о ком идет речь, потому что другого воина, обладающего таким мастерством, не существовало.

Но все разговоры в итоге сводились к одному имени — Разбойник. Так он любил представляться, и не один смельчак вздрагивал при мысли о том, что мог встретиться с ним где-нибудь на большой дороге южного Хонсе.

В этот день, верный себе, он, словно в танце, носился по полю боя, подпрыгивая и кружась в воздухе, повергая противников ударами ног и отмечая каждое приземление новой

смертью. Сегодня вражеское войско состояло исключительно из низкорослых голубокожих троллей, легко отличимых от людей. Разбойник, как маленький ураган, врывается в толпу сражающихся и убивал одного врага за другим, его движения были четкими и верными.

Вот человек и тролль сцепились насмерть. Молниеносный, сильный, точный удар — и тролль, вскрикнув, падает на землю. Его убийца уже далеко, спешит к распростертому на земле воину, которого одолевают два тролля, а он отчаянно и безуспешно пытается увернуться от их копий.

Разбойник прыгнул между ними и на лету одновременно пнул обоих троллей в голову. Опешив, они отшатнулись в разные стороны, один повалился на землю, другой чудом устоял на ногах. Он-то и умер первым.

Разбойник направился к упавшему противнику. Тот, узнав его по черной маске и костюму, заголосил и вскинул лапы в жалкой попытке защититься.

Чувствуя, что еще одна тварь вскочила ему на спину, Разбойник высоко подпрыгнул, перебросил меч из правой руки в левую, улучил момент и вонзил богато украшенный клинок ей в грудь. В этот же момент он хлестким ударом ноги с разворота отшвырнул в сторону тролля, лежавшего на земле. В следующую секунду Разбойник, отступив на шаг, вернул меч в правую руку, но лезвием в обратном направлении, резко повернулся и полоснул по груди одного из своих преследователей.

Второй тролль отпрянул и побежал прочь. Человек в черной маске перехватил меч, мощным ударом левой руки добил врага, истекающего кровью, и бросился за ним. Тролль закрылся щитом и своим коротким клинком, но разве они могли противостоять острому как бритва оружию Разбойника? Осколок щита вместе с отрубленной голубоватой лапой отлетел в сторону, короткий меч упал на землю, следом покатилась и голова тролля.

Воин по прозвищу Разбойник остановился и перевел дух. На поле оставалось десятка два троллей, сохранивших строй. Они шли в дальнем конце поля плотным клином.

Глаза под черной маской сузились. Разбойник с воплем бросился в атаку.

Он кричал до тех пор, пока враги его не заметили. Гарибонд махнул мечом, отразил летевшее в него копьё. Еще одно он поймал свободной рукой и швырнул на землю. Не останавливаясь, повернулся боком и откинулся назад, чтобы его не задело третье, присел, перекувырнулся, пропуская над собой четвертое копьё, затем моментально вскочил и перепрыгнул через пятое.

Тролли видели, что он приближается, и принялись забрасывать его градом камней.

В крике Разбойника звучали гнев и веселая ярость. Уворачиваясь, наклоняясь, дико размахивая мечом и свободной рукой, он вышел из жуткой переделки без единой царапины.

Строй, казавшийся столь внушительным еще несколько секунд назад, дрогнул. Тролли пустились наутек от этого безумца с множеством имен, каждое из которых внушало ужас.

Засверкал великолепный клинок. Голубокожие существа падали мертвыми одно за другим. Разбойник уложил четверых, а всех остальных долго преследовал, пока не прогнал с поля совсем.

Он был зол оттого, что находился здесь, в разлуке с любимой, что попался на удочку. Но отрицать упоение этой яростной битвой с непримиримым врагом Брансен не мог.

Вся злость, безумная ярость разлилась по жилам, делая его сильнее и быстрее. Он жаждал все новой и новой крови троллей.

— Хорошо, что вы заманили его сюда, — заметил брат Джонд Дамолни Доусону Маккиджу, наблюдая, как Брансен словно в танце преследует убегающих троллей.

С этими словами монах опустился на колени перед раненым вангардским воином, закатал его тунику и осмотрел зиявшую в груди рану, из которой хлестала кровь. Зрелище было столь ужасным, что Джонд тяжело вздохнул, прежде чем взяться за гематит, энергия которого позволила бы остановить кровотечение.

— Ему это на пользу так же, как и нам, — отозвался Маккидж с ноткой оправдания в голосе. — Иначе ваш орден выдал бы его владыке Делавалу, и беднягу кинули бы в мешок

со змеями.

Брат Джонд прервал начатую молитву, но, увидев, что кровь не остановилась, продолжил исцеление. Уже через секунду лечение подействовало, и Джонд облегченно вздохнул. Теперь раненый был вне опасности.

Монах сел на пятки и уронил окровавленные руки на бедра.

— Думаете, его казнили бы? — спросил он Маккиджа, радуясь возможности поговорить и отвлечься, необходимость которой была очевидна им обоим. — Делавал никогда не убил бы такого мастера владения клинком! Могу поспорить, он поскорее отправил бы его на юг сражаться с Этельбертом.

— Говорят, Разбойник немало досадил принцу Иеслнику, любимому племяннику Делавала. Так что, попади он в руки владыки, ему не дали бы шанса показать свое мастерство. Да и сам Брансен вряд ли сражался бы за Делавала. У него была стычка с владыкой Прайда. Ходят слухи даже об убийстве.

— Он убил самого правителя?

— Нет, его сына, Прайди. А что, вы с ними знакомы?

— Знаю, точнее, знал отца, — объяснил брат Джонд.

— И?..

— Допускаю, что по заслугам, — добавил монах, усмехнувшись. — Если сын был похож на отца.

Доусон Маккидж рассмеялся, ибо трудно было не согласиться с Джондом. По его мнению, почти все хонсейские правители совершенно не соответствовали своим титулам, полученным по наследству. Лишь обожаемая дама Гвидра была очевидным исключением из общего правила, и за это он ценил ее еще больше.

— А вот и наш победитель, — объявил абелиец, указывая на вернувшегося Брансена. — Боюсь, чтобы смыть кровь с его клинка, потребуется вся вода великой реки Мазур Делавал.

— С каждым сражением крови на нем все больше, — согласился Доусон.

— Хитроумному Доусону десятикратное «ура!», — сказал брат Джонд.

Брансен хотел подойти к монаху, но, заметив своего обманщика, направился в другую сторону. Лицо его стало суровым.

— Воину, вернувшемуся с битвы, полагается отчитаться перед командиром, — напомнил Маккидж.

Брансен остановился и некоторое время не двигался с места, пытаясь взять себя в руки.

— Вообще-то это приказ, — заметил Доусон.

— Твари бежали в полном смятении, — отрапортовал молодой человек, медленно повернулся и взглянул на военачальника. — В ближайшее время они сюда не сунутся.

— Вот и славно, — мягко вмешался Джонд, чтобы немного разрядить обстановку. — Я и мои братья трудимся на пределе магических сил. Еще одна атака, и, боюсь, раненые не смогли бы получить надлежащее лечение.

— Интересно, — послышался женский голос.

Все трое обернулись и ахнули. Перед ними на чалой кобыле сидела дама Гвидра.

— А я слышала, что брат Джонд сумеет отдать последние силы, если перед ним будет лежать беспомощный раненый.

— Миледи! — удивился Доусон, неловко вскакивая на ноги. — Когда вы прибыли на поле боя?

— Вольно, друг мой, — махнула рукой она.

— Вы очень добры, леди Гвидра, — потупив взор, ответил брат Джонд.

— Так говорят, дорогой брат, — отозвалась дама. — Я ничего не придумала. Ваша репутация превзошла вашу скромность. Весь Вангард благодарит бога за то, что вы с нами.

Несмотря на свое искреннее смирение, брат Джонд не мог не улыбнуться в ответ на ее слова.

— А вы?.. — обратилась Гвидра к Брансену. — Танцующий Меч, не так ли?

— Это не мое имя.

— Это Брансен Гарибонд, — поспешил вставить Доусон, бросая гневный взгляд на дерзкого юного воина. — Хотя, возможно, ему больше нравится называться Разбойником. Под этим именем он совершал свои преступления на юге. Оно привело бы его на виселицу или в мешок со змеями.

— Это имя подойдет, — улыбнулся Брансен, желая подкусить вангардца.

— Ваши подвиги не остались незамеченными, Брансен, — произнесла Гвидра. — Если вы решите уехать из Вангарда, когда все закончится, обещаю, что вы получите от меня благодарственную грамоту и помилование. Хотя не знаю, будет ли она что-то значить для правителей юга.

— А что тут решать? — насмешливо спросил Брансен. — Какой узник добровольно останется в своей тюрьме?

— Побольше уважения! — предостерег Доусон, но Гвидра жестом приказала ему не вмешиваться.

— Вангард не тюрьма, Брансен Гарибонд, — отвечала она. — Это дом для многих добрых людей. Конечно, вы вправе думать так, как вам угодно, хотя больше я никому такого не позволяю.

— Пока что я обязан сражаться за Вангард независимо от моих чувств.

— Не только за мою страну, но и за себя, — возразила дама Гвидра. — Ради свободы, какой бы она ни была, ради молодой и красивой жены, которая не заслужила того, чтобы ее мужа бросили в мешок с ядовитыми змеями. Мне безразлично, за что вы сражаетесь, но я настаиваю, чтобы вы воевали и дальше. Вы можете не видеть добра, которое несет ваш острый клинок, но мы его замечаем. Вы можете не вспоминать о семьях, получивших шанс жить в мире и безопасности благодаря вам, но мы думаем о них.

Она развернула лошадь и отъехала прочь.

Доусон поглядел на Брансена и жалостливо улыбнулся.

— Когда-нибудь с вас сойдет эта напускная бравада, — пообещал он, покачивая головой. — Вы поймете, как все обстояло на самом деле и что за человек дама Гвидра. И вам станет стыдно за то, что вы так с ней разговаривали.

Сказав это, Маккидж тоже удалился. Брансен смотрел ему вслед, не мигая, словно буравя глазами.

— Вы блестяще дрались сегодня, — сказал ему брат Джонд. — А я уж думал, что оборона прорвана и спасаться бегством придется нам.

Молодой человек перевел взгляд на монаха. Несмотря на гнев и плохое отношение к абелийцам, Брансен не мог ненавидеть Джонда.

— Может быть, вас не волнует, кто за что сражается в этой войне, — продолжал монах. — И уж конечно, вам все равно, победит дама Гвидра или проиграет. Но если бы нам сегодня пришлось бежать, этот человек умер бы от ран, — добавил он, глядя на воина, лежавшего перед ним. — Его жена, мало чем отличная от вашей, вечно скорбела бы о нем.

— Даме Гвидре безразлично, за что я сражаюсь, — ответил Брансен, не позволяя себе смягчиться. — А вам разве нет?

— Даме Гвидре, по-видимому, приходится беспокоиться о вещах более серьезных, чем сердце и душа какого-то одного человека.

— А брату Джонду не приходится?

— Мои победы, конечно, не столь велики, — пожал плечами абелиец. — Но от этого они не становятся менее важными и приносят не меньше удовлетворения.

Брансен снова хотел съязвить, но передумал, махнул рукой в знак поражения и отошел.

Брат Джонд смотрел ему вслед с понимающей улыбкой, вспоминая, как после предыдущих сражений Брансен помогал монахам лечить раненых, причем преуспел в этом не меньше, чем в боевом искусстве. Тогда Джонд разглядел в нем не только воина, Танцующего Меча или, как его еще называли, Разбойника. Он понял, что у этого человека доброе сердце, и верил в то, что в конце концов доброта одержит верх над обуревавшим его

гневом.

В этот вечер Брансен и Джонд снова плечом к плечу трудились над ранеными.

— Вы их ненавидите, — заметил абелиец.

— Кого — их?

— Хотя бы Маккиджа и даму Гвидру, — пояснил Джонд. — А еще моих братьев с юга. Вы так молоды и уже здорово обозлены.

Брансен с интересом посмотрел на монаха. Было странно слышать это «так молоды» от человека, совсем немногим старше него.

— Я вовсе не так зол, как вы думаете.

— Рад это слышать, — искренне улыбнулся Джонд.

— Но мне довелось видеть слишком много несчастья и несправедливости, — добавил Брансен.

Он замолчал и, склонившись над тяжело раненной женщиной, положил ладонь ей на живот и закрыл глаза. Руке стало горячо, а женщина тихо застонала. Его усилия давали некоторый эффект, но Брансен не был уверен, что сможет вылечить страдальцу, внутренности которой были порваны вражеским копьем.

Через пару минут он откинулся назад, открыл глаза и заметил пристальный взгляд брата Джонда.

— Как вы это делаете? — спросил монах. — У вас нет самоцветов, но я вижу, что вы исцеляете раны не хуже опытного абелийца, вооруженного душевным камнем.

— Моя мать была Джеста Ту, — ответил Брансен. — Вы знаете, что это значит? — поинтересовался он, видя, как поморщился Джонд.

Монах покачал головой.

— Другого я и не ожидал, — усмехнулся Гарибонд.

— Джеста Ту... Это религия?

— Это образ жизни, философия. Религия? Да. Я было понадеялся, что у абелийцев нет причин ее ненавидеть, раз она не из Хонсе, а из Бехрена, но они думают иначе. Действительно, зачем делить с кем-то контроль над людьми?

— Вашему сарказму нет предела.

— К вам он не относится, — с улыбкой заметил Брансен, и брат Джонд рассмеялся в ответ.

— Я знаю, что вас заманили сюда обманом, — сказал монах, когда они уже заканчивали лечить пострадавших. — Но все равно рад, что вы здесь. Да и они довольны, — добавил он, махнув рукой в сторону лежавших в ряд раненых.

У Брансена уже вертелся на языке колкий ответ, но вокруг было столько страдания, что он решил промолчать.

— Я тоже. — Дама Гвидра, стоявшая позади них, уже второй раз за день вмешалась в их беседу.

Брансен молча смотрел на нее и ничего не отвечал.

— Снова приветствую вас, леди Гвидра, — обратился к ней Джонд. — Ваше присутствие, без сомнения, поднимет дух этим бедным раненым воинам.

— Конечно, — пообещала дама. — Но прежде я бы хотела поговорить с вашим напарником.

Она взглянула на Брансена и жестом велела ему выйти вместе с ней из палатки.

— Ваш гнев можно понять, — сказала Гвидра, когда они шли по лагерю под моросящим дождем.

— Слава богу, теперь я буду спать спокойно, — ответил он, находя некоторое утешение в том, что может так небрежно и нахально разговаривать с могущественной правительницей.

Но Гвидра и бровью не повела, намекая, что заслужила такое обращение, или, по крайней мере, понимает его причины. Брансен не успел порадоваться маленькой победе, как тут же стал ругать себя за ребячество.

— Сегодня ветер дует уже по-зимнему, — заметила она. — Боюсь, скоро ударят морозы. Враг не отступит — ледниковые тролли вообще не чувствуют холода. А вот моим воинам будет трудно.

— Думаю, вас это мало заботит, — сказал Брансен. На сей раз вангардская правительница взглянула на него с негодованием. — Вы переживаете лишь за то, как это отразится на их способности драться.

— Вы понимаете, зачем Доусон привез вас сюда? — спокойно спросила дама Гвидра.

— Я понимаю, что меня предали.

— Ради вашего же блага.

— И вашего, — не уступал Брансен.

Они посмотрели друг на друга.

— Хорошо, я признаю это, — ответила Гвидра. — Когда Доусон отплыл из Пирета, я не знала ни о Брансене Гарибонде, ни о Разбойнике, ни о том, как Маккиджу удастся заманить вас сюда, но готова открыто признать, что одобряю его действия и их результат.

— И вы это говорите, стоя здесь, один на один со мной?

— Открыто признаю, — повторила она и засмеялась. — Я уже изучила Брансена достаточно, чтобы понять, что он не убийца.

— Стало быть, мой гнев оправдан.

— Оправдан — не значит уместен, — заявила дама Гвидра. — Я заметила, что вы подружились с братом Джондом и другими абелийцами.

Брансен пожал плечами.

— Если бы я сейчас даровала вам свободу и не попросила бы взамен помощи, вы бы уехали? — спросила она. — Забрали бы жену, ее мать и покинули Вангард?

— Без колебаний, — ответил Брансен, стараясь придать тону как можно больше убедительности.

— В самом деле? — допытывалась дама. — Бросили бы брата Джонда и остальных? Позволили бы полчищам троллей наводнить Вангард, убивать невинных мужчин, женщин и детей?

— Это не моя война! — возразил Брансен, но уже не так убедительно.

— Теперь ваша.

— Обманным путем!

Гвидра подняла руку, призывая возбужденного собеседника замолчать.

— Воля ваша, — сдалась она.

— Вы отпускаете меня?

— Нет, я не могу, даже если бы захотела. Ради вас и всех своих воинов я настаиваю на том, чтобы вы остались, — сказала Гвидра. — Слишком многое поставлено на карту.

— Доусон Маккидж гордился бы вами, — заметил Брансен с безжалостным сарказмом.

— Я хочу, чтобы до зимы война закончилась, — продолжала Гвидра. — Холод на руку врагам.

— Так закончите ее.

— Я планирую собрать из лучших воинов команду, которая бы проникла в тыл противника и, что называется, обезглавила чудовище. Полчища монстров подчиняются исключительно злой воле старца Беддена, самого мерзкого самхаиста.

— Говорить что-то излишне. Я уже успел понять, что он такое.

— Действительно, — согласилась дама Гвидра. — А что вы скажете насчет моих соображений?

— Стало быть, вы просите меня войти в эту команду?

— Я вам это поручаю.

Брансен остановился. Гвидра не торопила его, давая возможность подумать над своими словами.

— А где это? Сколько времени займет путь? — спросил он.

— Где-то на севере, — отвечала она. — Если враг не пронюхает, то две с лишним

недели пути.

— Если я соглашаюсь и убиваю это чудовище, старца Беддена, то получаю свободу, — потребовал Гарибонд. — Даже если после этого война не закончится, вопреки вашим надеждам. Да, свободу, а также ваше благословение и разрешение беспрепятственно вернуться в южный Хонсе. Вы обеспечиваете судно, которое доставит домой меня и мою семью.

— Вы не в том положении, чтобы торговаться.

— Тем не менее. Если убийство старца Беддена не положит конец войне, я все равно желаю получить свободу.

— Вы же сами никуда не уедете, — ответила Гвидра.

— Если вы в этом так уверены, то ничем не рискуете.

— Согласна, — кивнула она. — Принесите мне голову Беддена, и я прикажу Доусону Маккиджу отвезти вас обратно в часовню Абеля и дам вам письменное прощение прошлых прегрешений. Но не гарантирую, что этот документ будет что-то значить для правителей южного Хонсе и абелийской церкви.

— Об этом не беспокойтесь.

Дама Гвидра внимательно смотрела на Брансена, пока завязывала на шее плащ, затем слегка кивнула на прощание и пошла прочь.

Молодой человек долго провожал ее глазами, размышляя о том, что теперь у него, по крайней мере, появилась цель, место, куда он отправится, чтобы как можно скорее покончить со своей вынужденной службой.

Ему даже в голову не пришло, что старец Бедден окажется самым страшным врагом из всех, когда-либо встречавшихся на его пути.

Глава семнадцатая ПЛАТА ЗА СОВЕСТЛИВОСТЬ

Нападение удалось отразить, но в этот раз без раненых не обошлось. Несколько монахов серьезно пострадали, один был при смерти. Альпинадорцам пришлось еще тяжелее: многих уносили с поля соплеменники.

— Глупцы! — гремел отец де Гильб, потрясая кулаком вслед отходившей толпе варваров.

Стоявшие тут же монахи не смели открыть рот. Никогда еще им не приходилось видеть настоятеля в таком замешательстве.

— Хочешь, чтобы мы вас всех поубивали, дурак Тейдру? Если ты заботаешься о своем народе, зачем бросаешь его на съедение голодным волкам?

К этому моменту почти все варвары уже вернулись в свой лагерь, разбитый на пляже. Де Гильб вопил во все горло, но было ясно, что его слов им уже не разобрать.

Однако епископ продолжал разглагольствовать еще некоторое время, в основном

критикуя Тейдру, потом наконец повернулся к братьям.

— Идиоты! — буркнул он.

Несколько монахов закивали.

— Им не прорваться за наши стены, — прошептал один, повторяя главный тезис святого отца.

Де Гильб тяжело вздохнул и прислонился к каменному парапету, позволяя себе немного расслабиться после битвы.

— Будем работать с гематитом всю ночь, — обратился он к Джавно. — Составьте посменный график и позаботьтесь, чтобы раненым был обеспечен круглосуточный уход.

— Конечно, — отозвался тот и почтительно поклонился.

— Если эти глупцы сегодня нападут снова, то не тратьте магические силы, отгоняйте их камнями и горячей водой, — приказал де Гильб всем. — Нам надо беречь энергию, чтобы исцелить раненых.

Сказав это, настоятель направился к лестнице, ведущей во двор, и уже начал спускаться, когда с главной сторожевой башни донеслось:

— Они снимают лагерь!

Отец де Гильб помедлил, вместе с остальными глядя вверх, на кричавшего монаха. Затем все бросились обратно к парапету.

Как и сообщил дозорный, варвары в лагере были заняты тем, что убирали палатки.

— Куда они уносят свои вещи? — крикнул отец де Гильб монаху, торчавшему на башне.

— На корабли! — радостно завопил тот в ответ. — Они собираются уплыть!

Некоторое время де Гильб наблюдал за суетой, царившей на пляже.

— Ну что, сломали мы наконец их волю? — спросил он тихо.

Монахи дружно забубнили что-то в знак согласия.

Вскоре все братья острова Часовни, за исключением тех, кто был занят лечением раненых, столпились на самой высокой южной зубчатой стене и с надеждой смотрели на берег. Не прошло и часа, как кончилась битва, а на альпинадорских кораблях уже поднялись первые паруса. Весла опустились в теплые воды Митранидуна. Часовня взорвалась радостными криками.

— Возможно, они не так уж глупы, как мы думали, — сказал отец де Гильб брату Джавно.

Они улыбнулись друг другу, будто только что прошли тяжелое испытание.

Но радость победы померкла, когда в кабинет отца де Гильба, задышавшись, ворвался молодой монах.

— Их нет! — пробормотал он.

— Кого? — успел уточнить брат Джавно прежде настоятеля.

— Варваров! — объяснил молодой человек.

— Да, мы видели, как они снимаются с лагеря, — ответил Джавно.

— Нет, — возразил монах, запинаясь и с трудом переводя дыхание. — Я говорю о тех, которые были в нашем подземелье. Они ушли!

— Как?.. — на сей раз не понял отец де Гильб.

— Вниз по туннелю. Дверь в пещеру была открыта, а сетка отодвинута, — рассказывал молодой монах. — Они уплыли, я уверен.

Де Гильб и Джавно озабоченно переглянулись.

— Теперь понятно, почему наши враги погрузились на суда, — сказал брат Джавно.

Отец де Гильб уже покинул кабинет и спустился по лестнице.

Когда они вышли из сторожевой башни и направились к пристройке, Джавно заметил Кормика и жестом велел ему идти с ними.

— Это моя вина, — неожиданно произнес юноша, увидев опустевшее подземелье.

Все обернулись на него.

— Я должен был разгадать их уловку, — на ходу сочинял он. — Их отказ от еды.

— Что ты знаешь об этом? — потребовал ответа Джавно.

— Это было колдовство. Разве вы не понимаете? — спросил Кормик. — Они не ели, якобы в знак протеста, хотели уморить себя голодом, лишь бы не принять нашу веру. На самом деле их цель была иной. Дикари хотели исхудать до такой степени, чтобы шаман, приказавший им это, или кто-то другой мог освободиться от пут и развязать остальных. Ох, надо было догадаться!

— Что за чушь! — воскликнул Джавно.

— Пусть продолжает, — велел отец де Гильб.

— Их магия связана с силами природы, — попытался объяснить Кормик, хватаясь за голову. — Возможно, даже вполне вероятно, что они устроили это голодание лишь для того, чтобы их шаман при помощи заклинаний мог сделать запястья и кисти рук еще тоньше.

— Но я туго связывал их, — возразил молодой монах.

— Это было несколько дней назад, — напомнил Кормик. — Пленники тогда были намного тяжелее.

— Никто этого не знает, — заметил Джавно.

— Согласен, — кивнул Кормик. — Но ведь как-то им удалось выскользнуть! Теперь все обретает смысл: их голодание, самоуверенность, непокорность. Когда мы только столкнулись с этим народом, еще до того, как между нами пролегла стена непримиримой вражды, я многое узнал об их обычаях. Их магия связана с природой. Шаманы знают, как заставить своих воинов казаться выше, чтобы вселить страх в сердце врага. Говорят, их величайшие маги могут принимать вид животного, почти как легендарные самхаисты.

— Значит, ты считаешь, что их отказ от еды был частью плана? — спросил отец де Гильб.

В его тоне явственно слышалось недоверие, сквозившее и в хмуром взоре Джавно, который внимательно наблюдал за Кормиком из угла маленькой темницы, вслушиваясь в каждое его слово.

— Исходя из того, что я знаю об их магии, это похоже на правду, — ответил юноша, прекрасно понимавший, что обратной дороги нет. — Почему я не разгадал их хитрость!

Он сокрушенно покачал головой и поспешил отойти в сторону, пока новые вопросы не наделали в его версии еще больше дыр.

— Возможно, ты прав, — коротко заметил отец де Гильб, и Кормик облегченно вздохнул. — Пусть они и хитры, но все равно дураки, — хмыкнул настоятель и повернулся к двум молодым монахам. — Обыщите башню, туннели и прочие строения, — приказал он. — Скорее всего, они удрали. Этим и объясняется отъезд наших упрямых врагов. Но если дикари здесь, то найдите их немедленно!

Монахи бросились выполнять поручение, забрав Кормика с собой.

— И закрепите решетку как следует, — крикнул отец де Гильб вслед их удаляющимся шагам. — Брат Кормик считает, что разгадал загадку, — обратился он к Джавно, когда они остались одни.

— Может быть, — ответил Джавно, обходя кругом деревянную стену, к которой привязывали узников. — Хотя если шаман освободился, уменьшив себе кисти рук, то почему же все веревки перерезаны?

Отец де Гильб равнодушно пожал плечами, как будто этот факт ничего не значил. Пленники сбежали, варвары с Йоссунфира покинули остров Часовни, положив конец тяжелому испытанию. Теперь епископу стало безразлично, прав Кормик или нет. Удрученный де Гильб махнул рукой и вышел из подземелья.

Брат Джавно прекрасно понимал его состояние. За что они в конечном счете боролись? За души четырех человек, которые у них отобрали. Альпинадорцы добились своего магией, простым упрством или же...

Подумав о перерезанных веревках, о странном объяснении брата Кормика, которое его никто не просил давать, Джавно тихонько улыбнулся.

— Как я могла в тебе усомниться! — прошептала Милкейла, задыхаясь в объятиях Кормика, когда они стояли на песчаной отмели под сверкающим звездным небом.

— Давай не будем об этом, — попросил ее он.

— Андрузис уже сочинил песню в твою честь.

— Прошу тебя. — Кормик приложил палец к ее губам. — Я хочу поскорее забыть об этих сражениях, об осаде, обо всем.

— Тебе было больно узнать, каковы на самом деле твои собратья, и предать их.

— Еще я увидел, что твой народ не менее упрям.

— Мы не держали людей против их воли, — напомнила юноше Милкейла, отстранившись и строго взглянув на него. — Не вторгались на ваши земли, требуя принять нашу веру.

Кормик попытался успокоить ее поцелуем, но девушка отвернулась.

— Я знаю. Да и ты понимаешь, что я чувствую по этому поводу, — сказал он.

Милкейла начала было спорить, но он не дал ей сказать ни слова.

— Разве ты забыла, что я только что сделал?

— Конечно нет!

— Тогда поцелуй меня! — игриво попросил Кормик, стараясь перевести разговор на другую тему.

Милкейла поняла это и улыбнулась. Она прильнула к нему губами и позволила увлечь себя на песок. Когда они раздевались, Кормик протянул ей ожерелье из самоцветов, и девушка послушно надела его.

Брат Джавно сидел в маленькой лодке посреди озера и слышал их любовные ласки так же хорошо, как перед тем разговор, поражаясь, насколько же далеко в ясную ночь передаются по воде все звуки.

Он не удивился, узнав, что предателем оказался Кормик, но это его задело до глубины души. Молодой, красивый, талантливый и полный огня, сильный в бою и в магии самоцветов, как он мог не понимать миссии каждого абелийца в канун столетия их религии? Кормик выбрал путь компромисса, столь опасный в мире, где полно врагов, для которых подобные уступки выглядят лишь притворством жаждущих господства монахов.

Абелийцы вели в эти годы тяжелую борьбу с самхаистами, которые не собирались отказываться от своих древних и жестоких заветов. Если бы не они, то орден мог бы закрыть глаза на чрезмерную терпимость Кормика к остальным, даже к поври. Но не сейчас. Весь Хонсе был охвачен жестокой борьбой за власть. Один владыка против другого, абелийцы против самхаистов. Никто не имел права оставаться в стороне. Нейтралитет, как и терпимость по отношению к варварам, отказавшимся узреть прелесть блаженного Абея, были невозможны.

Брат Джавно всегда любил Кормика, но слышать, как юноша милуется с варварской шаманкой, было выше его сил.

Нос лодки мягко зашуршал по песку. Кормик вылез из нее и аккуратно втащил на берег. Рядом вверх дном лежал еще один челнок. Здесь же отдыхали двое монахов, в чьи обязанности входило следить за тем, чтобы лодки хранились надлежащим образом.

Завидев Кормика, они поспешили ему на помощь.

— Отец де Гильб хотел поговорить с тобой, — сообщил юноше один из братьев. — Как улов?

Кормик достал из лодки пару форелей, которые дала ему Милкейла, как и всегда, когда они встречались на песчаной отмели.

— Когда ты один рыбачишь, лучше получается, — заметил второй монах. — Пожалуй, надо отправлять тебя на озеро каждый день!

Кормик улыбнулся, кивнул и подумал о том, что встречаться с Милкейлой в их тайном месте каждый день — не такая уж и плохая мысль. Никто на пляже даже представить себе не

мог, какими пророческими окажутся эти слова.

Юноша легко добежал от пляжа до часовни. Казалось, весь остров вздохнул с облегчением, как будто над ним наконец рассеялись бесконечные тучи. Трехнедельная осада очень измотала монахов, но, несмотря на волнения из-за побега пленников, гибель четверых братьев и серьезные ранения некоторых других, жизнь довольно быстро вошла в прежнее русло.

Кормик обратил внимание, что работа над укреплением стен не кипела так со времен их постройки. Истинное рвение, с которым монахи взялись за труды, говорило о том, что они заново осознали свою цель. Наконец-то настала необходимость заняться чем-то более значительным, чем ежедневная забота о простом выживании. Они построили часовню для защиты и в знак торжества блаженного Абеля. Теперь это были не просто слова. Сегодня братья знали, что сделано удачно, а что нет. Уже было нарисовано множество проектов укрепления и модернизации стен, которые позволят в будущем отражать любую атаку. Параллельно придумывались декоративные элементы, знаки гордости и благодарности их покровителю.

— Цель, — прошептал Кормик, пересекая двор.

Ему вдруг подумалось, не в этом ли желании найти в жизни цель, только немного извращенном, кроется причина бесконечных войн между народами и расами, населяющими Митранидун? Не будь врагов, каков был бы смысл их жизни?

Такому доброму человеку, как он, подобная мысль казалась весьма пугающей, поэтому юноша отогнал ее прочь.

Когда Кормик вошел в кабинет отца де Гильба, брат Джавно посмотрел на него так пронзительно, что он невольно вспомнил о второй перевернутой лодке, которая, по видимости, причалила немногим раньше его самого.

— Св... святой отец, — начал, заикаясь, Кормик, не в силах отвести взгляд от Джавно. — Вы хотели меня видеть?

— Где ты был? — спросил настоятель голосом, полным разочарования.

Кормик посмотрел на отца де Гильба и немного помедлил с ответом, пытаясь собраться с мыслями и понять, что все это значит.

— На рыбалке, — наконец ответил он. — Я часто рыбачу, с благословения брата Джавно. Сегодня поймал двух крупных...

— Ты рыбачил с лодки или с другого острова?

— С лодки, конечно.

— Тогда что ты делал на острове? — спросил отец де Гильб. — Ведь ты был там, встречался с варваркой?

— Святой отец, я... — Ошеломленный Кормик покачал головой.

В этот раз де Гильб не стал его прерывать, но юноша и сам не мог найти ответ. Он лишь заикался.

— Это ты их освободил, — заключил отец де Гильб. — В пылу сражения ускользнул, спустился в туннель и освободил пленников.

— Нет, святой отец.

Вздых де Гильба ранил молодого монаха до глубины души.

— Не усугубляй своего положения ложью. — Настоятель снова вздохнул и добавил: — Кормик.

— Четыре души, предназначенные блаженному Абелью, отпущены, чтобы вернуться на языческий путь, за который будут вечно прокляты, — резко вмешался брат Джавно. — Интересно, как ты собираешься справиться с угрызениями совести?

— Нет, — покачал головой Кормик. — Мы думали, что они не едят в знак протеста, а это была хитрость. Или...

— Брат Джавно следил за тобой на озере, Кормик, — прервал его отец де Гильб, опять опустив слово «брат», что очень задело молодого монаха. — Он слышал, как ты встречался с женщиной, все, от первого до последнего слова. Если твою похоть можно простить и

искупить — братья нередко поддаются подобным соблазнам, — то твой поступок, предшествовавший ей, — совсем другое дело.

Кормик тупо смотрел на настоятеля и чувствовал себя абсолютно беспомощным. Вспомнив весь разговор с Милкейлой, он понял, что Джавно услышал более чем достаточно, чтобы рассеять любые сомнения и свести на нет все его попытки оправдаться. Он стоял перед дрожащим от гнева отцом де Гильбом и чувствовал себя пустым сосудом, но не желал, чтобы его наполнили этим ядом.

— Как ты мог предать нас? — грозно спросил де Гильб. — Защищая это сокровище, души четырех альпинадорцев, гибли люди. Умерли четыре твоих собрата, пятый скоро последует за ними! Что ты скажешь их семьям, родителям? Как объяснишь, что они погибли зря?

— Чересчур много было смертей, — ответил Кормик почти шепотом, но в комнате стояла такая тишина, что его слышали все. — Слишком многим еще предстояло умереть.

— Мы должны были удержать варваров! — настаивал брат Джавно.

— Тогда мы убили бы их всех, — возразил Кормик. — И в этом, уж конечно, нет ничего святого. Блаженный Абель...

Не успело это имя соскочить с его уст, как из руки отца де Гильба вырвался разряд молнии и отбросил юношу к противоположной стене. Он со всей силы врезался в дверной косяк и повалился на пол, ничего не понимая и корчась от боли.

— Разденьте его и привяжите во внутреннем дворе, — распорядился де Гильб.

Джавно жестом велел двум монахам поднять Кормика и выжидательно посмотрел на настоятеля, когда его унесли.

— Двадцать ударов плетью, — сказал де Гильб, но затем поправился: — Пятьдесят. С шипами.

— Это наверняка убьет его.

— Тогда пусть умрет. Такое предательство нельзя искупить. Не жалейте его и не халтурьте. Бейте, пока не устанете, затем передайте плетть самому сильному брату в часовне. Пятьдесят, никак не меньше! Если будет больше, я возражать не стану. Если он умрет на сорока, все равно доведите дело до конца.

Брат Джавно видел, как трудно дался отцу де Гильбу этот приказ, и глубоко ему сочувствовал. Это было неприятно и безрадостно, но совершенно необходимо. Глупец Кормик сделал выбор и предал своих братьев ради варваров, которые штурмовали часовню, пока он выручал их сородичей.

Такое не должно было остаться безнаказанным.

Джавно почтительно кивнул настоятелю и собрался уходить, но де Гильб остановил его.

— Выживет он или нет, положите его в самую маленькую лодку и отправьте в открытое озеро на съедение троллям, рыбам или стервятникам. Брат Кормик для нас уже умер.

Через два с небольшим часа полумертвого Кормика бесцеремонно бросили в самую плохонькую лодчонку, какую смогли найти на острове Часовни, и столкнули ее в воду.

— Он уже мертв? — спросил один из монахов, собравшихся на берегу.

— Какая разница? — ответил другой и с отвращением фыркнул, чем выразил всеобщий настрой.

Многие из них были друзьями Кормика, кто-то даже восхищался им. Но его неожиданное предательство ранило их в самое сердце. Никто из них не находил иного решения, кроме приговора, вынесенного отцом де Гильбом.

Некоторые, например брат Муркрис, погибли, защищая пленников и часовню. Никому в голову не приходило оспорить решение святого отца оставить у себя пленников и принять осаду, да и времени на это не было. Все их внимание сосредоточилось на простой необходимости выжить и отбить атаку врага, пусть даже не понимая, чего он хочет.

Умом некоторые могли бы понять и принять предательское поведение Кормика, но

сердцем они чувствовали, что он получил по заслугам.

— Если парень еще жив, то ненадолго, — заметил какой-то монах.

Джавно подошел к лодке и бросил на распростертого и окровавленного Кормика красный берет поври.

— Это шрам на сердце каждого брата на острове Часовни, — сказал он. — Толкните лодку, чтобы ее унесло течением в бухту, где его съедят дикие звери. Он уплывет, и мы навсегда забудем имя погибшего брата Кормика.

Джавно удалился с пляжа, остальные взялись за утлое суденышко и оттащили его на глубину. Один из монахов взял берет и нахлобучил его на голову Кормика.

— Кажется, впору, — пожал он плечами в ответ на недоуменные взгляды остальных.

Все засмеялись и хорошенько подтолкнули лодку, чтобы ее подхватил какой-нибудь из многочисленных потоков, рожденных горячими источниками.

— Если прибьет обратно, я отбуксирую его подальше, — вызвался кто-то. Но в этом не было необходимости.

Вскоре темный силуэт похоронной лодки Кормика исчез на фоне сверкающего золотом заката.

Глава восемнадцатая КОЗЫРЬ ДАМЫ ГВИДРЫ

Он ступал уверенным, решительным шагом, будто издеваясь над самим временем, ибо в свои семьдесят лет мог перегнуть любого юношу. Возраст иссушил его мощные мускулы, а кожа под лучами северного солнца слегка одрябла, но он оставался высоким и широкоплечим. Никто не сомневался в том, что огромный кулак Джеймстона Секуина способен превратить в блин лицо любого наглеца. Его длинные волосы сплошь поседели, в бороде кое-где еще виднелись черные пряди, но подлинным украшением лица были густые, пышные усы. На голове Джеймстон носил треугольную шляпу, которую придумал сам. Узкая и продолговатая, спереди она оканчивалась закругленным углом и была почти плоской в задней части. Справа Джеймстон прикрепил черное перо, которое свисало, повторяя контуры изделия.

Полвека тому назад, победив в одном из вангардских соревнований по стрельбе из лука, молодой Секуин вытерпел много насмешек по поводу своей необычной шляпы и, устав от них, придумал, будто угол спереди помогает ему лучше прицелиться. Не прошло и пары месяцев, как джеймстонка — такое название закрепилось за головным убором — вошла в обиход вангардских охотников, что окончательно убедило всех в правдивости этой прекрасной легенды.

Поговаривали, что он хотя бы наполовину альпинадорец, но, судя по длинному носу и выступающим надбровным дугам, предки Джеймстона жили на юго-восточном побережье Хонсе. Его глаза отливали зеленью, а улыбка, уже не такая ровная, как раньше, обезоруживала и заражала весельем всех окружающих, чего никак нельзя было ожидать от человека такого роста и с таким испепеляющим взглядом.

Сейчас он тоже улыбался от любопытства, спускаясь по склону с горы, чтобы лучше рассмотреть участников сражения, кипевшего внизу в лощине и весьма похожего на обычную схватку между троллями и гоблинами. Джеймстон подошел к краю выступа, пригляделся и заметил среди сражавшихся людей, по виду — вангардцев.

— Здесь? Так далеко на севере? — спросил он сам себя, что случилось частенько.

Первой его мыслью было немедленно вмешаться, потому что враг значительно превосходил числом горстку людей. Казалось, им грозит неминуемая гибель. Но, оценив обстановку и заметив, что на земле уже лежит дюжина поверженных гоблинов, Джеймстон понял, что помощь нужна скорее им.

Не спуская глаз с битвы, он снял с плеча лук и натянул тетиву. Тут его внимание привлек человек, с ног до головы одетый в черное. Он носился вдоль линии фронта, подпрыгивал, крутился, с равной легкостью рассекал тонким мечом воздух и попадавших на пути гоблинов, отмечая свою траекторию трупам врагов. Глядя на него, старый охотник одобрительно кивнул. Поодаль стоял абелийский монах, готовый в случае необходимости подлечить любого из соратников. Но Джеймстон был убежден в том, что человеку в черном вряд ли понадобится много целебной энергии.

Заметив второго грозного воина, точнее — воительницу, с которой пересекался одетый в черное мужчина, ринувшийся в дальний левый край их защитного построения, Джеймстон Секуин улыбнулся еще шире. Он узнал Вону пор Лолоне.

— Дикарка Ви, — прошептал он и рассмеялся в голос, наблюдая, как бесстрашно она бросилась в гущу гоблинов, в очередной раз подтверждая свое прозвище.

Джеймстон отправился искать более удобную точку обзора, то и дело проверяя натяжение тетивы на своем луке.

Вона так ловко управлялась с двумя железными топориками, как будто они были продолжением ее рук. Резким ударом левой она рассекла гоблина лоб, отчего его голова откинулась назад. Подкинув топор в воздух, Дикарка Ви вцепилась правой рукой в горло противнику. Когда тот, задыхаясь, покачнулся, она приблизила его морду к своему лицу, вытаращила глаза и страшно закричала. Затем женщина не глядя поймала оружие и с размаху всадила его твари в бок.

От боли гoblin согнулся пополам. Вона снова пустила в ход левый топор. Враг слабо пытался обороняться, но она с легкостью обошла его защиту. Дикарка выставила вперед ногу, сделала оборот вокруг своей оси и хлестким ударом слева достала гоблина в другой бок, симметрично первой ране. Затем она оставила противника, будто собираясь уйти, но тут же резко развернулась и осыпала его градом ударов с обеих сторон, превращая тупое существо в кучу навоза.

Ничуть не беспокоясь по поводу того, что она вся в крови противника, Дикарка Ви огляделась в поисках новой жертвы и даже сделала шаг в сторону очередного гоблина, как вдруг его откинула назад и пригвоздила к дереву необычная стрела с красными перьями.

Вона узнала оперение, просияла и снова издала дикий вопль. Только у одного человека в этих землях были такие стрелы. Это значило, что надо поторопиться, иначе он вместе с Разбойником скоро не оставит ей на растерзание ни одного врага! Дикарка поскорее бросилась в атаку.

Во время сражения Брансен изо всех сил старался не приближаться к свирепой Воне. Не то чтобы он ее недолюбливал, хотя частенько не знал, как себя вести с этой грубой, мужеподобной женщиной. Просто ее манера драться была такой непредсказуемой и неконтролируемой, что могла помешать его четко выверенному танцу.

Он предпочитал держаться вблизи брата Джонда, с которым успел подружиться, на таком расстоянии, чтобы тот мог при необходимости и подлечить его, и атаковать врагов магией самоцветов.

Еще двое членов ударного отряда, крепкий воин средних лет по имени Крейт и

рыжеволосый богатырь Олконна, не могли тягаться с Брансеном в ловкости, а с Воной — в свирепости, но довольно удачно сочетали в себе оба эти качества.

После того как Вона ворвалась в строй гоблинов и разогнала их в разные стороны, Брансен на некоторое время остался без дела. Он оглянулся на Крейта и Олконну, которые бок о бок сражались по другую сторону от брата Джонда.

Чтобы избежать удара справа, Крейт так сильно наклонился влево, что стал на первый взгляд отличной мишенью для копья. Но когда гоблин, попавшийся на эту уловку, бросился в атаку, на его пути оказался щит Олконны. Крейт обошел своего друга и вонзил короткий бронзовый меч прямо в грудь врага.

В следующую секунду старший воин уже откатился в сторону прямо перед Олконной, грозно ударяя мечом о щит. Отвлекающий маневр сработал. Очередной гоблин не успел заметить резкого выпада Олконны и упал замертво.

Брансен кивнул в знак восхищения тем, как слаженно дерется эта парочка. Они воевали вместе так долго, что уже успели сделать себе имя на северо-востоке, на побережье, где битвы случались реже, но были ничуть не менее жестокими.

Эта схватка приближалась к концу. В надежде расправиться хотя бы еще с одним монстром Брансен прикрыл Олконну с правого фланга и бросился вдогонку врагам, спасавшимся бегством. Положив двоих, он уже почти настиг третьего, как вдруг тот рухнул, пораженный стрелой с красным оперением. Брансен огляделся, но не увидел ни таинственного лучника, ни луков в руках друзей, которые все еще сражались в ложине шагах в двадцати позади него.

Перерезав гоблину горло, он перевернул его и вынул красиво сработанную стрелу. Когда команда собралась вместе, оказалось, что у брата Джонда есть точно такая же.

— Кажется, нам сегодня повезло, — заметила Вона.

Ее голос всегда звучал так, будто она едва удерживалась от истерического хохота.

— Это он? — благоговейно спросил Олконна.

— Да, таков опознавательный знак Джеймстона, — ответил Крейт.

— Джеймстона Секуина, знаменитого охотника, — пояснил брат Джонд, заметив озадаченное выражение на лице Брансена. — Он кочует между Вангардом и Альпинадором. Говорят, никто лучше его не знает здешних мест. Если он действительно здесь, то это большая удача.

— Самое бессовестное преуменьшение, которое я в жизни слышала! — вмешалась Вона.

Ее тон говорил о том, что появление Секуина она расценивает как дар небес, не меньше.

— Смотрите! Это он! — вдруг закричала она, указывая на маленький луг, и запрыгала, словно девчонка.

От радости воительница чуть не потеряла сознание, что показалось Брансену даже смешным на фоне ее перевозбуждения.

— Это все из-за него? — захихикал Олконна.

Из-за чуть длинноватых ног походка приближавшегося к ним человека выглядела очень решительной и волевой. Его обветренное, испещренное морщинами лицо выражало силу и приверженность здравому смыслу. По выдающемуся подбородку Брансен понял, что Джеймстон Секуин не из тех, кто бросает слова на ветер.

— Так далеко забрались на север от владений дамы Гвидры, а на самхаистов не похожи, — подойдя, сказал Джеймстон. — Особенно вы, — добавил он, указывая седой бородой на брата Джонда.

— Это уж точно, — кивнул монах.

Охотник пристально посмотрел на Брансена и как-то странно поморщился. Молодой человек почувствовал неловкость из-за своего черного шелкового костюма впервые с тех пор, как облачился в него.

— Мы не собирались искать здесь тебя, Джеймстон, но рады встрече, — прервала

молчание Вона.

Секуин испытующе посмотрел на нее, затем дружески подмигнул.

— Дикарка Ви, — улыбнулся он. — Сколько лет, сколько зим!

— Слишком много.

— А ты как, Крейт? — повернулся Джеймстон к старому воину.

— Неужели помнишь меня? — отозвался тот.

— Это не так трудно, — ответил охотник. — Сколько осталось в живых свидетелей наших славных боев?

— Двое? — поразмыслив, со смешком предположил Крейт.

— Возможно. — Джеймстон, подойдя к нему, пожал протянутую руку.

Таков был знак уважения, принятый между старыми воинами.

Абелиец откашлялся. Крейт спохватился и стал знакомить Секуина с соратниками, но успел назвать лишь Олконну. Вона перебила его и сама представила брата Джонда с Брансеном.

— Вы заблудились? — спросил Джеймстон.

— Мы здесь по делу, — поправила Вона. — На юге бушует война. Люди гибнут целыми селами.

— Я видел отряды Беддена, целые орды, — мрачно кивнул Секуин.

— Безнравственность самхаистов не знает границ, — вставил брат Джонд, но тут же замолчал, заметив ухмылку старого охотника, которая красноречиво говорила о его презрении к бесконечной борьбе как абелийцев, так и самхаистов за каждую человеческую душу.

— Вы разведчики? — предположил Джеймстон.

— Отчасти, — ответила Вона.

Брат Джонд снова кашлянул, предостерегая от излишней откровенности, но женщина лишь насмешливо посмотрела на монаха. Ведь перед ними стоял не кто-нибудь, а Джеймстон Секуин!

— Леди Гвидра считает, что мы можем положить конец этой войне.

— Договариваться с самхаистами бесполезно, — рассудил Джеймстон и обвел команду пристальным взглядом, под которым Брансен почувствовал себя голым. — Вот вы и задумали убить самого Беддена, — заключил старый охотник с ноткой иронии в голосе, отчего все пятеро взволнованно переглянулись.

Лучшего подтверждения Секуину и не требовалось.

— Мы непременно найдем его и убьем, — неожиданно заявил Брансен и встал рядом с Воной. — Он это заслужил.

— Много сотен раз, еще когда ты даже не родился, мой мальчик, — отозвался Джеймстон.

Ответ слегка покорибил Брансена, почуявшего в обычном согласии что-то унижительное. Нарочно или нет, но этот легендарный охотник заставлял его чувствовать себя не в своей тарелке.

— Никогда его не любил, — продолжал Джеймстон. — Кто может быть глупее, чем люди, которые заявляют, что говорят от имени бога? Только те, кто их слушает. Мои извинения, брат, — добавил он, глядя на Джонда.

Монах, по-видимому, сбитый с толку, как и Брансен, лишь пожал плечами и слегка кивнул.

— Помоги нам убить его, — неожиданно выпалила Вона.

— Принимать чью-либо сторону не в моих правилах, — ответил Джеймстон.

— Но даме Гвидре ты ведь помогал, — возразила женщина. — Говорят, ты отправлял на юг сообщения.

— О численности гоблинов, троллей и им подобных, — кивнул Секуин. — После моего вмешательства она всегда заметно падала.

— Ну вот! Значит, ты уже решил, на чьей стороне выступить, — засмеялась Вона.

— Убивать гоблинов и троллей не значит быть на чьей-то стороне, — невозмутимо ответил Джеймстон. — На мой взгляд, это единственная религия, за которую стоит сражаться.

— Что ж, раз старец Бедден снюхался с этими тварями, получается, что он стал вашим противником, — рассудил брат Джонд.

Охотник искоса посмотрел на него и хмыкнул.

— Идите на восток и через десять дней доберетесь до теплого озера под названием Митранидун. Поднявшись в горы вдоль западного берега, окажетесь у Колдринского ледника, на вершине которого найдете и Беддена, и его первосвященников. Я отведу вас, а дальше сами решайте, как поступить.

Сказав это, он кивнул в знак того, что обсуждения не будет, забрал у Брансена и Джонда свои стрелы, снова подмигнул Воне и направился на восток.

Команде не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

К ночи они разбили лагерь. Вона и Джеймстон сидели рядом, болтая и смеясь, как старые друзья. Олконна с Крейтом, расположившиеся в противоположной стороне, чистили и точили оружие.

— А ты в курсе, что у них как-то раз была связь? — спросил Олконна.

— Насколько я знаю Дикарку Ви, одним разом не обошлось, — от души рассмеялся Крейт.

— Как, и ты? — спросил Олконна, бросив на него любопытный взгляд и слегка поморщившись.

— Да, я ее знаю! — снова засмеялся его приятель. — А что? — спросил он напрямик, когда Олконна покачал головой, глядя на крепко сбитую женщину. — Ты был обо мне лучшего мнения?

— Но ведь она совсем не красивая, — отвечал тот.

— Чушь! — возмутился Крейт и тоже посмотрел на Вону. — Это самая распрекрасная женщина в мире.

Олконна состроил недоверчивую мину.

— Надеюсь, у тебя хватит ума не отказываться, если она когда-нибудь предложит тебе затеять скачки, — добавил старый воин и подмигнул.

— Как и у всех остальных? — саркастически спросил Олконна.

— Ох, вот только не надо об этом, — ответил Крейт. — Ты каждый день совершаешь убийство и считаешь себя вправе судить ту, которая иногда позволяет себе насладиться жизнью?

— Но...

— Никаких «но», — оборвал его Крейт. — Посмотри-ка на нее хорошенько, мальчишка! Видишь, с каким огнем проживает Дикарка Ви каждую секунду своей жизни, наполняя душу воспоминаниями и ощущениями, о которых большинство людей даже помыслить не смеют. В сражении, в матерщине и в постели она переплюнет не только женщину, но и любого мужчину, поэтому умрет без сожаления. Многие ли могут похвастаться этим?

Олконна несколько раз начинал было отвечать, но все путался в словах и не сводил глаз с Воны.

Крейт сидел молча, поглядывал на юношу, ставшего ему кем-то вроде протеже, и думал о том, что преподавал Олконне один из самых важных уроков в жизни.

Часть третья

ЧАСТЬ ЧЕГО-ТО БОЛЬШЕГО

Я сопротивляюсь.

Не знаю, чем продиктована моя апатия: то ли глубоко укоренившимся инстинктом, то ли подсознанием, но при всей правоте и оправданном отчаянии дамы Гвидры ее призыв к оружию мне не по душе. Она права во всем. Я и сам знаю, что, если бы остался в Хонсе, то стараниями владык и абелийской церкви уже принял бы мучительную смерть. Ничуть не сомневаюсь в правдивости слов Доусона о том, что монахи из часовни Абея знали о Разбойнике. Ничто не помешало бы им схватить меня и убить. Я и раньше наблюдал абелийское правосудие.

Я не подвергаю сомнению искреннее отчаяние дамы Гвидры. Орды самхаистских приспешников, не знающих никаких моральных принципов, приносят ее народу страшное горе. И все же сопротивляюсь.

Я видел последствия набега троллей, сожженный дотла город, ни одной живой души, и мое сердце обливалось кровью. Я чувствую, в каком гневе и негодовании пребывает дама Гвидра, и это делает ей честь. Она дрожит не из эгоистического страха потерять жизнь или титул, а из-за неподдельного сострадания к людям, перед которыми правительница в ответе. Это ставит ее гораздо выше любого из хонсейских владык. Но я по-прежнему сопротивляюсь.

Кто я? Раньше я думал, что знаю. Ответ был столь очевиден, что я ни разу не потрудился задать себе этот вопрос, по крайней мере, так прямо.

Книга Джеста и самоцветы избавили меня от недуга, но очевидным образом превратили в другого человека. Счастье телесного исцеления обратилось в необходимость переосмыслить себя. Теперь этот новый человек, которым я стал, задается вопросом, кто он.

Кто я?

Что за душа живет в моей окрепшей плоти?

Против всех ожиданий, выздоровление принесло еще больше трудностей, вызвав во мне чувство обязанности и ответственности перед другими.

Другие...

Тех, кто находился рядом на протяжении всей моей юности и в первые годы взрослой жизни, можно по пальцам пересчитать. Это Гарибонд, кое-кто из монахов Прайдской часовни, Кадайль, иногда снисходившая до моего общества. Все они интересовали меня лишь в той степени, в какой могли быть мне полезны. Брансен Гарибонд пустил их в свою жизнь только потому, что нуждался в них.

Трудно предположить, что в моей немощи могло быть что-то удобное или утешительное. Я не состязался с другими юношами в игре под названием жизнь, бегая наперегонки или кидая камни — кто дальше, а потом стараясь получить выгодное место в церкви или при дворе владыки. Я просто не мог.

Конечно, я страдал, но было бы ложью утверждать, что при этом не испытывал некоторого облегчения, будучи свободным от бесконечной борьбы со сверстниками за место на иерархической лестнице. Мне не грозило испытать стыд честного поражения, потому что никто не мог честно обойти Цаплю!

Мой недуг не был хитростью, но я не уверен, что отказался бы пойти на нее, будь у меня выбор.

Потом внезапно я избавился от немощи, стал Разбойником, но и теперь не могу поклясться, что мои помыслы чисты, а мотивы праведны.

Кому на самом деле служил Разбойник, сражаясь в Прайде? Народу? А может быть, самому себе?

Мир Разбойника оказался сложнее мира Цапли.

Брансен Гарибонд

Глава девятнадцатая НЕПРИЯТНЫЕ ЗАГАДКИ

Водные брызги, попав в рот, заставили его закашляться, и это вывело Кормика из мрачного, глубокого забытья. Он почувствовал, что наполовину вымок, а ноги ниже колен погружены в воду.

Первым, что он увидел, была морда ледникового тролля, который повис на борту лодки и пытался ее затопить.

Чисто инстинктивно юноша перекатился на бок, приподнялся на локте, схватил нападающего за жидкую шевелюру и вытолкнул обратно. Затем он встал на колени и снова потянул тролля в лодку. Тот врезался подбородком в ее край, но Кормику удалось втащить голову противника. Он вскочил и со всей силой резко наступил на нее, морщась от тошнотворного звука треснувшей кости, однако потерял равновесие и едва не упал за борт.

За борт? Но как он попал в лодку, дрейфующую посреди озера? Жгучая боль в спине напомнила Кормику о недавних событиях, и все стало проясняться.

Стало быть, его изгнали, отправили плыть по течению, а теперь тролли нашли свою жертву.

Лодку качало, монах с трудом стоял на ногах. Корма почти ушла под воду, а нос задрался. Юноша хотел шагнуть туда, но вовремя засек появление еще одного тролля, который подбирался к нему со спины.

До последнего момента Кормик делал вид, что ничего не замечает, затем вдруг резко ударил тварь локтем по уродливой морде, свернув ей набок длинный тощий нос и разодрав губу о ее собственные кривые зубы. Он отступил на шаг, снова нанес такой же удар и бил до тех пор, пока тролль не упал.

Тогда юноша развернулся и крепко схватил его за горло. Тупое существо неистово царапалось, оставляя на его руке полосы крови, но Кормик не отступал. Он задушил бы врага, но тут очередной тролль, взбравшись на корму, принялся опрокидывать лодку.

Монах проворно обернулся и бросил полуживую тварь в ее сородича. Когда они оба свалились, Кормик подскочил к ним, топнул ногой по голове второго тролля и проломил ему череп. Затем схватил живого врага одной рукой за горло, другой — за пах, поднял над головой и с размаху швырнул на труп. Юноша пинал и топтал тролля до тех пор, пока тот наконец не сдох.

Тем временем на корму карабкался еще один урод. Когда он отжался от борта, в лодку хлынула вода. Кормик прыгнул на самый нос, пытаясь создать противовес, но было уже поздно.

Быстро осмотревшись вокруг, он нырнул. Рассчитывать приходилось только на эффект неожиданности. Плавал юноша прекрасно, но, конечно, не мог превзойти в этом ледниковых троллей!

Но надо было хотя бы попытаться.

Милкейла сидела на той самой песчаной отмели, где так часто встречалась со своим абелийским любовником, с нежностью вспоминая их последнее свидание, и не могла понять,

почему с тех пор Кормик ни разу не появился. Конечно, этого стоило ожидать. Ведь теперь, когда их народы враждовали, ни ему, ни ей не удавалось так часто отлучаться.

Но сегодня девушку мучило чувство, что случилось что-то плохое.

Она поднялась, подошла к восточному берегу, ближайшему к острову Часовни, и стала вглядываться в дымку, словно надеясь увидеть если не Кормика, плывущего к ней на своей маленькой лодке, то хотя бы нечто такое, что помогло бы ей понять, в чем дело.

Однако виден был лишь туман, слышен лишь плеск волн о песок и камни.

Нутром же она ощущала, что произошла беда.

Он спасал свою жизнь, потому работал руками и ногами так неистово, как только мог. Бывший монах сбросил тяжелое платье сразу же, как только оказался в воде. Теперь он был одет лишь в типичные для абелийцев белые штаны до колена, рубаху без рукавов и в берет поври, который упрямо держался на голове, даже когда Кормик нырял. Кроваво-красный убор словно прирос к своему владельцу.

Юноша прикинул, что от троллей его отделяют около пятнадцати гребков, и постарался определить, сколько ему осталось до маленького острова, который он успел заметить. Ему оставалось лишь молиться, чтобы мерзкие твари растерялись, а ему не пришлось бы искать этот островок.

К счастью, плыть до места оказалось ближе, чем он предполагал, но тут обнаружился подвод. То, что Кормик принял за остров, оказалось всего лишь парой больших камней, выступавших из воды.

Он вполне успевал до них добраться, но разве могли они стать надежным убежищем? Вершина самого большого камня поднималась над уровнем озера всего на ярд с небольшим, а диаметр самого «острова» не превышал десяти шагов.

Не имея ни малейшего желания драться с троллями в воде, где они двигались с легкостью рыбы, Кормик направился туда. Лучшего решения все равно не было, а преследователи уже настигали его. Едва он выбрался, как плеск воды известил о приближении первого из них.

Юноша стал на четвереньках карабкаться вверх, заметил на пути небольшой камень и со всей силы запустил его прямо троллю в морду. Тот завопил, дико задергался, из носа по подбородку полилась жидкая кровь. Кормик воспользовался замешательством противника, подскочил к нему и осыпал градом ударов. Потом он одной рукой заломил ему верхние конечности за спину, другой схватил тварь за волосы и с неожиданной жестокостью принялся колотить ее головой о скалу.

В этот момент другой тролль выскочил из воды и замахнулся на него когтистой лапой. Парень оказался быстрее и вовремя увернулся. Положение осложнилось появлением еще одного преследователя, который грозно подбирался все ближе. Обмениваясь с первым безобидными шлепками, Кормик постоянно краем глаза наблюдал за вторым, чья бесхитростная атака, столь характерная для этих существ, не стала неожиданностью. Юноша прыгнул ему навстречу, приземлился, выкинул вверх правую ногу и врезал точно по морде троллю, а потом, для верности, добавил еще пару раз, хотя тварь и так уже была без сознания.

Кормик обучался у лучших мастеров рукопашного боя во всем абелийском ордене, который в последние годы стал намного воинственнее. Его монахи умели постоять за себя. Это мастерство очень пригодилось юноше теперь, когда он сражался на два фронта, ибо первый тролль, воспользовавшись тем, что человек отвлекся на его напарника, агрессивно пошел в наступление.

Когда второй противник повалился на камни, Кормик наконец смог повернуться к злобному существу, оставшемуся на ногах, и занять оборону. Однако вдруг, неожиданно для себя самого, он с каким-то безумством накинулся на тролля. Пытаясь понять, что произошло, юноша отчетливо осознал реальность.

Ему нечего терять.

Он врезался прямо в своего врага и обрушил на него град ударов, не обращая внимания на ответные выпады. Тролль царапался и отбивался, но уже через несколько секунд Кормик точным, яростным ударом отправил рухнувшую наземь тварь к праотцам.

Из воды выпрыгивали все новые преследователи, бесконечная череда новых жертв. Он дрался, пока кулаки не превратились в кровавую массу, ноги не покрылись алыми царапинами от выбитых зубов троллей, а руки от усталости не стали будто свинцовыми.

Но фортуна и сумасшедшая ярость знали свое дело. Лишь когда был повержен последний, седьмой по счету, тролль, Кормик без сил упал на колени.

Задышавшись, он попытался осмотреть свои раны, глубокие порезы от когтей и зубов. Нужно было срочно промыть их. Кормик знал, что укусы троллей всегда долго болят и гноятся, но у него не было сил добраться до воды. Он подумал, что если из озера появится еще хотя бы одна тварь, ему конец.

Солнце на востоке поднималось все выше, минуты обернулись часами, теплые источники Митранидуна отогнали альпинадорский холод. Кое-как Кормику удалось добраться до воды, промыть раны и утолить жажду.

Он опустился на колени и мысленно вернулся к событиям, которые привели его в это пустынное место. Воспоминания о последних часах, проведенных на острове Часовни, нахлынули на него. Перед глазами парня снова стояло лицо отца де Гильба с глубоким разочарованием, написанным на нем, в ушах снова слышался полный сожаления голос Джавно.

Оно чувствовалось даже в ударах хлыста, которыми бесчувственный старший товарищ осыпал Кормика.

Назад пути нет. Его изгнали не ради испытания и не в качестве платы за грехи. Это решение ставило точку, не предполагало прощения.

Пути назад нет.

Он был один посреди озера, кишящего монстрами, в окружении врагов. В эти горькие часы будущее казалось ему пустым, неприглядным и пугающим. Кормик глядел на дымные воды и в какой-то момент страстно захотел, чтобы оттуда появились еще несколько троллей и прикончили его.

У него было что пить, он мог бы даже поймать рыбу, но ради чего?

Кормик внимательно посмотрел в ту сторону, откуда прибыл, в бессмысленной попытке увидеть свою лодку, пусть опрокинутую, но на плаву, хотя и понимал, что это бесполезно. Если троллям нужно уничтожить судно, они разнесут его в щепки. Оставалось лишь надеяться, что к голой скале прибьет волной хоть какой-нибудь обломок.

Юноша снова подумал о своем роковом решении освободить Андрузиса и остальных варваров, из-за которого очутился здесь, окровавленный, обреченный на смерть, и пожалел о нем, но лишь на миг.

— Я поступил правильно, — сказал он вслух, чувствуя, что должен услышать эти слова. — А отец де Гильб не прав. Они все не правы.

Кормик замолчал и попытался разглядеть хоть что-нибудь вокруг себя, но туман был слишком густым. Тогда, решив, что его отнесло севернее, юноша повернулся на юг и немного на восток, во всяком случае, так ему казалось, чтобы стоять лицом к острову Часовни.

— Вы были не правы! — крикнул Кормик через озеро. — Вы и сейчас не правы! Веру нельзя навязать! Нельзя! Она сама расцветает в сердце, открывшемся навстречу правде. Вы не пра-вы!

Он сел на камни, хотя чувствовал большое возбуждение от этого эмоционального всплеска, оттого, что подкрепил словами свой нравственный выбор.

Легкий всплеск отвлек его внимание. Кормик обернулся и увидел, что к камням прибило абелийское платье. Юноша достал его из воды, расстелил, чтобы просушить, и вдруг вспомнил о берете, который по-прежнему крепко сидел у него на голове. В этом трофее поври точно было что-то волшебное.

Изучив укушенную троллем руку, Кормик не обнаружил никаких признаков заражения. Напротив, рана уже начала затягиваться. Тогда он пощупал свою спину, изувеченную плетью, и понял, что без надлежащего ухода, плавая один в лодке, он должен был бы уже умереть.

Кормик знал, что выжил лишь благодаря берету поври, наделенному магией, которая действовала подобно душевному камню. Он беспомощно усмехнулся, осознав всю иронию своего положения. У всех есть что-то общее. Поври, альпинадорских шаманов, абелийцев и даже самхаистов — всех объединяет общая магия, связь замысла и власти.

Единый бог над всеми?

Действительно ли так важно, какими именами величают разные народы своих богов? В эту минуту прозрения на пустом острове, перед лицом смерти, Кормик понял, что нет.

Тогда что же по-настоящему важно?

Выхода не было. Кусок доски от его лодки, ударившийся о камни в следующий момент, стал лишним подтверждением этой безысходности. Когда юноша достал его из воды, солнце уже растворилось в западных водах.

Наутро Кормик проснулся от голодного урчания в животе и решил попить, желая хоть чем-то заполнить пустоту. Он низко наклонился над озером, зачерпнул обеими руками воду и уже хотел поднести жидкость к пересохшим губам, как вдруг заметил рядом с собой тролля. Юноша отпрянул, едва не скувырнувшись со скалы, и в судорожной попытке защититься ободрал все колени и локти, пока наконец не сообразил, что это один из вчерашних убитых им врагов.

Тогда он зашел в воду по пояс и попытался потопить тело, но тролль оказался чертовски плавучим. Кормик оглянулся на остров, призванный стать его скорой могилой, затем на гладь Митранидуна и увидел еще одного дрейфующего мертвого монстра.

Парень издал продолжительный вздох. Неужели это возможно?

Глава двадцатая СОБРАНИЕ

Они добирались множеством способов. Одни шли пешком, волшебным образом уменьшив свой вес и удлинив шаги, другие превратились в быстрых кошек, третьи — самые старшие и могущественные — парили над горами на восходящих потоках, став птицами. Из разных приходов, называемых округами, они явились на зов своего верховного жреца.

Старец Бедден следил из Девонгла за их приближением. Магическая связь с землей позволяла ему чувствовать, когда в его область вступал очередной собрат. Сперва их стало двадцать, затем тридцать и наконец тридцать два. Это означало, что за месяцы войны погиб лишь один вангардский самхаист, тот самый, который с честью пал в битве при

Пеллинорской часовне. Старец Бедден был доволен.

Когда все собрались, он провел гостей по возведенному им великолепному ледяному

дворцу, ставшему за последнее время еще величественнее, и даже показал свой державный зал на вершине самой высокой башни. Оттуда через весь дворец и сквозь толщу ледника прямо к горячим источникам шел глубокий колодец.

— Погрейтесь, — предложил Бедден гостям.

Многие из них едва не потеряли сознание от наслаждения, почувствовав энергию земли, идущую прямо из расщелины Самха и святого озера Митранидун.

Затем старец вывел всех из дворца на Колдринский ледник и показал, насколько увеличился разлом благодаря разрушительной работе белого бога-червя и крови троллей, мешавшей льду снова срастись. Он даже принес в жертву пару пленников, чтобы собрать послушали, как пирует червь.

Видя улыбки на лицах гостей, Бедден понял, что поступил мудро, собрав их. Что может поднять дух его братьев-самхаистов лучше, чем осознание торжества Девонгла и ужасающей власти Д'но?

Когда группа подошла к северному концу разлома, Бедден попросил всех поделиться новостями.

— Гвидру поддерживают с юга, — сообщил молодой священник, чей приход находился рядом с заливом Короны. — Ничего существенного, но...

— Ничем существенным это и не грозит, — заявил другой. — Я был на юге Хонсе. Распре между Делавалом и Этельбертом не видно конца. Она стала еще яростнее, чем когда-либо. Казалось, у Делавала все козыри, как вдруг Этельберт пустил в ход варваров из Бехрена. Они прошли через северные предгорья хребта Пояса-и-Пряжки, оказались прямо под носом у Делавала, и ему пришлось отозвать в столицу большую часть своих войск, осаждавших Этельберт-дос-Энтл.

— В этом нет ничего хорошего, — вмешался третий. — Делавал останется в городе и в конце концов победит. Просто сейчас этот конец кажется более отдаленным.

— Почему вы считаете, что это плохо? — спросил его старец Бедден.

— Война затянется.

— И?..

— Тяготы войны необходимы, — напомнил еще один самхаист. — Не наша забота, что некоторые умрут раньше срока. Смертны все.

— Погодите, друг мой, — сказал ему Бедден и снова обратился к своему собеседнику: — Так что же?

— Я боюсь, что последователи Абея с каждым годом войны будут набирать силу, — пояснил молодой человек. — Всем владыкам так нравятся их самоцветы! С каждым исцеленным абелийцы завоевывают все больше людского доверия.

Кое-кто из самхаистов ахнул, удивляясь дерзости молодого собрата, но старец Бедден совсем не рассердился и вел себя как ни в чем не бывало.

— Вы рассуждаете так, как свойственно молодым, — сказал он мягко. — Но подумайте о десятилетиях, о веках, предшествовавших нам, и не бойтесь последователей Абея. В итоге победим мы, потому что мы правы. Мировой порядок зависит от нас. Разве может быть долговечным торжество прихвостней дурака Абея, если их достижения нарушают этот порядок? Они мягкосердечны, не вселяют страха в души людей, а без этого наступает анархия. Сколько в истории таких примеров! Стоит людям потерять страх перед суровым и честным правосудием, как они утрачивают нравственный стержень. В каждой женщине живет шлюха, а в каждом мужчине — блудник и развратник. Обещания вечного рая не помешают жене наставить мужу рога! Милосердный бог способствует греху, а в конечном счете — анархии. Абелийские монахи восторжествуют в Хонсе, — торжественно произнес старец Бедден, и гости разом выдохнули, услышав то, чего все боялись. — Да, братья мои, они победят, но лишь до тех пор, пока там не рухнут общественные устои. Сменится поколение, может, несколько, а потом роконосы и другие жертвы призовут нас, не сомневайтесь. Пусть бушует война на юге. То, что вы расцениваете как победу абелийцев, нам на руку, ибо Гвидра не сможет рассчитывать на помощь владык. Пусть наши

противники забирают Хонсе. Мы навсегда обоснуемся в Вангарде и будем готовы отозваться на мольбы тех, кто страдает от веры в милосердного бога и фальшивых обещаний вечного рая. Таков закон существования цивилизации, братья мои, — заключил Бедден. — Он требует жестокости.

В толпе послышались одобрительные возгласы, проникновенные и полные благоговения. Старец почувствовал, что вновь подтвердил свое первенство в ордене. Никто не посмеет бросить ему вызов.

— Ступайте, — велел он. — Возвращайтесь к себе и наблюдайте. Тролли и гоблины разоряют вангардские земли, потому что народ этой страны отверг нас. Когда вы заметите, что люди вашего округа снова стали принимать нас, отвернулись от Гвидры и ее любовника, мы немедленно перебросим наши войска в другой район.

Самхаисты принялись отвечать ему многочисленными поклонами.

— Мы не можем сказать простому народу всю правду о монахах и их ложном милосердии. Он слишком глуп, чтобы должным образом осмыслить великую истину, что суровое наказание преступника — это милость по отношению к добропорядочному человеку, — добавил Бедден. — Это мы по-настоящему милосердны, а они, ученики дурака Абея, сеют хаос и разрушение.

Старец поклонился в ответ своим любимцам и направился к дворцу. За его спиной одни умчались на волшебных ногах, другие обратились в быстрых животных, а самые великие улетели прочь, став птицами.

Глава двадцать первая ГЕРОИЧЕСКАЯ ОПЛОШНОСТЬ

— Бедден окружил себя грозными союзниками, — объяснял Джеймстон Секуин своим спутникам, утомленным долгой дорогой. — Чтобы выполнить задуманное, вам лучше было бы прийти на север с целой армией.

— Нам негде ее взять, — ответил практичный и опытный Крейт. — К тому же она привлекла бы столько внимания, что нам пришлось бы на каждом шагу отбиваться от троллей, гоблинов и варваров.

— Если нам суждено осуществить план, то пусть уж лучше к тому моменту у нас в запасе останется побольше воинов, — добавил брат Джонд.

— Тогда, сдается мне, ваша идея была изначально обречена на провал, — заключил Джеймстон. — Вы недооцениваете врага. Ведь это старец Бедден, предводитель всех самхаистов. Ему поклоняются как божеству, и не без причины. Он необыкновенно могуществен.

— Вы видели, что вытворяет монах со своими самоцветами? — перебил его Крейт. — А как управляется с мечом этот малый? — добавил он, кивая на Брансена.

— Да, и впечатлен обоими! — кивнул Секуин. — А вот вы хоть раз видели Дракона

отчаяния?

— Дракона? — переспросил Брансен.

— Старец Бедден среди самхаистов подобен богу, — продолжал Джеймстон. — Вы когда-нибудь сражались с великаном? Не с высоким человеком, а с настоящим великаном, чудовищем, ростом с трех здоровяков, а весом и того больше, который переломит вам хребет так же легко, как любой из нас — старую стрелу? Придется, если хотите подобраться к Беддену.

— Мы не могли привести с собой армию, — повторил брат Джонд. — Но и народу дамы Гвидры больше не снести набегов орд Беддена. Да, наш план безумен, но все мы сознательно пошли на это. А почему вы не можете?

Джеймстон хотел было ответить, но лишь примирительно засмеялся.

— Будем по возможности держаться населенных мест, — произнес он затем, достал кинжал и, присев, начертил на земле что-то вроде карты. — Двинемся на юг Альпинадора по проторенной дороге, а здесь пойдем вдоль восточной границы гор. Там есть пара деревень, где живут мирные альпинадорцы. У них мы сможем пополнить запасы.

— А откуда нам знать, что они не доложат о нас Беддену? — спросила Вона.

— Даже если тамошние жители знают, кто он такой, они ему не присягали, — ответил Джеймстон. — Не стоит думать, будто самхаисты заслужили их любовь. У этих гордых племен своя история, свои обычаи и верования. Я ни разу не слышал об альпинадорцах-самхаистах.

— Однако среди войск Беддена варвары были, — заметил брат Джонд.

— Уверен, скорее в силу их воинственности, а не преданности, — отозвался Секуин.

— И все же риск слишком велик, — рассудил абелиец. — Нам лучше держаться пустынных мест.

— Тогда путешествие к леднику, где обосновался старец Бедден, через дикие земли, уже ощутившие холод зимы, будет долгим и трудным.

Брат Джонд кивнул в знак готовности. Джеймстон, исчерпавший свои доводы, лишь пожал плечами.

Вскоре они снялись с лагеря и двинулись на север под прикрытием горного хребта, высившегося западнее. Секуин учел просьбу брата Джонда, но следующие несколько дней им то и дело попадалась на глаза заброшенная дорога, иногда виднелся дым альпинадорских походных костров.

— Ловкость или сила? — подмигнула как-то Крейту Вона, когда Джеймстон и брат Джонд спустились вниз, чтобы лучше рассмотреть одно поселение, оставив Брансена и Олконну ждать на краю отвесной скалы.

Крейт хмыкнул.

— Ах, как он движется, этот Разбойник, — добавила Вона. — Танцует словно ветер в лучах луны.

— А рыжий-то, рыжий!.. — подсказал Крейт, поняв, к чему клонит Дикарка Ви.

— Его руки просто созданы, чтобы сжимать бедра наездницы, — продолжала она. — Таким рукам нельзя не подчиниться.

Крейт расхохотался так, что двое мужчин, находящихся у края утеса, обернулись.

— Скажи спасибо, что меня не так-то просто смутить, — шепнула Вона.

— А вот других вогнать в краску можешь.

— В этом прелесть жизни, — отозвалась Дикарка Ви. — Так ловкость или сила?

— У Разбойника есть жена, молодая и любимая, — напомнил Крейт.

Вона вздохнула, явно расстроенная этим замечанием.

— Сила тоже сойдет, — заключила она, и воин снова рассмеялся.

Джеймстон и Джонд вернулись. Отряд двинулся дальше. Вечером они разбили лагерь. Все как обычно, кроме того, что Олконну ночью ждал сюрприз.

На следующий день парень шагал бодрее.

Как-то раз отряд шел через сосновый перелесок, тянувшийся вдоль скал. Немного

выше уже лежал снег, а воздух был таким холодным, что дыхание превращалось в пар.

Вдруг Джеймстон шепнул спутникам, что за ними наблюдают.

— Это племя Пносс, — объяснил он. — Маленькое, но свирепое. Их территория раскинулась от нижней дороги до горных перевалов.

Брансен положил руку на меч. Заметив это, проводник покачал головой.

— Не будем мешкать. Пока мы идем, нас не тронут. Они знают, что я уважаю их, и пропустят нас.

Отряд двинулся дальше. Никто, кроме Секуина, не знал этих мест. Путники то и дело озирались, готовые увидеть за каждым деревом раскрашенного варвара с копьем в руке.

— Постарайтесь не выглядеть такими напуганными, — велел Джеймстон. — Этим вы только раздражаете наших хозяев.

Остаток дня прошел без происшествий. По настоянию своего проводника они заночевали высоко в горах, где выл холодный ветер, кружа редкие снежинки. Но Джеймстон Секуин знал эту землю не хуже альпинадорцев, для которых она была родной. Пока все спали, он поддерживал в костре огонь, нагревавший камни, чтобы пятеро путников могли отдохнуть.

Ночью Брансен украдкой наблюдал за Джеймстоном, поражаясь безмятежному выражению его лица. Казалось, этот человек, сидевший на камне, устремив взор к звездному небу, живет в полной гармонии, давно забыв о мирских бедах вроде распрей между владыками и религиями и прочих мелочных человеческих дрязгах. Он словно нашел свое место во вселенной и был совершенно счастлив. Брансен даже подумал, что в Джеймстоне Секуине есть что-то от Джеста Ту.

Тут его посетила внезапная мысль. А что, если Джеймстон Секуин его отец? Вдруг Маккидж ошибается, Бран Динард выжил и благодаря навыкам, полученным в Облачном Пути, стал легендой северных земель?

На какой-то миг Брансен даже допустил это, но тут же фыркнул, потешаясь над собственной глупостью и удивляясь, как такая нелепость могла прийти ему в голову. Он принял желаемое за действительное. Ему хотелось, чтобы Джеймстон Секуин оказался его отцом. Да, чтобы у него просто был отец, особенно такой, каким Брансен мог бы восхищаться. Ему было неприятно вспоминать, как сильно задела его слова Маккиджа о судьбе Брана Динарда.

Джеймстон подошел к костру и поворошил догоравшие поленья. На его обветренном лице заплескали оранжевые блики, очерчивая глубокие морщины и отбрасывая тень от густых усов.

Брансен видел в этом лице опыт, ум и мудрость, которые лишь усиливали ощущение безмятежности, исходившее от Джеймстона. Жаль, что это был не Бран Динард.

Впрочем, Брансена устроило бы и простое душевное родство с этим человеком.

В течение следующих нескольких дней пути дорога почти исчезла, из виду пропали все деревни. Джеймстон очень посерьезнел, а вслед за ним всю трудность положения ощутили и остальные.

Каждый в душе надеялся, что осталось уже немного, но вслух Джеймстона никто не спрашивал. Они просто делали то, что он говорил, шагая друг за другом на север, на высоте нескольких сот футов от изножья казавшейся бесконечной горной гряды. Последнее время Джеймстон часто указывал им направление, а затем надолго исчезал, чтобы разведать местность и выбрать дальнейший курс.

В один из таких дней, когда Брансен вел остальных через густой хвойный лес, резкий звук внезапно разорвал тишину. Гарибонд мгновенно скрылся под густыми ветвями и стал подозрительно озиаться.

— Удар кнута, — прошептал брат Джонд, оказавшийся рядом с ним.

Брансен уже хотел съязвить, что и не сомневался в том, что абелийцу этот звук должен

быть знаком, но промолчал. Джонд был ему симпатичен. Да и зачем сеять раздор в их дружной команде?

Легкое шевеление поблизости заставило их обоих обернуться. Это Вона, притаившись за пнем и выразительно глядя на них, указывала куда-то вниз и направо. Посмотрев туда, они действительно отметили среди нижних деревьев какое-то движение, но что это, понять было невозможно.

— Оставайтесь здесь, — шепнул Брансен Джонду и жестом велел остальным сделать то же самое.

Призвав навыки Джеста Ту, молодой человек окинул взглядом местность и так ясно увидел свой предстоящий маршрут, словно он был начерчен на карте. Он по-пластунски выбрался из-под ветвей, присел пониже и метнулся к дереву, стоявшему ярдах в трех от брата Джонда. Тут Разбойник чуть помедлил и перебежал вниз и влево, к груде камней. Весь путь, оставшийся до соседнего перелеска, Брансен проделал тоже ползком.

Он скользил от тени к тени и вскоре скрылся из виду. Солнце начало опускаться за горы, в низине стало темнеть.

Прошло довольно много времени. Наконец четверо воинов, заметив чье-то приближение, решили, что Брансен возвращается, но из-за деревьев показался Джеймстон.

Он подошел к Олконне и Крейту и подозвал к себе двоих других.

— А где Брансен? — спросил проводник, мгновенно заметив отсутствие Разбойника.

— На разведке, — ответил брат Джонд и указал рукой на восток.

Лицо Джеймстона приняло озабоченное выражение.

— Что там? — спросил Крейт.

— Тролли, — отозвался тот. — Много. Ведут на север пленников.

Все, не сговариваясь, устремили взоры на восток.

— Сколько троллей? — в один голос нетерпеливо спросили Вона и Олконна.

Заслышав тон Олконны, Крейт не мог сдержать ухмылку. Страсть в любви и в битве — в этом была вся Дикарка Ви. Очевидно, его молодой товарищ уже испытал на себе ее влияние.

— Слишком много, — осадил их Джеймстон. — Не меньше двадцати, хотя я не мог подсчитать точнее. Вереница очень длинная. Да и надо было спешить, иначе вы бы тут впятером геройски бросились пленникам на выручку.

— Хочешь сказать, что мы не должны вмешаться? — возмутилась Вона. — Там же внизу люди...

— Разбойник возвращается, — объявил Олконна.

Все разом обернулись. По склону и в самом деле осторожно поднимался Брансен.

Преодолев последние ярды бегом, он скользнул в самую середину группы и чуть слышно сообщил:

— Тролли ведут пленников.

— Уже знаем, — отозвалась Вона. — Джеймстон говорит, что их слишком много, — добавила она, с вызовом поглядывая на проводника, но тот даже бровью не повел.

— Мы всего в паре дней пути от ледяного дворца старца Беддена. Если вы нападете на этот отряд, то рискуете быть убитыми или схваченными. Кроме того, какой-нибудь тролль может уцелеть и сообщить о вас этому опаснейшему из самхаистов. Шансов на успех и без того мало. Если Бедден узнает о вас, вы обречены. Так сколько троллей в этом случае будет достаточно, чтобы погубить вас?

— Хватит и одного, — проворчал Крейт, беспомощно кивая.

Ему было нечего возразить.

— Получается, ради благого дела мы должны обречь этих пленников на мучения и смерть? — попытокнул брат Джонд.

— Не завидую вашему выбору, — ответил Джеймстон и, заметив, что Брансен качает головой, твердо посмотрел на него, ибо знал, к чему может привести упрямство Разбойника.

Звук кнута снова пронзил воздух.

— Если атаковать неожиданно и жестко, то мы сможем довольно быстро всех перебить или обратить в бегство, — предложил Брансен.

— Мы выше их. С высоты всегда нападать лучше, — добавил Олконна.

— Но если кто-нибудь убежит... — начал было Крейт.

— Тогда они подумают, что мы пришли с юга, чтобы освободить пленных, — закончил за него Брансен. — Станут тролли докладывать старцу о своем поражении? Думаю, после такой катастрофы они даже не осмелятся на глаза ему показаться.

— Их минимум двадцать, — предупредил Джеймстон.

— Значит, тебе придется убить всего троих-четверых, — заметила Вона и положила на плечи свои топоры. — Мы не можем их пропустить.

— Но нельзя забывать и о нашей благой миссии, — возразил брат Джонд.

— Слова настоящего абелийца, — усмехнулась Вона.

Брат Джонд вздохнул и посмотрел на Брансена.

— Мы не должны позволить им уйти, — согласился тот. — Иначе я до конца своих дней не смогу спокойно спать ни на сырой земле, ни в мягкой постели.

— Истинная правда, — сказала Вона. — Спорим, как будто у нас есть выбор, хотя никто его не видит.

— Не стоит недооценивать троллей, — предостерег Джеймстон, сощурившись.

— Да я прикончила столько этих отвратительных тварей, что уже со счета сбилась, — резко отозвалась Вона. — Пора разделаться и с этими, причем жестоко.

Все закивали. Джеймстон лишь покорно вздохнул и принялся излагать свой вариант плана действий, но Брансен прервал его и предложил обосноваться севернее, чтобы отстреливать всех троллей, которые попытаются убежать в том направлении.

Олконна с Крейтом отправились южнее, а Брансен, Вона и брат Джонд стали спускаться прямо под гору. Гарибонд шел первым и указывал своим спутникам, куда ступать, чтобы оставаться незамеченными. Наконец все трое остановились над самой дорогой в ожидании быстро приближавшейся колонны пленников, подгоняемых троллями.

— Ну что, остались еще силы для хорошей битвы? — шепнул Олконне Крейт, когда они заняли позицию.

Олконна с любопытством, даже с некоторым недоверием поглядел на приятеля.

— Я же говорил, что скачки будут того стоить, — добавил Крейт и беззвучно рассмеялся ему в ухо.

Парень покраснел до корней своих рыжих волос.

Ловко, быстро и абсолютно бесшумно Джеймстон, никем не замеченный, добрался до места засады, груды камней ярдах в трех от дороги. В этот момент с ней как раз поравнялась голова колонны.

Его внимание привлек один из троллей, шедших впереди, противная тварь без половины морды. Он так лихо орудовал кнутом, что не только несчастные пленники, но и другие тролли трепетали при каждом его слове. Охотник понял, что это, должно быть, лидер.

Джеймстон достал свою лучшую стрелу, натянул тетиву и хорошенько прицелился. Стрелять раньше времени не хотелось, чтобы не испортить сюрприз, но он решил, что это гадкое животное сдохнет в тот самый миг, когда тролли поймут, что на них напали.

Ему по-прежнему не нравилась эта затея, но в одном сомнений не оставалось: это будет отличная разминка! Джеймстон кивнул своим мыслям.

— Тридцать с лишним, — едва слышно произнес брат Джонд, встряв между Брансеном и Воной, когда они притаились у самой дороги.

Тот и другая теперь уже и сами видели, что расстановка сил явно не в их пользу. Тролли держали вереницу из десятка пленных в живом оцеплении.

— Отмените атаку, — шепнул Джонд, схватив Брансена за руку.

Разбойник уже готов был согласиться, но как это сделать? Олконна и Крейт уже

наверняка заняли позицию справа от них и не услышали бы команду. Колонна уже проходила в каких-то десяти шагах от них, и не было никакой возможности незаметно взобраться обратно на гору.

— Покажем им! — одними губами произнес Брансен и двинулся к хвосту отряда, где тролли сбились в небольшую группу.

Вона кивнула, и даже брат Джонд вынужден был признать, что другого выхода нет.

Все уже решено. Выбор они сделали еще на горе. Сейчас перед ними уже тянулась вереница троллей и пленников. Воины взяли за оружие и приготовились.

Первый удар определит все.

Олконна и Крейт тоже осознали ошибку в подсчетах вражеских сил и трудности, возникшие в связи с ней. Спрятавшись за кустом, они периодически поглядывали влево, на север, чтобы не пропустить атаку трех своих товарищей и напасть одновременно с ними.

В какой-то момент им даже показалось, что друзья тоже посчитали врагов и передумали. Но это было лишь минутное сомнение, ибо, когда первый десяток троллей миновал позицию Брансена, Воны и Джонда, троица набросилась на отряд, размахивая топорами и мечом.

— Отсекаем хвост! — вскричал Крейт, повторяя план, заранее разработанный на такие случаи.

Они с Олконной должны были ворваться в конец строя, нарушить его и гнать троллей вперед, прямо на троих друзей. Старый воин выскочил из укрытия и уже начал спускаться к дороге, но тут заметил, что его напарник остался на месте и смотрит куда-то на юг.

Он проследил за взглядом Олконны и все понял.

— Будь я проклят! — выругался Крейт, увидев, что группа, которую они приняли за всю колонну, оказалась лишь авангардом.

Следом за ним с юга приближалось гораздо больше троллей.

— Быстрее! У нас нет выбора! — крикнул он, схватил Олконну за руку, и оба бросились в атаку на ничего не подозревающих тварей.

Первые яростные минуты схватки прошли именно так, как надеялся Брансен. Вместе с Воной они врезались в ряды противника, внося в них полную сумятицу. Не осталось ни одной группы троллей, способной оказать организованное сопротивление. Твари, оставшиеся в одиночестве, погибали, сраженные клинком Брансена.

По предсмертным воплям, доносившимся с севера, смельчаки поняли, что за дело взялся Джеймстон. На несколько мгновений все трое даже поверили в то, что победа не за горами, будь троллей хоть двадцать, хоть тридцать, хоть целая сотня!

Но окрик брата Джонда, вторивший предупреждениям Олконны и Крейта, вернул их к реальности.

Улучив момент, Брансен бросил взгляд на юг, и его сердце упало. К нему со всех ног бежал Олконна, лицо его выражало полное отчаяние. Позади него Крейт, стоя спиной к Разбойнику, закрывался телом убитого врага от града летевших в него копий. Еще дальше он увидел толпы троллей, с криками бегущих к ним.

— Освободите пленников! — кричал Брансен. — Дайте им оружие!

Он подскочил к заключенным, но те шарахнулись от него и попадали на землю, ежась и хныча. Дни и даже недели мучительного плена сломили их дух, лишили людей всякой способности защищаться.

Брансен был в такой ярости, что одним ударом клинка отразил оба копия троллей, набросившихся на него. Отступив назад, он впился пальцами свободной руки в горло одному из врагов, а второго сокрушил ударом меча.

Разбойник посмотрел на юг. Крейт лежал на земле, корчась от боли. Олконна внезапно пошатнулся, упал на одно колено и схватился за ногу, в которую вонзилось копьё. Другое ранило его в шею. Обливаясь кровью, бедняга повалился лицом на землю, сжался в клубок и

застонал.

Брансен рванул к Воне и брату Джонду, которых тролли зажали в тиски. Восхищенный точностью и силой ударов Дикарки Ви, он снова понадеялся на благополучный исход. Джонд, стоявший за ней, поднял кулак. Голубоватая молния рассекла воздух над Крейтом и Олконной и ударила прямо по наступающим троллям. Те в ответ стали кидаться камнями, несколько раз попали в Вону. Женщина зарычала и выругалась.

Брансену повезло больше, но лишь поначалу. Вертясь и уклоняясь, он отбивал сыпавшиеся на него камни один за другим. Очередной булыжник летел прямо ему в голову. Брансен увернулся.

Почти.

Камень попал ему в лоб и отскочил в сторону. Разбойник пошатнулся, но быстро пришел в себя.

— Джеймстон, прикрой нас с тыла! — закричал он и снова бросился в атаку плечом к плечу с Воной.

Размахивая мечом и делая выпады направо и налево, Гарибонд расправился еще с одним троллем и двинулся вперед, полный решимости отбросить противника и защитить двоих раненых товарищей.

Позади опять сверкнула молния, раскидав ближних к нему троллей. Новый камень снова чуть не попал Брансену в голову. Он молниеносно увернулся, но от резкого движения с него слетела косынка вместе с гематитом.

Скорее по инерции, чем сознательно, Гарибонд сделал еще пару шагов и тут же оступился, неловко подвернув лодыжку.

«Что такое?» — хотел вскричать удивленный Брансен, но у него получилось лишь странное:

— Что-о-о?..

Он все понял. Вернее, не он, а Цапля.

Брансен шатался и спотыкался. Тролли подходили все ближе, но он не мог даже поднять меч. Молодой человек вспомнил о книге Джеста, старался применять ее уроки, сражаться, несмотря на внезапное разъединение тела и сознания, но оно было слишком внезапным, слишком неожиданным.

Оступаясь и неуклюже размахивая руками, Брансен не заметил, как уронил меч, и махал рукой так, будто все еще держал его. В лицо ему угодил камень. Два тролля, оказавшиеся поблизости, набросились на него с дубинками, осыпали болезненными ударами и повалили на землю. Но тут один из них вдруг отлетел в сторону. Ему в лоб вонзился топор Воны.

Она вместе с братом Джондом поспешила на выручку Брансену. С трудом прорвавшись к нему, Дикарка Ви подобрала его меч и бросилась на троллей, размахивая топором и клинком. Одна тварь рухнула замертво, еще две были ранены.

— Сеть! — вскричал брат Джонд.

Вона уже и сама заметила ловушку, брошенную на них тремя троллями. Она пыталась разрубить путы мечом Брансена, но в воздух были кинуты новые сети. Тролли теснили их со всех сторон.

Будь людей двадцать, они бы выстояли.

Будь их тридцать, они бы победили.

Глава двадцать вторая НА КОРМ РЫБАМ

Лапа мертвого тролля протестующе затрещала, когда Кормик попытался приладить ее к туловищу другого трупа. Он рассмеялся. Парню хотелось найти хоть какое-то развлечение, чтобы не закричать, потому что его занятие было ужасным, просто невыносимым. Он связывал тела убитых им троллей в подобие плота. Весь мир вдруг стал нереальным и смехотворным.

— На что вы обрекли меня, брат Джавно? — попенял он вслух и сам удивился имени, которое произнес.

Ведь это не Джавно решил его судьбу, а отец де Гильб. Так почему он сказал «Джавно»?

Видимо, потому что брат Джавно олицетворял в глазах Кормика одновременно и силу, и слабость абелийского ордена, его огромный потенциал и такую же близорукость. При мысли об этом человеке спина юноши снова заболела, но Кормик, к своему удивлению, осознал, что не держит на Джавно зла. Принять мотивы своих братьев-миссионеров и их спорные, а подчас и непозволительные методы вроде принуждения он не мог, однако понимал, к чему они могут привести.

Человек, который на голой скале посреди туманного озера мастерил ужасный плот из мертвых троллей, был против такой перспективы. На сей раз Кормик смеялся от души, понимая, что это лучше, чем плакать.

Сгибая закоченевшие трупы так, чтобы они плотно прилегали друг к другу, и скрепляя их отмершими плетями водных растений, которые прибило к скале, Кормик довольно скоро закончил свой хлипкий плот и вытащил его на небольшую глубину, чтобы проверить плавучесть. Выяснилось, что конструкция выдерживает гораздо больше, чем его вес, но было непонятно, как долго это продлится. А вдруг тролли начнут тонуть, когда он будет посреди озера? Кормик снова хмыкнул.

Остаться значило погибнуть. Без вариантов. В схватке с троллями, от голода или под палящим солнцем. Возможно, его смоет во время большой бури. Ведь близилась зима, и даже теплым водам Митранидуна не были чужды страшные шторма.

Теперь у него был плот, его единственный шанс выжить. Кормик поднял обломок доски с затонувшей лодки и оттолкнулся от скалы. Хлипкая подушка из плоти троллей увлекла его в туман. Он не знал ни где находится, ни в какой стороне остров Часовни или Йоссунфир, поэтому поплыл наугад в направлении, которое счел южным.

Доска оказалась неважным веслом. Мощные разнонаправленные течения Митранидуна, порождаемые горячими источниками и постоянной циркуляцией остывшей воды с поверхности на глубину, крутили Кормика вокруг одного и того же места, а туман в этот день так сгустился, что дальше, чем на пару ярдов, было ничего не видать. В конце концов юноша сдался и прилег на плот.

Некоторое время спустя тот легонько дернулся вниз. Кормик удивленно приподнялся на локтях. Рывок повторился, на сей раз куда более настойчиво. Тогда монах подполз к краю и стал всматриваться в воду, ожидая увидеть там тролля, но тут же в ужасе отпрянул. Под

плотом проплыла огромная рыба размером с него самого.

Тяжело дыша, он встал на колени посреди своего ужасного сооружения из трупов и поднял весло. Надо было убираться отсюда. Плот снова дернулся, потом содрогнулся от мощного удара снизу и внезапно поплыл в сторону, подхваченный уже не течением, а гигантской рыбиной!

Кормик подполз к краю плота и побледнел, увидев под собой чудовище с огромным ртом, схватившее за ногу мертвого тролля. Он сжал доску обеими руками и что было сил ударил рыбу. Плот целиком ушел под воду, но тут же всплыл и начал распадаться на части. Рыба уплыла с ногой тролля во рту.

Монах в отчаянии потер лицо. Гигантские рыбы откусывали от плота кусок за куском, отчего он беспрестанно дергался то в одну, то в другую сторону. Парень снова взял доску и стал бить ею по воде в надежде распугать чудовищ. На некоторое время все стихло. Кормик, затаив дыхание, молился о том, чтобы этот кошмар остался позади, но плот продолжал разваливаться. Юноша попытался что-то сделать и снова увидел огромных рыб, которые в ожидании кружили в воде.

— Эх, Джавно, на что вы меня обрекли? — в смятении закричал монах в пустоту удушливого тумана Митранидуна.

— Да гребите же влево, дурачье! — отчитывал Криминиг четырех гномов, сидевших на веслах.

Седобородый и морщинистый вождь поври стоял на носу, теребя в руках свой алый берет, самый яркий во всем племени, ибо никто не видел больше сражений и не совершил больше убийств, чем старый брюзга Криминиг.

Когда лодка начала поворачивать, он закрыл глаза и сосредоточился на своем головном уборе. Эти береты делали своих обладателей необыкновенно крепкими, быстрее залечивали их раны, и чем ярче горели, тем лучшей защитой служили. Но если слои крови на ткани соединялись с опытом и мудростью владельца берета, то он даровал ему еще более чудесную способность — дар предвидения.

Для таких гномов, как Криминиг, береты служили своего рода маяками. Пусть в густом тумане поври, попавшего в беду, не было видно, зато гномы чувствовали магию его колпака.

В этот день Криминиг рыбачил на озере, как вдруг ощутил характерную боль. Сигнал шел издалека, со стороны, противоположной их родному острову, а вождь знал, что все, кроме восьмерых его компаньонов, находятся дома, но сомнений у него не было.

— Поври в беде, — объявил он тоном, не допускающим возражений.

— Но все наши на острове, — возразил один его соплеменник.

— Значит, на озеро прибыл кто-то еще, — предположил другой.

Гномы принялись спорить. Только один из них знал ответ на эту странную загадку. Но Маквиджик решил держать его при себе. Он сидел на корме и занимался рыболовной сетью, несмотря на то что двое карликов, слышавших о судьбе берета Прагганага, бросали в его сторону любопытные взгляды.

— Налегайте-ка лучше на весла, — сказал им Маквиджик. — Может, и найдем что-то интересное.

— Влево перебрали! — проворчал Криминиг. — Право руля!

Маквиджик потер румяное лицо, опасаясь, как бы им не наткнуться на битву монахов с варварами.

Вытянув шею и не смея даже привстать на колени посреди дико раскачивающегося плота, Кормик отчаянно озирался по сторонам, хотя и понимал, что обречен. Даже если бы поблизости оказался какой-нибудь островок, даже если бы ему удалось сбить с толку гигантских рыб неожиданным прыжком в воду и выиграть время, как накануне с троллями, уплыть от них все равно не было ни малейшего шанса.

Одно чудовище прямо у него на глазах откусило пальцы от лапы тролля. Кормик

прекрасно разглядел страшные зубы рыбины. Если бы только у него был волшебный янтарь! Он бы мог сбежать по воде, едва касаясь поверхности.

Если бы!..

Совсем не так представлялась ему собственная кончина, хотя монах всегда отдавал себе отчет в том, что вряд ли доживет до преклонных лет. Собираясь в альпинадорскую экспедицию, он знал о судьбе предшественников, павших от рук варваров. Но смерть, особенно во имя блаженного Абея, его не страшила. Кормик считал, что лучше рисковать, но жить ради чего-то важного, чем отсиживаться в норе, дрожа за собственную шкуру.

Однако умирать так бесславно, пойти на корм рыбам, ему совсем не хотелось.

Еще одно чудище вынырнуло, схватило его за коленку и содрало лоскут кожи. Кормик мгновенно развернулся и ударил рыбу кулаком в бок. Та ушла под воду, но из-за резкого движения от плота отвалился очередной труп. Теперь юноша балансировал всего на трех телах, изрядно растерзанных.

Он решил снять свое намокшее платье, тянувшее его вниз. Зачем оно ему теперь?

Внезапно весь страх и вся ярость куда-то улетучились. Кормик покорился судьбе. Пусть мокрая и тяжелая одежда увлекает его в пучину. Лучше сдаться и покончить с этим.

Он надеялся поскорее потерять сознание, чтобы не чувствовать боли. Монах набрал в легкие воздуха, затем выдохнул и погрузился в воду, рассчитывая просто уйти на глубину.

Вдруг парень услышал плеск весел.

— Сюда! Сюда! — вскричал он и начал отбиваться от рыб с новой силой. — Скорее!

Тварь величиной с самого Кормика набросилась на него, но проворный монах молниеносно, со всей силы ударил ее кулаком по голове, потом еще и еще. Наконец чудовище с глухим звуком шлепнулось о плот и скатилось обратно в озеро.

Тела троллей окончательно разъединились и теперь плавали вокруг. Кормик из последних сил барахтался в воде, запрокинув голову и хватая воздух ртом. Мокрое платье тянуло его все ниже. Он стал захлебываться и понял, что тонет.

В этот момент чья-то сильная рука схватила его за плечо и вытащила на поверхность. Кормик ощутил, как огромная рыба скользнула вдоль ноги, как его втащили в лодку, ударив головой о борт. Через секунду юноша уже лежал на деревянных досках, свернувшись в клубок и закрыв глаза. Он кашлял, чувствуя, что изо рта выливается вода. Сознание покидало его.

— Ну-ка, что у нас тут такое? — услышал он характерный выговор поври и голос, звучавший как шорох гальки, увлекаемой волной в озеро.

— Звать Кормиком, — послышался другой, знакомый голос. — Он выиграл берет в честном бою.

— Так заberi его, а этого дурака отдай на съедение форелям, — сказал первый.

Больше Кормик ничего не слышал.

Глава двадцать третья ПЛЕННИКИ

— Не позволяй ему падать, — умолял брат Джонд Вону, которая изо всех сил поддерживала Брансена, пока они шли в веренице заключенных.

Оба прекрасно понимали, чем это грозит. В тот день одна из пленниц уже упала, изнуренная холодом, разреженным горным воздухом и долгой дорогой. Тролли немедленно спустились к ней, издеваясь и смеясь, исхлестали ее кнутом, забили ногами до такой степени, что женщина не могла даже подняться, и никому не позволялось ей помочь. А потом твари бросили несчастную погибать.

— Да что с ним такое? — недоумевала Вона, впервые видя неуклюжую походку Брансена-Цапли.

— Его слишком сильно ударили по голове, — ответил брат Джонд.

Пока они шли, Вона и Олконна уже восемь раз задали ему этот вопрос.

Олконна получил несколько довольно серьезных ран, и Джонд поначалу решил, что парень не выживет. Но к счастью, почти все они оказались неглубокими, так что рыжий богатырь не зря заслужил репутацию крепкого малого. Теперь, несмотря на боль и увечья, он шагал, не позволяя себе хныкать и жаловаться.

Брансен почти не слышал их разговоров. Поначалу он пытался промямлить что-то, объяснить, в чем дело, но потом оставил эти попытки, поняв, что товарищи все равно не смогут ничего поделать. Его косынку брат Джонд подобрал, но душевного камня найти не смог. Потом тролли отняли у монаха все, в первую очередь — волшебные самоцветы.

Крейт погиб и остался лежать на месте сражения. Оставшиеся в живых воины дамы Гвидры все без исключения были ранены. Брансен легче всех, Олконна получил самые серьезные повреждения. Но Гарибонд лишился гематита и никак не мог считать, что ему повезло. Он призывал на помощь навыки Джеста Ту и пытался совладать со своим Чи, хотя и понимал, что не сможет долго сохранять концентрацию и тогда Цапля снова вырвется наружу.

Но надо было идти дальше, ежесекундно прилагая усилия, чтобы просто переставлять ноги. Все четверо, включая Брансена, надеялись, что в какой-то момент их конвоиры оплошают. Если бы это произошло, то Брансен, пользуясь моментом, пустил бы в ход все умение Джеста Ту, которое позволяло даже за несколько секунд расправиться со многими врагами.

Но по мере того как проходил день и следующая ночь, их надежда таяла. Тролли оказались опытными, не говоря уже о численном превосходстве. Устраивая лагерь, они разбили заключенных на группы, положили их прямо на ледяную землю лицом вниз и приставили каждому к шее копьё.

Оставалось рассчитывать лишь на Джеймстона Секуина, хотя Брансен не представлял себе, что может сделать один человек против страшной силы Беддена и его приспешников. Он старался не думать об этом, хотя перспектива никогда больше не увидеть своих дорогих Кадайль и Каллен становилась все реальнее.

На следующий день пленникам предстояло одолеть длинный спуск к реке, скованной бело-голубым льдом. В самом низу дорога стала скользкой, и Брансен, как ни старался, как ни поддерживала его Вона, все равно несколько раз упал. Поскользнувшись в первый раз, Гарибонд подумал, что его долгому испытанию настал конец. Сейчас придут тролли и забьют его до смерти. Но изможденные пленники то и дело скользили и падали. Хотя ни Брансен, ни остальные бедняги об этом не догадывались, колонна была уже слишком близко к цели, чтобы тролли решили кого-то из них убить.

Люди и тролли миновали скалистый перевал и ступили на ледник. Как ни странно, его поверхность оказалась плотнее и лучше, чем испещренная льдом горная дорога.

По прошествии приблизительно часа пути в первых рядах слышались возгласы изумления. Все подняли глаза и увидели на юго-востоке огромный замок, будто целиком сделанный из льда. Почти прозрачные стены, источавшие зловещий голубоватый свет, венчались сверкающими башнями и минаретами. Когда колонна подошла ближе, по рядам пробежала волна ужаса. От замка исходила страшная энергия необыкновенной силы. Но не

только. Никто из них до сих пор не видел великанов.

Это были те самые гиганты, о которых предупреждал Джеймстон. В три раза выше Брансена, они одним своим видом насмеялись над его воинской гордостью. Как бы прекрасно он ни владел оружием, как бы силен и ловок ни был, разве мог он надеяться когда-нибудь одолеть такое чудовище?

— Н-нет, — пробормотал Брансен, покачивая головой и стараясь отвлечься от печальных мыслей.

Перед ним было обиталище старца Беддена, главная цель, конечная точка его миссии. Здесь он найдет ключ к свободе или, что более вероятно, ворота в мир иной. Теперь Брансен это понимал.

Джеймстону Секуину удавалось так долго оставаться в живых в этих враждебных землях лишь потому, что он знал, когда пора убегать. Вот и сейчас лучник выпустил шесть стрел, тремя поразил троллей насмерть, четвертого поверг наземь в агонии. Но потом сражение приняло неожиданный оборот. Тролли, пленники и его товарищи — все смешались в одну яростную толпу. А когда появилось вражеское подкрепление, надежда на победу окончательно растаяла.

С горечью в сердце Джеймстон осознал, что у него только три выхода: броситься в битву и умереть, попасть в плен или бежать. И он сбежал. Через некоторое время колонна пленников миновала его укрытие. Почти все друзья старика были еще живы, но ведь он знал, куда и зачем их ведут.

Немного погодя, наблюдая, как мимо проходит второй отряд троллей, он проклинал себя за безрассудство, за то, что не настоял на более тщательной разведке, прежде чем напасть. Вряд Секуин сумел бы отговорить упрямых героев, но он мог хотя бы их задержать!

Остаток дня лучник незаметно преследовал колонну, а ночью несколько раз пытался проникнуть в лагерь троллей. Но они оказались не новичками, и приблизиться к товарищам ему так и не удалось.

На следующий день дела пошли еще хуже. Штурмуя трудный и разбитый горный перевал, тянувшийся над Тунрукским ледником, два отряда троллей объединились. Он наблюдал, как одна женщина споткнулась и упала. Тролли набросились на нее, с издевками били кнутом, пинали, а потом оставили окровавленную страдальцу умирать. Старик ничего не мог поделать.

Только отряд скрылся из виду, Джеймстон поспешил к ней. Бедняжка была еще жива. Он промыл ей раны водой из бурдюка и стал накладывать многочисленные повязки с лечебными травами.

Женщина стонала и скулила, но не открывала глаз. Джеймстон испугался, что она так и не опомнится. Бросив взгляд в ту сторону, где скрылись тролли с пленниками, он вздохнул, аккуратно взял раненую на руки и двинулся обратно.

Путь в Вангард предстоял неблизкий, но другого шанса выжить у этой несчастной не было. Кроме того, Джеймстон считал своим долгом известить даму Гвидру о провале экспедиции. Вангард под властью старца Беддена был ему совсем не по душе.

Связанных, грязных, продрогших, смертельно уставших людей выстроили в шеренгу на леднике, между южной стеной ледяного замка, красовавшегося на восточном берегу реки, и гигантским разломом. Невдалеке два великана загоняли в лед клинья, но даже их грубая мощь не вселяла в души пленников такого страха, как стоявший перед ними старый, но вовсе не дряхлый человек.

Брансен догадался, что это и есть старец Бедден. На нем была такая же мантия, как на мерзком самхаисте Берниввигаре, которого Разбойник когда-то убил. Мощь, исходившая от этого человека, его властная осанка, подавляющая любого, кто стоит рядом, — все это напомнило Брансену о давнем столкновении с могущественным магом. Только этот старец был гораздо сильнее.

Несколько ужасно долгих минут прошли в тишине. Тролли переминались с ноги на ногу и нервно хихикали, но никто не смел нарушить молчание. Пленники изо всех сил старались не встретиться с Бедденом взглядом, в котором читался смертный приговор им всем.

— Сначала его, — наконец указал самхаист на Олконну, который держался на удивление мужественно. — Остальных уведите. Они должны страдать, чтобы смерть показалась им избавлением.

Три тролля схватили Олконну и с силой вытолкнули вперед. Не имея возможности подставить связанные за спиной руки, он рухнул лицом вниз. Раздался треск, и Олконна застонал. Когда его перевернули на бок, на бело-голубом льду остался ярко-красный след.

Брансен бросил быстрый взгляд на старца Беддена. Если тот и заметил, что произошло, то не подал вида. Его внимание привлек тролль, стоявший неподалеку с мечом Брансена за спиной. Внезапно старец вытянул руку и сжал кулак, как будто бы схватил тролля за горло.

Злобное существо действительно задергалось и потянулось обеими лапами к шее. Бедден согнул руку, и тролль, спотыкаясь, приблизился к нему. Ноги этой твари так сильно отставали от головы, что она неминуемо упала бы, если бы маг не держал ее за шею своей волшебной рукой.

Когда скотина оказалась рядом, старец Бедден схватил ее за горло уже по-настоящему, с поразительной легкостью поднял над землей и повернул спиной к себе. Он секунду разглядывал богато украшенный клинок, потом вынул его из ножен и бросил тролля на землю.

Теперь старец Бедден внимательно рассмотрел великолепное оружие, и его глаза загорелись. Он тихо сказал троллю что-то такое, чего ни Брансен, ни остальные пленники не расслышали. Тролль ответил громче, но на непонятном языке. Тогда Бедден оттолкнул его, взял клинок обеими руками и принялся размахивать им перед собой с таким видом, как будто к нему попало великое сокровище.

Но вдруг его лицо помрачнело, глаза сузились. Брансен едва не потерял равновесие, наблюдая за тем, как самхаист поднес клинок к носу и стал принюхиваться, как ищейка.

Тем временем тролли уже начали уводить пленников от ущелья. Брансен и его товарищи тоже двинулись прочь, но тут старец Бедден приказал колонне остановиться. Все как один посмотрели на мага и увидели, что он снова о чем-то спрашивает тролля, который принес меч. В ответ тот обернулся и указал в толпу заключенных, где стоял Гарибонд.

Старец Бедден не спеша подошел и заговорил, но не с ним, а с Воной, стоявшей рядом.

— Мне сказали, что ты сражалась этим клинком, — заявил маг.

— Да, — ответила Вона, не зная, что еще сказать, и нервно оглядываясь на брата Джонда и Брансена.

Бедден сделал знак, и тролли вытащили ее вперед.

— Этот клинок пахнет кровью самхаистского старейшины, — объявил старец, испепеляя Вону взглядом. — Им убили моего друга.

Вона сжалась и обернулась к друзьям в поисках поддержки. Брансен пытался крикнуть, что меч принадлежит ему, но с его губ слетело лишь что-то нечленораздельное.

— Он у меня недавно, — запинаясь Вона. — Я ни разу не видела самхаистского старейшину.

— Он перед тобой, — ответил старец Бедден и неожиданно вонзил меч ей в живот.

Лицо Воны окаменело, она взвыла, согнувшись пополам и рухнула на одно колено, пытаясь удержать вывалившиеся внутренности. Друзья, не веря своим глазам, в ужасе отпрянули.

Бедден махнул троллям и указал на Олконну и Вону. Хорошо обученные слуги знали, что делать. Одна группа схватила Олконну и поволокла его к остальным пленникам, в то время как другая потащила истекающую кровью и желчью Вону к ущелью.

Бесстрашная женщина пыталась сопротивляться, насколько это было возможно с ее ранами. Наконец ей удалось повернуться к Олконне, которого вели в противоположную

сторону.

— Каждый миг бесценен, — выдохнула она сквозь боль, предчувствуя неминуемую гибель.

Один тролль сбегал за веревкой, другой конец которой тянулся к катушке, закрепленной на бруске прямо над ущельем. Брансен и остальные пленники с ужасом наблюдали за тем, как твари привязывают веревку к лодыжке Воны и тащат ее к краю пропасти. Там уже ждал старец Бедден, все еще с мечом в руке.

— Пусть смотрят, — зловеще остановил маг троллей, опять собравшихся было уводить пленников.

Преисполненный ужаса и отвращения, Брансен попытался сосредоточиться. Он хотел собрать всю энергию Джеста Ту и крикнуть, что это его меч, но только открыл рот, как чей-то кулак ударил его по голове. Цапля упал, посмотрел наверх и с удивлением обнаружил, что это сделал Джонд.

— Не лишайте смысла ее жертву, — резко прошептал монах.

Брансен не сразу сообразил, что это значит, но потом взглянул на старца Беддена и Вону, которая висела вверх тормашками над ущельем, безуспешно пытаясь согнуться и схватиться за окровавленный живот. Сердце его упало, каждая клеточка тела трепетала от ужаса и негодования. Брат Джонд вывел его из оцепенения, поставив на ноги.

Старец Бедден встал на краю уступа перед Воной, воздел руки к небу и стал нараспев вызывать великого ледяного червя.

— Что он делает? — вскричал потрясенный Олконна, но не успел договорить, как лед под ногами задрожал от громоподобного рокота.

Вона посмотрела вниз и побелела как полотно, несмотря на то что висела вниз головой. Она что-то забормотала и попыталась раскачаться так, чтобы достать до края ущелья, но тролли уже вращали лебедку, опуская ее все ниже. Оттуда снова раздался рык гигантского чудовища, следом послышались иступленные крики Воны. Тролли продолжали крутить рычаг. Крики и рычание не прекращались, и вдруг все разом стихло.

Затем веревку дернуло так сильно, что толстый брус согнулся и, казалось, вот-вот сломается. Но он выдержал, и тролли стали вытаскивать канат, не нуждаясь больше в лебедке.

— Правосудие свершилось, — провозгласил старец Бедден, повернулся к толпе, высокомерно, довольно улыбнулся и махнул троллям, чтобы те уводили заключенных.

Из ущелья донесся последний пронзительный крик, заставивший пленников обернуться. Показался конец веревки с привязанным к нему остатком ноги Воны. В том месте, где сомкнулись челюсти кошмарного монстра, плоть была разорвана и искромсана.

— Святой Абель, — пробормотал брат Джонд и поклонился.

Глава двадцать четвертая ПОД ПОСТОЯННОЙ УГРОЗОЙ

— Они решили, что ты со своими длинными ногами согласишься нам на рыбалке, — объявил Маквиджик Кормику.

Юноша сидел на северо-восточном берегу острова поври, уставившись в туманную даль озера.

— Так что убивать тебя мы не станем, — заверил его гном, протягивая рыболовную сеть. — Если только сам не натворишь чего.

— Я благодарен и за спасение, и за то, что вы столь милостивы. Не отняли у меня жизнь!..

— Думаю, старшим интересно посмотреть, сможет ли сын Прэга, когда вырастет, вернуть себе отцовский колпак, — добавил Маквиджик, пожав плечами.

— Старшим? А разве ты не один из них?

— Да, но у меня свои причины не убивать тебя.

— Свои, значит?

— Да.

Несмотря на серьезность своего положения, Кормик не мог не улыбнуться этой загадочности в устах грубого поври. Ему начинал нравиться этот гном.

— В общем, не давай нам повода и останешься в живых, — повторил Маквиджик. — А теперь налови-ка рыбы, — распорядился он, плюнул на камни и собрался уходить.

— А как мне быть, если вы станете с кем-нибудь сражаться? Что делать, когда поври отправятся драться с монахами или с альпинадорцами? — крикнул Кормик вслед Маквиджику.

Тот медленно развернулся, подбоченился и ответил, совершенно не поняв вопроса:

— Даже и не думай, что мы возьмем тебя с собой.

— Я и сам ни за что бы не пошел с вами, — засмеялся Кормик. — Ты это отлично знаешь.

— Но с варварами-то ты все время дрался.

— Не по своей воле, — ответил Кормик. — Ни против них, ни против вас я ничего не имею.

Маквиджик опять смачно сплюнул почти под ноги юноше.

— Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы решить, будто ты боишься, — заметил он.

— Нам нечего делить!

— Неужели? А как насчет троллей? Что скажешь?..

— Троллей я помогу вам убить всех, каких только сможете отыскать, — перебил его Кормик.

— Да уж, мы видели остатки твоего плота, — одобрительно осклабился Маквиджик. — Ничего чудовищней не встречали. Может, еще и поэтому тебя решили оставить.

— Но я не могу жить с вами, — сказал Кормик.

— Неужто собрался в дальний путь?

— Мне нельзя долго оставаться здесь, — продолжал бывший монах, не обращая

внимания на сарказм Маквиджика. — Это место не для меня.

— Хочешь, чтобы мы отправили тебя обратно в часовню? — спросил поври. — Можно, но ты должен это заслужить. Так что давай-ка отправляйся за рыбой...

— К монахам мне больше нельзя, — прервал его Кормик. — Они меня не примут, да и я не могу их простить. Они бросили меня в лодку и отправили в озеро умирать. Но я почему-то не умер.

— «Почему-то!» — передразнил Маквиджик. — Да на тебе же был колпак, дурила!

В знак согласия Кормик поправил свой берет.

— Значит, обратно не хочешь, оставаться не хочешь, а куда хочешь?

— На Йоссунфир, — заявил Кормик.

— К варварам?

— Да. Прошу тебя отвезти меня туда.

— Да они же убьют тебя.

— И все же мне надо туда, — сжал губы Кормик.

— Значит, отправишься без нас, — ответил гном. — Мы держимся от них подальше. Этот народ совсем не таков, как твои монахи. Они воду знают, быстро понимают, если к их острову кто-то приближается. Сто лет здесь живут, а то и много больше. Конечно, эти люди не пускают молний из камня, как твои собратья. У них своя магия. Она тише, но для нас опаснее, если случайно окажемся рядом.

— Тогда дайте мне лодку, я сам поплыву.

— Совсем спятил, — буркнул Маквиджик, опять сплюнул и на сей раз угодил Кормику прямо на ногу. — Лодка стоит гораздо больше твоей жизни.

— Я ее сразу же верну.

— А как будешь потом возвращаться на их остров?

— Я не собираюсь никуда возвращаться на этом озере, — тихо отозвался Кормик и с удивлением отметил, как насторожился Маквиджик при этих словах. — Оно всегда было мне не по душе.

— Что ты имеешь в виду, парень? Говори яснее.

— На Йоссунфире у меня есть друг, может, и не один. Мы хотим уйти с озера. Лодка мне нужна, чтобы забрать ее оттуда.

— Ее? Ха-ха, вот теперь понимаю.

— Мы тут же вернемся. Если ты согласишься доставить нас потом до берега, то можешь забыть обо мне навсегда.

Маквиджик начал было что-то отвечать, губы его беспрестанно шевелились, но ни одного осмысленного звука не последовало.

— Да пойдешь ты ловить эту чертову рыбу или нет? — буркнул он наконец, махнул на прощание рукой и поспешно ушел.

Кормик не имел ни малейшего представления о том, что бы это могло означать, взял сеть и зашел в теплую воду.

— А ты все смотришь на юг, — заметил Андрузис, прогуливаясь рядом с Милкейлой. — Боишься, что с ним что-то случилось.

Это был не вопрос, а утверждение, наблюдение, с которым спорить было бессмысленно.

— Мы постарались обставить все так, будто сами сбежали, — заверил ее Андрузис. — Не думаю, что монахи знают о его причастности.

— Тогда почему же он до сих пор не подал никакого сигнала? — недоумевала Милкейла.

Андрузис положил руку ей на плечо, но тут же раздался крик Тоникуэя:

— Возвращайтесь к своим обязанностям!

Молодые люди отпрянули друг от друга и обернулись.

К ним шел шаман.

— Не многовато ли времени вы тратите на поиски этого абелийца? — проворчал Тоникуэй.

— Который спас нас, — поправил Андрузис, но тут же смутился, удивляясь тому, что посмел возразить такому значительному человеку.

— Так, значит, это правда, — повернулся Тоникуэй к Милкейле. — Ты влюбилась в этого абелийца по имени Кормик!

Шаман бросил свирепый взгляд на Андрузиса, чтобы тот больше не осмелился напоминать, что монах спас им жизнь.

— Он наш друг и ничего плохого нам не сделал, — холодно ответила Милкейла.

— Друг, — насмешливо повторил Тоникуэй и плюнул. — Друзья не предают своих собратьев. Это хитрость, а не дружба. Его предательство свидетельствует лишь о склонности к преступлениям.

Милкейла пропустила замечание мимо ушей.

— Обязанности ждут, — вдогонку напомнил ей Тоникуэй. — Тебе придется постараться, чтобы вернуть себе доброе имя.

— Я уже шаманка.

— Пока — да.

Это предостережение заметно задело молодую женщину. Она поспешила уйти.

Тогда Тоникуэй снова пристально посмотрел на Андрузиса и сказал:

— А тебе надлежит научиться принимать свое положение. Мое терпение на исходе, Андрузис. Я показал тебе опасные воды. Достойные мужи заплатили за это жизнями!

Ошеломленное выражение лица Андрузиса красноречивее любых слов говорило о том, что он не считает себя виновным в произошедшем с ними несчастье.

— Для тебя, молодого и пылкого, мы сделали исключение, — неумолимо продолжал Тоникуэй. — Но больше этого не будет. Докажи, что усвоил урок, или будешь изгнан — и то, если старейшины проявят благосклонность.

— Да, Тоникуэй, — покорно отозвался Андрузис и смиренно потупил взор.

Шаман сурово следил за каждым шагом молодого человека, потом ушел восвояси.

Мрачное настроение не покидало брата Джавно и остальных монахов, пока они таскали большие валуны из той части острова, которую определили в качестве карьера. Джавно вздрагивал всякий раз, вспоминая, как он был здесь с Кормиком, когда появились поври. В тот день его младший товарищ прекрасно, отважно сражался.

Братия острова Часовни тяжело переживала утрату. Эта история вселила в их души настоящую пустоту. Особенно страдал Джавно, которому было поручено привести в исполнение это наверняка смертельное наказание. С тех пор как была спущена на воду та злосчастная маленькая лодка, никто не произносил имени бывшего собрата. Это и не требовалось — Джавно читал все на их лицах. Все до одного были потрясены, всех до единого предательство Кормика заставило спросить себя о главном — об их предназначении в этих дальних краях, среди чуждых народов.

Почему Кормик так поступил? Отец де Гильб сказал, что он предал сами принципы их миссии.

Вспоминая о связи Кормика с варваркой, Джавно полагал, что он знает ответ. Блаженный Абель учил, что любовь — это самое сильное из человеческих чувств, погубившее гораздо больше людей, чем ненависть. В ордене блаженного Абея не было строгого запрета на брак, но блуд среди братии порицался. Если человек посвящал себя церкви, то полностью. А уж связь с язычницей, с варварской шаманкой мыслилась как что-то абсолютно неприемлемое.

Джавно считал, что Кормик заслужил наказание, с того ужасного дня повторял себе это миллион раз, но так и не мог забыть, как зазубренные концы плети вспарывали плоть на спине юноши.

Он вздрогнул, не сразу осознав, что один из братьев уже не впервые о чем-то его

спрашивает.

— В чем дело, брат? — отозвался Джавно.

— Так как быть с камнем? — повторил молодой человек.

— С каким камнем?

Монах с любопытством поглядел на Джавно, затем кивнул в знак понимания, ибо причину такой рассеянности нетрудно было понять, и указал на большой кусок скалы, лежавший неподалеку.

— Он слишком велик. Вам так не кажется? — спросил монах.

— Вовсе нет, — ответил Джавно, удивленно посмотрев на собеседника.

— В одиночку мне с ним не справиться, — объяснил молодой человек.

— Так пусть кто-нибудь вам пособит.

— Все заняты, брат Джавно. Я подумал, может быть, вы мне поможете отнести его или сумеете уменьшить вес силой малахита.

Джавно уже хотел выговорить брату за его вздорное предложение. Ведь он здесь находился для того, чтобы распоряжаться работой, а не участвовать в ней. Но вдруг служитель Абея заметил, что юноша смотрит на него с надеждой и сочувствием. Он оглянулся и понял, что почти все монахи втихомолку наблюдают за их разговором.

Брат Джавно улыбнулся, пораженный внезапной мыслью.

«Они пытаются отвлечь меня! Работа помогает им не думать о трагедии, связанной с братом Кормиком, вот братья и решили вовлечь старшего товарища в этот благотворный труд».

— Конечно, брат, — ответил он молодому монаху. — Давайте вместе отнесем камень к часовне. Он станет прекрасным дополнением к стене.

«Вместе», — повторил он про себя.

Лишь это единство и осталось у монахов вдали от дома, от семьи. Без него все они просто сошли бы с ума.

Вот почему предательство Кормика было таким ударом.

— Бикельбрина ты, наверное, помнишь, а это мои друзья, Раггирс и Пергвик, — сказал Маквиджик, шлепая по воде к Кормику.

Юноша кивком поприветствовал каждого, размышляя о том, что может означать эта встреча.

— Мы отвезем тебя к ней, — объявил Маквиджик, и парень от неожиданности выронил гарпун. — Пока не знаю как, но мы найдем способ. Кроме того, есть одно условие.

Кормик поднял руки, демонстрируя свое разодранное платье.

— Я небогат, но все, что есть...

— Ты сможешь нам отсюда выбраться, — перебил его Маквиджик. — Это и есть условие.

— Мы четверо сыты по горло этими скалами, — объяснил гном, заметив удивленный взгляд Кормика. — Хотим уйти с озера, но не знаем пути. С тех пор как я пришел сюда, минула сотня лет, а у тебя воспоминания посвежее. Так что мы поможем тебе забрать девчонку. Взамен ты будешь нашим проводником.

— Я пойду на юг, из Альпинадора в Вангард, может, даже через залив, в Хонсе. Не уверен, что вас там хорошо примут.

— Ты позаботишься об этом, — ответил Маквиджик. — Так что обмозгуй, как забрать твою девушку, а потом мы вшестером уедем отсюда. Или впятером, если она решит остаться.

— Нас может быть и девять, и даже двенадцать, — уточнил Кормик. Конечно, если ее друзья тоже захотят увидеть мир.

— Приводи хоть сотню, хоть тысячу! — сказал Маквиджик. — Скорей бы уж отправиться в какие-нибудь интересные места.

Кормик сел, ошеломленный неожиданным поворотом событий. Еще недавно он плавал на плоту из мертвых троллей, рискуя пойти на корм рыбам, а сегодня перед ним открылся

путь к свободе, к тому, о чем они с Милкейлой так долго мечтали. Юноша закивал — весьма по-дурацки, как ему показалось.

— Тогда этой ночью плывем на Йоссунфир и в скором времени стартуем, — сказал Маквиджик, хлопнул себя по ляжкам и ушел.

Кормик снова так же глупо закивал и взялся за гарпун, но в этот день ничего больше не поймал.

Глава двадцать пятая РАДИ УДОВОЛЬСТВИЯ СТАРЦА

Почти без еды и питья слабеющих день ото дня пленников держали всех вместе в ледяной тюрьме. Те, кому пока повезло больше, наблюдали, как каждые два дня кого-нибудь из них хватали и тащили к ущелью, чтобы отправить на корм обитавшему там чудовищу.

Каждое такое жертвоприношение старец Бедден проводил самолично, с явным наслаждением. Его жестокий взор, которым он пожирал пленников в минуты, когда новая жертва корчилась в агонии, так напоминал Брансену Бернививгара!

Еще они могли наблюдать Беддена во время ежедневной казни троллей, которая проходила иначе. Сразу нескольких таких существ подвешивали над ущельем, перерезав им запястья, чтобы кровь стекала прямо в расщелину.

— Их вешают каждый день в разных местах, чтобы покрыть кровью все стены ущелья, — заметил один из пленников.

— У них такая кровь, — ответил другой. — Если добавить ее в воду, то смесь не будет замерзать.

Но никто не мог понять, зачем это делается, да и какое это имело значение для несчастных?

Брансен же не упускал ни единой детали. В тяжелейших условиях его физическое состояние только ухудшилось, но ум продолжал усиленно работать. Он постарался забыть на время о возможностях Джеста Ту и берег силы для решающего момента, надеясь лишь, что рано или поздно он наступит. Это был его единственный шанс.

В одно серое утро его время пришло.

Когда тролли потащили Брансена прочь, только брат Джонд заступился за него. Даже Олконна пытался образумить абелийца, спокойно заметив, что наконец-то страданиям Разбойника придет конец. Безусловно, бороться за его жизнь в этих обстоятельствах не имело смысла, но замечание Олконны сильно задело Брансена. Тем не менее, пока тролли тащили его к краю пропасти, он постарался сосредоточиться на более важных вещах. Наконец молодой человек беспомощно распростерся на льду и увидел, как к нему приближается старец Бедден с его мечом в руке.

«Момент настал, — решил Брансен. — Сейчас я призову все свои навыки, отниму у Беддена меч и прикончу его, как прикончил Бернививгара. Правда, тогда, несколько лет

назад, у меня был душевный камень, каждое движение не превращалось в настоящую битву, как теперь. Однако стоит хотя бы попробовать!»

— Этот? — спросил старец Бедден.

Его недоверчивый тон несколько остудил пыл молодого человека.

Старец с сомнением глядел то на Брансена, то на расщелину.

— Нет, — решил он.

Гарибонд вздохнул с облегчением, хотя и понимал, что это только временная отсрочка. Если пленника оставляли в живых, то лишь с определенной целью.

— Нет, — повторил Бедден. — Не знаю, что за болезнь так исковеркала человечка, но, если мы скормим этого немощного червя, он может заразить животное. Несите его на юг.

Старец двинулся в том же направлении, через мост, ведущий к краю расщелины. Тролли потащили Брансена следом.

Молодой человек сообразил, что казни не миновать, хотя в качестве жертвы он и не подошел. Он стал инстинктивно сопротивляться, с яростью и упорством человека, осознавшего неизбежность и неотвратимость приближающейся кончины. Впервые с того момента, как он лишился душевного камня, мышцы подчинились Брансену настолько, что ему удалось вскочить на ноги и вырваться из цепких лап четырех троллей, державших его за лодыжки и запястья.

Он с разворота пнул по колену одного тролля, отбросил его мощным ударом в челюсть, подпрыгнул и обеими ногами с удивительной ловкостью поразил двух других тварей с такой силой, что они рухнули на землю.

Оставшиеся тролли набросились на Брансена и попытались впиться в него когтями, но тот, высоко подскочив, перекувырнулся и спиной припечатал одного из конвоиров ко льду. Тварь вцепилась лапами в грудь и горло Брансену. Тогда Гарибонд схватил его за запястья, вывернулся, снова поднялся на ноги и рывком сломал троллю обе лапы.

Обернувшись, он увидел еще двоих. Первый принялся душить его. Пленник схватил тролля за большие пальцы, потянул их вниз и упал на колени, увлекая врага за собой. Неожиданный прием позволил ему вывернуть пальцы тролля так, что они хрустнули. Брансен мгновенно отскочил назад, но тут же почувствовал боль. Цапля снова овладевала его телом, согласованность движений Джеста Ту пропадала. Он уже не мог уворачиваться от острых когтей противников, но самое страшное заключалось в том, что драка привлекла внимание старца Беддена.

Лед под ногами Брансена внезапно растаял, и ему лишь чудом удалось быстро отскочить в сторону, чтобы не провалиться в глубь ледника. В тот же миг вода замерзла.

Старец Бедден закудаhtал от удовольствия. Тролли навалились на Брансена, потерявшего концентрацию и снова превратившегося в Цаплю, избивали и царапали его. Молодой человек продолжал брыкаться, но четыре конвоира слишком крепко его держали, а еще двое били кулаками каждый раз, как он пытался пошевелиться.

Когда тролли подтащили его к краю обрыва, бросили к ногам старца и опасно удалились, пленник был уже почти без сознания.

— Видишь? — спросил его старец Бедден.

Гарибонд беспомощно распластался на спине и видел только небо и нависшую над ним высокую фигуру мага. Бедден наклонился, схватил его за грудки и с удивительной легкостью поставил на ноги. Брансен глянул вниз с обрыва высотой в несколько сотен ярдов. Там раскинулось огромное озеро, покрытое белой пеленой.

— Митранидун, — пояснил старец Бедден. — Даже альпинадорские варвары называют его так. Самхаистское название в этих северных краях. Знаешь, почему?

Брансен даже не пытался отвечать, толком не осознавая, что видит, слышит и чувствует, прилагая все усилия лишь к тому, чтобы не упасть в эту черную бездну. Время еще не пришло.

— Потому что даже они не могут закрывать глаза на магию этого места, — объявил старец Бедден. — Даже дикари понимают, что наше имя, Митранидун, подходит ему больше

всего. Они знают, что это священное место, как и много лет назад. Однако оно до сих пор не в моей власти. Пока еще нет. Но я смою эту скверну, этих паразитов, которые осмеливаются называть Митранидун своим домом, потому что никто, кроме самхаистских старцев, не смеет приближаться к Митранидуну!

Брансен постарался запомнить слова Беддена, хотя был уверен, что скоро умрет и они перестанут что-либо значить для него. Но часть его сознания никогда не сдавалась, продолжала работать, искать выход и бороться.

— Великий червь усердно трудится, — продолжал старец Бедден, уже не обращаясь к Брансену, а просто наслаждаясь звучанием своей высокопарной речи. — Кровь троллей мешает холоду свести его труды на нет. Скоро Митранидун снова будет чист.

С каждым словом этой величественной тирады голос Беддена звучал все громче, как вдруг старец тихонько засмеялся, будто смутившись собственным порывом.

— Не могу допустить, чтобы ты участвовал в этом, — снова обратился маг к Брансену. — Извини, но я не готов разделить с тобой мой славный триумф. Божественный червь мне слишком дорог, чтобы скормить тебя ему. Хотя, должно быть, теперь тебе уже все равно.

Последние слова звучали в ушах Брансена все тише. Старец сбросил его вниз.

— Ничего глупее в жизни не слышал, — ворчал Маквиджик, потянув на себя весло, чтобы помочь сидевшему рядом Бикельбрину. — Мы должны простыть, чтобы больше не простужаться?

— Это называется закалка, — объяснил Кормик.

— Это называется глупость.

— Ты сказал, что хочешь уйти с озера.

— Да, уйти и больше не возвращаться! Но не спать на льду.

— Возможно, нам придется, — ответил Кормик. — Зима пока не наступила, но она не за горами. Даже в это время года надо быть готовыми к ледяному ветру и глубокому снегу высоко в горах.

— Значит, мы не пойдем в горы, — упрямылся Маквиджик.

Кормик вздохнул и постарался успокоиться, понимая, что гном тоже волнуется перед началом авантюры. Бывший монах и эти четверо поври окончательно решили покинуть берега Митранидуна. Даст бог, к ним присоединится Милкейла, может быть, и кто-то из ее друзей. Время для такого путешествия было неподходящее, но выдержать еще несколько месяцев на озере в компании одних поври Кормик не смог бы. Довольно скоро ему стало понятно, что и Маквиджик с товарищами тоже устал от ожидания. Все хотели одного — поскорее уйти отсюда.

— Друг твоей девушки отправится с нами? — спросил Маквиджик.

— Отвези меня к ней, и я узнаю это, — последовал ироничный ответ.

— Подождем, пока за тобой перестанут так пристально следить.

— Чем быстрее мы привыкнем к холоду, тем лучше. Это сгущает кровь.

— Ага, закалка называется, — сказал Бикельбрин.

Пергвик, сидевший позади него, захихикал.

— Глупость, — тихо пробормотал Маквиджик, но спорить не стал.

Несмотря на все жалобы, уйти с Митранидуна ему хотелось не меньше, может, и больше других. Это было известно всем. Когда разговор стих, он принялся старательно грести и даже пихнул Бикельбрину, чтобы тот не отставал.

Стоило Брансену сорваться с выступа, как его сознание уступило место инстинктам. Он был так напуган, что совсем забыл о немоции Цапли и лишь неистово размахивал руками, извиваясь всем телом и стараясь дотянуться до ледяной стены.

Его руки отчаянно, бешено работали, цепляясь, соскальзывая и снова хватаясь за выступы в стене. Совсем зацепиться Гарибонду не удалось, зато получилось немного

замедлить падение. К счастью, он избежал смертельной опасности потерять ориентацию и кубарем полететь вниз. Ему потребовалось несколько мгновений на то, чтобы повернуться вниз лицом и совладать с руками, после чего Брансен стал буквально выбирать маршрут своего падения.

Изменяя положение туловища, он управлял углом захватов и ударов, которые стали более осмысленными и сильными. Когда внизу показался довольно большой выступ, Гарибонд проворно зацепился пальцами за очередную неровность в стене, чтобы не столько замедлиться, сколько принять вертикальное положение. Молодой человек со всего маху ударился ногами о ледяную глыбу, тем самым несколько снизил скорость падения и не сопротивлялся, когда его перевернуло спиной вниз.

Он снова начал цепляться руками и ногами за попадавшиеся на пути неровности и продолжал сопротивляться силе гравитации, но примерно в шести ярдах от земли ледяная стена ушла в сторону. Брансену ничего другого не оставалось, как просто лететь в свободном падении. Он раскинул конечности в стороны, понимая, что не успеет сгруппироваться, и наконец рухнул в грязь.

Сознание покинуло его.

— Ха! Да ты глазастый, — похвалил Маквиджик Кормика.

Когда они вместе с еще тремя гномами проплывали мимо скалистого основания ледника, бывший монах заметил лежавшего навзничь человека, провалившегося глубоко в грязь.

— Думаю, это было больно, — сказал Раггирс, и поври засмеялись.

Кормик поднял глаза на отвесную ледяную глыбу. Он не находил ничего смешного в падении с такой высоты и бросился к телу, хотя был уверен, что несчастный мертв.

Тонкий, гладкий материал, из которого было сделано странное черное одеяние этого человека, до того заинтриговал Кормика, что он даже почесал в затылке, когда подошел поближе, ибо раньше ничего подобного не видел. Тут человек пошевелился, и юноша от неожиданности отскочил.

— А он крепкий парень, — заметил подошедший следом Маквиджик.

Отойдя от шока, Кормик проворно наклонился к несчастному и прислушался, дышит ли он.

— Живой, — объявил наконец парень.

— Это ненадолго, — рассмеялся Маквиджик. — После такого падения лучше сразу умереть.

— Да, это должно быть больно, — повторил Раггирс.

Кормик принялся внимательно осматривать упавшего, пытаясь определить, как сильно тот ранен. В какой-то момент он даже решил, что самым милосердным будет задушить беднягу и положить конец его страданиям, но чем дольше смотрел, тем меньше находил увечий. Юноша снял с головы берет поври и надел его на раненого.

— Тут одним колпаком ничего не сделаешь, — пробурчал Маквиджик, но Кормик не слушал и попытался привести человека в сидячее положение.

Тот не издал ни звука.

— Мне кажется, он упал не с самой высоты, — сказал Кормик.

— Конечно, этот чудака сам себя закопал в грязь! — усмехнулся Маквиджик.

— Он может выжить, — ответил юноша. — Его раны не такие тяжелые, как мы подумали сначала.

— Да что ты в этом понимаешь?

— Ты тоже не знаешь, прав я или нет, — резко отозвался Кормик. — Этот человек может выжить. Если бы только у меня были самоцветы... Они же есть на Йоссунфире! Скорее, помогите мне!

Поври недоверчиво уставились на монаха, но ни один не пошевелился.

— Мы не можем дать ему погибнуть! — закричал на них Кормик.

В ответ гномы расхохотались.

Юноша вздохнул и постарался успокоиться. Криком он мог бы добиться только того, что поври бросили бы его здесь или того хуже, но точно никак не помочь этому бедняге.

— Пожалуйста, — произнес он тихо. — Еще есть шанс его спасти. Мы, люди, не можем просто закопать сердце, чтобы потом выскочить из земли, заново родившись.

— Следи за тем, что говоришь, — предостерег Пергвик, но Кормик только махнул рукой.

— Знаю, — ответил он. — Но мне важно попытаться спасти его.

— Это твой знакомый? — спросил Маквиджик.

— Нет, конечно.

— Тогда какое тебе до него дело?

— Так надо! — нетерпеливо огрызнулся Кормик. — Прошу, отвези меня на Йоссунфир. Я должен хотя бы попытаться спасти его.

— Но ведь ты просто хотел забрать свою девушку, — возразил Маквиджик.

— Мы уже договорились, что она поедет с нами.

— Ну так забирай ее поскорее. Мы же сказали...

— Она может нам очень помочь, — заметил Кормик. — Ее народ тоже. Спасем этого человека и поможем себе сами.

— Как только мы приблизимся к Йоссунфиру, на нас градом посыплются варварские стрелы, — пробурчал Маквиджик. — Ты слепой болван, если думаешь, что это просто. Мы умрем прежде, чем успеем ступить на их берег. Это поможет твоему распростертому дружку?

Кормик еще раз глубоко вздохнул и посмотрел вокруг, словно ответ находился где-то рядом.

— Есть другой путь, — улыбнулся он.

— Ты спрашиваешь себя, почему я до сих пор тебя не убил, — сказал старец Бедден брату Джонду, которого после жестокого избиения притащили к нему в замок.

Абелиец поднял на него равнодушный взгляд, изо всех сил стараясь сохранять безучастный вид. Конечно, ему было страшно, но не хотелось доставлять проклятому самхаисту удовольствие наблюдать собственные страдания.

Несколько секунд старец смотрел на него в упор, затем вопросительно качнул головой, как бы требуя ответа, но брат Джонд упрямо молчал.

Лицо Беддена приняло злобное выражение.

— Конечно, ты решил, что абелийский монах станет моей первой жертвой. Ведь последние семьдесят лет твой орден был настоящим наказанием для всей земли.

Брат Джонд поборол желание ответить, но не мог удержаться от легкой улыбки, которая заставила Беддена нахмуриться еще больше. Внезапно старец захихикал, пробормотал какое-то заклинание и покачал перед лицом монаха своим ожерельем. Лед под ногами брата Джонда тут же растаял, и он стал проваливаться в образовавшуюся полынью.

Когда ноги монаха почти целиком ушли под воду, старец Бедден оборвал заклинание, и пол мгновенно замерз. Лед так сильно сжал тело, что кровь хлынула вверх, голова Джонда закружилась, его стало тошнить. Он чувствовал, что глаза вот-вот вылезут из орбит. Несмотря на все усилия, с губ абелийца сорвался стон. Лед стиснул его еще сильнее.

— Ах, как бы мне хотелось оторвать твои члены от туловища, — произнес старец Бедден, нависая над братом Джондом и проводя по его щеке кончиком меча Брансена. — Или вспороть тебе живот и медленно вытащить внутренности. Ты когда-нибудь смотрел в лицо человеку, которого так пытаются? Это самое изощренное мучение.

— Ты называешь себя богоподобным! — выпалил брат Джонд прежде, чем успел что-то подумать.

— Ага, стало быть, он говорит, — засмеялся старец Бедден. — А я-то решил, что ты немой. Редкое качество для абелийца. Я не принадлежу к глупому и беззубому

человеческому роду, я из рода Древнейших, постигших истину жизни и смерти. А ты слишком труслив, чтобы открыть эту истину, и никогда не поймешь путей самхаистов! Мне почти жаль тебя и всех, кто родился после Абея, кто был воспитан на эхе его лжи и пустых надежд.

Глаза Джонда сузились, но это выглядело так ничтожно, так смехотворно, что Бедден приснул.

— Я сказал «почти», — напомнил он и снова покачал ожерельем, отчего ноги Джонда сжало льдом еще сильнее.

— Ты пока жив, потому что можешь мне пригодиться, — продолжал маг. — Когда моя армия...

— Твои орды монстров, ты хотел сказать.

Бедден пожал плечами так, как будто это ничего не значило.

— Они служат великой цели.

— Они...

Брат Джонд не договорил. Старец Бедден пнул его прямо в лицо. Голова монаха качнулась, он стал отплевываться кровью вперемешку с зубами.

— Если перебежешь меня еще раз, тебе будет так больно, как никогда не было. Ты даже представить себе этого не можешь, — предупредил старец Бедден.

Виски Джонда бешено пульсировали, ноги ныли так, что монах был не в состоянии даже просто дерзко посмотреть на своего врага.

— Когда моя армия прижмет даму Гвидру к заливу в Пирете, она захочет начать переговоры, — продолжал Бедден. — Поскольку ее супруг — твой жалкий абелийский собрат, ты в качестве моего пленника обеспечишь мне хорошую фору.

Самхаист наклонился, чтобы взглянуть в лицо брату Джонду, но тот отвернулся. Тогда Бедден ударил его, схватил за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

— Разве ты не польщен? Ты будешь способствовать падению своей религии в Вангарде! Хотя этим дело не закончится, обещаю. Когда войне на юге придет конец, прекратятся и фокусы твоих братьев, которые так восхищают правителей. Когда народ, измученный войной, осознает ее причины, появимся мы. Ведь самхаисты знают, что такое смерть, тогда как абелийцы ее отрицают. Мы понимаем, что есть неизбежность, в то время как вы раздаете ложные обещания. Это будет вашим крушением.

Лицо брата Джонда приняло безразличное выражение.

— Как тебя зовут? — спросил старец Бедден, но не получил ответа. — Очень простой, но важный вопрос. Если ты будешь молчать, я прикажу привести кого-нибудь из пленников и замучаю его у тебя на глазах. Целый час воплей, которые будут звучать у тебя в ушах до конца твоих дней, пусть даже их осталось совсем мало.

— Брат Джонд Дамолни, — произнес наконец абелиец, с ненавистью глядя на старца, который уже собрался подать знак слугам.

— Дамолни? Значит, ты из Вангарда или из Ноги Богомола.

Джонд ничего не ответил.

— Да, из Ноги Богомола, — заключил старец Бедден. — Будь ты вангардцем, ты бы больше знал об ордене самхаистов и никогда не повелся бы на побасенки дурака Абея.

— Блаженного Абея! — поправил брат Джонд, отплевываясь кровью на каждом слове. — Истины и надежды все го мира! Он смеется над самхаистским культом смерти и над тем, как вы вселяете страх в души людей, которым якобы служите!

— Вот как? — Старец Бедден громко рассмеялся.

— Вы даже не пытаетесь сделать вид!

— Мы показываем им правду, а они могут делать с ней, что хотят, — снова загремел самхаист. — Мы даруем порядок и справедливость сброду, который без нас пожрал бы сам себя!

Брат Джонд не мог скрыть усмешки, довольный тем, что, несмотря на побои, смог так разозлить противника.

— Справедливость? — повторил он, саркастически смеясь.

Старец Бедден выпрямился и молча, в упор посмотрел на врага, закованного в лед. Брат Джонд глубоко вздохнул, чтобы совладать с собой. Кажется, он зашел слишком далеко. Но было уже поздно, самхаист разозлился до предела.

Монах поборол страх и решил идти до конца.

— Я увижу, как ты падешь, старец Бедден, — объявил он. — Буду свидетелем торжества блаженного Абея не только в Вангарде, но и во всем Хонсе!

— Конечно, — слишком спокойно отозвался старец, взмахнув мечом Брансена, полоснул по лицу брата Джонда и лишил его обоих глаз.

Монах взвыл от нестерпимой боли.

— Сомневаюсь, что ты увидишь хоть что-то, — заметил старец Бедден и вышел.

Глава двадцать шестая ЧУДОМ НАЙДЕН В ТЕМНОМ МЕСТЕ

Милкейла ни о чем не думала, просто гуляла по берегу озера, вдыхая ночную свежесть. В ее душе поселилась безнадежность. Девушке пришлось смириться с мыслью о том, что реальность никогда не будет иметь ничего общего с надеждами и мечтами.

Она уже не могла сосчитать, сколько дней минуло с тех пор, как она последний раз видела своего любимого Кормика. Слишком много, чтобы все еще уповать на встречу с ним. Либо предательство раскрылось, его заточили в темницу или казнили, либо юношу измучило чувство вины, поэтому он решил покончить с грешной жизнью, включавшей связь с Милкейлой, и вернуться в лоно церкви.

Несколько дней девушка всерьез размышляла над тем, как бы убедить своих соплеменников спасти Кормика. Ей даже пришла в голову мысль о новой осаде острова Часовни с целью заставить монахов выдать своего неверного собрата. Но это была лишь фантазия. Ведь Милкейла ничего не знала о Кормике. Но ей надо было как-то жить дальше, и девушка решила изгнать его из мыслей и из сердца.

А еще она постоянно чувствовала на себе проницательный взгляд Тоникуэя. Он не упускал случая напомнить ей о ее обязательствах, об уважении к традициям. Милкейла была шаманкой, а это кое-что значило для альпинадорцев.

В эту ночь ветер развеял туман, открыв взору искрящийся звездами небосвод. Волны нежно шевелили гальку и черный вулканический песок вдоль берега, по которому гуляла Милкейла. Впервые за долгое время она ощущала покой в душе, пока не заметила на юго-востоке одинокий огонь.

Сердце ее затрепетало. Сперва девушка решила, что это фонарь на строящейся башне острова Часовни, но затем отбросила эту мысль. Огонь был ближе.

Тогда, может быть, это лодка? Милкейла замерла и стала вглядываться в темноту, стараясь не позволить мелкой ряби на озере исказить ощущение. Через несколько долгих

мгновений она поняла, что свет не движется. Он исходил с песчаной отмели.

У Милкейлы перехватило дыхание. Она побежала к лодкам, но внезапно испугалась, что это может быть ловушка. Вдруг любимого изобличили в предательстве, пытали и он рассказал все? Может, это монахи подают их с Кормиком условный знак, чтобы заманить ее на отмель и схватить? Даже прыгнув в крохотную лодку и уже отплыв от берега, Милкейла никак не могла отделаться от этой мысли.

Когда отпали все сомнения в том, что свет исходит именно с отмели, сердце девушки бешено заколотилось. Но тут ей подумалось, что в такую ясную ночь Кормик не позволил бы огню так долго гореть. Его могли легко заметить гномы, монахи. Даже варвары с Йоссунфира захотели бы посмотреть, в чем дело. Разумеется, если это вообще был Кормик.

Милкейла уже подплыла совсем близко, сделала мощный гребок, убрала весло на дно лодки и низко присела, чтобы ее силуэт не выделялся на горизонте. Сквозь легкую дымку она разглядела высокую фигуру, в которой сразу же узнала своего любимого Кормика и уже хотела его окрикнуть, как вдруг заметила рядом еще кого-то низкого и плотного.

Поври!

Милкейла села и, опустив весло в воду, стала тормозить, но течение все же медленно несло ее к отмели. Она совсем растерялась! С одной стороны, больше всего на свете ей хотелось увидеть Кормика, убедиться, что с ним все хорошо, почувствовать объятия его сильных рук. Но зачем он привел этого коротышку в кровавом берете в их тайное место?

С дальней стороны отмели послышался стон, и Милкейла поняла, что там есть еще кто-то. Вскоре она и вправду разглядела еще одного гнома. Он стоял на коленях, склонившись над чем-то, похожим на тело человека.

Несмотря на осторожность Милкейлы, ее заметили. Кормик бросился к берегу и тихонько позвал ее по имени, энергичными жестами призывая поспешить. Когда она вышла из лодки, он стиснул ее в объятиях так сильно, как никогда раньше.

— Поври, — произнесла она взволнованным, дрожащим голосом.

— Сюда, скорее, — вместо ответа сказал Кормик, схватив ее за руку и увлекая в дальний конец отмели, где на земле действительно лежал какой-то человек.

Рядом с ним и присел поври. Еще один гном устроился неподалеку в лодке.

— Кормик, что здесь происходит? — спросила Милкейла, но не дождалась ответа. — Кормик! — повторила девушка уже строго.

— Мы его подобрали. У тебя есть самоцветы? Он может умереть, — отрывисто произнес юноша, повернувшись к ней лицом.

— Кто?

— Вот он. — Кормик потянул ее за руку.

— Кто это?

— Мы нашли его у основания ледника, почти утонувшего в грязи, — объяснил Кормик.

— Кто это — мы? Ты и поври?

— Да.

— Кормик?!

Монах издал глубокий вздох.

— Меня изгнали с острова Часовни, избили и бросили умирать. А этот поври...

— ...по имени Маквиджик, — вставил гном.

— Маквиджик спас мне жизнь, — закончил Кормик. — Они приняли меня.

— У каждого гнома должна быть собака, — пробормотал Маквиджик.

— Я приплыл сюда, чтобы забрать тебя, — добавил Кормик. — Мы уходим с озера.

— С поври?..

— Да, кое с кем из них. По пути мы наткнулись на этого человека. Он может умереть.

С этими словами Кормик протянул руку к варварскому ожерелью Милкейлы, чтобы вытащить из-под него нить самоцветов, которую он подарил ей.

— Прошу, помоги мне, — добавил юноша, снимая с нее ожерелье.

Милкейла машинально наклонила голову, а потом, когда Кормик, перебирая камни в

поисках могущественного гематита, бросился к лежащему на спине человеку, последовала за ним. Он приложил камень к распухшей ноге несчастного, которая, возможно, была сломана. Милкейла накрыла руку Кормика своей и тоже стала молиться, чтобы добавить к его энергии собственную и передать ее раненому через самоцвет. Человек застонал и шевельнулся.

Они перешли к следующей ране, потом еще к одной. С каждым разом их магическая связь становилась все крепче. После каждой удачи они обменивались улыбками, хотя не имели ни малейшего понятия, удастся ли им этим частичным исцелением выиграть главную битву — за жизнь этого незнакомца.

— На нем твой берет, — заметила Милкейла.

— Волшебный берет поври, — прокомментировал Маквиджик, стоявший неподалеку.

Если Милкейла с Кормиком и слышали слова гнома, то не обратили на них никакого внимания. Они снова были вместе, окружающий мир для них перестал существовать.

— Он упал с ледника?

— И чудом остался жив, — отозвался Кормик. — Думаю, грязь в основании ледника смягчила его падение.

— Но там так высоко, — с сомнением в голосе сказала девушка.

— Однако он не умер, — ответил Кормик, пожав плечами в знак того, что только это сейчас имеет значение.

К этому времени все серьезные увечья были уже обработаны, и Кормик приложил душевный камень к распухшему лбу незнакомца. Они с Милкейлой снова принялись за работу, но раненый внезапно открыл глаза, дико взглянул на Кормика и схватил его за запястье. Бывший монах и девушка резко отпрянули, упали на землю и в испуге уставились на него.

— Нет! — вскричал незнакомец и попытался их остановить, но его силы тут же иссякли, ибо целители отняли душевный камень у него ото лба. — Сам... — умолял человек.

Его челюсть затряслась, из угла рта потекла слюна.

— Сдается мне, вы забыли положить обратно мозги, — язвительно заметил Маквиджик, явно развеселившийся при виде неожиданных и жалких попыток незнакомца сесть и даже что-то сказать.

— Самоцвет... — кричал он, протягивая руки к отпрянувшим целителям.

— Похоже, он выжил, потому что приземлился на голову, — сказал Маквиджик, и его товарищи захихикали.

— Он просит гематит, — догадался Кормик.

— Бедняга, — пожалела Милкейла.

Незнакомец заикался, пускал слюни и трясся так ужасно, что, казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Дай ему камень, — предложила Милкейла. — Он не убежит с ним, — добавила она, заметив недоверчивый взгляд.

Кормик опустил душевный камень на трясущуюся ладонь незнакомца. В тот же миг раненый перестал содрогаться и с глубоким вздохом облегчения лег на землю.

Прошло некоторое время.

— Думаю, это убило его совсем, — заметил Маквиджик, но вдруг человек поднял руку и прижал самоцвет ко лбу. — Или нет, — пробормотал гном разочарованно.

Еще долго незнакомец лежал на земле без движения. Наконец он сел, причем с удивительной легкостью!

— Примите мою вечную благодарность, — не отнимая руки ото лба, произнес он с южным акцентом. — Да, я чудом найден в темном месте. Меня зовут Брансен.

Кажется, рана оказалась не смертельной, но все равно было очень больно. Так больно, что бедному Олконне только и оставалось, что озираться по сторонам, лишь бы не думать о вспоротом животе.

Ему удалось припрятать в ботинке нож. Без сомнения, меч был бы лучше, но и с ножом

он рассчитывал управиться.

Великаны опускали Олконну, подвешенного за лодыжку на толстой веревке, все ниже в ледяную расщелину. Конечно, он боялся, но, проведя в сражениях всю сознательную жизнь и частенько встречаясь с врагом, превосходящим по силе, он всегда находил возможность если не победить, то хотя бы сбежать. Почему в этот раз должно быть иначе? Старец Бедден допустил ошибку, позволив Олконне оправиться после ранений, полученных в той битве, когда их схватили.

Размахивая ножом, парень заставил себя выпрямиться. Не мог же он сражаться, согнувшись пополам, кем бы ни оказалось чудовище!

Больше тридцати ярдов отделяло его теперь от края ущелья. Стало темнее, но Олконна по-прежнему мог видеть многочисленные уступы и неровности ледяной стены. Он медленно повернулся и постарался разглядеть их получше в надежде на то, что это может оказаться полезно.

— Быстрее, — одними губами пробормотал он.

Ему хотелось поскорее очутиться внизу и освободиться от веревки прежде, чем появится чудовище. В голове печальным эхом беспрестанно звучали слова Воны: «Каждый миг бесценен». Для Олконны, осторожного во всем, кроме битвы, они ничего не значили, пока ему не повстречалась Дикарка Ви. Теперь ему очень хотелось, чтобы его жизнь не оборвалась прямо сейчас, пожить еще хотя бы несколько лет так, как жила она.

В следующий миг послышался глухой рокот, как будто огромный камень катился с горы. Чудовище учуяло его кровь, в точности так, как предсказывал старый негодяй Бедден, перед тем как вспороть ему живот.

Олконна тихонько повернулся на веревке, всмотрелся в длинный ледяной коридор. Там вдали мелькнуло что-то огромное и ужасное. Но по инерции веревка продолжала крутиться. Тогда, преодолевая нечеловеческую боль, парень изогнулся и постарался рассмотреть приближавшегося монстра. Это был гигантский червь, точнее, гигантская гусеница, ибо по обоим бокам у нее было множество маленьких ног. Круглую черную зубастую пасть, которая не столько открывалась, сколько собиралась в складки, как у некоторых морских существ, предваряли огромные жвала, торчащие полукругом.

— Быстрее! — повторил Олконна, проклиная великанов, опускавших его так медленно.

Вдруг, словно в ответ на его слова, веревка остановилась.

Он висел в семи ярдах от земли, слишком высоко, чтобы попытаться освободиться. Падение с такой высоты сделало бы его абсолютно беспомощным перед монстром. Но Олконне показалось, что и чудовищу до него не достать. Он повернулся лицом к надвигающемуся кошмару.

«Они хотят, чтобы я истек кровью здесь, наверху», — подумал парень и решил, что перережет веревку и прыгнет на чудовище, когда оно окажется прямо под ним, и будь что будет!

Эта мысль пробудила в нем надежду, обратила страх в жажду действия, в жестокость, которой он учился всю жизнь. Но прежде чем Олконна успел понять, что происходит, монстр встал на хвост, словно кобра, и набросился на свою жертву.

Ввергнутый в шок, он хотел защититься ножом и даже не осознавал, что лишился оружия вместе с рукой, пока не увидел, как она исчезает в безобразной пасти червя!

Парень закричал. Не осталось ничего, только боль и беспомощность. Для такого человека, как Олконна, не было ничего хуже.

Но нет, это оказалось не самым страшным. Еще ужаснее звучали слова Воны, символ веры для нее и похоронный плач для него: «Каждый миг бесценен!»

Червь смаковал угощение. Олконна почувствовал не менее шести жалящих укусов и лишь потом соскользнул в вечную тьму.

Кормик сидел на борту лодки, вытащенной на песок, ссутулившись так, будто из него выпустили весь воздух. Перед ним вдоль берега нервно ходила туда-сюда Милкейла, не

спуская глаз со странного человека в черном одеянии. Он только что сообщил им, что весь их мир скоро смое с лица земли.

— Ты позволишь ему оставить душевный камень себе? — спросила наконец Кормика девушка.

— Это твой камень.

Шаманка остановилась и удивленно посмотрела на любимого.

— Я бы посоветовал тебе отдать самоцвет ему, — ответил Кормик. — Согласен, это самый главный камень, но ведь Брансен совершенно беспомощен без него, если он сказал правду.

— Зато с гематитом он двигается с ловкостью воина, — добавила Милкейла, и оба поглядели на своего нового знакомого, который проделал несколько тренировочных движений и поворотов с такой восхитительной точностью, какую они наблюдали впервые.

Кормик, прошедший серьезную школу боевых искусств в абелийском ордена, оценил умение Брансена и вынужден был признаться себе в том, что даже ему не удавалось достичь такого уровня концентрации.

— Я верю каждому его слову, — сказала Милкейла и сама удивилась собственным словам.

— Это слишком чудовищно, чтобы быть неправдой. — Кормик кивнул в ответ.

— Мы должны предупредить всех, — решила девушка. — Твоих и моих.

— Да и собратьев Маквиджика, — добавил Кормик.

— В любом случае надо покидать Митранидун, — с горечью в голосе сказала Милкейла. — Иначе нас всех накроет гигантской волной.

Глава двадцать седьмая ТРИ ПУТИ

— Под страхом смерти! — повторил брат Джавно, мгновенно выйдя из себя.

Он и двое его спутников первыми заметили, что к ним идет Кормик в сопровождении странно одетого человека. На незнакомце был черный костюм из необычного материала. Джавно припомнил, что он, кажется, назывался шелком, но не был уверен, ибо видел такое лишь однажды, много лет назад. На голове этого мужчины была обычная крестьянская шляпа, под которой Джавно заметил косынку, тоже черную.

— Я тоже рад вас видеть, — отозвался Кормик.

— Как вы выжили? — спросил один из братьев.

— Божья воля и удача, я бы сказал, — ответил бывший монах, указывая на свой берет.

— Вы ничего не знаете о боге, — рявкнул Джавно.

— И это говорит человек, который забил вас почти до смерти, — язвительно заметил Брансен. — Богоугодное дело, что и говорить. Я знал многих таких абелийцев. Даже удивительно, насколько они похожи на самхаистов.

Джавно задрожал и, казалось, вот-вот готов был взорваться. Монахи созвали братьев, и скоро на скалистом пляже столпились почти все обитатели острова Часовни.

— Зачем вы пришли сюда, Кормик? — спросил Джавно, озадаченный не меньше, чем рассерженный.

Это больно кольнуло бывшего монаха. Ведь когда-то они с этим человеком были друзьями.

— Вы знаете о последствиях.

— Для вас я и так уже умер.

— Заслужив смерть своим предательством.

— Это ваше определение, а не мое. Я следовал велению сердца. Могу поспорить, что многие из братьев вздохнули с облегчением, когда альпинадорцы были освобождены. Не верю, что я единственный, кому их заточение было не по душе.

— Дело не в этом, а в том, что не вы устанавливаете правила. Ни здесь, ни где-либо

еще в ордене. Если бы отцу де Гильбу понадобилось ваше мнение, то он спросил бы вас. Но епископ этого не сделал.

— Вы все еще слушаетесь его беспрекословно? — отозвался Кормик, и Джавно зло сощурился.

— Живой? — прогремел голос отца де Гильба, а вслед за этим на вершине горы появился и он сам, окруженный охраной. — Ты совсем выжил из ума, решив прийти сюда?

— Не могу знать, — съязвил Кормик. — После побоев, полученных по вашей милости, я мало что помню.

— Не пытайся играть со мной, предатель, — предостерег де Гильб.

В отличие от Джавно, в его тоне не было и намека на сочувствие или милость.

— Взять его, — приказал он охране.

— Не стоит, — вмешался спутник Кормика.

— А ты кто? — спросил отец де Гильб и бросил испепеляющий взгляд на наглеца, но тот ничуть не смутился.

— Меня зовут Брансен, хотя это вам ни о чем не говорит, — ответил тот. — Я здесь не по своей воле, а в силу обстоятельств, только потому, что обязан этому человеку и его друзьям с соседних островов.

Отец де Гильб потряс головой, словно не поняв ни слова, но человек в черном спокойно продолжал:

— Я здесь, чтобы предупредить вас. Скоро ваш мир погребет под собой огромная волна. Считаю своим долгом сказать это, а уж что вы решите делать, мне совершенно безразлично.

Некоторые монахи ошетинились, зацепившись за последние слова Брансена, а не за главное.

Из двадцати человек только несколько в тревоге подняли брови, и то через миг уже забыли об этом, потому что один брат из свиты отца де Гильба указал на Гарибонда и воскликнул:

— У него самоцвет!

Кормик взволнованно посмотрел на спутника, однако человек из Прайда абсолютно не выглядел обеспокоенным.

— Это правда? — спросил отец де Гильб.

— Даже если и так, то вас это не касается.

— Вы идете опасной...

— Я иду, где хочу и как хочу, — перебил его Брансен. — Не пытайтесь управлять мной, старый лицемерный болван. Мой отец, выдающийся человек, принадлежал к вашему ордену. Но вам никогда не понять и не оценить его достижений, — добавил он в ответ на любопытный взгляд де Гильба. — К вашему же стыду.

— Не из Энтла ли вы? — спросил де Гильб. — Ваша смуглая кожа выдает южное происхождение.

Брансен усмехнулся, поняв уловку.

— Впрочем, неважно, — заключил де Гильб. — Вы пришли сюда с преступником и несете контрабанду.

— Неужели? — насмешливо спросил Брансен. — Думаете, что вам известно, откуда у меня самоцвет, если он вообще есть. Вы не понимаете философии Джеста Ту и все же притворяетесь, будто знаете, на что я способен. Проверьте! Прикажите своим охранникам напасть и увидите, что я могу с ними сделать. Я без труда преодолею любые укрепления и проникну к вам среди ночи, чтобы мы могли без церемоний пообщаться, сидя на вашей кровати.

Повисло тягостное молчание.

— Что привело вас сюда? — наконец прервал его Джавно, обращаясь к Кормику.

— Этот человек хочет сказать вам что-то важное. Потом мы уйдем.

— Ледник на севере озера — прибежище самхаистов, — начал Брансен. — Там

обосновался сам старец Бедден, который воюет с вангардской правительницей Гвидрой.

— Откуда вам это известно?

— Я был там еще вчера, — ответил Брансен. — Бедден хочет завладеть всем озером и трудится над тем, чтобы всех, а вас — в особенности, смыло гигантской смертоносной волной его гнева. Ему известно, что на самой главной самхаистской святыне поселились абелийцы. Если его не остановить, то вы не спасетесь. Этот остров, который вы называете островом Часовни, превратится в голую скалу посреди необитаемого озера.

— Какая нелепость! — воскликнул Джавно.

Монахи начали взволнованно перешептываться и оглядываться по сторонам, словно в поисках кого-то, кто мог бы их успокоить.

Брансен безразлично пожал плечами.

— Почему мы должны вам верить? — скептическим тоном спросил отец де Гильб. — Вас привел сюда предатель...

— Человек, которого я едва знаю. Судя по всему, он разумнее вас. Я согласился предупредить вас лишь потому, что обязан этому человеку. Вы называете его предателем, а он по-прежнему о вас беспокоится. Как вы поступите, уже не мое дело. Любви к вашему ордену я не питаю. Из того, что мне пришлось наблюдать, могу заключить, что вы вполне заслуживаете презрения. Но я — Джеста Ту. Презрению нет места в моем мире.

Брансен повернулся к Кормику, но не успел ничего сказать, потому что вмешался Джавно.

— Джеста Ту? Что это такое? — вскричал он.

— То, чего вам никогда не понять, — ответил Брансен, едва удостоив взглядом разгоряченного монаха.

— Взять их! — закричал Джавно.

На незваных гостей тут же набросились двое охранников, размахивая короткими мечами, но им не удалось даже близко подойти. Брансен ожидал атаки, если не сказать — радовался ей. Он замахнулся на первого монаха правой ногой, чтобы отвлечь его этим не представлявшим угрозы маневром, затем со всей силой врезал противнику кулаком в грудь так, что тот не мог вздохнуть, отскочил назад и мягко приземлился. Монах сделал неуклюжую попытку достать наgleца мечом, но тот наклонился вперед и влево, и клинок прошел мимо. В тот же миг Брансен одной рукой схватил охранника за запястье, другой давил ему на локоть до тех пор, пока тот не выронил меч. Разбойник подхватил его на лету, развернулся, лягнул напоследок раненого противника и занялся вторым.

Два коротких меча неоднократно сталкивались со звоном, потом Брансен захватил руку монаха в петлю. Поворот, рывок — и клинок упал на землю, а обезоруженный враг ощутил холод острия у самого горла. Все это произошло за считанные мгновения.

Брансен выпрямился, смеясь, убрал меч от шеи перепуганного монаха, подцепил им второй клинок, лежавший на песке, подбросил его и поймал левой рукой. Затем повернулся к Джавно и швырнул оба меча так, что они вонзились в землю всего в нескольких дюймах от монаха.

— Вы получили предупреждение, — объявил Брансен. — Старец Бедден уничтожит вас.

С этими словами он повернулся и ушел.

Кормик еще какое-то время стоял, глядя главным образом на отца де Гильба с извиняющимся, даже умоляющим выражением на лице. Но больше сказать было нечего, и он направился к лодке следом за Брансеном.

Кормик с Милкейлой отправились на лесистый остров Йоссунфир вместе с Брансеном. Не успела троица причалить, как на берег высыпало почти все племя. Люди прикрывали глаза от утреннего солнца и перешептывались между собой. Они недоумевали, что привело гостей к ним на остров.

Много неодобрительных взоров обратилось на Кормика, одетого в абелийское платье,

но Андрузис, тоже бывший среди варваров вместе с Тоникуэем и Канраком, объяснял, что как раз этот монах не враг им.

Когда лодка подошла к берегу, сильные руки варваров подхватили ее и вытащили на песок. Тоникуэй вышел вперед навстречу Милкейле. Остальные шаманы, зная о его лучшем знакомстве с ситуацией, доверили ему вести переговоры.

Несколько мгновений он не спускал глаз с девушки, затем испытующе, без тени благосклонности, посмотрел на Кормика и лишь скользнул взглядом по лицу Брансена.

— Что это значит? — спросил он Милкейлу, затем, выдержав неприятную паузу, добавил: — Ты полагаешь, что твой друг заслужил право ступить на нашу землю только тем, что образумился, в отличие от своих собратьев? Думаешь, его прошлые проступки будут забыты просто так?

— Он дорого заплатил за них, — ответила Милкейла, инстинктивно защищая своего любимого. — Но мы здесь не поэтому, — добавила она, почувствовав, что парень взял ее за руку, чтобы успокоить. — Кормик подал мне сигнал, и я ответила.

— Вот как? — подозрительно заметил Тоникуэй. — А как он узнал, какой сигнал тебе подать? И как ты поняла, что это сигнал?

Шаман замолчал и махнул рукой. Сначала он хотел заставить девушку поведать о тайных отношениях с абелийцем, но потом ему стало интересно, что же на сей раз она скажет.

— Почему он здесь? — спросил он, указывая на человека в черном.

— Это Брансен, его нашел Кормик, — ответила Милкейла и положила руку на плечо любимого.

Молодой человек кивнул, хотя мало что понял из разговора.

— Он упал с ледника.

— Тогда он был бы уже мертв, — заявил Тоникуэй и скептически посмотрел на шаманку.

Варвары, толпившиеся вокруг, тоже недоверчиво зашумели.

— Может, ему просто повезло упасть в мягкую грязь, или же сказались его выдающиеся способности. Брансен необыкновенно силен, — ответила Милкейла. — Он принес нам страшное предупреждение. На леднике обосновался самхаистский старец, который хочет уничтожить всех, кто живет на Митранидуна.

— Самхаистский? — повторил Тоникуэй.

Он слышал это слово раньше, обсуждая с другими шаманами тех, кто живет за пределами теплых вод Митранидуна. Поговаривали, что много веков назад именно последователи Самха дали имя озеру.

По преданию племени Ян Оссум, еще задолго до того, как между Хонсе и варварами начались войны, шаманы ходили на юг, чтобы научить хонсейцев своей магии. В мифах Альпинадора говорилось, что религия самхаистов была прямым ответвлением альпинадорского древнего культа, хотя самхаистские предания, конечно, толковали все наоборот.

— Этот человек не с Митранидуна? — спросил Тоникуэй. — Подозрительно, что он появился здесь всего через несколько лет после абелийцев. До них сюда пришли только поври, и то когда мой дед еще не родился, — добавил он.

Тоникуэй скрывал от племени существование большого мира, но ему пришлось признать, что само одеяние Брансена красноречиво свидетельствует об этом и не похоже ни на что из виденного ими раньше.

— Он абелийский шпион, — выкрикнул кто-то из толпы, тут же подхватившей эту мысль.

— Я его раньше не знал, — ответил Кормик. — Он не абелиец и только однажды — вчера — был на острове Часовни, чтобы сообщить ту же весть, которую вы только что слышали. Это не уловка, Тоникуэй. Даю вам слово, если оно что-то для вас значит. Я нашел этого человека, раненого, лежащего в грязи на северном берегу Митранидуна. Он сообщил

нам то, что должны знать и вы, и мои собратья, и поври. Если то, что он говорит, правда, — а я ему верю! — то всем нам грозит величайшая опасность.

Некоторое время Тоникуэй пристально смотрел в глаза Кормику, затем повернулся к соплеменникам. Через минуту вооруженные альпинадорцы окружили троицу.

Бывший монах проворно повернулся к Брансену, схватил его за руку и сказал на хонсейском диалекте:

— Они благородны, но осторожны.

— Вы должны оставаться здесь, пока мы не проверим ваши слова, — объяснил Тоникуэй.

— Тогда поторопитесь, ради блага всех, — ответила Милкейла.

Тоникуэй кивнул и велел воинам отвести Брансена и Кормика в одну из хижин. Девушка осталась с ним, зная, что он будет делать.

Самые могущественные шаманы призвали к себе птиц, заклинанием объединили их зрение со своим и отпустили. Следующие несколько минут священнослужители видели то же самое, что и их пернатые проводники. В отличие от старца Беддена, они не могли управлять полетом птиц, поэтому находились в полной зависимости от их воли. Но довольно скоро несколько пернатых воспарили над краем ледника, и глазам шаманов открылся ледяной замок, сверкающий в лучах полуденного солнца.

Милкейлу несказанно обрадовало, что ей позволили покинуть Йоссунфир вместе с двумя спутниками, хотя Тоникуэй предупредил, что она не прощена. По возвращении ей придется ответить, как она оказалась в компании хонсейцев, не касаясь вопросов о загадочном старце, обосновавшемся на вершине ледника.

Пока, учитывая новые обстоятельства, перед всеми встали более важные проблемы. Тоникуэй и его соплеменники готовились поскорее собрать вместе всех альпинадорских варваров, а Милкейла, Брансен и Кормик направились к скале Красного Колпака.

Тяжело дыша и потирая лицо, отец де Гильб откинулся на спинку кресла.

— Этого не может быть, — замотал головой Джавно.

— Все именно так, как сказал незнакомец, — произнес де Гильб и бросил на стол душевный камень, с помощью которого его дух только что покинул тело и совершил путешествие к вершине ледника, нависшего над Митранидуном — Они бурят расщелину в леднике, чтобы обрушить его передний край в озеро.

— Старец Бедден?

— Это может быть только он. Ледяной дворец украшен самхаистскими древесными мотивами.

— Значит, Кормик сказал правду. А незнакомец?..

— Нам до него нет сейчас никакого дела, — ответил отец де Гильб. — Нужно как можно скорее уходить из этого места. Наше пребывание здесь было неплодотворно. Мы не призвали в лоно церкви ни одной души и должны продолжить нашу миссию в другом месте.

— Мы позволим старцу Беддену уничтожить всех, кто живет на озере?

— А какой у нас выбор, брат?

Джавно задрожал и несколько раз взмахнул руками, словно собираясь изложить какой-нибудь план. Но увы, у него не было ответов на такие вопросы.

— Соберите братию, приготовьте лодки, — приказал отец де Гильб.

От внимания наших героев не ускользнуло, насколько же по-своему воспринимали новость разные племена. Реакция свирепых поври в сравнении с поведением людей потрясла и смутила Милкейлу, Брансена и Кормика.

— Ты хорошо придумал! — похвалил Маквиджика Криминиг, вождь поври. — Это животное наверху думает, что потопит нас, пока мы ничего не подозреваем. Но теперь, когда нам все известно, мы нанесем удар первыми!

— Вы знали о старце Беддене? — осмелился вмешаться Кормик.

— Ты же сам только что мне рассказал про него, — ответил Криминиг, делая вид, что не понимает вопроса.

Когда он стал отдавать распоряжения по подготовке к сражению, троица улучила время, чтобы поговорить.

— Он сразу поверил нам, — прошептал Кормик, удивленный тем, насколько поведение гнома отличалось от реакции монахов и альпинадорцев.

— Может быть, вождь гномов просто рад поводу подраться? — сказала Милкейла, заметив оживление, царившее вокруг.

— Противно слышать, что этот убийца окружил себя троллями, — воскликнул какой-то поври. — От их крови моему берету не будет никакого проку.

— Ну да, хотя, говорят, их у него туча, — заметил другой. — Но мы зададим им жару! Народ с других островов даже не успеет подтянуться.

— Но кто-то из них все-таки должен поучаствовать, хоть несколько отрядов, — ответил первый и подмигнул. — Кое-кто из них, скорее всего, будет ранен, а мы окропим береты в их крови.

— А кто сказал, что они не набросятся на нас, когда убийцу прикончат? — спросил третий.

— Несколько сот троллей и столько же людей, а нас всего сорок, — вздохнув, напомнил первый. — Целый день придется собирать кровушку!

Остальные засмеялись, похлопали друг друга по крепким плечам и вразвалку пошли каждый в свою сторону.

Последняя реплика заставила Милкейлу и Кормика взволнованно переглянуться, но Маквиджик с Бикельбрином лишь фыркнули.

— Ба, да неужели вы думаете, что мое племя станет затевать заварушку, когда у нас такая беда с этим... Как вы его назвали? С этим старцем? — воскликнул Маквиджик. — Говорю вам, никаких драк, кроме главной, не будет.

— Значит, поври готовы сражаться бок о бок с монахами и альпинадорцами? — спросил Кормик.

— Ты слышал, что сказал Криминиг, — ответил Бикельбрин.

— Точно. Все мы надеемся, что это будет хорошее войско, — добавил Маквиджик. — Хотя даже не знаем, с нами твои монахи или нет. Ты слышал, чтобы они это сказали?

Кормик поджал губы. Этого было достаточно, чтобы все поняли. У него имелись большие сомнения в том, что собратья помогут им.

— Ладно, не важно, — Маквиджик великодушно похлопал Кормика по спине. — Старец, сидящий наверху, решил разозлить горстку поври. Мы ему покажем, какую глупость он делает!

— Надеюсь, он не слишком дряхлый, этот старец, — добавил Бикельбрин. — А то мой берет нуждается в подкраске.

Глава двадцать восьмая ЧТО ЗНАЧИТ ДОМ

Последний раз брат Джавно ступал на берег озера Митранидун больше года назад. Он обернулся туда, где за туманом скрылся остров Часовни, место, ставшее для него домом на несколько лет. Конечно, и дом был не очень, и остров можно было назвать островом лишь с натяжкой, но в сердце его поселилась боль, глубокое чувство утраты. Даже беглый взгляд на спутников говорил Джавно, что он не одинок в своих чувствах.

Монах посмотрел на западное побережье Митранидуна. Где-то там остался Кормик со своей странной командой друзей и, возможно, союзников с других островов. Он готовился пойти против старца Беддена. Благородная цель, вне зависимости от причин.

Всплеск воды возвестил о том, что приближалась последняя лодка с отцом де Гильбом и четырьмя лучшими воинами острова Часовни. Они сошли на берег, а Джавно все продолжал стоять, размышляя, сколько лет, десятилетий, даже веков может пройти, прежде чем на острове Часовни снова поселятся ученики блаженного Абея. Он верил, что крепость устоит и новые обитатели острова, будь они поври или альпинадорцами, не станут разрушать ее. Так что когда-нибудь в далеком будущем абелийцы вернутся сюда и продолжат дело, начатое им самим, де Гильбом и остальными братьями.

— Постройте монахов в колонну, и уходим отсюда, — распорядился отец де Гильб, проходя мимо Джавно. — Надо найти даму Гвидру до начала зимы, так что дорога предстоит нелегкая.

— Конечно, святой отец, — ответил Джавно.

Часть его подчинилась, но другая заставила снова посмотреть на север, вспомнить о Кормике и его друзьях. Умом он понимал целесообразность принятого де Гильбом решения прервать миссию и вернуться туда, где они нужнее, но сердцем чувствовал, что монахи бросают своих братьев по несчастью в трудную минуту. Несмотря на все стычки, даже на кровопролитную осаду острова альпинадорцами, брат Джавно видел во всех них соседей, включая поври. Этот удивительный парадокс разрывал ему душу.

— Брат Джавно! — Окрик отца де Гильба вывел монаха из размышлений.

Он кивнул и бросился выполнять приказ, порадовавшись тому, что ему не приходится принимать такие решения.

Они появились из тумана Митранидуна, похожие на призраков своих воинственных предков, раскрашенные в красный, желтый и синий цвета, облаченные в ожерелья из когтей, зубов, лап, клювов и многочисленных перьев, держа в руках копья и дубинки. Их флот насчитывал сотни суденышек, на каждом из которых плыли от одного до шести гордых альпинадорцев. Большинство из них причаливало, стоя в лодке, словно в знак пренебрежения к врагу, ожидавшему их.

Даже Милкейла, для которой эти люди были своими, даже Брансен, видевший армии южного Хонсе, даже Маквиджик, на которого ничто человеческое не производило впечатления, не могли не восхититься при виде того, как разные племена Митранидуна собирались вместе. Кормик, наблюдая эту картину, лишний раз убедился в том, что только

полный дурак мог пытаться обратить в свою веру этих людей, у которых свои традиции, наследие и гордость.

Милкейлу же мучило иное чувство. Она была уверена, что видит своих сородичей в последний раз. Даже если ей посчастливится пережить предстоящую битву, вряд ли она вернется в племя. Немногочисленные друзья, которые еще два года назад мечтали покинуть Митранидун, навсегда отделились от нее. Теперь Милкейла стояла рядом с человеком, которого полюбила, и чувствовала в сердце полнейшее одиночество. Тем не менее она восхищалась великолепным зрелищем и гордилась тем, что принадлежит — или принадлежала — к племени Ян Оссум.

В центр альпинадорского войска вышли шаманы Тейдру и Тоникуэй. Они были не только духовными лидерами своих племен, но и советниками во всех важных вопросах.

— Они будут руководить атакой, — пояснила Милкейла товарищам, указывая на группу в центре.

— Тогда, наверное, шаманы захотят поговорить с Брансеном, — сказал Кормик. — Он видел проходы и строения на леднике.

Он хотел добавить, что готов помочь с переводом, но девушка покачала головой.

— Они все видели сами, — ответила она. — И путь к Беддену, и его укрепления. Если бы мы понадобились, то нас сразу же позвали бы.

— Что это значит? — заворчал Маквиджик. — Получается, я зря собрал своих парней?

Милкейла жестом попросила его успокоиться и тихонько подошла вдоль берега, чтобы поговорить с Тоникуэем.

— Поври хотят помочь, — сообщила она. — Они привели всех, чтобы выступить вместе с нами.

— С нами? — насмешливо переспросил Тоникуэй. — Ты замышляла покинуть нас, в последнее время уже тайно начала готовиться к бегству. В благодарность за то, что ты сообщила нам о старце, шаман Тейдру позволяет тебе уехать без поношений и наказания. Ты заплатила за свою свободу и можешь идти на все четыре стороны.

Если когда-то Милкейла мечтала об этих словах, то теперь они поразили ее, словно удар молнии. Она понимала, что все идет к тому, но не была готова услышать свой приговор со всей прямоотой и ясностью. Черные крылья паники затрепетали вокруг нее, угрожая потопить все чувства в беспорядочной суе. Девушка почувствовала себя совсем одинокой, абсолютно незащищенной, без дома, без семьи, посреди враждебного мира. Она стала озираться по сторонам в поисках Андрузиса или еще кого-нибудь из друзей, которые тоже хотели покинуть Митранидун.

— Твои друзья никуда не поедут, — сказал Тоникуэй, словно прочитав ее мысли, что, впрочем, ему было вполне по силам. — Они ничего не сделали, чтобы получить свободу. Даже Андрузис, хотя на его счет были разные мнения.

Подавленная Милкейла не могла сдвинуться с места.

— Я думал, тебя обрадуют эти новости, — с деланным удивлением добавил Тоникуэй, хотя именно такой реакции он и ждал.

— Конечно, — ответила девушка, с трудом вернув самообладание.

Что еще она могла ответить? Решение, принятое на совете шаманов, не обсуждалось.

— Поври пришли, чтобы помочь в битве со старцем Бедденом, — повторила шаманка. — Они, как вы знаете, надежные союзники и свирепые враги. Гномы хотят знать, какое место им отводится среди войска, столь превосходящего их численностью.

— Как благородно с их стороны, — презрительно заметил Тоникуэй. — Не то что трусливые монахи, которые когда-то высадились на южном берегу, а теперь убежали в том же направлении. Похоже, они сильны только тогда, когда сидят за каменными стенами.

— Так какое место? — настойчиво спросила Милкейла.

Она знала, что Тоникуэй может разглагольствовать несколько минут, уходя от главного вопроса все дальше, если его вовремя не осадить.

— Им нет места среди нас, — прямо ответил шаман. — Если поври хотят сражаться, то

пусть не путаются под ногами.

Милкейла начала спорить, но Тоникуэй не хотел ничего слышать.

— У нас нет ничего общего с гномами. Мы не можем им доверять. То же касается монаха и незнакомца.

— А что со мной?

— Ты воспитывалась вместе с нами.

— А доверие?

Тоникуэй помолчал, а потом, прямо не отвечая на вопрос, подытожил:

— Им нет места среди нас. Всем вам лучше держаться подальше от нашей битвы.

Милкейла невольно перевела затуманенный взор на озеро, туда, где находился Йоссунфир, бывший когда-то ее домом.

Легкая одежда альпинадорского войска явно не соответствовала суровому климату, царящему за пределами теплых вод Митранидуна. Поэтому оно шло довольно быстро, возглавляемое шаманами, которые с помощью орлов, ястребов и воронов выбирали удобный путь. Отряды варваров поднимались в горы широкими шагами, без отдыха, без привалов. На остановку можно было рассчитывать только в случае встречи с врагом. Шаманы и вожди поддерживали дух и силы воинов магией, настоями трав и ободряющими возгласами.

Следом шли поври в компании Брансена и двух его друзей. Гномы по-прежнему размышляли над тем, какая роль им уготована в предстоящей битве.

Не успели они дойти до ледника, как из первых рядов альпинадорского войска донеслись звуки сражения. Строй стянулся, поври нетерпеливо поправили свои береты. Но вскоре отряды снова двинулись в путь. Достигнув места боя, наши герои поняли, что варвары случайно наткнулись всего лишь на десяток троллей.

— Надеюсь только на то, что кто-то из них успел сбежать и предупредить своих, чтобы стянули к нашему приходу все силы, — ворчал Маквиджик. — Иначе нам сегодня так и не удастся подраться!

— Ага, а то эти долговязые успеют разобраться с Бедденом прежде нас, — поддержал его Бикельбрин.

Брансен, Милкейла и Кормик переглянулись. В этой группе только они молились о том, чтобы так и случилось. Один лишь Гарибонд, побывавший в лагере Беддена и видевший сотни троллей и великанов, понимал, что надеяться на это бессмысленно и скоро все в этом убедятся.

Через некоторое время люди повстречались еще с одним отрядом троллей. Потом меткие альпинадорские копья поразили двух лазутчиков. Варвары даже не стали собирать трофейное оружие.

Когда началась настоящая битва, Брансену и его спутникам повезло оказаться в месте, откуда все было прекрасно видно. Дорога, делая изгиб, спускалась в большую низину и только потом поднималась по леднику. Когда первые ряды альпинадорцев хлынули на лед, подобно огромной волне уничтожая ближние группы троллей, отряд поври вместе с Брансеном, Милкейлой и Кормиком находился как раз на возвышенности.

Заметив, что тролли выпустили град копий, варвары проворно перестроились в защитную позицию и накрылись плетеными кожаными щитами, которые невозможно было пробить коротким и легким оружием. Зато их копья, пущенные в ответ, поразили немало ушастых тварей.

В следующий момент альпинадорцы уже ворвались в передние ряды троллей. Высокие, широкоплечие, они нещадно теснили низкорослых и субтильных противников. Однако те не дрогнули и не пустились в бегство. Напротив, они рвались в битву, как стая крыс, перелезали друг другу через голову, кусались и царапались так остервенело, что ранили не только врага, но и своих собратьев.

На ледник высыпал новый отряд варваров, расширив фронт и встав на место павших товарищей. Милкейла наблюдала за ними, нервно кусая губы и сжимая свой каменный топор

так, что побелели костяшки пальцев.

— Они побеждают, — сказал Кормик и положил руку на ее сильное плечо.

— Все кончится, а мы даже не успеем вступить в бой, — кипятился Маквиджик.

— Вся эта прекрасная кровь утечет в трещины или смешается с растаявшим льдом, — добавил Пергвик, догнавший вместе с Раггирсом своих спутников.

— Сюда, трусливые овцы! — крикнул какой-то гном и призывно замахал рукой.

Стало ясно, что четыре гнома во главе с Маквиджиком не единственные, кто хочет успеть вступить в битву прежде, чем она закончится. Карлики по очереди спрыгивали с дороги и исчезали из виду. Наши герои подошли поближе и увидели, что прямо к левому флангу альпинадорцев ведет довольно крутой, но преодолимый спуск.

Брансен проследил взглядом за поври, с удивительным проворством сбегавшими вниз, несмотря на короткие ноги. Ему показалось, что здесь может быть брешь в защите врага. На этой части ледника стояло всего несколько троллей. Основная их масса стянулась на север, где бились варвары.

Глаза его загорелись. Неужели противник оставил левый фланг открытым? Но не успел первый карлик ступить на лед, как радость Брансена померкла.

На гномов посыпался град больших камней. Левый, северный, фланг, оказывается, защищали великаны. Шесть огромных чудовищ поднялись из-за ледяных глыб, до сих пор служивших им прикрытием. Голубоватая кожа, бесцветные волосы и одежда из белого меха делали их почти незаметными на фоне сверкающего льда. Однако теперь, когда они себя обнаружили, от них исходила такая подавляющая мощь, что маскировка была ни к чему.

Брансен хотел позвать поври обратно, но они, к его удивлению, только еще больше разгорячились, завидев гигантских существ.

— Великаны! — предупредил он гномов, оказавшихся поблизости.

Ему вторил Кормик.

— Да какие это великаны, — усмехнулся Маквиджик.

— Совсем не то, что на Джулиантах, — добавил Бикельбрин, имея в виду Штормовые острова в Мирианском океане, родину поври.

— Эти вполтину меньше, — согласился Маквиджик. — Но, думаю, кровь у них что надо!

Услышав про кровь, Пергвик, и Раггирс тут же бросились к склону и скатились вниз чуть ли не кубарем, отпихивая друг друга на ходу.

Когда гномы были уже внизу, к краю подошла наша троица.

— Что-то ты не рвешься в бой, — заметил Брансену Кормик.

Тот улыбнулся, потешаясь над тем, что все эмоции бывшего монаха непременно отпечатываются у него на лице.

— Я здесь, чтобы заслужить свободу для себя и своей семьи, — честно ответил он. — Путь на юг в обмен на голову Беддена.

— Тогда мы проследим, чтобы ты ее достал, — заверила его Милкейла.

— Я потерял всех, с кем пришел на север, — горько усмехнулся Брансен. — Они мертвы или сидят в заточении в ледяном замке. Если я вернусь сейчас, даже не выполнив задания, то дама Гвидра все равно не откажет мне в награде.

— Но Беддена надо остановить, — воскликнул Кормик.

Брансен скептически посмотрел на юношу.

— Разве ты отрицаешь его злонамеренность? — спросил тот.

— Нет, ничью не отрицаю. Ни его, ни твоей церкви, ни владык, — ответил Брансен.

Кормик промолчал, задетый этим едким напоминанием о том, что они вовсе не друзья.

— Но ведь ты согласен, что Бедден заслуживает смерти, — сказала Милкейла довольно резко.

Брансен посмотрел на нее насмешливо и снисходительно.

— Не так. Вопрос в другом. Стоит ли Бедден того, чтобы его убивать?

Внизу поври уже всю бились с троллями.

— Стоит, — ответил Кормик, прыгнул и ловко заскользил вниз по льду. Милкейла разочарованно глянула на Брансена и спустилась следом. Разбойник, пользуясь навыками Джеста Ту и абсолютным владением своим телом, быстро обогнал обоих.

Глава двадцать девятая ОСКВЕРНЕНИЕ, НЕИЗБЕЖНОСТЬ И СОМНИТЕЛЬНЫЙ ТРИУМФ

Когда Брансен спустился к леднику, поври разделались с большинством троллей и уже со всех ног бежали дальше на юг, к расщелине. Бездумное геройство, с каким они вступили в битву, поразило Гарибонда. Гномы очертя голову бросились атаковать великанов, совершенно не думая о пути к отступлению на случай, если сражение примет дурной оборот.

Он мог объяснить это только глупостью и незнанием военной тактики. Но поври и не собирались отступать. Либо они возьмут штурмом замок Беддена, либо погибнут.

Удивление Брансена чуть не стоило ему жизни. Лишь в последний момент услышав крик Милкейлы, он развернулся и схватил пущенное в него копье сразу за каменным наконечником. По инерции древко занесло вбок, и Разбойник чуть не потерял равновесие. Он швырнул копье в ближайшего тролля, не заботясь о том, ему оно принадлежало или нет. Дико извиваясь, существо безуспешно старалось увернуться, но рухнуло на землю.

Гарибонд подумал, не вынуть ли оружие из тела полумертвого врага, но покачал головой, решив, что, кроме ног и рук, ему сейчас ничто не понадобится. Он подскочил к двум троллям, ударом ноги с разворота выбил у обоих копья, затем врезал хлестким ударом по морде каждому.

Продолжая теснить врагов, но оставаясь вне досягаемости их оружия, Брансен встал между ними и угостил обоих ударами локтей и кулаков. Тот тролль, к которому он стоял спиной, повалился на землю. Разбойник упал сверху, обхватил противника левой ногой вокруг лодыжки, потянул на себя, а правой ударил его по колену. Сустав не мог согнуться в ту сторону и хрустнул. Тролль завопил от боли.

Брансен привел его в сидячее положение, встал, размахнулся ногой и с разворота врезал твари по морде. Голова тролля резко откинулась назад, кости шеи не выдержали.

Громоподобный рев заставил Брансена обернуться. Один великан схватился за колени и рухнул. Вокруг него толпились поври, осыпая чудовище ударами топоров, и с ликованием макали береты в раны.

Гарибонд перевел взгляд на то, что творилось на заднем плане, и у него отвисла челюсть. Карлики, то подбегая, то снова отскакивая в сторону, роились вокруг ног другого великана, нанося ему сильные, звонкие удары, причем только по коленям. Тот отчаянно пытался затоптать их, но ни разу не задел ни одного гнома.

Они его одолевали! Похожие на сумасшедших лесорубов, охотящихся за живыми деревьями, поври возбужденно кричали, что еще больше раздражало великана, делало его

движения беспорядочными и совершенно бесполезными. Чудовище плясало и старалось убежать, но гномы меняли направление, снова бросались ему на ноги, били топорами. Великан упал, поври мгновенно обступили его и прикончили.

Брансен вспомнил, какое впечатление произвели на него великаны в первый раз, каким крохотным и беспомощным почувствовал он себя тогда. Но поври уже давно знали, как справиться с этими огромными и на первый взгляд неуязвимыми чудовищами. Один за другим великаны падали, а гномы, сверкая на послеполуденном солнце своими беретами, уже катились к новой жертве.

— Мы будем в ледяном дворце меньше чем через час, — объявил Кормик.

Бывший монах и Милкейла подхватили застывшего в удивлении Брансена и потащили его за собой.

Разбойник знал, что так оно и будет.

Тоникуэй пел вдохновляющие гимны о героях прошлого, вкладывая в них магию, не только поднимавшую дух воинов, но и поддерживавшую их физически. Альпинадорцы из многочисленных племен Митранидуна, храбрые мужчины и женщины, не уронили честь своих героических предков. Их строй согласованно и неумолимо продвигался в глубь войска троллей. Стоило одному отряду вклиниться слишком далеко, рискуя попасть во вражеское окружение, как те, кто находился с флангов, устремлялись следом. Варвары планомерно наступали несколькими клинообразными группами. Никто не старался вырваться вперед. Высокие, сильные, лучше вооруженные, они отвоевывали ярд за ярдом, пронзали мечами тролля за троллем.

Однако не только Тоникуэй, но и другие шаманы видели, что наступление слишком затянулось. Орды троллей не кончались. Все новые отряды чудовищ вступали в бой, забрасывали варваров градом копий, отчего им приходилось останавливаться и прятаться под плетеными кожаными щитами.

Шаман устремил взор на ледяной замок, их цель, затем на запад, где солнце шло к закату, и с тревогой подумал, что засветло им до замка не добраться, а ночь может принести много горя.

Его внимание привлекли возгласы ликования, донесшиеся с южного фланга альпинадорского войска. Там кипело сражение.

Тоникуэй сначала не понял, что это значит, но потом прислушался и различил радостный крик:

— Еще один великан повержен!

Немого дальше на юге он увидел поври, монаха, незнакомца и Милкейлу, и лицо шамана исказила гримаса испуга и растерянности. Неужели эти чужаки станут спасителями Митранидуна?

Другого оружия, кроме рук и ног, у него не было. Брансен совершенно не представлял себе, как подступить к великану, с которым сражались поври, но попробовать все равно стоило.

Разбойник стал разбегаться, когда один из гномов подкатился к толстой ноге чудовища и со всей силы ударил дубинкой по колену. Гигант согнулся пополам и заревел. Карлик снова атаковал, всадил нож великану под колено и дубинкой забил его глубоко в плоть. Тот покачнулся назад и стал терять равновесие. Гарибонд с разбегу врезался ему в грудь и осыпал мощными ударами. Гигант рухнул спиной на лед. Брансен сделал в воздухе кувырок вперед и выбил ему ногами оба глаза.

Великан взвыл и стряхнул его с себя. Разбойник отлетел на несколько ярдов назад и неминуемо свалился бы в расщелину, не оказись на его пути ветка дерева, за которую он успел схватиться. Ноги Брансена висели над пропастью. Он в страхе оглянулся, ожидая, что чудовище сейчас настигнет его и прикончит. Но поверженный великан лежал недвижимо. По нему уже бегали поври и яростно вспарывали топорами его плоть.

Подбежал Кормик, схватил Брансена за плечи и стал вытаскивать. Разбойник открыл было рот, чтобы заверить его, что все в порядке, как с севера послышался пронзительный, сверхъестественный вопль.

В небольшом драконе с сильными кожистыми крыльями, длинными задними и когтистыми передними ногами Гарибонд мгновенно узнал старца Беддена. Монстр накинута на варварское войско, заставляя людей прижиматься к земле и разбегаться в разные стороны. От следующего крика многие варвары попадали на колени и схватились за головы. В нем явно было какое-то губительное волшебство.

Дракон схватил одной ногой какую-то женщину и так стремительно поднял вверх, что один ее сапог остался на земле! Когтями другой ноги он разорвал на ней одежду вместе с кожей, на мгновение завис в воздухе, швырнул изуродованное тело в строй альпинадорцев, а затем выдохнул длинный язык пламени и дыма. Многие воины погибли.

В ответ в монстра полетели варварские копья, но ни одно не смогло пробить чешую, будто все его тело окружала магическая защита. Он снова издал оглушительный вопль, и люди опять упали на колени, корчась от боли.

— Надо как-то им помочь! — закричал Кормик, вытаскивая Брансена из расщелины.

Как только оба встали на ноги, монах побежал к альпинадорцам.

— Это Бедден, — произнесла Милкейла, пораженная внезапной догадкой.

— В замок, — сказал Брансен и схватил Кормика за плечо.

— Но мы должны помочь! — настаивал абелиец.

— Мы поддержим своих, когда захватим замок. Там находится колодец, источник силы Беддена.

Кормик оглянулся на север, где продолжалась отчаянная схватка с драконом, затем в сомнении посмотрел на Брансена.

— Живее! Вперед! — скомандовал Разбойник, заметив, что путь свободен. — Ради всех нас, к воротам замка!

Но гномы, замороженные потоками алой крови великанов, видели перед собой еще несколько будущих жертв и не слышали зова. Нерешительность гигантов, которым, судя по всему, приходилось и раньше драться с маленькими крепышами, лишь раззадорила поври.

— Маквиджик! — крикнул Кормик, и гном обернулся. — К замку! — Парень энергично замахал рукой.

Маквиджик погрузился, но все же остановил Пергвика, пробежавшего мимо. Кормик кивнул и побежал к замку. Милкейла и Брансен бросились следом. Когда они достигли ледяного ската, ведущего внутрь, четверо гномов уже нагоняли их.

Внезапно Брансена охватило странное волнение. Он побежал быстрее, обогнав Кормика и все время оглядываясь вокруг себя, хотя путь был прямой. Живы ли еще брат Джонд и Олконна? Удивительно, но ему вдруг стала безразлична судьба двоих товарищей и остальных пленников. Брансен проклинал себя за недавние колебания. Как мог он даже подумать о том, чтобы развернуться и уйти? Гарибонд понурил голову, прибавил ходу и начал взбегать по ледяному пандусу, в конце которого, перед входом внутрь, по обе стороны стояли две резные караульные будки, похожие на башенки.

В самом начале пандуса он резко остановился, схватил за руку Кормика и объяснил:

— Здесь есть охрана.

— Откуда ты знаешь?

В ответ Брансен лишь покачал головой. Он погрузился в себя, нашел линию Чи и направил свою жизненную энергию вниз, в глубь ледника. Там явственно чувствовалась другая сила, конфликтующая с разлитой повсюду магией, с помощью которой был возведен и существовал замок.

— Брансен говорит, что это ловушка, — сказал Кормик Милкейле, когда она подбежала к ним вместе с пыхтящими и сопящими поври.

Шаманка почти сразу кивнула в знак согласия. Она, как и самхаисты, черпала энергию из недр земли. Чтобы проверить догадку, девушка поднялась на носки и стала петь

магическое заклинание, перебирая свое ожерелье из когтей и зубов. Затем она снова кивнула и повернулась к Кормику.

— Наш враг собрал в этом месте скрытые противоборствующие силы, — объяснила она. — Это очень надежная охрана.

— Ты можешь сокрушить ее? — спросил Кормик.

— Или пустить ей кровь? — поинтересовался Маквиджик.

Абелиец заметив, что Милкейла кивнула и улыбнулась, удивленно взглянул на него.

Постукивая ожерельем, словно защищаясь с его помощью от самхаистской магии, она стала тихонько подниматься по скату. Шаманка подошла к входу в замок, вполголоса запела, одной рукой стала покачивать ожерельем в воздухе, а другой — водить вдоль дверного косяка, но не коснулась его. Мерцающий лед тут же начал таять, сбегая каплями воды вниз. Внутри его будто зажглись огоньки пламени.

Брансен воспринимал происходящее всем существом. Он понял, что задумала Милкейла. Она старалась понемногу высвобождать энергию, заключенную в этих дверях, чтобы лишить ее разрушительной силы. Пламя, затаившееся внутри дверных косяков, должно было вырваться наружу и уничтожить того, кто попытался бы проникнуть внутрь, не зная нужных заклинаний.

Теперь, когда ему все стало ясно, Брансен решил помочь Милкейле и пустил в дело свое Чи, мало-помалу выманивая наружу скрытую магию. Косяк таял так быстро, что с верхней балки лился постоянный дождь.

— Ого!.. Сейчас все обвалится! — пробурчал Маквиджик.

— Именно в этом и была ловушка, — отозвался Брансен. — Но мы с Милкейлой разрядили энергию, так что...

Он улыбнулся гному и нырнул в дверной проем вслед за шаманкой. Пламя вспыхнуло по периметру двери, но этот неожиданный и резкий выброс магии оказался очень слабым.

— Взрыв бы уничтожил всю переднюю стену, — пояснила Милкейла, ведя товарищей по лужам через вход.

Догнав Брансена, они обнаружили, что тот уже сражается с очередным отрядом назойливых троллей.

Разбойник подхватил первое же копьё, пущенное в его сторону, и бросился в самую гущу врагов, мгновенно обступивших его полукругом. Держа легкое древко только в одной руке, Брансен выставил его влево, другой рукой перехватил тупой конец копья позади себя и стал размахивать им влево-вправо, как будто пытаясь убрать его за спину. Какой-то тролль заметил, что копьё исчезло за спиной Брансена, замахнулся дубинкой и пошел в атаку, но тут же почувствовал, как острие пронзило его грудь.

Гарибонд закинул копьё за спину наискосок, поймал его снизу левой рукой и снова выставил вперед, водя перед собой туда-сюда. Потом он схватил древко правой рукой посередине и сделал три резких выпада под разными углами.

Три тролля упали. Другие отпрянули, испугавшись натиска подоспевших друзей Брансена. Тот случайно зацепил обломком копья Пергвика, больно ранив его в бедро. Гном не обращал внимания на рану и старался не отставать от остальных, когда те прорвались через двор к внутренней двери в замок. Брансен снова оказался впереди и сосредоточился на поиске новых волшебных ловушек.

Внезапно дверь отворилась. Оттуда выскочил человек в одежде самхаиста, вооруженный коротким бронзовым мечом. На какой-то миг Брансен замер. Ему показалось, что это старец Бедден. Тот воспользовался замешательством противников, выпустил из руки язык пламени, закрывший собой лезвие меча, и оттеснил незваных гостей, распространяя огонь перед собой несколькими мощными взмахами клинка.

Маквиджик, семенивший рядом с Брансеном, остановился и удивленно вскрикнул. Еще больше он изумился, когда Брансен вспрыгнул ему на плечи, оттолкнулся и взлетел на такую высоту, которая обычному человеку была бы просто не по силам. Он метнул копьё в самхаиста, но не смог пробить его волшебную защиту, хотя и использовал всю свою Чи.

Впрочем, это был лишь отвлекающий маневр. Гарибонд перелетел через противника, который тщетно пытался достать его мечом, приземлился позади, просунул руку под мышку самхаиста, крепко прижал его к себе и схватил за шею. Враг отчаянно извивался, пытаясь выскользнуть. Тогда Разбойник подобным же образом обхватил его другой рукой так, что тот мог лишь беспомощно хлопать локтями, как курица крыльями.

Брансен подставил ему подножку, и оба упали. Самхаист не имел возможности выставить вперед руки и хлопнулся лицом об лед. Гарибонд немедленно вскочил, поднял отскочивший в сторону бронзовый меч и отошел. Однако поври вовсе не собирались останавливаться на этом. Они подбежали к поверженному врагу, принялись молотить его о лед, колоть и резать, чтобы окропить береты в его крови.

Тем временем Брансен проскользнул в открытую дверь. Следом вошла Милкейла.

— Надо найти источник силы Беддена, — сказала она. — Он должен быть больше, чем остальные.

Прежде чем Брансен успел что-то сказать, Кормик метнулся в сторону и закричал:

— Брат!

Там теснилась группа несчастных пленников, среди которых выделялся человек в платье абелийца.

— Джонд, — выдохнул Разбойник и со стыдом вспомнил свои сомнения на краю ледника, когда он всерьез размышлял, не развернуться ли и не отправиться ли назад к Кадайль и Каллен.

— Брансен Гарибонд, друг, вы пришли спасти нас? — тихо позвал брат Джонд, и Разбойник покраснел от смущения.

«Друг». Это слово врезалось ему в сознание, прозвучав обвинением, тем более страшным, что Джонд не имел в виду ничего подобного. Тем временем Кормик уже разрезал веревки на нем и остальных.

— Не каждый сумеет помочь нам в этом сражении, — сказала Милкейла, когда Брансен наконец подошел к ней и Кормику.

— Хорошо, что я нашел вас, друг, — сказал Брансен Джонду и только теперь с ужасом разглядел его изуродованное лицо, покрытое рубцами там, где раньше были глаза.

Слепой монах двинулся вслед за голосом, споткнулся о Брансена, падая, заключил его в объятия и зарыдал от радости и благодарности.

— Не время, — напомнила Милкейла. — Этот негодяй убивает моих людей! Уверена, что источник его сил где-то здесь. Какой-то канал соединяет его с волшебным излучением под ледником.

— Он дракон! — выкрикнул один из пленников.

— Воплощение ужаса! — подтвердил другой.

— Когда бы старец Бедден ни появился, он все равно пройдет по скату через холл, — быстро сказал брат Джонд, покачал головой и оттолкнул Брансена, словно отпуская его.

На лице абелийца было написано отчаяние, потребность помочь, попытка отплатить Беддену за отнятое зрение.

— Помогите! Прошу! — раздался сзади крик.

Все обернулись и увидели самхаиста, избитого Брансеном. Он полз на четвереньках, преследуемый четырьмя поври.

— Помогите мне! — повторил он, жалобно протягивая руки к людям.

Бикельбрин подбежал к нему, плюнув на обе ладони, взял дубинку и уже занес ее над головой раненого.

— Стой! — вмешался Кормик, и гном отпрянул. — Он покажет.

Схватка с драконом становилась все отчаяннее. Отбросив всякий страх, варвары закидывали чудовище копьями или бросались в атаку с мечами, стоило ему опуститься ниже. На троллей, которые рядом с монстром казались всего лишь назойливыми мухами, никто уже не обращал внимания.

Дракон отнюдь не выглядел взволнованным. Напротив, казалось, что он даже упивается битвой.

Тоникуэй и другие шаманы понимали это лучше, чем самые достойные и свирепые варвары. Они все неистовее пели гимны, чтобы вдохновить, защитить своих воинов, придать им сил, насылали на монстра самые убийственные чары и тряслись от страха.

Дракон казался не просто неуязвимым. Он как будто рос и становился все сильнее. Его чешую не пробило ни одно копьё, ни один воин не устоял против него дольше чем на мгновение. Чудовище щёлкало пастью, оглушительно хлопало крыльями, ударяло хвостом по рядам альпинадорцев или хватало их когтистыми лапами, и люди не могли ничего поделать.

— Как его одолеть? — услышал Тоникуэй собственный голос.

В надежде найти ответ шаман произнес заклинание, сотворил из льда фигуру птицы, затем поднес маленький фантом к губам, вдохнул в него жизнь, взмахнул рукой и отослал к дракону.

Ледяная птица сверкнула в небе, с необычайной скоростью врезалась в чудовище и разлетелась на миллион крошечных, безопасных брызг. Если дракон и заметил живую ракету, то не подал вида.

Тоникуэй вздрогнул, видя, как ещё один воин поднялся в воздух в мощных когтях монстра. Они сжали его так сильно, что у бедняги выскочили из орбит глаза вместе с кровью и мозгами.

Шаман от ужаса не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Они торопливо поднимались по ледяному пандусу. Брат Джонд повис на руке Брансена. Четверо гномов шли позади, волоча за запястья и лодыжки израненного пленного самхаиста.

Коридор вел все выше, закручиваясь спиралью вправо и минуя одну круглую площадку за другой. Через их центр проходила толстая ледяная колонна, составлявшая, по-видимому, главную опору этой части замка.

— Сдается мне, он долго не протянет, — сказал Маквиджик.

Все, кто шел впереди, обернулись и как один вздрогнули, когда гномы попросту уронили самхаиста на пол лицом вниз.

— Даже и не думайте! — предостерег гном, догадавшись, что Милкейла с Кормиком размышляют, не помочь ли раненому целительной магией.

Брансен даже рассмеялся проницательности карлика.

— Нельзя же просто дать этому человеку умереть, — заметила Милкейла, обращаясь скорее к собратьям, нежели к поври.

Раггирс подошел к Маквиджику, сердито посмотрел на людей, затем со всей силой топнул по шее самхаиста. Раздался отвратительный хруст, пленный пару раз дернулся и замер.

— Ваша магия предназначена для меня и моих друзей. Не вздумайте лечить ею тех, с кем мы сражаемся, — объяснил гном.

— Похоже, ему было совсем не больно, — добавил Пергвик из-за спины разгоряченного Раггирса.

Брансен понял, что эти слова выражали общее отношение карликов к людям и ничего больше. Они были сказаны лишь для того, чтобы поддержать приятеля.

— А ты оказался прав, Маквиджик, — продолжал Пергвик. — Он долго не протянул.

Маквиджик махнул рукой, показывая, что пора идти дальше.

Лица всех, кроме поври, выражали шок. Милкейла и брат Джонд тряслись от возмущения, но приходилось торопиться. Людям некогда было обсуждать тактику гномов.

Группа поднялась на самый верх и оказалась еще в одной круглой комнате, которая находилась, по-видимому, под крышей самой высокой башни замка. Здесь поддерживающая колонна заканчивалась на уровне пола. Всем стало ясно, что это вовсе не столб, а колодец,

который оканчивался фонтаном, наполнявшим все помещение тонкой теплой дымкой.

Брансен и Милкейла сразу ощутили, что в этой дымке содержится энергия, земная магия самхаистов и альпинадорских шаманов. Именно этот источник искала Милкейла.

Струя била ярда на два вверх, затем спадала в двухъярусную ледяную чашу, которая не таяла от соприкосновения с теплой водой.

— Вот этот колодец, — объявила Милкейла, подошла ближе и протянула руку, чтобы почувствовать брызги источника. — Вот откуда старец Бедден черпает энергию земли.

— Ты чувствуешь ее? — спросил Кормик.

Вместо ответа Милкейла удивленно посмотрела на него. Она не понимала, как можно не почувствовать такую силу.

— Я тоже, — сказал Брансен. — Она мало чем отличается от действия самоцветов. В ней очень много энергии Ки-Чи-Крии.

Кормик потер лицо и оглянулся на Джонда. Слова Брансена, сравнение самхаистской магии с абелийской, показались бы главам ордена блаженного Абеля сущей ересью. Но Джонд молчал, сохраняя непроницаемое выражение лица, и, похоже, не собирался спорить.

Кормик тоже не стал. Ведь Брансен с его собственной магией, загадочным Чи, стал для парня новым доказательством того, что все религии восходят к единому богу, к одной магии. Эта мысль отозвалась болью в спине, отголоском жестокого наказания, через которое ему пришлось пройти.

Брансен закрыл глаза, шагнул к источнику и окунул в него руку.

— Если это источник силы Беддена, то можем ли мы воспользоваться им, чтобы противостоять старцу? — спросил Кормик.

— У нас не получится пользоваться им так, как он, — ответила Милкейла. — Энергия, которую он черпает отсюда... мне не по силам.

— Эта магия рассредоточена и непредсказуема, не как в абелийских самоцветах, — заметил Брансен. — Она подвижна и изменчива. Мы не можем обратиться к ней так же непосредственно, как Бедден, по крайней мере, за то время, которое есть в нашем распоряжении.

— Что же делать? — спросил Кормик.

— Осквернить источник, — хором предложили Джонд и Милкейла.

— Я наложу на него заклятье и отклоню энергию от курса, который определил для нее Бедден, — объяснила шаманка и, подойдя ближе, принялась тихо читать древнее заклинание.

Брансен держал руку в источнике, направляя туда свое Чи, стараясь запутать потоки и как-то изменить волшебные свойства воды.

Поври решили действовать прямолинейно.

— Слышали, что она сказала, парни? — спросил Маквиджик своих товарищей. — Добавим-ка туда кое-чего от нас!

Четверо карликов выстроились вокруг чаши, расстегнули массивные пояса, спустили штаны и приступили к осквернению волшебного источника по собственному методу.

— Надеюсь, он не станет это пить, — заметил Бикельбрин и усмехнулся.

— А я надеюсь, что станет, — отозвался Пергвик. — Пусть узнает незабываемый вкус поври!

Пронзительно крича и изрыгая языки пламени, он бесстрашно парил над варварским войском. Разве могли навредить ему жалкие копья, брошенные этими слабыми смертными? Он — Бедден, самхаистский старец, глашатай древних богов, даровавших ему силу небожителей, мощь настоящего дракона.

Бедден подумал, что ему даже не придется сбрасывать передний край ледника в озеро, если он убьет достаточно многих варваров прямо здесь. Но эта мысль была мимолетной. После такого осквернения, которое учинили эти еретики, Митранидун должен быть очищен в любом случае! Кроме того, это будет просто приятно. Так же, как зарезать неверующего. Он выпустил струю огня и радостно закричал.

Вдруг копьё вонзилось ему в бок. Вопль старца Беддена поменял тембр. Все больше копий попадали в него, причиняя острую боль. Дракон снова выдохнул поток огня, и варвары разбежались в стороны. Однако в этот раз пламя оказалось слабее, чем раньше.

Бедден изогнул чешуйчатую шею и посмотрел в сторону замка. Что-то было не так. Что-то мешало потоку его магии и уменьшало ее силу. В тело болезненно воткнулось еще одно копьё. Дракон заревел, взмахнул длинными кожистыми крыльями и улетел восвояси.

Альпинадорцы ликовали, швыряли ему вслед копьё, дубинки и камни — все, что могло навредить побежденному монстру. Варвары заметили, что дракон как будто уменьшился, и принялись выкрикивать колкости в его адрес.

Бедден чувствовал жгучую боль от десятка ран, еще сильнее страдал от внезапного прекращения волшебного потока, который позволял ему принимать вид дракона. Он понимал, что случилось что-то серьезное.

Пока остальные шестеро, каждый по-своему, трудились над осквернением колодца, Кормик стоял без дела. Он мог бы попросить у Милкейлы ожерелье из самоцветов, чтобы присоединиться к остальным, но не смел нарушать ее концентрацию.

Кроме того, бывший абелийский монах признался себе в том, что не хочет брать в руки самоцветы. Воспоминания о пережитом предательстве были еще слишком свежи и болезненны. Когда он прежде брал в руки камни, его наполняло чувство родства с блаженным Абелем, менее века назад основавшим орден. Теперь же все, что напоминало Кормику о почившем пророке, стало для него ересью. Если бы он воспользовался самоцветами в этом сражении, то возмутило бы это дух Абея?

Потом юноша подумал, что, возможно, придает слишком много значения всему этому, позволяет гневу и разочарованию затмить рассудок. Он взглянул на напряженное лицо Милкейлы. Волшебство, которому она противостояла, было реальным и очень сильным.

Кормик тяжело вздохнул, заставил себя успокоиться и шагнул к ней с намерением предложить свою помощь. Но вид ослепительных оранжево-желтых переливов, которые неожиданно полились на прозрачную стену башни за спиной девушки, пригвоздил его к месту. Ему даже показалось, что он наблюдает цвета в момент их рождения. Кормик разинул рот, но не мог крикнуть слова предупреждения. Он видел, как эти переливы, пламя дракона, превратили ледяную стену в воду и пар. В пылающем облаке тут же появился сам монстр, окруженный светящейся дымкой, словно он проходил через портал между измерениями!

Поври закричали и поскорее натянули штаны. Брансен молнией бросился в сторону, увлекая за собой Милкейлу, которая все еще находилась в трансе.

Кормик продолжал стоять в изумлении. Он видел, как чудовище свернулось в клубок, сложило крылья и перекувырнулось в воздухе. Вместо нижней части драконьего тела появились ноги в витых сандалиях. Ногти чудища оказались расписными. Это превращение происходило у всех на глазах. Когда Бедден приземлился на пол возле фонтана, он уже целиком обрел человеческий облик.

Но перед незваными гостями стоял не человек, а Древнейший.

Он ударился об пол с глухим звуком, как будто весил во много раз больше, чем могло показаться. Та же магия, которая создавала такое странное впечатление, проникла и в ледяной пол комнаты. От старца во все стороны побежала крупная рябь, словно пол представлял собой нечто среднее между твердым веществом и жидкостью. Она превратилась в волны с острым гребнем, которые с невероятной силой подбросили людей и гномов высоко в воздух. Они отлетели от источника, ударились о стены и растеряли оружие, которое держали в руках. Милкейла упала в чашу фонтана и не сразу смогла вынырнуть. Все вокруг бурлило и грохотало так, что она не понимала, где верх. Все же ей повезло больше других, потому что во всей комнате, за исключением места, где стоял Бедден, царила настоящая ледяная буря.

Шаманка с ужасом наблюдала, как мимо нее пролетели Маквиджик с Бикельбрином, стараясь держаться друг за друга, пока их не разъединила струя воды, внезапно ударившая из

фонтана. Гномы отскочили в стороны и врезались в стену. Когда ее любимого Кормика подбросило вверх ярдов на пять, девушка вскрикнула от испуга. Только ловкость, приобретенная в тренировках, позволила ему перекувырнуться так, чтобы не разбить голову об пол.

Милкейла не могла смотреть без содрогания и на Брансена, который качался среди твердых волн, как утлая лодка в страшную бурю. Она буквально задохнулась от шока, когда увидела, как одна такая волна с огромной силой обрушилась на бедного Раггирса и накрыла его. Гном протяжно застонал и исчез под слоем льда.

Старец Бедден, стоявший невдалеке, крикнул от удовольствия, еще раз топнул ногой и распространил вокруг себя новые волны, которые столкнулись с первыми. Вся комната ходила ходуном. Даже стены искривились и подернулись рябью! Теперь всех друзей Милкейлы, кроме погибшего Раггирса, беспорядочно болтало и кидало в разные стороны.

Состояние, которого удалось наконец достичь Брансену, Джеста Ту называли Доан-Чи-Крии, поза горы — полное спокойствие и абсолютное равновесие. Если мистик проводил линию своей жизненной энергии Чи через свое Ки, паховую область, вниз к Доан, полу под ногами, то словно врастал корнями в землю, и даже разъяренный великан не смог бы сдвинуть с места Джеста Ту, находящегося в таком состоянии.

Пол под ногами Брансена качался, но его туловище оставалось неподвижным, в то время как ноги сгибались и выпрямлялись сообразно движению волн. Взгляды Разбойника и колдуна встретились. Бедден снова топнул ногой, но Брансен остался стоять.

Эта картина вывела Милкейлу из оцепенения. Она заново принялась колдовать, направлять магическую энергию в фонтан, требовать, чтобы буря закончилась. Шаманке казалось, будто против нее восстала вся мощь самого Мирианского океана! Но девушка не отступала, поборола отчаяние, отбросила все прочие мысли и сосредоточилась на главном.

Постепенно шторм в комнате начал стихать.

Старец Бедден посмотрел через плечо на Милкейлу. Он почувствовал ее вторжение так же явственно, как если бы она засунула руку ему в живот и стала вытаскивать внутренности. Маг заревел скорее по-драконьи, чем по-человечьи, и сделал пасс в сторону фонтана. Вода, бурлившая в чаше, мгновенно замерзла, сковав девушке руки по локоть. Тогда Бедден начертил в воздухе круг, и лед в фонтане повернулся подобным же образом, увлекая за собой и Милкейлу. Она чувствовала, как ей выворачивает плечи, а потом и спину. Верхняя часть ее тела стала поворачиваться в одну сторону, а нижняя — в другую. У нее закружилась голова, стало тошнить, перед глазами замелькали черные мушки. Когда лед в фонтане растаял, девушка в полуобморочном состоянии беспомощно опустилась на дно чаши.

Бедден почувствовал, что поток его магии становится сильнее, и довольно захихикал. Однако через миг старцу стало ясно, что эта глупая девчонка сумела-таки ему навредить. Воспользовавшись затишьем, люди и гномы снова перешли в наступление.

Старец выхватил из-за спины меч, взялся за него обеими руками и выставил на всю длину. Он закудаhtал как сумасшедший, встал на носок одной ноги и начал вращаться вокруг своей оси — не как шаловливый ребенок, а по-настоящему, набирая скорость с каждым новым оборотом. Его силуэт стал расплываться, положение клинка постоянно менялось, так что приблизиться к Беддену было невозможно.

Вдруг Пергвик вскрикнул от резкой боли и отпрянул. Он отчаянно прижимал к голове только что отрезанный скальп и рыскал по полу в поисках слетевшего берета.

Маквиджик и Кормик успели отскочить невредимыми, но бывший монах все равно кричал — от досады, ибо теперь не видел Милкейлу и не знал, что с ней. Он хотел проскочить вдоль стены, но был сбит с ног Маквиджилом.

— Что за вихрь он оседлал? — рывкнул гном в полном изумлении.

Брансену тоже удалось ускользнуть в сторону, но более обдуманном образом, рассчитав возможности противника. Бикельбрин нырнул в фонтан и только встал на ноги, как Бедден неожиданно увеличил радиус поражения, используя узкий клинок в качестве

проводника магической энергии.

Лежавшего ничком на полу Пергвика неведомая сила стала возить кругом по комнате. Кормика и Маквиджика она подняла в воздух и беспорядочно закрутила в вихре, а Бикельбрина откинула к центру фонтана с такой силой, что он чуть не потерял сознание.

Ошеломленный гном шлепнулся прямо на тонущую Милкейлу. Он инстинктивно схватился за ее голову, перевернулся на спину и оперся о тело девушки, чтобы не уйти под воду. Однако карлик оказался тяжелее. Он стал погружаться в чашу, одновременно поднимая над водой голову Милкейлы, за которую по-прежнему крепко держался. Только это и спасло почти захлебнувшуюся шаманку.

Никогда еще старец Бедден не чувствовал такого чистого потока волшебной энергии. Он снова топнул ногой и распространил по залу новую череду грохочущих ледяных волн. Но не успел колдун поздравить себя с победой, как увидел лицо человека, который не только устоял перед его магической атакой, но даже казался несколько не обеспокоенным тем грохотом, что стоял вокруг.

Это был Брансен Гарибонд.

— У тебя остался мой меч, — спокойно сказал он.

— Ты! — воскликнул самхаист, не веря своим глазам. — Я же сбросил тебя с ледника!

— Разбойник отскакивает от земли, — ответил молодой человек.

— Ты же был дурачком-заикой, который едва мог стоять на ногах!

— А может быть, хитрым разведчиком, желавшим разузнать все о старце Беддене и его армии, прежде чем уничтожить их?

Бедден выпрямился покачал головой и тут же получил от Разбойника два молниеносных удара по лицу. В следующий миг Брансен отскочил назад. Острие меча остановилось всего в полудюйме от его живота, и он попытался отклонить клинок вниз. Бедден предвидел это, повернул лезвие и оставил рану на предплечье противника.

Брансен поморщился, но лишь сильнее надавил рукой на меч, повернул его до безопасного угла и отвел в сторону. Затем он схватив старца за кисть, державшую оружие, а другим кулаком снова принялся бить его по лицу.

Свободной рукой маг обхватил Брансена и ударил его об себя с такой невероятной силой, какой Разбойник даже представить себе не мог! Потом старец вцепился ему в волосы, закрытые косынкой, и резко дернул назад. Молодой человек зарычал от боли и внезапного ужаса при мысли о том, что снова может потерять драгоценный самоцвет. Дотянувшись до лица старца, он расцарапал его в кровь, потом проворно развернулся и снизу нанес Беддену несколько быстрых ударов, таких мощных, что затрещали кулаки.

Колдун инстинктивно отпустил волосы противника и стал защищаться свободной рукой. Тогда Брансен отклонил ее вбок и потянулся за мечом. Он отчаянно пытался вывернуть клинок из рук старца, но у него ничего не выходило, даже несмотря на правильный угол. Разбойник сообразил, в каком уязвимом положении оказался, и в тот же миг на его спину обрушился кулак Беддена. Удар был такой чудовищной силы, что Брансен не мог вдохнуть. От второго у него задрожали ноги.

— Дурак! — гремел самхаистский старец.

Брансен попытался сконцентрироваться, несмотря на еще один оглушительный удар. Он нащупал линию Чи, нашел центр... Разбойник думал о Кадаиль, сосредоточил все обрывочные мысли на ней, изо всех сил старался подчинить себе ускользавшее сознание.

Что-то пронеслось мимо, и его отдернуло назад. Мелькнул силуэт Кормика, послышались звуки драки. Гарибонд обернулся через плечо и увидел, как Маквиджик повис на Беддене и впился зубами ему в бедро. Кормик осыпал мага чередой мастерских ударов. В кулачном бою бывший монах был хорош.

Но никто из них не мог сравниться со старцем Бедденем.

Брансен догадался, что старец хотел освободить руку, сжимавшую меч, и быстро расправиться со всеми троими. Он собрал в кулак все силы и умение, яростно вцепился одной рукой Беддену в запястье, другой что было мочи сжал кисть старца, сомкнутую на

рукоятке меча, и стал выворачивать, призывая на помощь всю магию, которую смог собрать, от Джеста Ту до самоцветов. Один миг предельной концентрации, один шанс.

Рука Беддена изогнулась, кости затрещали. Брансен схватил украшенную змеями рукоятку материнского меча и вырвал оружие у старца.

Последовал очередной удар по спине, но Гарибонд был готов к нему, нырнул вниз и перекувырнулся. Вскочив на ноги, он быстро развернулся и увидел, как отлетел назад Кормик, отброшенный неожиданным ударом наотмашь.

Старец с ненавистью посмотрел на Брансена, щелкнул сломанной кистью, здоровой рукой схватил назойливого кусачего гнома и с устрашающей силой швырнул об стену. Затем он снова поднял Маквиджика и хотел было бросить его в Брансена, но Разбойник уже сам оказался возле поври. Он сделал резкий выпад и угодил Беддену мечом под мышку. Старцу все же удалось кинуть живой снаряд, но так слабо, что Маквиджик тут же вскочил, развернулся и готов был с ревом броситься на самхаиста, если бы это потребовалось.

Брансен вертелся как танцор, размахивал рукой, постоянно нанося смертоносным клинком неожиданные удары, ни один из которых старцу Беддену не удалось заблокировать или отвести. Разбойник ранил его именно в те места, в которые хотел.

Меч скользнул по животу колдуна, болезненно уколол его в плечо. Старец покачнулся, опустил раненую руку, и Гарибонд немедленно рассек ему подбородок, захватив половину горла. Кишок сверкало то тут, то там. На светло-зеленой одежде мага проступали все новые ярко-красные полосы крови.

Теперь лицо Беддена выражало страх. Он отступал назад, беспомощно пытался защититься руками, но Брансен продолжал ранить его и даже пнул ногой. Старец неуклюже отшатнулся и сполз по стене. В этот момент он выглядел лишь жалким стариком.

Брансен приставил меч к кровоточащему горлу врага, но старец Бедден лишь засмеялся. Кровь из его шеи потекла еще сильнее.

— Для человека, который сейчас умрет, ты выглядишь счастливым, — заметил Брансен и услышал за спиной, как Кормик зовет Милкейлу, а потом какой-то плеск воды.

— Мы все смертны, глупец, — ответил Бедден. — Но тебе никогда не прожить моих лет.

— И не пережить такого краха, как твой... — парировал Брансен.

— Ах да, триумфа твоей абелийской церкви, — перебил его Бедден.

— Моей церкви? — скривился Брансен.

— Ты с ними заодно!

Брансен усмехнулся абсурдности этих слов.

— Думаешь, они чем-то лучше? — спросил Бедден, осторожнее подбирая слова. — Конечно, сейчас они в почете. Их фокусы восхищают правителей, пока те молоды и сильны. Но где их искать, когда эти владыки состарятся, будут лежать на смертном одре и волшебные побрякушки уже ничем не смогут им помочь? Мы же знаем истину, понимаем, что есть неизбежность. Рано или поздно тьма поглотит каждого. А их обещания ложны! — Старец горько и зло рассмеялся.

— Эту неизбежность ты скоро почувствуешь на собственной шкуре, — напомнил ему Брансен.

Смех Беддена задел его.

— Пусть абелийские пустословы одержат верх, обещая людям вечную жизнь. Думаешь, они будут хоть немного лучше?

— Какое мне до этого дело? — не задумываясь, ответил Брансен, который уже успел совладать с собой.

Старец посмотрел на него с любопытством.

— Тогда почему ты здесь?

Брансен рассмеялся ему в лицо.

— Потому что мне заплатили, — ответил он будничным тоном. — А еще потому, что я ненавижу все, за что борешься ты.

Сверкнул клинок — и по полу покатилась голова Беддена с застывшей гримасой недоумения.

Эпилог

Шестеро воинов и брат Джонд собрали пленников и помогли им выбраться из замка старца Беддена.

Снаружи битва уже закончилась. Как только дракона прогнали, тролли не выдержали натиска. Люди и гномы выстроились вдоль расщелины. Они кидали камни, глыбы льда и копья в монстра, обитавшего в ее глубинах. Судя по реву, который доносился оттуда, многие попали в цель. Нельзя было позволить гигантскому белому червю скрыться в одном из туннелей. Впрочем, он и не пытался спрятаться, хотя не имел никакой возможности подняться по стене и добраться до атакующих. Огромное тело и великая сила оказались совершенно бесполезны из-за простой нехватки мозгов.

Маквиджик и Бикельбрин поспешили присоединиться к развлечению. Даже Пергвик, прижав к голове берет, который удерживал на месте его скальп, побежал следом.

— Ты вангардец? — спросил брат Джонд Кормика, который поддерживал его, пока они шли по льду.

— Много лет назад был им, — ответил юноша. — Потом служил в часовне Абея. Я участвовал в экспедиции отца де Гильба.

— Я почувствовал, что на тебе платье абелийца! — Слепец радостно улыбался своей догадке.

— Я больше не абелиец, брат.

Джонд остановился и в непонимании повернулся к Кормику.

— Я изгнан, — пояснил юноша. — Потому что подверг сомнению ограничения.

— Какие же?

— Абелийская церковь отворачивается от традиций и волшебства, которые существуют помимо нее и ее магии самоцветов, — честно ответил Кормик. — А в мире столько прекрасного! Существует истина гораздо более всеобъемлющая, чем та, которую мы себе представляем.

Брат Джонд загадочно хмыкнул. Было непонятно, оскорбил его Кормик или заинтересовал.

— Девушка, которая сражалась в замке вместе с нами, альпинадорская шаманка, — продолжал Кормик.

— Я так и понял.

— Я люблю ее.

— Хм...

— В ней есть истинная, небесная красота. В нашем друге по имени Брансен она тоже

живет.

— Разбойник!.. — кивнул Джонд. — Да, он уникальный человек...

— Обладающий божественной силой.

Брат Джонд покачал головой, не желая делать такого логического перехода.

— Похожей на ту, которая содержится в самоцветах, — объяснил Кормик.

— Я видел, как он лечит наложением рук, — кивнув, ответил Джонд. — Его владение собственным телом просто поразительно. Но он пока еще не божий человек. Подозреваю, это потому, что сама сущность Разбойника делает его таким. Всю жизнь наш друг Брансен заботился лишь о самом себе. В нем нет чувства плеча, понятия общего блага. Нет, не так, — быстро поправился он. — Просто они не успели развиваться. Но я возлагаю на него большие надежды, если, конечно, он сам себя не убьет в скором времени.

Кормик взглянул на Брансена. Тот бежал к расщелине вместе с поври. Замечание Джонда было весьма справедливым, как и его собственные слова, сказанные Милкейле.

— Мы отвезем тебя в Пеллинонскую часовню, к даме Гвидре, — пообещал юноша.

— Я мог бы замолвить словечко за брата Кормика.

Юноша вздрогнул, услышав, как назвал его Джонд. Он не сомневался в том, что это самое словечко окажется полезным, просто не знал, хочет ли обратно.

— Знаешь, а ведь они сбежали, — заявил парень. — Отец де Гильб и другие монахи с острова Часовни, нашей церкви здесь, в Альпинадоре. Они не присоединились к варварам и поври, вместо этого бежали на юг, в направлении Вангарда.

Брат Джонд начал что-то отвечать, видимо, желая найти оправдание их поступку, но остановился, вздохнул и покачал головой. Кормик понял, что действия собратьев расстраивают его уже не впервые. Он не стал заострять на этом внимание, просто взял Джонда под руку и повел дальше.

— Ты же давно об этом мечтал, приятель, — удивился Маквиджик, глядя в упор на Пергвика.

Голова гнома была перевязана белой тканью, поверх которой он надел берет.

— Раггирс был мне братом, — ответил он, опустил глаза и пнул камень. — Мы поклялись, что если одного из нас убьют, то другой будет сторожить Сепульхер и заботиться о малыше. Он ведь мне тоже вроде как брат, понимаешь?

— Да, все так, — согласился Маквиджик. — Но я не собираюсь ждать, пока он снова вырастет. Это озеро мне уже поперек горла!

— Я и не прошу тебя ждать. Вы с Биком как раз все разведаете, — ответил Пергвик и смелее взглянул на друга. — Криминиг и другие так и сказали. Мол, уйдем на юг, когда от Маквиджика придет весть, что нам есть где поселиться. Сдается мне, Митранидун уже всем надоел.

Маквиджик кивнул и похлопал Пергвика по плечу.

— Ну, бывай. Рад буду снова тебя увидеть.

Пергвик осклабился и радостно закивал, но старший гном предостерегающе поднял руку.

— Не трясись так головой!

— А то мозги вывалятся, а у тебя их и так негусто, — добавил Бикельбрин, тащивший за собой большой мешок с припасами.

— Это еще откуда? — спросил Маквиджик.

Бикельбрин указал в сторону, где стояли Кормик, Брансен, Милкейла и брат Джонд, все с такими же мешками.

— Варвары, — ответил он. — Они не слишком довольны девчонкой, но понимают, что она спасла их дома.

— Значит, нам всем будет проще, — заметил Маквиджик.

— Еды точно будет больше, а насчет остального — поглядим.

Гномы потрепали Пергвика по плечу и направились к товарищам.

В ту же ночь шестеро путешественников покинули ледник, держа курс строго на юг. Следующие два дня погода стояла теплая, тролли по пути не встречались. Несмотря на усталость после битвы с Бедденом и раны, кстати, хорошо обработанные сородичами Милкейлы, группа прошла довольно большой путь. Даже слепой брат Джонд ступал бодро, дружески беседуя с двумя поври.

— Вернешься к жене? — спросила Брансена Милкейла на третий день пути.

— Как только доставлю вот это. — Он потряс небольшим мешком, привязанным к сумке, в котором лежала голова старца Беддена. — Тогда мой путь открыт, как и обещано.

— Уплывешь в дальние края?

— Как можно дальше.

— Куда?

Этот вопрос заметно озадачил Брансена.

— Ты бежишь к чему-то или от чего-то? — спросила Милкейла, когда к ним подошел Кормик.

— Одно другого не исключает, — отозвался Брансен.

— Но разница важна.

Брансен пожал плечами, показывая, что с этим можно поспорить.

— Ты обладаешь удивительными талантами, столь важными в это трудное время, — добавил Кормик.

— Все времена трудные.

— Значит, каждому времени нужны свои герои, иначе все будет потеряно, — сказала Милкейла.

— Всеобщий путь не касается каких-то отдельных людей, — фыркнул Брансен.

— Такой взгляд на жизнь мне кажется несостоятельным, — заметил Кормик.

— Я проверил его на собственном горьком опыте.

— Небо преподнесло тебе великий дар. Разве ты никогда не хотел заставить его служить всеобщему благу? — удивилась Милкейла.

Брансен вспомнил, чем заслужил в Прайде прозвище Разбойника. Он воровал богатства владыки, а затем раздавал добычу бедным крестьянам, влачившим жалкое существование под его пятой. Гарибонд рассмеялся, но тут же осекся, осознав, что даже тогда он делал людям добро не ради него самого, а из желания самоутвердиться.

— Мы только что спасли народы Митранидуна, — напомнила Милкейла.

— А последствия ощутит весь Вангард, — добавил Кормик. — Ты не можешь отрицать, что мы немного изменили мир к лучшему. В твоей сумке лежит окровавленная голова. Может быть, в веках она и не будет значить ничего особенного, но живущим здесь и сейчас стало легче.

Брансен усмехнулся и махнул на них рукой. Его путь лежал к любимым Кадайль и Каллен. Гарибонд был готов отвечать только за них и за самого себя. Мысль о том, что он еще кому-то что-то должен, казалась ему нелепой. Многие ли на этом свете были добры к Цапле?

Когда Кормик с Милкейлой отошли, Брансен окинул взглядом своих спутников и бедного брата Джонда, единственного, кто отправился на север по приказу дамы Гвидры и выжил. Ему вспомнились Крейт и Олконна. Молодой человек не мог не улыбнуться при мысли о Дикарке Ви.

Ему стало неожиданно приятно и тепло оттого, что он был частью этого погибшего отряда. Брансен пытался отогнать это чувство, но не мог, как ни старался, внушить себе, что это было всего лишь задание, на которое он пошел ради Кадайль и своей семьи. Да, перед штурмом ледника его одолевали сомнения, но потом ведь он спустился, вступил в битву с Бедденом и снова оказался в команде, на сей раз со своими нынешними спутниками!

Это тоже грело его душу.

Он чувствовал себя частью чего-то большего.